

# СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ  
ДИАЛЕКТОЛОГИИ  
КАТЕГОРИЯ  
ПОСЕССИВНОСТИ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

# СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ  
КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

Ответственные редакторы выпуска  
доктор филологических наук Л.Э. КАЛНЫНЬ  
кандидат филологических наук Т.Н. МОЛОШНАЯ



МОСКВА  
"НАУКА"  
1986

Сборник состоит из двух разделов. В первом из них обсуждаются вопросы теории диалектологии и проблемы устройства славянских диалектных систем на разных уровнях. Второй раздел сборника посвящен изучению категории притяжательности в грамматическом и семантическом аспектах в славянских и балканских языках.

Редакционная коллегия серии:

доктор филол. наук С.Б. Бернштейн (отв. редактор),  
доктор филол. наук Е.И. Демина, доктор филол. наук Вяч. Вс. Иванов,  
доктор филол. наук Т.В. Попова (отв. секретарь)  
доктор филол. наук Л.Н. Смирнов, чл.-кор. АН СССР Н.И. Толстой,  
канд. филол. наук Т.В. Цивьян

Рецензенты Л.В. Вялкина, М.И. Лекомцева

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проблемы диалектологии, категория посессивности

Утверждено к печати Институтом славяноведения  
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т.М. Скрипова. Художественный редактор Г.П. Валлас  
Технические редакторы Г.И. Астахова, И.И. Джоевса. Корректор Л.А. Аггеева

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатывающих автоматах

ИБ № 31800

Подписано к печати 10.01.86. Формат 60 X 90 1/16  
Бумага для глуб. печ. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная  
Усл.печл. 15,5. Усл.кр.-отт. 15,5. Уч.-издл. 20,0  
Тираж 1150 экз. Тип.зак. 1029. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"  
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"  
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

4602000000-066  
С 328-86-1  
042(02)-86

© "Наука", 1986 г.

# ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

С.Б. БЕРНШТЕЙН

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

*Памяти Р.И. Авансесова*

За свою долгую жизнь я интересовался многими разделами языкоznания и филологии. Однако в центре моих исследовательских интересов стояла диалектология. Сейчас чувствую потребность высказаться по некоторым теоретическим вопросам этого раздела языкоznания. Ясно отдаю себе отчет в том, что все изложенное ниже может иметь значение прежде всего для специалистов по славянской диалектологии. Статья написана для них. Свыше 30 лет тому назад я критиковал некоторые теоретические положения Ж. Жильерона и его последователей с позиции диалектолога слависта. На бесперспективность подобного подхода к теоретическим взглядам представителей французской лингвистической географии тогда же обратил мое внимание В.М. Жирмунский. Справедливость слов нашего известного германиста я оценил позже, особенно в связи с работой над "Общекарпатским диалектологическим атласом". Более того, необходимо учитывать даже своеобразие диалектной ситуации внутри славянского языкового мира. Это объясняется различной степенью сохранности диалектов и уровнем лексикализации фонетических и грамматических явлений. Многие аксиоматические положения русской диалектологии требуют серьезного корректирования при сборе и анализе, например, болгарского диалектного материала. С этим мне пришлось реально столкнуться во время работы над первым томом "Болгарского диалектологического атласа".

По славянской диалектологии в разных странах (не только славянских) публикуется много материалов и описаний. Однако состояние славянской диалектологии, теоретический уровень исследований в этой области вызывает известное беспокойство. Состояние застоя, господство утвердившихся трафаретов в диалектологии особенно заметно на фоне значительных достижений современного славянского языкоznания, особенно в области морфонологии, словаобразования и семасиологии. Необходимо не только продолжать публикации описаний отдельных диалектов, атласов, словарей, но и попытаться осмыслить причины этого застоя. Нельзя закрывать глаза на то, что в настоящее время заметно снижение интереса к диалектологии, ее данным у историков славянских языков. Опубликованные в последние годы исторические очерки в ряде случаев ощутимо возвращают нас к

дошахматовским временам, когда исторический процесс воссоздавался только или преимущественно на данных памятников письменности. Лингвистическая география, бесспорно, принадлежит к очень перспективным направлениям в диалектологии. Но и здесь много шаблона и рутины. Следует основательно задуматься над тем, почему уже опубликованные атласы славянских языков медленно входят в научный оборот? Даже участники работ над этими атласами мало и совсем случайно используют их данные в своих исследованиях. Я уже не говорю об историках языка, далеких от полевой работы диалектолога. Не раз убеждался в том, что многие из них не умеют профессионально читать диалектологические карты. В послевоенные годы писали о важности лингвистической географии не только для изучения истории восточнославянских языков, но и для изучения многих аспектов формирования восточнославянских народностей, для решения демографических проблем. Однако пока реальных результатов здесь не видно.

Славянская диалектология родилась в недрах славянской этнографии в первой половине XIX в. В период романтизма народная речь вместе с фактами народного быта служила объектом изучения "народной души". Исследователи-романтики хотели постичь духовные особенности народа (т.е. крестьянства) через его быт и язык. В связи с этим особое внимание обращалось на лексические особенности народной речи, которые изучались неразрывно с изучением фактов материальной и духовной культуры. Такие наблюдения не требовали от исследователя специальной лингвистической подготовки. Лексика изучалась на уровне вопроса – как называется этот предмет или действие? Вся сложная проблематика семантического поля лексемы оставалась за пределами наблюдений.

Постепенно начался процесс эманципации диалектологии от этнографии и сближения ее с языкоznанием. Шел этот процесс медленно и во многом противоречиво. Важно указать на то, что он не привел диалектологию к полной самостоятельности. Диалектологические описания скоро стали частью фонетики, так как именно в этой области диалектологи добились наиболее ощутимых результатов. Описание грамматического строя диалектов велось без строгого плана и беспersпективно. С конца XIX в. диалектолог и фонетист стали почти тождественными понятиями. К лучшим диалектологическим описаниям этого направления в славистике нужно отнести труды норвежского ученого Олафа Брока. Его точные описания русских, украинских и сербских говоров дали ценный материал историкам языка, но сам Брок историей языка не интересовался. Он выходил за границы описания диалекта лишь тогда, когда речь шла о взаимоотношении фонетических особенностей данного диалекта с нормами литературного произношения. Так, например, он установил, что на звуковой строй тотемского диалекта русского языка более сильное влияние оказывает петербургское произношение, нежели московское. Вообще же Брок не проводил строгого различия между фактами диалектной речи и литературного языка. Часто он рассматривал то и другое комплексно, что нашло отражение в его труде "Очерк физиологии славянской речи" (Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. Вып. 5). Сам Брок об этом пишет так: "Граница между "речью образованных" и "народным говором" становится в таком случае (автор имеет в виду задачи своего труда. – С.Б.) так неясной, что изложение первой поневоле близко совпадает с изложением второго" (с. 2).

Более мощным оказалось то направление диалектологических исследований, которое можно назвать исторической диалектологией. Здесь диалектология перешла на службу истории языка. С конца 80-х годов XIX в. многие историки языка поняли, что древние тексты во весь голос могут "заговорить" лишь при сопоставлении языка древнего памятника с родственным современным говором. Лишь такое сопоставление дает возможность отделить орфографию памятника, его индивидуальные языковые особенности, нормы книжного языка от живой речи автора или переписчика древнего текста. Наиболее ярко это новое направление в изучении истории языка нашло в трудах А.А. Шахматова. Он неоднократно указывал на то, что изучить живое произношение писца, установить хронологию явления невозможно, оставаясь только в пределах памятников древней письменности. "Письменные памятники ни в коем случае не могут служить бесспорным показателем хронологии звуковых явлений; так, например, памятниками аканье засвидетельствовано в самой слабой степени не раньше XIV в., а между тем связь южновеликорусского и белорусского аканья ведет неминуемо к утверждению, что это явление более древнее" (ИОРЯС, т. XX, кн. 3, с. 328). Историческая диалектология славянских языков за сто лет коренным образом изменила многие прежние представления о прошлом славянских языков, внесла много нового и чрезвычайно важного. Было бы, однако, ошибочно полагать, что здесь уже основная работа проведена, что историческая диалектология славянских языков может внести лишь некоторые уточнения. Достаточно обратиться к почти любому курсу истории языков, чтобы легко убедиться в обратном. Несмотря на утверждения многих ученых разных стран о важности для исторического изучения языков данных народной речи, в выявлении самого корпуса фактов незримо господствуют древние памятники письменности, а не современный диалектный язык. До сих пор в установлении этапов самой эволюции диалектный материал используется недостаточно и поверхностно. В разной степени это можно обнаружить в исторических очерках любого славянского языка. Ограничусь несколькими примерами.

Русские диалекты свидетельствуют о глубоких преобразованиях категории рода. Существующее в литературном языке распределение имен по трем родам в диалектах представляет значительные отклонения. Они выражаются как в перераспределении имен по родам, так и вообще в полной утрате категории среднего рода. В некоторых диалектах произошло значительное увеличение слов женского рода за счет слов среднего рода, в других за счет слов мужского рода. Утрата категории среднего рода в одних случаях связана с внутренними процессами, в других вызвана влиянием неславянских языков Поволжья. Известны, однако, диалекты, в которых произошла активизация категории среднего рода. Так, в некоторых вологодских и владимирских говорах средний род оказался очень активным в связи с тем, что существительные, обозначающие молодые существа и детенышей, всегда идут по среднему роду. Сопоставление данных русского диалектного языка дает возможность в какой-то степени проследить эволюцию данного явления, установить его источники. Однако историки русского языка проходят мимо этого важного явления, так как оно не имеет поддержки в памятниках письменности.

Не менее существенные преобразования в именах категория рода имела

место в болгарских диалектах. Многие имена мужского рода на на -ъ перешли в категорию женского рода. К ним относятся *вар*, *кал*, *пот*, *прах*, *вечер*, *пепел* и др. Все они в древнеболгарском оканчивались на -ъ: **ВАРЪ**, **КАЛЪ**, **ПОТЬ**, **ПРАХЪ**, **ВЕЧЕРЪ**, **ПЕПЕЛЬ** и др. Имена женского рода на -ъ в современных диалектах часто ведут себя, как основы мужского рода: *длан*, *памет*, *реч* и др. Примечательно, что родовая принадлежность часто не совпадает с характером согласования определения с определяемыми и в членной форме. Так, в Хасковском говоре слова *вар*, *пепел* и др. имеют членную форму мужского рода, но определение будет иметь форму женского рода. В родопских говорах (например, в Смолянском) все имена на согласный принадлежат к мужскому роду. Некоторые из указанных процессов отражаются уже в древнейших памятниках (ср. ГЛАДЬ в Зографском ев.), но особенно интенсивно они проходили на рубеже среднеболгарского и новоболгарского периодов. Что об этих процессах мы найдем в сводных исторических очерках болгарского языка? Очень мало. В исторической грамматике болгарского языка Ст. Младенова вопросу о грамматическом роде посвящен специальный параграф (125), в котором приведены некоторые сведения об изменении родовой принадлежности отдельных имен. Сообщения не отличаются полнотой, многое опущено. Главное, однако, состоит в том, что автор далеко не использовал весь имеющийся диалектный материал для того, чтобы показать сам процесс преобразования родовых признаков, его хронологию. Еще меньше сведений об этом найдем в исторической грамматике болгарского языка К. Мирчева.

Мне уже приходилось писать о стяжении гласных в русском языке. Некоторые лингвисты причисляют русский язык к тем славянским языкам, которые не знают стяжения гласных. На этой основе строятся даже специальные теории. Так, Е. Паулини утверждал, что те славянские языки, которые удерживают фонологическое ударение (восточнославянские языки) или имеют релевантную фонологическую интонацию (южнославянские языки), не знают явлений контракции гласных. "В тех же языках, где фонологическое ударение и интонация утратились (западнославянские языки), контракция осуществилась" (см. *Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny*. Br., 1963, s. 90).

Сейчас я не буду анализировать все ошибочные аспекты данного утверждения. Это сделано в моем докладе "Контракция и структура слога в славянских языках", прочитанном на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 г. Сейчас важно другое: как могла возникнуть у словацкого ученого мысль, что русский язык не знает явления контракции гласных? Ведь контракция гласных хорошо известна всем севернорусским говорам, охватывает часть переходных и спорадически встречается в южновеликорусских говорах. Важная особенность русских говоров состоит в том, что контракция осуществляется только в том случае, если интервокальный *j* находился в заударном слоге. Являясь в прошлом фактом фонетического характера, контракция в русском языке (аналогично и в других славянских языках) пережила процесс морфологизации и в настоящее время характеризует определенные морфологические категории (в прилагательных, в сравнительной степени прилагательных, в настоящем времени глаголов, восходящих к I и III классам, в прошедших временах глагола, в инфинитиве). Ошибочное утверждение словацкого ученого объясняется тем, что, во-первых, стяжения гласных не знает русский лите-

ратурный язык, во-вторых, это важное явление не освещается в полном виде историками русского языка. В лучшем случае посвящают ей несколько слов в разделе морфологии прилагательного. Нет ни одной сводной работы по истории русского языка, в который бы освещалась именно история контракции гласных, ее различные этапы, современное состояние. Объясняется это тем, что выполнить все это на материале памятников письменности невозможно, так как контракцию, как правило, древние тексты не отражают. Строить же эволюцию явления по данным только говоров историки языка не умеют. В любом сводном курсе исторической грамматики в скрытом виде приоритет отдается памятникам письменности. Именно они определяют корпус явлений, подлежащих освещению.

В 1982 г. вышла из печати коллективная монография, посвященная истории морфологии русского глагола, "Историческая грамматика русского языка. Морфология глагола". "Авторы предлагаемого труда старались привлечь как письменные, так и диалектные источники. Конечно, это можно было сделать в разной степени для различных грамматических категорий. Например, причастия и деепричастия — специфические, в основном книжно-письменные формы и, естественно, изучались прежде всего по данным соответствующих письменных источников. Однако особые причастные формы в разнообразных синтаксических функциях, прежде всего предикативы, свойственны и ряду говоров. Поэтому широко привлечены в соответствующем разделе и диалектные данные. При изложении истории других морфологических категорий или явлений данным диалектологическим и письменным уделялось равное внимание" (с. 4–5). Так во введении к книге определяется соотношение данных памятников письменности и диалектов. Практически, однако, дело обстоит иначе. Это легко показать на примере главы "История временных форм глагола".

В праславянском языке в результате смягчения согласных перед /j/ в глаголах 4-го класса сформировалось чередование, противопоставляющее 1 л.ед. всем остальным формам настоящего времени. Это чередование хорошо представлено в древних памятниках славянской письменности. Однако уже рано начался процесс обобщения, выравнивания основ. В той или иной степени он охватил многие славянские языки (подробно см.: Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1974, с. 105 и сл.). Русский литературный язык сравнительно хорошо сохраняет чередование альтернатив. Что же касается народных говоров, то здесь картина весьма сложная, свидетельствующая о том, что обобщение в говорах шло в разное время и ему сопутствовали различные побочные факторы. Нет сомнений в том, что обобщения начались раньше всего в юго-западных великорусских говорах и в мещерских говорах. Здесь оно проведено очень последовательно. Данные русских народных говоров свидетельствуют, что во многих случаях обобщению основ препятствовало подвижное ударение. Известны говоры, в которых обобщение находим лишь в глаголах с устойчивым ударением в парадигме настоящего времени. В говорах с подвижным ударением обобщение основ отсутствует или проведено менее последовательно. Обобщение проходило в разное время в зависимости от характера согласного. Так, в говорах вологодско-вятской группы и в некоторых владимирских говорах обобщение последовательно проведено только в глаголах на зубные согласные, в глаголах же на губ-

ные старое чередование является более устойчивым. Вообще, обобщение основ в северновеликорусских говорах началось позже, нежели в южновеликорусских. В настоящее время процесс обобщения идет очень активно в юго-восточных говорах, во многих говорах Поволжья и Сибири. Возможно, обобщение в говорах этих территорий вызвано иноязычным субстратом.

В указанной выше "Исторической грамматике русского языка" обобщению основ настоящего времени второго спряжения (древние основы 4-го класса) уделено всего несколько слов. Отмечено, что данный процесс имеет место в русском диалектном языке, что обобщение на губной встречается реже, что данное явление характерно как для северных, так и для южных говоров, что развилось аналогическое выравнивание основ "в относительно поздние эпохи истории русского языка – в эпоху языка великорусской народности" (с. 123). Лаконичность объясняется тем, что данное явление почти не отражено в памятниках русской письменности, а выстраивать эволюционную цепь только на основе диалектных данных еще не умеем. Конечно, в данном случае речь идет не об абсолютной хронологии. Утверждение автора, что данный процесс характерен для эпохи великорусской народности, не имеет под собой реальной почвы. Данные русских говоров дают возможность показать соотносительную хронологию процесса, выявить взаимосвязь этого процесса с сопутствующими ему явлениями. Однако эта возможность не была реализована. В книге фактически отсутствует изложение истории глагольных основ настоящего времени второго спряжения. Но не только это. Неверно охарактеризовано положение в литературном языке. "В дальнейшей истории русского языка, особенно в эпоху развития русской нации, эти расхождения (расхождения между русским диалектным языком и русским литературным языком. – С.Б.) начинают в определенной степени сглаживаться под усиливающимся влиянием русского литературного языка, удерживающего традиционные ряды согласных при спряжении глаголов в настоящем времени" (с. 124). Дело в том, что мощная тенденция выравнивания основ ярко проявляется не только в диалектном, но и в литературном языке. Здесь она отражается главным образом в том, что глагольная парадигма не знает 1 л. ед. (ср. парадигму глагола *победить* и многих других). Число таких глаголов активно возрастает. Кроме того, известны многочисленные случаи аналогического выравнивания. Знаменитое пушкинское [паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она] убедительно свидетельствует, что в 1 л. ед. Пушкин говорит *пронзю*, а не *пронжу*. Востоков полагал, что 1 л. ед. от глаголов *скользить*, *тузить*, *обезопасить* будет *скользю*, *тузю*, *обезопасю*, а не *скользжу*, *тужу*, *обезопашу*. В глагольных неологизмах мы совершенно очевидно стремимся избежать чередований (ср. от глагола *пылесосить* – *пылесосю*, а не *пылесошу*).

Ошибочно представление, что в процессе слияния диалектного и литературного языков первому всегда уготована только пассивная роль. Этому традиционному взгляду противоречит современная русская языковая ситуация. Диалектолог располагает данными, свидетельствующими об активном проникновении некоторых диалектных особенностей не только в соседние говоры, но и в литературное просторечие (пока только еще в просторечие). Достаточно сослаться, например, на замену взрывного

г фрикативным, а в некоторых местах даже фарингальным. Территория взрывного г заметно уменьшается, несмотря на фонетические нормы литературного языка.

В результате широкого проникновения норм литературного языка в русские диалекты создается много своеобразных микросистем, изучение которых является задачей не только диалектологов, но и специалистов по современному литературному языку. Под воздействием этих микросистем старые литературные нормы постепенно преобразуются, в каких-то позициях теряют свою обязательность, исчезают совсем. Изучение этих новых микросистем необходимо проводить не только среди жителей сел, но и среди городского населения различных районов страны. В свете указанных задач недавно опубликованные академические грамматики не отвечают новым требованиям. Они фиксируют в основном только прошлое языка. Интенсивно уходит время, когда такие явления как литературный язык, крестьянские говоры, городское просторечие четко дифференцировались. Мы вступили в период глубокого преобразования современного русского языка. Для диалектологов здесь открываются широкие возможности.

В истории славянской диалектологии особое место занимает книга Л.В. Щербы "Восточнолужицкое наречие" (т. 1, Пг., 1915). Самое существенное состоит в том, что автор исследования изучил и описал мужаковский говор, "не зная ни полслова на других диалектах и почти не умея читать по-лужицки" (с. 2). По совету Бодуэна де Куртенэ был поставлен и осуществлен эксперимент изучения диалекта не как частного элемента более сложной структуры, а как совершенно самостоятельной и замкнутой системы. Современники не поняли и не оценили значения эксперимента, так как он не удовлетворял двум обязательным условиям: исследуемые факты не сопоставлялись с данными литературного языка и других диалектов, автор не проявил никакого интереса к истории мужаковского диалекта. Вторую задачу взял на себя А.А. Шахматов, написавший на материале книги Щербы статью "Заметки по истории звуков лужицких языков" (ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916). Общее заключение Шахматова о книге Щербы таково: "Возможно, что автору удалось сгруппировать и систематизировать весь свой материал, но он не дал ему должного освещения. Это зависело прежде всего от того, что явления других лужицких говоров и вся относящаяся к ним грамматическая литература оставлены совсем в стороне. Имеем перед собою простое описание фактов, а не историко-сравнительное их исследование" (с. 249). Для Шахматова (и не только для него) описание диалектов имеет смысл лишь в том случае, если оно дает материал для изучения истории языка. Иначе оно превращается в "простое описание", которое не имеет большой цены. К сожалению, Щерба не продолжил своих диалектологических штудий. В списке исследований ученого "Восточнолужицкое наречие" является единственным трудом по диалектологии. Вероятно, эксперимент был поставлен преждевременно. "Простое описание" еще не получило в языкоznании той теоретической базы, которая была разработана и сформулирована Соссюром в его знаменитом курсе.

Постепенно уже в конце 20-х – начале 30-х годов в диалектологии начался процесс переоценки ценностей. Он определялся повышением интереса к синхронному описанию языковой системы, прежде всего в об-

ласти изучения звукового строя. "Простое описание" диалекта становится предметом высокой науки. Диалектологические описания приобретают, наконец, самостоятельную ценность. Начинает четко осознаваться, что национальный язык представляет собою сложную макроструктуру, включающую в себя многочисленные частные микросистемы, среди которых система литературного языка играет, конечно, наиболее важную роль. В осмыслении данного нового подхода к фактам языка много было сделано Р.И. Аванесовым, который не только сформулировал новые задачи, но и разработал новую методику их решения. Одной из первых публикаций Аванесова в этом направлении была статья "Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка" (Изв. АН ССР, т. VI, вып. 3, 1947). В ней речь идет о гласных фонемах. "Наша задача в данной статье ограничивается лишь объяснением единства фонетической системы русского языка, несмотря на многообразие диалектных различий и, в связи с этим, указанием на возможность построения общей фонетической системы русского языка в целом" (с. 226). В статье явления литературного языка органически входят в описание. Дано описание всех основных видов гласных фонем, начиная от более сложного (семифонемного) до самого простого (пятифонемного).

В книге "Очерки русской диалектологии" (М., 1949) Аванесов значительно расширил объект наблюдения. В книге речь идет не об отдельных диалектах и говорах русского языка, а о русском национальном языке. "Язык нации является сложным по своему строю целым, представляющим собою многостепенную систему, заключающую в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка" (с. 9). "Очерки русской диалектологии" вышли за привычные рамки диалектологических описаний. Впервые в истории славянской диалектологии был создан труд, поднявший значение диалектного материала на уровень литературного языка. Впервые задача описания национального языка стала реальностью. Этот новый взгляд сразу трудно было принять. Еще в 1963 г. я писал: "Нет никакого сомнения в том, что термин "национальный язык" не лингвистический. В лингвистические труды он вносит путаницу, противоречие, непоследовательность. Конечно, не существует в нашей науке проблемы формирования или развития национальных языков" (Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 41). Лишь позже я оценил всю глубину взглядов Аванесова, понял, что его "Очерки русской диалектологии" открывают новую страницу не только в изучении диалектов, но и национальных языков. По своему научному значению "Очерки русской диалектологии" среди послевоенных публикаций, бесспорно, занимают одно из первых мест.

"Книги имеют свою судьбу". Это известное изречение Теренция Мавра вспоминают обычно, когда речь идет о печальной судьбе выдающихся трудов. Такова была судьба и "Очерков по русской диалектологии". Они не оказали того влияния на дальнейшее изучение русского языка, которое призваны были оказать. Не буду сейчас анализировать причин — их было много. Ясно лишь одно — дальнейший успешный подъем диалектологических исследований в нашей стране возможен лишь на основе творческого развития идей Р.И. Аванесова.

# К ВОПРОСУ О ФОНЕМНОМ СТАТУСЕ НАЗАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В славянской лингвистической традиции принято считать, что носовые сонанты *m*, *m'*, *n*, *n'* реализуют фонемы, в характеристику которых входит ДП назальности.

Согласно Н.С. Трубецкому, назальность относится к числу резонансных признаков и противопоставление по этому признаку образует одномерную оппозицию между взрывными и носовыми согласными. Поскольку оппозиция "обнаруживается по крайней мере в двух локальных рядах: лабиальном и апикальном (*d-n = b-m*)", то она является и пропорциональной. Привативность оппозиции (наличие/отсутствие назальности) в комбинации с одномерностью и пропорциональностью характеризует противопоставление взрывных и носовых согласных как назальную корреляцию<sup>1</sup>.

Ситуация с носовыми сонантами в славянских языках не вполне укладывается в эту схему. Здесь оппонентом носового согласного в зубном ряду может быть не только взрывной согласный, но и латеральный сонант<sup>2</sup>, и эта оппозиция имеет существенное значение для определения фонемного статуса носовых согласных.

В губном и зубном ряду согласные дифференцированы по способу образования — взрывному, фрикативному, смычно-проходному. Назальность сочетается лишь со смычно-проходным образованием. Но только в зубном ряду возможно противопоставление смычно-проходных согласных, различающихся наличием/отсутствием носовой артикуляции. Это — /n/ — /l/, /n'/ — /l'/ . Губной сонант реализует смычно-проходную фонему, не имеющую в своем ряду неназального оппонента того же способа образования. Назальность согласных *m*, *m'* не используется как единственное различие между образующими оппозицию согласными — она только сопровождает смычно-проходное образование в сочетании с локализацией в губном ряду. Это означает, что фонемы /m/ и /n/ (а также /m'/ и /n'/) различаются локальным рядом, наличием ДП назальности у /n/, /n'/ и отсутствием характеристики относительно ДП назальности у /m/, т.е. /n/ имеет четыре ДП (включая отношение к ДП твердости—мягкости), а /m/ — три или два (в зависимости от включения/невключения ДП твердости—мягкости). Можно заметить, что при такой интерпретации фонем, реализованных носовыми сонантами, нельзя констатировать назальную корреляцию, распространяемую на два локальных ряда. При отсутствии же корреляции твердости—мягкости противопоставление /n/ — /l/ носит изолированный характер.

В системе, где есть назальная корреляция, можно ожидать появление фактов, указывающих на ее нейтрализацию. Н.С. Трубецкой приводит пример такой нейтрализации, выражющейся в варьировании взрывных *n*, *t*, *k* и носовых *m*, *n*, *ɳ* в одной и той же позиции; но пример этот не славянский и относится к языку, имеющему только глухие взрывные<sup>3</sup>.

Мы полагаем, что фонемный статус звука не является только резуль-

татом логических построений, но и определенным образом манифестируется поведением звука в потоке речи. В соответствии с этим ниже мы рассматриваем синтагматику носовых сонантов в некоторых славянских диалектах и на этом основании делаем выводы о парадигматических характеристиках этих сонантов.

Мы пользуемся материалом из обследованных нами говоров: севернорусских поморских – д. Мякурье Холмогорского р-на Архангельской обл. (далее – Мяк.) и д. Нючча Пинежского р-на Архангельской обл. (Нюх.); севернорусского вологодского – д. Мелешово Тотемского р-на Вологодской обл. (Мел.); юго-западных украинских – д. Гнила Турковского р-на Львовской обл. (Гн.), д. Черная Тисса Раховского р-на Закарпатской обл. (ЧТ); д. Яблуница Путильского р-на Черновицкой обл. (Яб.); белорусского полесского с. Большие Чучевичи Лунинецкого р-на Брестской обл. (Чуч.). Сокращение Ор. и далее № – обозначает говор, описанный в Fonološki opisi srpskohrvatských/hrvatskosrpských, slovenačkých i makedonských govora obuhvaćenih opštесловенским lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. В других случаях делается ссылка на литературу без сокращения.

В консонантных сочетаниях, образованных с участием носовых сонантов, возможны изменения ассимилятивного или диссимилятивного характера. Направление изменения определяется одним из сочетающихся согласных и одним из признаков этого согласного – именно они стимулируют происходящие в сочетании изменения, в то время как другой компонент сочетания является объектом реализации этого стимула.

Носовые сонанты в славянских диалектах часто выступают в качестве активного компонента сочетания, обуславливающего изменение другого согласного. Что касается выбора признака, который может воздействовать на соседний согласный, вызывая его изменение, то это локальный ряд или назальность сонанта.

Весьма синтагматически активным признаком является назальность. Каталогизация явлений назализации и деназализации в консонантных сочетаниях, состоящих из двух носовых или орального и носового согласных, сделана И.И. Коваликом в 1953 г.<sup>4</sup>

Регрессивные ассимиляции по назальности подвержены согласные любого способа образования – взрывные, фрикативные, смычно-проходные латеральные.

Сочетание тождественных по локальному ряду взрывных и назальных согласных, т.е. *n,b + m, m'*, *t,d + n,h'* артикулируется как один согласный. Как пишет М.В. Панов, в русском языке "артикуляция [п̄, б̄] состоит в том, что увула, энергично щелкая, открывает проход в носовую полость – слышится звук увулярного "взрыва" (на самом деле щелчка) и вслед за тем – носовая часть согласного ... Это две части одного согласного: на всем его протяжении губы и язык не меняют своего положения, продолжается та же самая выдержка". Согласные, образованные такой артикуляцией, М.В. Панов называет губными щелчковыми<sup>5</sup>. В зубном ряду им соответствуют зубные щелчковые, т.е.  *dn, tn*<sup>6</sup>. О. Брок, называя зубную щелчковую артикуляцию фаукальным взрывом, считает его свойственным всем славянским языкам<sup>7</sup>.

По замечанию И.И. Ковалика, взрывные согласные перед носовыми

претерпевают частичную назализацию, при которой "в конце произношения ротовых согласных группы *n*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, наступает носовая эксплозия"<sup>8</sup>.

Слитное артикулирование названных сочетаний создает благоприятные условия для ассимиляции внутри них, и шумный согласный заменяется назальным. Особенностью этой ассимиляции является ее асимметричность: изменяется звонкий шумный согласный, а парный ему глухой перед теми же носовыми остается без изменения.

Сочетания *bm*, *bm'* образуются на стыке предлога-приставки и следующей морфемы. Изменение *bm*, *bm' > mm*, *m'm'* фиксируется во многих русских говорах, но с разной степенью частоты. Достаточно последовательно результаты этого изменения представлены в МЯк.: *оммотайтут*, *оммолог'ыл'i*, *омманыл'i*, *ом'м'ёл'* (пов. нак.), *ом'м'ышы* (= об Мише), *бм'м'ер*, *ом'м'ен'ат'*; фамилия *Грубман* произносится *грўмман*. В говоре нет исконных слов с сочетанием *pm*, но в новых словах оно произносится, не подвергаясь ассимиляции – *л'ыпман* (фамилия), *н'епман*.

В славянских диалектах распространена ассимиляция по назальности в сочетаниях *dn*, *dn'*:

Гн. – *c'n ѹннýц'a*, *полунне*, *в'ин' н'оho*, *чил'анник*, *два нны́, нни́с'*, *не hóнна, уннý, п'ян'н'иу* (= пять днью);

ЧТ – *у велшкóнному, зáнний, перéнний, до полун'н'e, б'инноho, в'ид оннóho, в'ин' нéйi*;

Яб. – *не hóн'н'i, holbnna, зáнне, посл'инне;*

Чуч. – *тры н'н'i, хóланно, нүнно, hóн'н'i, слабонно:*

сплк. диалекты – *honní, pañnít'*, *jenna, suňkíčka* с возможным сокращением сонанта – *hono, sréni, saňit'e si, slobono, vino, stuňa, choňik, poriaňe, ťes, ťeska*<sup>9</sup>;

чеш. диалекты – *jennou, polenne, Žánněj, ve nne, hlanný, spoňkíčka; stuňe, pňeňkí, Žaňkí, ťennik, stunňe*<sup>10</sup>;

н-луж. диалекты – сокращение *nn* из *dn* в *n*: *'slény, pr'ený, 'pôsleny, krynuš, kranuš, jan/jen, pañony, kyońica*<sup>11</sup>; *senu se, zabunuš, kinuš, Žena, srjeny*<sup>12</sup>.

сх. диалекты – *glánnna, glána, ořáne, jěna, zájni, sréjni*<sup>13</sup>;

блг. диалекты – *бéннъ, глáннъ, зáннъ, еннъ, полéнни, плъннýнъ*<sup>14</sup>; *еннаш, глáнни, плáннина, срéнник, сéннал, понничárка*<sup>15</sup>; *жéнну, испръннъ съ, пуглéннъ, руннýнъ, сéннъ, уткráннъ*<sup>16</sup>.

Аналогичное изменение распространено в части северорусских говоров<sup>17</sup>.

Характерно, что эта ассимиляция не имеет в соответствующих говорах аналога в губном ряду – сочетания *bm*, *bm'* сохраняются.

Редкий случай унификации сочетания по способу образования (смычно-проходному) представляет изменение *dn > ln* в Ор. № 42 – *l'no < dno* и в н-луж. *pšel'ica*, а также *dn > rn* (при диссимиляции по локальному ряду) – *partuš, sturňa, srôtny, gúorný, pšerhica*<sup>18</sup>.

Сочетания *th*, *th'* в этих же говорах не унифицируются по назальности. Гн. – *коломутна, полотнó, на полотн'и*; ЧТ – *п'ятнц'e, сóтн'u* (вин.), *платн'e*; Чуч. – *смáтный, п'йётнос'ц'*; жытн'ик; блг. – *сéтну, гр'и́зтну*<sup>19</sup>; н-луж. – *přatnica, naletna, wđinoseňa*<sup>20</sup>.

Лишь в блг. говоре, описанном К. Димчевым, один раз отмечена ассимилятивность по назальности в группе *тн* – *сенне* вместо *сетне* (с. 263).

Пример изменения *dm* > *mm* зафиксирован в сх. – *ðmtta(h)*, *ðmā(h)*<sup>21</sup>.

Мена *b* > *m* перед *и* встречается реже. Так, *dř'jm̩n̩ýj*, *dř'jm̩n̩ ī*, *potr'jm̩na*, но и *jerébna*, *jerébn̩ ī* (Гн.); *drobm̩nyje*, *g̩jm̩n̩z//g̩bm̩n̩z* (Чуч.); *nádomno* (Мяк.); *grábni* и *grámñv*, *dřeben* и *v̩zdrémnic̩čk*, *s̩rbam* и *s̩rýmn̩*<sup>22</sup>; *osémnem*, *osémnuvali*<sup>23</sup>; в Ор. эта мена фиксируется в № 90 – '*demnet*', '*zemnet*'; *N* 92 – '*demn̩t*', '*zemnet*' и др.; чеш. – *dromní*, *velemtne* *pan*, *chvalitemňe*, *rimňík*, *hromňík*, *honemni*, *dopodromna*<sup>24</sup>.

В Ор. № 149 *bn* > *vn* в *d'rovni*: ассимиляция по способу образования, если считать, что фрикативность ближе, чем взрывность, к смычно-проходной артикуляции. Такова же логика изменения *чн* > *шн*, известная многим русским говорам; ср. также сх. *rušník*, *šeníšni*<sup>25</sup>.

Сочетания *nn*, *nn'* не обнаруживают ассимиляции (полной) взрывного носовому.

Из фрикативных согласных асимметрии последующему *и* подвергается *v*: губно-зубное образование заменяется билабиальным, фрикативное – смычно-проходным, т.е. *vn* > *mn*.

Мяк. – *ſc' o ramn̩o*, *damn̩o*, *gomn̩o*; список словоформ, зафиксированных в русских говорах с *mn* < *vn* см. в статье А.К. Васильевой, в частности, и на стыке предлога-приставки и последующей морфемы – *m* неделю, *mнизу*, *все m ночь*, *не m настroe*<sup>26</sup>.

Блг. – *redoben* и *redomnu*, *ráven* и *rámnu*, *pl'ávz* и *plém̩n̩'z*, *džždóben* и *džždómnik*, *glávn̩'z//gl'ámñ'z*, *grývn̩z//grýmñz*<sup>27</sup>; *gl'ámñ'a*, *grimn̩'a*, *zaglámniča*, *nákomn̩'a*, *odámna*, *pl'émna*, *rá·na*, *ramnéč*, *ramn̩'ák*<sup>28</sup>; *gomn̩o*, *grýmñ'a*, *oglámn̩ik*, *odámna*, *plém̩n̩'a*, *sámne* (< свынХти), *ramníška*<sup>29</sup>; *gumn̩o*, *grýmna*, *ramn̩in̩*<sup>30</sup>;

Ор. № 90 – *tñik*, *g'lamna*, *g'lamnica*, *'ramno*, *p'lemlna*, *'odamna*; № 99 – '*nimni*', *oglämn̩ik*, *'ramno* и др.

сх. – *ðtnoví*, *rámno*<sup>31</sup>.

Изменение никогда не проводится настолько последовательно, чтобы полностью исключить сочетание *vn*. Ассимиляции нет в группе *fn* (Мяк. *kartófna*, *štráfn̩o*), чем еще раз подтверждается, что глухие не уподобляются носовым.

Уподобляясь последующему носовому может латеральный сонант. В Гл. сочетания *l'n*, *l'n'* изменяются в *nn*, *n'n'*: *vbl'a* и *nev'nn̩no*, *v'nn̩n̩'i*; *c'ln'*, *sóleū* (тв.) и *c'nn̩íč'a*; *mel'ú*, *molóti* и *ménnik*; *len* и *enníšche*, *z ennyú*.

Унификация сочетания по назальности достигается и прогрессивной ассимиляцией: Ор. № 35 – *zamna*, *vja:tnq*, *pri:tna*; № 62 – *tná:ad*, *tná:do:m*, *tná:dicā*, *ðmna:de:se*, *tná:ti:m*, *tná:ku vðdu*, *tné:ko* – латеральный согласный заменен носовым.

Изменение *mn* > *nn* зафиксировано в *plánna* (= *plamna*)<sup>32</sup>.

Ассимиляция по назальности в сочетаниях, начинающихся на шумный согласный, отличается своей асимметричностью от ассимиляции в группах, состоящих из шумных согласных. В этих последних уподобление по голосу, твердости–мягкости, а также обычно и по способу образования и локаль-

ному ряду, если происходит, то распространяется обычно как на звонкий, так и на парный ему глухой согласный.

Уподобление по назальности происходит в сочетаниях однородных по участию голоса. Однако не отсутствие этой однородности является само по себе препятствием для ассимиляции в сочетаниях "глухой шумный + носовой согласный", хотя именно так считает Р.И. Аванесов<sup>33</sup>. Как показывают приведенные ниже факты, изменения в консонантных сочетаниях, стимулированные шумным согласным, не ограничены лишь сочетаниями, содержащими звонкий шумный. Более того, при диссимилиации в группах *pt*, *тч* в сев.-рус. говорах на месте глухого взрывного появляется звонкий сонант – *мт'ыца*, *мч'ела*<sup>34</sup>.

Сочетания *пм*, *тн* образуются единой щелчковой артикуляцией и тем как бы имеют те же предпосылки для ассимиляции, что и *бм*, *дн*. Но артикуляция глухих и звонких различается не только участием голоса, но и степенью мышечного напряжения – более сильного у глухих, менее сильного у звонких<sup>35</sup>. Можно предполагать, что большая напряженность глухих делает их артикуляцию более устойчивой и менее подверженной ассимилятивному воздействию со стороны носовых сонантов. С другой стороны, та же напряженность глухого делает контраст между шумным и сонантом более ощутимым и тем тормозит саму идею ассимиляции.

В сочетаниях, содержащих носовой сонант, возможна и регressive – ная диссимилация, увеличивающая контраст между первым и вторым согласным. Стимулирует изменение носовой согласный.

В Мел. *б > г* перед *м*, *м'*, т.е. диссимилияция по ряду: *огману́й*, *огмоц'уй*, *огмота́йт*, *огморо́з'иwc'e*, *огм'ета́л'i*, в *օգմօրօկ*, *օգմ'ир'այ*, *գրզման* (= Грубман). В этом говоре на взрывный губной оказывает такое же воздействие и губной спирант (*օգվալ'իլա ս'e*, *օգվ'երնу́լա*, *օցվ'иլ'i*, *օցվ'իս'իլա*, но и *լ'սբ'ե'*, *օբվալ'վայու*). Глухой *п* перед *м*, *в* не заменяется задненебным согласным. В Мел. сонант *н* не оказывает диссимилирующего воздействия на предыдущий взрывный зубного ряда (дно, в *օճն'եք*, *օր'եծ'նայա*). Но такое явление, т.е. *дн > շн*, зафиксировано в Ор. № 1 *g' nə*, *gna:r*; № 17 *g'ng:r*; № 19 *'paցgne*, *g'na:r*; № 20 *g'nes*; № 149 *'ve:gne*, *g'na:ko*, *'gnes*, а также в спрк., где не только *дн > շн*, но и *тн > շн* – *gnes*, *gneská*, *gnu*, *օշլknút*, *օշլknuti*, *istokne*<sup>36</sup>; то же в Ор. № 18 *k'ng:la*, *ս'pa:ցgne*, *na:r*. Такого же типа изменение *тм > կմ* в Ор. № 29 – *kmi:ca*.

Регressивная диссимилияция может менять артикуляцию *м*, если после него следует *н*. Такова замена носового сонанта взрывным губным.

Мел. – *вобиң'иҳ*; спрк. – *darobní*, *pisobní*, *gibnážija*, *tajehni*, *spisebni*, *darebni*, *darebñica*<sup>37</sup>; чеш. – *písebný*, *upříbny*, *darebný*, *tebny*, *tebnost*<sup>38</sup>; блг. – *гръбна*<sup>39</sup>; сх. – *gubno*<sup>40</sup>; спрк. – *gubno*, *spobnati se*, *gubnu*<sup>41</sup>; Ор. № 4 *րնօբնիմ*. В чеш. изменение такого типа представлено в зубном ряду в виде *нн > դն*: *Adna*, *padna*, *kamednej*, *dréyednej*, *slamňednej*, *drátedňik*<sup>42</sup>. Подобное явление в русских говорах Р.И. Аванесов квалифицирует как гиперизм<sup>43</sup>.

Однако значительно чаще *м* перед *н* заменяется фрикативным *в*. Мяк. – *внбо*, *т'евнотá*, *т'евнo*, *гувнó*; Нюх. – надо *внóй*, *гувнó*, *внóго*, *со внóй*, *т'евн'ե'*; блг. – *гувнó*, *зевнýк*, *крvн'áк*, *питóвно*, *плáвник*, *тевнó*, *стóвна*<sup>44</sup>; *каштодвник*, *сéвна*, *кръвно*, *плáвник*, *стрéвно*, *тéвнина*<sup>45</sup>; *плáүнъ*, *пóйнъ*

(=помню)<sup>46</sup>; тѣвно, стѣвна<sup>47</sup>; слн. — *tōunə, làkavnica, vnogo, vnožina, splavnom, slauňača, gòupno*<sup>48</sup>.

Изменение *мн* > *хн* зафиксировано в Ор. № 29 — *x'noge* (=много). Это диссимиляция по ряду и способу образования с сохранением велярности первого согласного — того единственно общего, что имеется между *м* и *х*. Характерно, что звонкий сонант заменяется глухим спирантом. Сходное явление состоит в замене инициального *у* > *х* перед *м* в Ор. № 15 — *x'mi:jem, x'mi:x, x'märx*.

В чеш. при расподоблении групп *χm*, *χn* также возможна замена первого согласного спирантом, но звонким — *konaſna, sekajna, rajmáta, nadívajna*<sup>49</sup>.

Расподобление сочетания *мн* происходит и путем прогрессивной диссимилиации, когда второй носовой сонант заменяется латеральным.

Ор. N 1 *m'le, m'lu*; N 21 *'kamlí*; N 149 *'kamla, 'gú:mla*; N 39 *sámlo:m, žu:l-mák* (<*žumňak* с метатезой); блг.—*мл'óго*<sup>50</sup>, *млбгу*<sup>51</sup>; сх. — *sumlja na te, dímljak*<sup>52</sup>; такую ассимиляцию Р.И. Аванесов констатирует в рус. *пóмл'иш, уpóмл'у*<sup>53</sup>.

В рассмотренных случаях ассимиляции и диссимилиации по назальности, по-видимому, более активным является зубной сонант — именно он чаще стимулирует изменение (в том числе и в сторону *м*) соседнего согласного.

В славянских диалектах часто встречаются также изменения локально-го ряда носовых сонантов, вызванные влиянием на них со стороны нено-совых согласных.

Так, ассимиляция последующему согласному и замена губного сонанта зубным представлена:

в слцк. — *m > n* перед *t, d, n, l, r, í, ð, l̄, j* и перед фрикативными на сты-ке слов — *poton to išlo, keron son dome, s ťin robit', mán ja, počúvan d'al'ej, tan sa kúpal'i, bud'en strielat', jin ţecko, starin ţenam, misin čakat'*<sup>54</sup>;

в блг. — *m > n* *кънту, пáнта, седендеcé, зýнск'и, мóнче, пъсънчé, ханчé, мунци*, *пýсънцет рънцы, сен душъл, сън ce рудыл*, в этом же говоре *m > n* перед задненебными — *сън гу бýкнал, сéден клáса, брънка, кóнка, слáн-ка*<sup>55</sup>; *дум и дýнкъм, фрýмчъ и прýнкъ, кóнкъ//кóмкъ*<sup>56</sup>; *кънтý* (=къмто), *мунчé*<sup>57</sup>; *дъдён ти, рáнк'e, дорáнче*<sup>58</sup>.

Факты изменения *m > n* перед негубными согласными приводятся в Ор. N 17 *sn re:kla*; N 42 *pð:ntin, osandese:t, moncina:* N 45 *pànti, slà:nka*; N 71 *ko:n ţija//ko:m ţija, osànde'se:t, s'la:ŋka, z'na:ŋga*; N 74 *'pa:nti:, osand'e:se:t, 'mo:nçi, 'tarjka, 'mo:ŋka*; N 75 *'mo:nče, 'mo:nçi, ko:n ţija, osand'e:se:t, 'pa:nti, 'san si k'rif, s'laŋka*; N 77 *pànti:, sedandesè:t, glèda:ŋga*; N 65 *slà:ŋka, sedan-dése:, pàntin*; N 148 *ui:nčec* (= вымя).

Возможно и другое направление ассимиляции, когда зубной сонант заменяется губным перед следующим губным согласным:

слцк. говоры — *pam boch, hamba, hambim sa, ţemba* (=*zenba*), *chrampa, kamva//kanva, pochválem pan, komvencia//konvencia, gombálja*, (*=konyália*), *brombol'ec//brnbol'ec, aspom pámbosko, tem pes, sim moj, edom vel'k'i, l'em biedi'u, uom boç, tem mu*<sup>59</sup>;

чеш. говоры — *pámbu, klemba, hamba, pampáter*<sup>60</sup>;

изменение *n > m* перед губными констатируется во многих говорах

в Ор., но примерами это иллюстрируется не часто — можно назвать следующие факты: N 8 *varà:mba*, *sxà:mba*; N 17 *zap'lemba*; N 42 *jedomprú:t*, *ximben*; блг. пример — *фáлим бъды́*<sup>61</sup>;

Мяк. — *памбáрхат*, *Домбáс*.

Диссимилияция по локальному ряду в группах "носовой + губной шумный" выражается в замене *m > n*:

конб'инáт, т'енн'ератúра, конпуц'ийа, йонба (=топоним Ёмба), конбайóр, онбár (Мел); күнпол//кумпол, конбай, бонбá, бонбít, л'инп'ийáда (Мяк); л'анна, на л'анн'i, канбáй, канб'икбрм, анббн, канпóт (Чуч);

варьирование *m//n* перед *b* в блг. — *бъмбón//бънбóне*, *бембéну//бенбéну*, *льмбантíн//льнбантíн*, *з'умб'ýл//з'унб'ýл*, *бымбáший//бýнбáший*<sup>62</sup>; *m > n* перед губным согласным — *плáнвам*, *штýнвам*, *сън* был<sup>63</sup>;

Op. N 17 *sŋ b'ča*; N 65 *lā:pra*.

Диссимилияция, ведущая к замене зубного носового губным, отмечается редко. Так, в слцк. *kumšt*, *komšeç*, *rimski* (=rýnsky)<sup>64</sup>.

Прогрессивная ассимиляция губного шумному согласному зафиксирована в Op. № 8 — *dm > dn* в *sé:dŋ*; N 19 — *'si:dŋ*, а также *'u:sp*. Прогрессивная диссимилияция с превращением *n > m* в блг. *песмы* (=песни)<sup>65</sup>.

Анализ изменений, происходящих в консонантных группах, содержащих носовой сонант, показывает, что назальные согласные, как зубной, так и губной, синтагматически активны. Они стимулируют различные изменения ассимилятивного и диссимилиятивного характера у рядом стоящих согласных.

Если же носовые становятся объектом воздействия со стороны другого согласного, то здесь проявляется тенденция или устраниТЬ губной сонант или уподобить ряд носового согласного ряда соседнего согласного. Преобладают изменения, заменяющие губной носовой зубным.

Обратимся к вопросу о том, как синтагматика назальных сонантов отражается на их парадигматической характеристики.

Особенностью рассмотренных изменений является то, что ни одно из них не проводится настолько последовательно, чтобы полностью устраниТЬ изменяемое сочетание. Изменения носят характер тенденции более или менее последовательно реализуемой, а не синтагматического правила, т.е. разрешения/запрещения на определенные сочетания. Сама непоследовательность изменения допускает фонетическое варьирование словоформы и тем самым варьирование его фонемного состава. Однако при последовательном осуществлении тех же изменений в консонантных группах их результаты в свете фонематической характеристики носовых могли бы быть интерпретированы следующим образом.

При изменении *b > m*, *m'*, *d > n*, *n'* перед носовым согласным происходит позиционное чередование согласных одного ряда и разного способа образования (взрывный : смычно-проходной носовой). Хотя это чередование могло бы быть следствием и проявлением синтагматической запрещенности *b*, *d* перед *m*, *n*, его нельзя интерпретировать как проявление нейтрализации фонематической оппозиции по способу образования, реализованной названными шумными и сонантами, т.е. /b/-/m/, /d/-/n/.

Устранение из позиций перед сонорными звонкими губных и зубных взрывных не ведет к изменению фонематической характеристики относительно способа образования тех носовых согласных, которые выступают

в роли замены взрывных шумных. Сонорные носовые согласные, каждый в своем ряду, функционально одинаково противопоставлены по способу образования как глухим, так и звонким шумным согласным своего ряда. В оппозициях /б/—/м/, /п/—/м/, /д/—/н/, /т/—/н/ релевантно различие в способе образования: взрывный — смычно-проходной в губном ряду, взрывный — смычно-проходной назальный (так как есть /д/—/л/, /т/—/л/) в зубном ряду. Различие в голосе в перечисленных оппозициях функционально незначимо. Для элемента, реализованного шумным согласным, функциональное значение глухости—звонкости проявляется за пределами оппозиции "шумный—сонорный"; для сонорных участие голоса нерелевантно, поскольку никогда не используется в качестве единственного различия между образующими оппозицию согласными.

Поэтому, хотя *m* перед *m* и *n* перед *n* не могут быть противопоставлены (при последовательно проведенной ассимиляции) по способу образования согласным *b*, *d*, тем не менее согласные *m*, *n* в указанной позиции функционируют как смычно-проходные, поскольку перед *m* допустим *n*, а перед *n* — согласный *t*.

Изменение в функциональную характеристику *m* перед *m* и *n* перед *n* относительно способа образования могло бы быть внесено только в том случае, если бы перед сонорными были запрещены как звонкие, так и глухие губные и зубные взрывные. Можно заметить, что в цитированном выше из Н.С. Трубецкого примере нейтрализации оппозиции носовых и взрывных одного ряда это происходит в языке, где имеются только глухие взрывные.

Не меняет фонематической характеристики губного назального и изменение *vñ* > *mn*: даже при последовательном проведении этого изменения остается оппозиция /f/—/m/ перед *n*. Кроме того, изменение *vñ* > *mn* часто сопровождается обратной меной *mn* > *vñ* (ср. в Мяк. *vñogo*, *г'ёвнатá*, *г'ёвно*, *гувнó* и *fcs'o рамнó*, *гомнó*, *дамнó*).

Констатация одинакового отношения между /п/, /б/ и /м/, /в/, /ф/ и /м/, /т/, /д/ и /н/ не означает, что из этого суждения можно сделать вывод о тождестве /п/ и /б/, /в/ и /ф/, /т/ и /д/. Совокупность ДП каждой фонемы выявляется на основе ее противопоставления всем другим фонемам данного языка. Однако не в каждой отдельной оппозиции актуализируются все ДП фонемы. Так, в противопоставлении с носовыми согласными функционально не проявляется ДП-участия голоса.

Фонематические последствия имеет ассимиляция *ли*, *ли'>ни*, *н'и'*. Фонемы /л/ и /н/ одинакового ряда и способа образования. Различаются они наличием/отсутствием назальности — это различие снимается в позиции перед *n*, *n'*. Ср. в Гн. *вл'a* — *закóна* > *в'инно*, *закóнно*; *йечм'иñ* — *с'иñ* > *йечм'инна*, *с'инниç'a*.

Ассимилятивные и диссимилятивные изменения носовых согласных, чаще перед шумными согласными, нередко расценивается как проявление нейтрализации противопоставленных по ряду носовых согласных. Эту идею так аргументирует Н.С. Трубецкой: "В тех языках, где существует только два носовых (обычно *t* и *n*), они противопоставлены как члены одномерной оппозиции, параллелизм которой с *b-d*, *p-t* не очень ярко выражен как раз благодаря ее одномерному характеру; ведь *t* и *n* являются единственными носовыми, тогда как *p* и *t* не являются един-

ственными глухими, а *b* и *d* единственными звонкими. Благодаря этому обстоятельству связь между фонемами *m-n* и фонемами *p-t* (или *b-d* и т.д.) ослаблена, а отношение *m-n* иной раз обнаруживает тенденцию стать привативным, причем *m* оказывается в таком случае маркированным, а *n* – немаркированным членом оппозиции”, и далее Н.С. Трубецкой констатирует возможность нейтрализации этой оппозиции в том числе и перед согласным, когда представитель архифонемы обусловлен внешне: он приспособляется к локальному ряду следующего согласного<sup>66</sup>.

Этого положения придерживается и Р.И. Аванесов. Рассматривая сочетания *m, n* с шумными согласными в русском просторечии, он считает, что *m* и *n* находятся в отношении дополнительного распределения. Губной сонант обычно сочетается с губными, а *n* – с зубными взрывными согласными. В связи с этим Р.И. Аванесов интерпретирует локальный ряд носового согласного перед губными и зубными взрывными как признак, позиционно связанный, т.е. функционально незначимый<sup>67</sup>. Именно вследствие нейтрализации оппозиции /m/-/n/ по локальному ряду, когда перед губными и зубными взрывными функционально значимой оказывается только назальность согласного, становится возможным, считает Р.И. Аванесов, диссимилятивное изменение *m > n* перед взрывными губными, т.е. унификация сочетания ”носовой + взрывный”<sup>68</sup>.

Утверждение, что оппозиция /m/-/n/ нейтрализуется перед согласными, встречается и в Ор.: № 135 – нейтрализация в пользу *m*; № 39 – в пользу *m* перед губными, в пользу *n* – перед задненебными; № 55 – нейтрализация в пользу *n* перед губными согласными; № 84 – оппозиция /m/-/n/ нейтрализуется перед губными; № 150 – оппозиция /m/-/n/ перед губными устраняется в пользу /m/ и т.д.

Как нейтрализацию противопоставления /m/-/n/ расценивает мену носовых сонантов Т. Бояджиев<sup>69</sup>.

Нам представляется спорной идея нейтрализации оппозиции носовых согласных по локальному ряду. Оппозиция /m/-/n/ не привативна, поскольку фонемы различаются не наличием/отсутствием одного признака, а двумя признаками (локальным рядом и назальностью одной фонемы при нейтральном отношении к этому признаку другой фонемы).

Факты ассимиляции и диссимиляции носовых сонантов в консонантных группах не подтверждают, что есть аналогия между рядом сонанта и последующего согласного (ср. *m > n* перед *b, b', n, n', v; n > m* перед *sh, c*). Однако несомненно более частой является замена губного сонанта зубным и это независимо от качества второго согласного. Причина этого состоит в стремлении заменить согласный, назальность которого функционально незначима, фонематически более информативным элементом, имеющим ДП назальности, каковым и является /n/. Мена *m* и *n* перед согласными облегчается и тем обстоятельством, что почти исключает омонимию, поскольку консонантные сочетания, начинающиеся на *m*, не относятся к числу высокочастотных.

Наиболее показательным аргументом в пользу функциональной незначимости назальности губного сонанта является его замена зубным назальным в конце слова, что свойственно ряду син. и сх. говоров. Финальная позиция в принципе исключает возможность воздействия на носовой согласный последующего согласного.

В Ор. фиксируется изменение *m* > *n* в конце словоформы обычно, но не всегда, в тех морфемах, где *m* постоянно находится в позиции перед паузой, т.е. позиция перед паузой не может быть преобразована в позицию перед гласным или согласным в той же морфеме.

Ор. N 2 *dīelan*, *z brātren*; N 11 *k'rgyan*, *te'lē:tan*, *'vu:can*, *m'la:tin*, *'ve:rjen*, *pən'sa:n*, *'pe:sen*, *s'rəg:n* (= *sram*), *'se:don*, *ta:n*, *čo:n* (= *bom*); N 13 *m* > *n*, если губной не сохраняется путем аналогии – *z b'rəg:tan*, *'de:žčan*, *tan*; N 20 *'xodin*, *z b'raton*, *'ka:g:n* (= *kam*); № 22 в финальном положении, где нет морфологического чередования, нет оппозиции /*n*/ – /*m*/, а только /*n* – D pl *'materan*, но *já:ra:m*, *dí:m*; N 23 в финальной позиции /*m*/ в N sg только в *'di:m* при *'dima*, но *g'ri:n* (и *g'rima*), *kju'co:n*, *o'vi:n*, *d'vi:n*, *'si:nan*, *ti:n*, *'mišlin*, *'ja:šen*, *ni'šen*, *ja:bin*, *'sedon*, *'oson*, *ta:n*; N 42 *'volin*, *ješò:n*, *db:jnon*, *'sedan*, *žl'don*, *'šilon*, но и *dò:m* *grò:m*, *pitò:m* и т.д.; ср. также *sedan*, *osan*, *na vratin*, *s motkan*, *poraskrčin*, *sa čljadeton*, *trnovin*, *kocon*, *s nožinon*, *nisan*, *vracan se*, *nogon*, *man*, *među kozan*, *tobon*, *sobon*, *ljubin*<sup>70</sup>.

В Ор. № 21 замена конечного *m* зубным назальным определяется какнейтрализация оппозиции /*m*/ – /*n*/. Однако замена не проводится настолько последовательно, чтобы полностью исключить *m* в финальной позиции (ср. оппозицию *'din* – *'dom*). Кроме того, во флексиях, где носовой согласный постоянно находится в одной и той же позиции, синхронно ничего не указывает на происхождение *n* из *m* (ср. флексии тв.ед., дат.мн., 1 ед.наст.вр.). Изменение *m* > *n* в конце словоформы лишь увеличивает в этой позиции частоту фонемы, назальность которой функционально значима. В таком примере, как *g'rin*, *Gen. g'rima* (Ор. N 32), имеет место чередование фонем /*n*/ и /*m*/.

Существует мнение, что замена финального /*m*/ зубным назальным является следствием контакта южнославянских диалектов с романскими<sup>71</sup>. Если это так, то явление интерференции могло иметь место именно потому, что в славянских диалектах были для этого фонематические предпосылки – функциональная незначимость назальности у губного сонанта /*m*/.

Замена губного назального зубным на конце слова, а также перед гласными в отдельных словоформах отмечается и в других диалектах. Ср. *salgén*, *susán*, *organízana*, *Máksine*<sup>72</sup>; *pláčim*//*pláčin*, *birélm*//*birén*, *pirélm*//*pirépn*<sup>73</sup>; это же в русских говорах - в слове *санопráха*; *n'ýmo*, *súnoč'ka* в Мяк.; широко представлен *n* вместо *m* в слове *\*medvědь*; н-луж. *saňák*, *saňica*, *ńack'i*<sup>74</sup>.

Проявлением того, что назальность *n* функционально более значима, чем *m*, является упрощение *mí* в н-польских говорах – *nasto*, *żeña*, *kańeń*, а также *m>n'* после согласного – *śny'erć*, *śníga*, *jęcńeń*, *Varńija*<sup>75</sup>. Как следствие этого может наступить отождествление *mí* и *n'* как репрезентантов назальности, что отражается в смешении *mí* и *n'*: *mníska*, *mnítka*, *mnecka*, *mnízać*, *śmíny'ełk* (= *śnieg*), *śmńadałe*, *zmńiknɔć*<sup>76</sup>.

Отождествление назальности двух сонантов отмечено и в слцк., где в конце словоформы *m* > *n*, а *n*, *ń* > *m*: *chlapon*, *son*, *voldn*, *l'am* (= *lan*), *dem* (= *den*), *vom*, *l'em*<sup>77</sup>. Произношение *m* вместо *n* как бы свидетельствует о функциональной равноправности назальности этих сонантов. Однако, возможно, появление *m* вместо *n* является гиперизмом – реакцией на мену *m* > *n* в конце слова. То же в пол.диалектах – *śhy'ełk*, *śmadańe*, *męcka*, *mitka*<sup>78</sup>.

На основе сказанного можно предложить следующие выводы:

1) различие в качестве резонатора (оральный/носовой) согласного является основой синтагматического контраста между носовыми и неносовыми согласными губного и зубного ряда; носовые согласные обоих рядов синтагматически активны и могут выступать в качестве стимуляторов ассимилятивных и диссимилиативных изменений в консонантных группах, но зубной вызывает большее количество изменений, чем губной сонант;

2) в тех случаях, когда сонант является объектом синтагматического воздействия со стороны соседних согласных, губной назальный менее устойчив, чем зубной;

3) меньшая синтагматическая устойчивость губного назального является следствием того, что в парадигматическом плане назальность *m*, *m'* функционально незначима и является качеством, сопровождающим ДП смычно-проходного образования в губном ряду; ДП назальности обладает фонема /n/, /n'/, которая по этому признаку противостоит другому смычно-проходному зубного ряда, а именно /l/, /l'/;

4) позиционную мену носовых согласных нельзя расценить как реализацию нейтрализации оппозиции /m/-/n/, поскольку эта оппозиция не является привативной;

5) носовые сонанты не образуют назальную корреляцию с губными и зубными взрывными, так как отличаются от них способом образования, а не только носовым резонансом, т.е. оппозиция не является привативной. В связи с тем, что носовые не имеют ДП участия голоса, они одинаково противопоставлены глухим и звонким согласным своего ряда, т.е.  $m <^8_g$   
 $m <^6_n, n <^{\partial}_t, n <^3_c$  (ДП участия голоса при оппозициях с носовыми не актуализируется). Позиционная мена, устраниющая звонкий шумный согласный перед носовым, не меняет фонемного статуса представленного в этой же позиции носового, так как он сохраняет оппозицию с глухим согласным, парным устраниенному звонкому;

6) по изложенным причинам оппозиция "носовой согласный – шумный согласный" одного ряда в славянских диалектах не нейтрализуется; нейтрализуемой является оппозиция /n/ – /l/, /n'/ – /l'/, что реализуется меной *l*, *l'* > *n*, *n'* перед зубным носовым; другим менам носового и неносового согласного на фонемном уровне соответствует чередование фонем, а при непоследовательном проведении изменения – варьирование фонемного состава словоформы.

*Список приведенных в статье сочетаний,  
содержащих носовой сонант, и их изменений*

<i>pt</i>	<i>tm &gt; km</i>
<i>pt'</i>	<i>sm &gt; sn</i>
<i>bm &gt; mm, gm</i>	<i>bn &gt; mn, vn</i>
<i>bm' &gt; m'm', gm'</i>	<i>bn' &gt; mn'</i>
<i>vn (ym) &gt; xm</i>	<i>vn &gt; mn'</i>
<i>dm &gt; gm, dn, mm</i>	

$vn' > mn'$	$m\x > n\x$
$fn$	$mc > nc$
$fn'$	$m\x > n\x$
$tn > nn, kn$	$m\x > n\x$
$tm'$	$ml > nl, mn$
$dn > nn, gn, ln, rm$	$ml' > nl'$
$dn' > n'n'$	$mr > nr$
$sn > sm$	$mj > nj$
$ln > nn$	$mk > nk$
$lh' > n'n'$	$mg > ng$
$mn > nn, bn, vn, xn, ml$	$nb > mb$
$mn' > n'$	$np > mp$
$mb > nb$	$nv > mv$
$mb' > nb'$	$nm > mm$
$mp > np$	$nn > dn$
$mp' > np'$	$n\x > m\x$
$mv > nv$	$\eta s > ms$
$mt > nt$	$\acute{nn} > jn$
$mt' > nt'$	$\acute{hm} > jm$
$md > \eta d$	$\acute{n} > m\acute{n}$
$md' > nd'$	$m\# > n\#$
$ms > ns$	

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 199.

<sup>2</sup> Ср.: Реформатский А.А. Согласные, противопоставленные по способу образования, и их варирование в современном русском языке. — В кн: А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 381.

<sup>3</sup> Трубецкой Н.С. Указ. соч., с. 199.

<sup>4</sup> Ковалик І.І. Назалізація і деназалізація приголосних у слов'янських мовах. — В кн.: Вопросы славянского языкоznания. Львов; Харьков, 1953. Кн. 3.

<sup>5</sup> Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967, с. 37.

<sup>6</sup> Там же, с. 38; об этом же: Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 167, 168.

<sup>7</sup> Брок О. Очерки физиологии славянской речи. СПб., 1910, с. 144.

<sup>8</sup> Ковалик І.І. Указ. соч. с. 74.

<sup>9</sup> Stanislav J. Dejiny slovenskeho jazyka. Br., 1958, roč. 1, s. 549.

<sup>10</sup> Belič J. Nástin české dialektologie. Pr., 1972, s. 56; Havránek B. Nášeči česká. Pr., 1934, s. 140.

<sup>11</sup> Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967, с. 178, 1/9.

<sup>12</sup> Mücke K.E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedrosor̄ischen Sprache. Leipzig, 1891, S. 249.

<sup>13</sup> Peco A. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980, s. 97, 176, 183.

<sup>14</sup> Бояджиев Т. Говорът на с. Сънчали Гюмюрджинско. С. 1972, с. 41.

<sup>15</sup> Младенов М. Ихтиманският говор. С., 1966, с. 58.

<sup>16</sup> Димчев К. Говорът на българите от с. Валя Драгулуй, СР Румъния. — В кн.. Годишник на Софийския ун-т, т. LXIII, 1, 1969, с. 263.

<sup>17</sup> Русская диалектология/Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964, с. 90; Аванесов Р.И. Очерки..., с. 168; см. также список примеров с *ни* из *ди*, приведенный в цитированной статье И.І. Ковалика на с. 78.

<sup>18</sup> Калнынь Л.Э. Указ. соч., с. 179.

- <sup>1</sup> <sup>9</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 41.  
<sup>2</sup> <sup>0</sup> *Калнынь Л.Э.* Указ. соч., с. 177.  
<sup>2</sup> <sup>1</sup> *Peco A.* Op. cit., s. 97.  
<sup>2</sup> <sup>2</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 41.  
<sup>2</sup> <sup>3</sup> *Умленски И.* Кюстендилският говор. С., 1965, с. 60, 62.  
<sup>2</sup> <sup>4</sup> *Belić J.* Op. cit., s. 65; *Havránek B.* Op. cit., s. 156.  
<sup>2</sup> <sup>5</sup> *Peco A.* Op. cit., s. 187.  
<sup>2</sup> <sup>6</sup> *Васильева А.К.* Об изменении сочетания согласных [vn] и [mn] по говорам русского языка. — В кн.: Очерки по фонетике северорусских говоров. М., 1967, с. 231.  
<sup>2</sup> <sup>7</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 60, 41.  
<sup>2</sup> <sup>8</sup> *Младенов М.* Указ. соч., с. 57.  
<sup>2</sup> <sup>9</sup> *Умленски И.* Указ. соч., с. 60.  
<sup>3</sup> <sup>0</sup> *Стойков С.* Банатският говор. С., 1967, с. 132.  
<sup>3</sup> <sup>1</sup> *Peco A.* Op. cit., s. 76.  
<sup>3</sup> <sup>2</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 131.  
<sup>3</sup> <sup>3</sup> *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 167.  
<sup>3</sup> <sup>4</sup> Там же, с. 169.  
<sup>3</sup> <sup>5</sup> *Брок О.* Указ. соч., с. 50.  
<sup>3</sup> <sup>6</sup> *Stanislav J.* Op. cit., s. 546.  
<sup>3</sup> <sup>7</sup> *Ibid.*, s. 558.  
<sup>3</sup> <sup>8</sup> *Ковалик І.І.* Указ. соч., с. 83; *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941, с. 207.  
<sup>3</sup> <sup>9</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 132.  
<sup>4</sup> <sup>0</sup> *Ковалик І.І.* Указ. соч., с. 207.  
<sup>4</sup> <sup>1</sup> *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924, II, s. 98.  
<sup>4</sup> <sup>2</sup> *Belić J.* Op. cit., s. 56.  
<sup>4</sup> <sup>3</sup> *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 168.  
<sup>4</sup> <sup>4</sup> *Умленски И.* Указ. соч., с. 61.  
<sup>4</sup> <sup>5</sup> *Младенов М.* Указ. соч., с. 53.  
<sup>4</sup> <sup>6</sup> *Димчев К.* Указ. соч., с. 267.  
<sup>4</sup> <sup>7</sup> *Иванов Й.Н.* Български преселнически говори, С., 1977, ч. 1, с. 42.  
<sup>4</sup> <sup>8</sup> *Ramovš F.* Op. cit., s. 94.  
<sup>4</sup> <sup>9</sup> *Belić J.* Op. cit., s. 58.  
<sup>5</sup> <sup>0</sup> *Младенов М.* Говорът на Ново Село. Видинско. С., 1969, с. 42.  
<sup>5</sup> <sup>1</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 80.  
<sup>5</sup> <sup>2</sup> *Peco A.* Op. cit., s. 149.  
<sup>5</sup> <sup>3</sup> *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 169.  
<sup>5</sup> <sup>4</sup> *Stanislav J.* Op. cit., s. 559.  
<sup>5</sup> <sup>5</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 132.  
<sup>5</sup> <sup>6</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 41.  
<sup>5</sup> <sup>7</sup> *Димчев К.* Указ. соч., с. 267.  
<sup>5</sup> <sup>8</sup> *Младенов М.* Говорът на Ново Село, с. 43.  
<sup>5</sup> <sup>9</sup> *Stanislav J.* Op. cit., s. 556, 559.  
<sup>6</sup> <sup>0</sup> *Komárek M.* Nástin fonologického vývoje českého jazyka. Pr. 1982, s. 66.  
<sup>6</sup> <sup>1</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 141.  
<sup>6</sup> <sup>2</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 41.  
<sup>6</sup> <sup>3</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 132, 141.  
<sup>6</sup> <sup>4</sup> *Stanislav J.* Op. cit., s. 556.  
<sup>6</sup> <sup>5</sup> *Стойков С.* Указ. соч., с. 80.  
<sup>6</sup> <sup>6</sup> *Трубецкой Н.С.* Указ. соч., с. 202.  
<sup>6</sup> <sup>7</sup> *Аванесов Р.И.* О соотносительном ряде носовых согласных по признаку "дентальность—лабиальность". — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966, с. 110, 112.  
<sup>6</sup> <sup>8</sup> Там же, с. 115.  
<sup>6</sup> <sup>9</sup> *Бояджиев Т.* Указ. соч., с. 41.  
<sup>7</sup> <sup>0</sup> *Peco A.* Op. cit., s. 118, 119.  
<sup>7</sup> <sup>1</sup> *Slavski F.* Zarys dialektologii południowoślówiańskiej. W-wa, 1962, s. 44; *Lencek R.L.* A Note on the m > n Change in South Slavic Dialects. — *Folia Slavica*, vol. 4, N 2–3, 1981; *Idem.* From Language Interference to the Influence of Area in Dialect–Geography. — American Contributions to the 9-th Intern. Congr. of Slavists. Vol. 1. *Linguistes*. 1983, s. 187.

<sup>72</sup> Младенов М. Ихтиманският говор, с. 59.

<sup>73</sup> Кочев И. Гребенският говор в Силистринско. С., 1969, с. 33.

<sup>74</sup> Калнынь Л.Э. Указ. соч., с. 200.

<sup>75</sup> Klemensiewicz Z., Lehr-Spławinski T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. W-wa, 1955, s. 153; Nitsch K. Dialekty języka polskiego. Wrocław, 1957, s. 45.

<sup>76</sup> Ibid.

<sup>77</sup> Stanislav J. Op. cit., s. 559.

<sup>78</sup> Nitsch K. Op. cit., s. 45.

Л.И. МАСЛЕНИКОВА

## ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ФОНЕТИКЕ СЛОВА ПРИ СЛОГОДЕЛЕНИИ (на материале вокализма)

0. Диалектологическое обследование, проведенное в польском говоре, функционирующем в украинском языковом окружении (д. Лановиши Самборского района Львовской обл.), имело целью изучение правил слогоделения. Для указанного говора характерна тенденция к сегментации словоформ на открытые слоги при довольно широкой возможности образовывать и закрытые слоги, когда речь идет о звуковых последовательностях VCCV, VCCC, где V – гласный, C – согласный. Разделение словоформы на слоги, т.е. выделение слога как сегмента в звуковой цепи, происходит при очень замедленном произношении с ударением на каждом гласном. Произнесение по слогам сопровождается спадом экспирации в конце слога перед началом следующего слога.

При образовании открытых слогов гласный всегда произносится протянуто, а переход к артикуляции последующего звука происходит без четкого перерыва в звучании между двумя соседними звуками, относящимися к разным слогам. Однако рекурсия гласного и экскурсия последующего звука разделены и различаются по силе экспирации, что аудитивно создает впечатление интервала между гласным и последующим звуком. Сигналом открытости слога является аудитивно отчетливое ослабление экспирации в фазе рекурсии гласного (затихание гласного). Слогораздел проходит в месте наибольшего ослабления экспирации у гласного, за которой следует экскурсия последующего звука (согласного или гласного).

При образовании закрытых слогов гласный также произносится протянуто, но переход к артикуляции последующего согласного происходит в условиях, когда гласный "еще обладает полной силой своего произношения"<sup>1</sup>. Согласный, завершающий слог, отделяется от согласного следующего слога интервалом – отчетливо воспринимаемым аудитивно перерывом в звучании, звуковым нулем. Интервал указывает на место прохождения слогораздела.

Произнесение гласного перед слогоразделом, т.е. в открытом слоге, аналогично произнесению его в ударенной позиции перед паузой, хотя слогораздел как перерыв в фонации аудитивно почти не ощущается. В связно произнесенном слове, как известно, слогораздел имплицитно существует<sup>2</sup>, но на аудитивном уровне не воспринимается.

При слогоделении, т.е. когда словоформа сегментирована на слоги, как минимальные произносительные единицы, происходит ряд изменений в структуре звуковой цепи, соответствующей словоформе в слитном произношении. В данной статье рассматриваются изменения, наблюдаемые в произношении гласных.

1.0. В говоре частотность гласных верхнего подъема (*i*, *u*, *ü*) значительно повышена в сравнении с литературным польским языком. Это обусловлено тем, что гласные *i*, *i* (после мягких согласных), *ü*, *u* (после твердых) могут произноситься в соответствии с *é*, *e*, а гласный *ú*, *u* – в соответствии с *ó*, *o* литературного языка; кроме того, гласные *i*, *u*, *ü* произносятся также и в соответствии с *i*, *u*, *ü* литературного языка. Тенденция к повышению подъема гласных со среднего до верхнего является характерной чертой данного говора. Примеры<sup>3</sup>: *kob'ita*, *uk m'išči*, *klišč*, *našin'i*, *čin ţa*, *zjim*, *šek'ira*; *obyjdu ši*, *dyšč*, *s psym*, *z dnym*, *łyka*, *šyršy*, *pryntka*; *šp'ivajka*, *z v'ičora*, *n'ižel'a*, *rozum'ím*, *ze žen'čim*, *veň'g'il'*, *v'in'ic*, *do šeb'i*, *f ſaf'i*, *na ferm'i*, *maržn'i*, *uk gn'ažži*; *popytjal'i*, *zymbam'i*, *f kryden'si*, *čyrvony*, *torfym*, *bagnetym*, *f kl'accy*, *f švagžy* –ср. соответствия из литературного языка<sup>4</sup>: *kobieta*, *w mieście*, *kleszcz*, *nasienie*, *cieńsza*, *zjem*, *siekiera*; *obejdą się*, *deszcz*, *s psem*, *z dnem*, *rzeka*, *szerszy*, *prętka*; *śpiewają*, *wieczorem*, *niedziela*, *rozumiem*, *z zięciem*, *węgiel*, *wieniec*, *do siebie*, *w szafie*, *na farmie*, *marżnie*, *w gnieździe*; *popękali*, *żębami*, *w kredensie*, *czerwony*, *torfem*, *bagnetem*, *w klatce*, *w szwagrze*;

*putp'iu*, *mujka*, *stunt*, *zatv'eržuny*, *sluma*, *z l'újk ūi*, *mružuna*, *žunt*, *na počuntkax*, *kun'ec*, *kumpać*, *udvaga*, *usobno*, *pul'eže* (1 л. ед. наст. вр. глагола), *pu jamax*, *vuntruba*, *mučyla*, *dusul'ony*, *du dna*, *turfuv'iska*, *zablun'žil'i*, *pol'uwan'i*, *šuščen'ica*, *ščužgal'i*, *rubutník i*, *kužl'kusam'i*, *guſhudyn'i*, *xužil'i*, *općun'č, žen'žiu*, *šitku*, *tatu* (им. ед.) –ср. соответствия из литературного языка: *podpiłt*, *mąka*, *stad*, *zatwierdzony*, *skoma*, *zlažk' się*, *mrožona*, *rząd*, *na początku*, *koniec*, *kapać*; *odwaga*, *osobno*, *poleże*, *po jamach*, *wątroba*, *moczyła*, *dosolony*, *do dna*, *torfowisko*, *zabłędzili*, *połowanie*, *siostrzenica*, *ściągali*, *robotnika*, *kosili kosami*, *gospodyn*, *chodził*, *obciąż*, *dzięcioł*, *sitko*, *tato*.

Повышение подъема гласных со среднего до верхнего не исключает возможности произношения и гласных среднего подъема в соответствии с *é*, *e* и *ó*, *o* литературного языка. Это подтверждается, в частности, многочисленными примерами варьирования гласных – *é* || *i*(*ü*), *e* || *i* (*u*) и *ó* || *u*, *o* || *u* в рамках одной и той же морфемы: *p'ic* || *p'ec*, *b'idny* || *b'edny*, *s xm'il'im* || *ot xm'el'a*, *venegl'em* || *vynegl'im*, *pl'ič* || *pl'el'i*, *p'in'inžy* || *p'in'enžy*, *šćik* || *šćekly* (*p'es*), *jinčm'en'* || *jenčm'en'*, *cvyntaš* || *cventaš*, *tyn* || *ten*, *dyšč* || *dešč*, *zgnyra* || *gnera*, *ubryńčy* || *narenče*; *ubl'ivany* || *obl'evany*, *fel'covac'* || *fyl'covac'*, *dymbovy* || *demb'ina*, *cybul'a* || *cebūl'a*, *žv'anny* || *žev'ina*; *l'em'eš* || *l'em'is*, *vžešin'* || *kv'ečen'*, *uog'in'* || *og'en'*, *s km'íjk'ím* || *pud ganjk'em*, *na lopači* || *na lopače*, *šal'jeji* || *zglup'eje* (3 л. ед. наст. вр. глаголов), *zdrov'i* || *zdrov'e*, *uodyx* || *oddex*, *šnuryk* || *vorek*, *z v'adrym* || *z djablem*, *zbožy* || *zbože* (им. ед.), *sošaccy* || *ćocce* (дат. ед.), *na nuscy* || *na nusce* (местн. ед.);

*obmyć* || *ubmyć*, *ol'x'i* || *ul'xa*, *mundry* || *mondry*, *jablučka* || *pod jabloňko*, *žun'žiu* || *požondny*, *šečuno* || *šečono*, *rupče* || *ropče*, *kruŋgly* || *kroŋgly*, *zajuncy* || *zajonca*, *na kun'či* || *na kon'či*, *uddyxu* || *oddyxu*, *ural'i* || *oral'i*, *ut píska* || *ot plutna*, *ud baby* || *od grušek*, *put pl'ecam'i* || *pot pšen'ico*, *na mutu-*

*cykl'u* || *motocykl'em*, *dukument* || *dokument, gulemb'i* || *golemb'i, kovboj* || *kovbuć, rečko* || *rečku* (тв. ед.ж.р. сущ.), *zemułłae mno, dbaju* || *n'eso* (3 л. мн. наст. вр. глаголов). ..

Если под ударением произносится é, ö, то в безударной позиции может быть соответственно i, u и ü, например: *fel'c, zemby, kredyns, dresen, sp'evać* и *fyl'covac, zymbam'i, z drysenu, sp'ivatjka; boduj (dom), na stopn'y, glodny, ugl'onda, brona* (|| *bruna*), ü *ban'żorax, konvert, utxożo, općun'ć* и *budovać, stupn'ovo, zgludn'ily, ugl'undnela, brunuji si, ban'żur, kunverty, utxužil'i, upćinal'i*. И наоборот: *jenčm'in'u, zgłyżyżu* (|| *gžex'i*) и *jenčm'en, zgħesyla; gurunco, żun'żiż, kun'ov'i* и *guroncego, guronc, żon'žil'i, kon'*.

1.1. При произношении по слогам происходит расширение гласных i, u в e. При этом:

a) гласный e произносится в соответствии с e литературного польского языка: *utv'irać > u/tv'e/rac, m'indl'u > m'en/dl'q, na ml'iku > > na/ml'eku, čin'ša > čen'ša, zymł'ač > ze/ml'al, podyšlam > po/de/-šlam; b'iżmovać > b'eżmo/vac, začv'irkal'i > za/cv'er/ka/l'i, sl'i pego > > sl'e/pe/go, pozdymuji > po/zdej/mu/je, zymł'ala > ze/ml'a/la, fkryden'si > > fkre/den'se, trymbux'i > trem/bu/x'i; veň'g'il' > verj/g'el', uog'in' > > o/g'en', vžeśin' > vže/ſen', n'e mučci > n'e/muſče* (императ. 2 л. мн.), *vyssi, blyśn'i, pućsp'evuji > vy/ſſe, bly/ſn'e, pot/šp'e/vu/je* (3 л. ед.), *pšecsv'entym, z v'adrym, pućsn'eg'im, z grox'im > pset/šv'en/tem, zv'ja/drem, pot/šn'e/g'em, zgro/x'em* (тв. ед. сущ.), *l'iżb'i, f'ćurm'i, na kanv'i, f'pacci > l'i/żb'e, f'cur/m'e, na/kan/v'e, spa/cce* (дат., местн. ед. сущ.), *beškvaryk > bes/škva/rek* (род. мн. сущ.), *pažżezy > > pa/żże/że* (им., вин. мн. сущ.), *pšedm'ešći > pse/dm'e/šče* (им., вин. ед. сущ.), *bess̄eb'i > bes/še/b'je* (вин. местоим.);

b) гласный e произносится в соответствии с u, i литературного польского языка – *uyplukac', [uypřtykac']*<sup>5</sup> > *ve/plu/kac, [ve/pšty/kac]*, *pšybrenda, pšyv'ozla, pšyłapač > pše/blen/da, pše/v'o/zla, pše/šla/pal; pšy-/složi, dražn'i > pše/slo/že', dražn'e* (3 л. ед. гл.), *paš'l'i, pšyv'ežl'i > pa-/šl'e, pše/v'e/žl'e* (3 л. мн.), *bess̄ily > be/šši/le* (род. ед. сущ.), *nažb'i-tym > na/žb'item* (тв. ед. прилаг.), *psettym > pše/ttem, požedn'i > > poʃse/dn'e (žen'), [bapštyl'] > [ba/pštel']*.

Варьированию e || y, e || i может соответствовать при слогоделении произношение только с e (ср. *dymbovy* || *demb'ina* и *dem/bo/vy, dem/ -b'i/na; b'idny* || *b'edny* и *b'je/dny; besp'ivatjki* || *pućsp'evuji* и *bes/šp'e-/van/k'i, pot/šp'e/vu/je; sm'ix* || *zušm'exem* и *ze/sm'e/xem; šv'into* || *šv'ento* и *šv'en/to; ubl'ivana* || *obl'evany* и *o/bl'e/va/ny; prosinta* || *prošenta* и *pro/šen/ta*.

Зафиксированы также случаи, когда произношение i, u (в соответствии с литер. польск. e) представлено как в слитном произношении, так и при слогоделении, например: *zymbam'i > zym/ba/m'i, rynz'l'im* || *penz'l'im > > pyn/žl'im* (но и *pen/žl'im, pen/zl'em*), *pod gžb'etym > pod/gžb'e/tym, f'kl'accy > fkl'a/ccy* (но и *fkl'a/cce*), *počšeb'i > po/tse/b'i, ubmotuji > > o/bmo/tu/ji, fyl'covac > fyl'/co/vac, zetn'i si > ze/tñ'i/še* (*ml'iko*), *ubziram > u/bži/ram/še*.

Весьма малочисленны примеры, когда гласному e в слитном произношении соответствует u при слогоделении; это отмечено лишь дважды – *pod ževem > po/žze/vym, gžešn'ica > għżejñ'i/ca*.

Расширение i, u > e при слогоделении происходит в открытом слоге, а

также в закрытом, если слог заканчивается сонантом или фрикативным, через который проходит слогораздел; выход за рамки этого правила отмечен в конечном закрытом слоге: *roskl'eic* > *ros/kl'e/jeć* и *pucsyp'is* > *pu/csyp/p'eś*.

1.2. При слогоделении происходит также расширение гласных *u, i в ó, o:*

а) гласный *o* произносится в соответствии с о литературного польского языка: *putp'iū* > *pot/p'il*, *beslumy* > *bes/slo/my*, *zatv'eržuny* > *za/tv'er-žo/ny*, *rosp'ečuny* > *ros/p'e/ščo/ny*, *fklumpku* > *fkłom/pku*, *žun'žiū* > *żon'-žil*, *kumpać* > *kom/pać*, *kun'žel'* > *kon'/žel'*, *kruŋgly* > *kron/gly*, *ścęgnun'č* > *ćoŋ/gnon'č*, *gurunco* > *go/ron/co*; *zablun'žil'i* > *za/blon'/žil'i*, *kunverti* > *kon/ver/ty*, *vuntroba* > *von/tro/ba*, *potxužil'i* > *po/txo/žil'i*, *guspudyn'i* > *goʃpo/dy/n'i*, *ścęngal'i* > *ścęŋ/ga/l'i*, *uščendny* > *o/ščen/dny*, *zryxtuvany* > *zryxto/va/ny*, *xureŋgv'i* > *xo/reŋ/gv'i*, *općun'č* > *o/pćon'č*, *rossunuž* > *ro/-ssu/nol*, *žen'žiū* > *žen'/žol*, *dawu* > *da/vno*, *radju* > *ra/djo*, *žiuku* > *žul/tko*, *zanatu* > *za/na/tto*; весьма широко это явление демонстрируется на примере предлогов-приставок *ob-, od-, pod-, po-, do-:* *ubv'isly* > *o/bv'i/sly*, *ubžera* > *o/bže/ra*, *ubl'atuji* > *o/bl'a/tu/je*, *upkladać* > *op/kla/dac*, *udvaga* > *o/dva/ga*, *udymu* > *od/dy/mu*, *uzyva si* > *o/žzy/va/še*, *utprava* > *ot/prava*, *ucserca* > *oc/ser/ca*, *uccežić* > *o/cce/žić*, *učšofera* > *o/čšo/fe/ra*, *putpečn'a* > *pot/peč/n'a*, *pudvysčyl'i* > *pod/vyšy/l'i*, *pužev'nu* > *po/žze/v'i/nq*, *pusmáš* > *požmáš*, *duraži* > *do/ra/ži*;

б) гласный *o* произносится в соответствии с и литературного польского языка: *pudmixač* > *po/dmo/xal*, [iuxcca > *o/xo/cca*], *ugaščač* > *o/ga/-ščal*, *rostlumačyc* > *roſtlo/ma/čyc*, *ružan'ca* > *rožan'/ca*, *pol'ucku* > *po/l'u/cko* (такие случаи немногочисленны).

Если в слитном произношении в одной и той же морфеме употребляются варьирующиеся гласные *o || u*, то при слогоделении может быть представлен гласный среднего подъема (например *tundry* || *mondry* > *mon-/dry*, *ubl'ivany* || *obl'evany* > *o/bl'e/va/ny*) либо взаимозаменяемость гласных сохраняется (например *kovboj* || *kovbuј* > *kov/boj* || *kov/buј*, *utpočuya* || *otpočujće* > *ot/po/čy/ya* || *ut/po/v'a/da*).

Гласному *u* в слитно произнесенном слове могут соответствовать взаимозаменяющиеся гласные *o || u* при слогоделении, например: *ugryzl'i* > *u/gryz/l'i* || *o/gryz/žl'i*, *ubd'era* > *u/db'e/ra* || *od/b'e/ra*, [*upx'ity* > *u/px'i/ty* || *o/px'i/ty*], *učšp'irtu*, *učškoly* > *u/čšp'ir/ty* || *o/čško/ly*.

Одновременно следует отметить, что зафиксировано значительное число словоформ, в которых произношение гласного *u* (в соответствии с литературным польским *o*) сохраняется и при слогоделении, например: *vystump'ac*, *skundby*, *ubmyvaju*, *utv'irać*, *uškl'una*, *upćinal'i*, *utremby*, *stump'ila*, *kumb'i-kórm*, *udmrzila*, *ugl'undnela*, *puždarto*, *pucsyp'ěs* и *po/stum/p'ic*, *skun/dby*, *u/bmy/va/jq*, *u/tv'i/rac*, *uškl'o/na*, *u/pći/na/l'i*, *u/trem/by*, *stum/p'i/la*, *kumb'i/kórm*, *o/dmru/ži/la*, *o/gl'un/dne/la*, *puždar/tq*, *pu/csyp/p'eś*, а также *tromby* || *trumba* и *trum/b'al*.

Расширение *u > o* происходит в тех же условиях, что и *i, u > e*, т. е. чаще всего в открытом слоге и в слоге, заканчивающемся сонантом либо фрикативным, через который проходит слогораздел. Кроме того, это явление зафиксировано в некоторых случаях в закрытом слоге, оканчивающемся на взрывный или аффрикату: *ubv'isly* > *op/v'i/sly*, *upkladać* > *op/kla/dac*,

*putp'isac* > *pot/p'i/sac*, *utprava* > *ot/prava*, *udymi* > *od/dy/mu*, *ucserca* > *oc-ser/ka*. Здесь слогоразделом разделяются консонантные сочетания, образующиеся на стыке морфем (предлога-приставки и корня), но не исключено и образование открытых слогов (ср. *o/bv'i/sly*, *o/bmo/tu/je*, *po/txo/z/i/l'i*, *o/dva/ga*, *o/cce/zic*, *o/csya/na*, *o/czo/fe/ra*, *o/dmru/z/i/la*).

1.3. Произношение *u* в соответствии с литературным *o* охватывает значительно больший круг морфем, чем произношение *i*, *u* в соответствии с литературным *e*.

При слогоделении расширение у гласных заднего ряда (т. е. *u* > *o*) осуществляется менее последовательно, чем у гласных не-заднего ряда (т. е. *i*, *u* > *e*). Отношение "*u* в слитном произношении ~ *o* при слогоделении" выражено менее контрастно, чем "*i*, *u* в слитном произношении ~ *e* при слогоделении", так как *u*, соответствующее литературному польскому *o*, может сохраняться в разделенном на слоги слове значительно чаще, чем *i*, *u*, соответствующие литературному польскому *e*.

Вместе с тем, широко реализующаяся возможность произношения *e*, *o* в соответствии с *e*, *o* в литературном языке и многочисленные случаи варьирования гласных среднего и верхнего подъема на месте гласных среднего подъема свидетельствуют о том, что сужение гласных носит характер тенденции, а не нормы. Это – показатель неустойчивости гласных среднего подъема, расшатанности вокальной системы говора. Учитывая условия функционирования говора, данную тенденцию можно рассматривать как инновацию, возникшую под влиянием украинского диалекта<sup>6</sup> (при условии, что за этalon принимается польский литературный язык).

Сужению гласных в нерасчлененном потоке речи соответствует их расширение при слогоделении. Артикуляционно переход *i*, *u* > *e* и *u* > *o* базируется на специфических условиях произношения при слогоделении. Замедление темпа произношения и ударенность каждого гласного в сегментированном на слоги слове обеспечивают отчетливость произношения гласных и тем самым "восстанавливают" артикуляционные характеристики в соответствии с некоей хронологически предшествующей нормой, бытовавшей в говоре до появления тенденции к повышению подъема гласных со среднего до верхнего. Обращает на себя внимание тот факт, что обратное расширение гласных фиксируется преимущественно в открытых слогах, т.е. в условиях, когда гласный и последующий согласный находятся по разные стороны от слогораздела. Артикуляционная изолированность звуков друг от друга приводит к ослаблению или разрушению синтагматических связей. Отсюда следует, что открытость слога также способствует большей четкости артикуляции гласного. Поэтому произношение перед слогоразделом, по-видимому, также способствует в определенной мере "восстановлению" среднего подъема у гласных.

Представляется, что сама допустимость обратного расширения гласных, обнаруживающаяся при слогоделении, указывает на то, что сужение гласных в говоре еще не имеет статуса фонематически значимого признака и не привело к существенным изменениям в устройстве вокальной системы.

Однако в широком круге словоформ при слововом произношении отсутствует переход *i*, *u* > *e* и особенно *u* > *o* на месте *e*, *o* литературного языка. Значит, нестабильности произношения гласных среднего и верхнего подъема в слитно произносимых словах может соответствовать непослед-

довательность расширения гласных при слогоделении. Одновременно при слогоделении зафиксировано и произношение гласных среднего подъема (*e*, *o*) в соответствии с гласными верхнего подъема (*i*, *u*, *ü*) в литературном языке, а также, наоборот, отмечена реализация *i*, *u*, *ü* на месте *e*, *o* в литературном языке.

Эти факты, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что у гласных противопоставление таких фонематически значимых признаков, как "средний подъем" и "верхний подъем" уже в некоторой мере неустойчиво и что в говоре намечается тенденция к нейтрализации гласных по этим признакам.

2.0. Назальные гласные произносятся в говоре на месте \**ɛ*, \**ɔ* и в соответствии с *ɛ*, *ɔ* литературного польского языка перед фрикативными согласными и сохраняют свое произношение при слогоделении (*vɔsy* > *vɔ/sy*, *język* > *jɛ/zyk*, *sprężyna* > *sprɛ/ʐy/nə*, *vɔxa* > *vɔ/xə*, *pɛx'eʃ* > *pɛ/x'eʃ*).

У назальных гласных, как и у оральных, отмечена тенденция к повышению подъема до верхнего: в соответствии с *ɛ* и *ɔ* литературного языка в говоре могут произноситься *i* и *ɪ*, *χ*, например: *galuʂ*, *vysik'i*, *zv'uzek*, *zv'uzuʂ*, *v'uzal'i*, *roʂčasać*, *xoruʂy*, *obruʂka*; *cis̥ko*, *fciʂy*, *zvyciʂuʂ*, *čyśc*, *myšcuzna*, *čyścemy*, *gysi*, *gyscejy*. Назальные гласные среднего и верхнего подъема варьируются в рамках одной и той же морфемы: *sufat* || *sɔfət*, *sufik* || *sɔfek*, *ubuv'uzek* || *zav'ozac*, *gesty* || *gysta*, *xrabuʂče* > *xraboʂče*, *m'iso* || *m'ɛsu*, *v'uzan-ka* || *v'ozan-ka*, *sufatka* || *sɔfətka*.

При слогоделении гласные *i*, *ɪ*, *χ* всегда заменяются на *ɛ*, *e*: *sɔ/sátkə*, *so/sá/tka*, *ga/łɔs'*, *zv'ɔ/zek*, *zv'ɔ/zyc*, *v'ɔ/zan/ka*, *roʂ/čsɔ/sać*, *xo/ro/ʐy*, *o/bro/ʂka*; *će/ʂko*, *fce/ʐy*, *zvyc/ce/ʐył*, *te/ʂy/zna*, *čyse/še/my*, *ge/ste*, *ge/ší*, *ge/ścēj/sa*.

Непоследовательность сужения назальных гласных и варьирование назальных гласных среднего и верхнего подъема в одних и тех же морфемах аналогичны таким же явлениям у оральных гласных. Однако, в отличие от оральных, для назальных гласных верхнего подъема *i*, *ɪ*, *χ* отсутствуют позиции, в которых произносились бы только *i*, *ɪ*, *χ*. Поэтому *i*, *ɪ*, *χ* являются лишь факультативными произносительными вариантами *ɛ* и *ɔ*, употребляющимися в рамках *i*, *ɪ* || *ɛ* и *χ* || *ɔ*. В данном случае констатируем лишь допустимость сужения назальных гласных *ɛ*, *ɔ*, но тенденция к сужению не может быть причиной нейтрализации гласных среднего подъема и верхнего подъема. Это подтверждается регулярностью обратного расширения назальных при слогоделении: в слоге, как сегменте звуковой цепи, исключается варьирование в произношении гласных и "восстанавливаются" артикуляционные характеристики гласных в соответствии с их этимологией.

Обратное расширение у назальных гласных может быть мотивировано так же, как и у оральных гласных – спецификой произносительных условий при слогоделении.

2.1. В сравнении с литературным польским языком сфера употребления назальных в говоре сужена за счет произношения перед паузой орального гласного в соответствии с назальным заднего ряда в литературном языке. Эта позиция представлена в словоформах: 3 л. мн. наст. вр. глаголов – *xoʐo*, *vezmo*, (*sv'in'i*) *zjезu*, *pytaju*; тв. ед. сущ. ж. р., прилагат., местоим. – *pud reŋku*, *z m'ento*, *calo gembo*, *kun'žel'u*, *ze svoju curku*, *z n'o*, (*on'i*) *jo* (*vezmo*); вин. ед. ж. р. прилагат., местоим. – *naʂo* (*matke v'iżaz*), *na pravu* (*noge*), *přez n'u*, *ćeŋko* (*veçne*) (ср. литер. польск. *chodzq*, *vezmą*, *zjedzq*,

*pytaja, pod rękq, z mięta, całq gebq, kądzielq, ze swoj q curkq, z niq, jq; naszq matkē, na prawq noge, cierkq wetne, na niq.*

Гласный *q* перед паузой зафиксирован лишь несколько раз и всегда под ударением: в тв. ед. местоимения ж. рода *ona* – *z n'q* (наряду с *z n'o*); в 3 л. мн. наст. вр. глаголов – *rv'jo, vóuk'i še dro* (но и *on'i sp'o, k'el'isk'i su čyste || p'irog'i n'e som k'epsk'i*)..

При слогоделении в конце слова произносится назальный гласный заднего ряда в соответствии с этимологией: *uddyxaju > o/dy/x/a/jq, ubmyvaju > o/bmy/va/jq, m'indl'u > m'en/dl'q, vezmo > vez/mq, pšed bramo > pšed/ bra/mq, pot p'ežunu > pot/p'e/žy/nq, put firajku > pot/f'i/rat/kq, (zav'qzuji) sty'jgo > stey/gq, ze svoju vutku > zežvo/jq/vu/tkq, pužgartu > pu/ždar/tq;* в формах вин. ед. прилагательных и местоимений ж. рода назальный гласный заднего ряда произносится с соответствием с \**ɛ*: *p'ez n'u > p'se/zn'q, na svoju (matke) > na/svo/jq (matke).*

Рефлексом \**ɛ* в окончаниях 1 л.ед.наст.вр. глаголов и вин ед. существительных ж. рода и указательного местоимения *ta* является оральный гласный как в слитном произношении, так и при слогоделении, а именно гласный *-e*, который после мягких согласных может заменяться на *-i*, а после твердых на *-a* (варианты с *-i* отмечены только в глагольных формах; варианты с *-a* чаще встречаются также в глагольных формах):

1 л.ед.наст.вр. глаголов – *ja pšun'ese, ja napomne, jag ja xože, ja n'e ide tam, vyp'ije prošeg u še polože, ja karm'e; pokond ja žyjj, ja n'e čerp'i, ja sp'i; ja šeza a jak stana, ja vezma||jag vezme;*

вин.ед. ж. рода – *prav'i mše, mam krove, vygan'ajo xudobe, odgartal'i pl'veve i slume, ma odvage, dam y morde, jag na gościne, za prace, pud žime, v droge, byu na paske; kšyčaū na matke||na matka, na lopata, bez žima, bez vutka, remen-tovač tašyna; podnoši te reŋke, kup'ila te l'ampe, mamy te gžontke || ta kapl'ice rozval'iq* (ср. при слогоделении: *na/ma/tke, pud/ži/me, ma/o/dva/ge, vez/me, čer/p'i ||čer/p'e, bez/dro/ga*).

Только в составе возвратной частицы *še||ši* при слогоделении произносится только назальный *-q* (в соответствии с этимологическим \**q*), например: *ocstampše > ot/stum/pše, pšendla ši > pšen/dla/še, modl'i ši > mo/dl'i/še, bav'i ši > ba/v'i/še.*

2.2. В формах глаголов прош. времени – в 3 л. ед. ж. рода перед *l* и в 3 л.мн. перед *l'* на месте этимологического назального произносится *e*, как и в литературном польском языке. При слогоделении может восстанавливаться носовой резонанс гласного, например: *kšyknela > kšy/kne/la, zamknela > zam/kne/la, n'e zv'inela > n'ez/v'i/nq/la, zapxnel'i > za/pxnq/l'i* (но также и *kšy/kne/la, zam/kne/l'i, n'ez/v'i/ne/la*).

2.3. Как и в литературном языке, в исследуемом говоре на месте \**q*, \**q* перед взрывными и аффрикатами произносится сочетание VN, где V – оральный гласный, а N – назальный сонорный согласный (*m* – перед губными, *n* – перед зубными и передненебными, *ŋ* – перед задненебными); образующиеся вследствие этого консонантные сочетания носового с взрывным или аффрикатой при слогоделении всегда рассекаются слогоразделом, и сочетание VN оказывается в пределах одного слога. Аналогичные консонантные сочетания, не связанные с \**q*, \**q* (т.е. образующиеся в результате слово- и формообразования или представленные в иноязычных словах) при слогоделении точно так же разделяются слогоразделом. Примеры:

kompac' > kom/pac', tem/pa > tem/pa, stump'il'a > stum/p'i/la, na stemp'i > > na/stem/p'e; dymbovy > dem/bo/vy, utremby > u/trem/by, kombaj > kom-/baj, golemb'i > go/lem/b'i, trumb'au > trum/b'al, kumb'ikórm > kum/b'i/kórm; vrontroba > von/tro/ba, pentl'a > pen/tl'a, pšendla > pšen/dla, do sondu > > do/son/du, fšyndy > fšen/dy, pantofl'i > pan/to/fl'i, banda > – ban/da, grunty > grun/ty, mundur > mun/dur; zajonca > za/jon/ca, rency > ren/cy, pšy kuncu > pšy/kon/cu, lancux > lan/cuk, pšenza > pšen/za, venzarn'a > ven-/zar/n'a, pynzel' > pyn/zel'; p'en'coro > p'en'/čo/ro, do zen'ca > > do/zen'/ča, na fron'či > na/fron'/če, kun'žel' > kon'/žel', žolyn'že > žolyn'/že, ban'žor > ban'/žor; menčyla > men/čy/la, ubryncý > o/bren/če, zagunčyk > za/gon/čyk, pujedynčy > po/je/dyn/čy, pončox'i > pon/čo/x'i, monžejšy > > mon/žej/šy;

mojka > moj/ka, mlyňkoyač' > mlyň/ko/vač', f'iranj'i > f'i/ranj/k'i, skšyň/k'i > > skšyň/k'i; šcūagal'i > šcōŋ/ga/l'i, veŋ'g'il' > veŋ/g'el', [taŋgo > taŋ/go], kreŋ'g'i > kreŋ/g'i.

Вместе с тем зафиксированы случаи, когда вместо сочетания VN, представленного в слитном произношении, перед слогоразделом произносится назальный гласный, а именно: tempa > tē/pa, za bl'ondyna > za/bl'q/dy/na, upsunžaju > o/psø/ža/jø (но и u/pson/ža/jø), upsun'žil'i > o/psø/ži/l'i, opceŋ'g'i > o/pcę/g'i.

2.4. Несколько раз отмечалось на месте \**q* произношение сочетания *oj* перед передненебными спирантами – *kšoška*, *kšožek*, *sojšat*, *sojšatka*<sup>7</sup> (наряду с *kšoška*, *kšožek*, *sɔšat*, *sɔšatka* у тех же информаторов).

При слогоделении вместо сочетания *oj* перед слогоразделом произносится только назальный гласный – *kšoʃka*, *kšoʒek*, *sɔʃat*, *sɔʃatka*.

Следует также отметить, что в словоформе *podejžl'ivu* при произнесении по слогам сочетание *ej* заменяется носовым гласным – *po/de/žl'i/vu*.

2.5. Словоформы, содержащие интервокальное сочетание носового сонорного согласного с последующим фрикативным, в говоре весьма немногочисленны<sup>8</sup>. Слогораздел проходит между согласными, деля такое сочетание на два слога. Сочетание VN в пределах одного слога всегда сохраняется в морфемах, где за N следует губной или задненебный спирант: *tramval' > tram/val'*, *kamfor > kam/for*, *komf'itura > kom/f'i/tu/ra*, [šanxaj > > řan/xaj], [bronx'it > bron/x'it].

Это правило, в основном, сохраняет свою силу и в тех случаях, когда за сочетанием VN следует зубной или передненебный спирант: *kunservy > kon/ser/vy*, [šansa > řan/sa], *na benzyn'i > na/ben/zy/n'i*, *v'inščovač > v/in-/šo/vac*, *[oranžada > o/ran/ža/da]*, *in'žin'er > in'ži/n'er*.

Однако наряду с таким произношением перед слогоразделом фиксировался также назальный гласный вместо VN, например: *avansu > a/vq/su||a/van/su*, *pensja > pe/sja*, [*konsperacija > ko/spe/ra/cja*], *f kryden'si > fkre/de/ši||fkre/den'/ši*, *avar'šik > a/va/šik||a/van'/šik*, *pu ovan'še > po/a/vq/še*. В этих случаях после слогораздела произносится зубной или глухой мягкий передненебный спирант.

2.6. Изложенные факты функционирования назальных гласных в слитном произношении показывают:

а) в соответствии с \**č*, \**q* назальные гласные последовательно произносятся лишь в позиции перед губными, зубными, задненебными и передненебными спирантами;

- б) в соответствии с \**q* допустимо произношение назального *q* (параллельно с оральным *o*) в конце слова под ударением;
- в) во всех остальных случаях назальный гласный не произносится и в соответствии с \**ɛ*, \**q* представлены либо оральный гласный (в конце слова, перед *l*, *l'*), либо сочетание орального гласного с назальным сонорным (перед не-фрикативными согласными) или средненебным сонорным согласным (перед передненебными спирантами).

При сегментации на слоги расширяется сфера употребления носовых гласных:

а) представлен носовой резонанс у гласных в конце слова, а также в середине слова перед слогоразделом, за которым следует взрывной, аффриката или зубной латеральный *l*, *l'*;

б) появляются назальные гласные, не мотивированные этимологически, перед слогоразделом, за которым следует шумный согласный (преимущественно спиранты).

Произнесение назального гласного при слогоделении в соответствии с оральным гласным в слитном произношении фиксируется преимущественно в тех случаях, когда в морфеме представлен этимологический назальный гласный. Это позволяет говорить о восстановлении носового резонанса у гласного при произношении по слогам.

2.7. Восстановление носового резонанса в морфемах, содержащих этимологический назальный гласный в конце слова, дает основание предположить, что элемент назальности присутствует в этих случаях в артикуляции финального гласного, но в таком ослабленном виде, что аудитивно не воспринимается.

Исследования на материале славянских языков показывают закономерность: максимальной интенсивностью обладает в слове произношение начального слога, за которым следует понижение интенсивности к концу слова; конечный слог имеет наименьшее значение интенсивности<sup>9</sup>.

Известно также, что польские назальные гласные имеют асинхронный характер. Это означает, что артикуляционное движение для произнесения таких гласных возникает сначала в полости рта и несколько опережает опускание небной занавески, обусловливающее носовой резонанс, который далее становится основным<sup>10</sup>.

В этих условиях естественно предположить следующее. Ослабление интенсивности произношения в конце слова приводит к тому, что при произнесении назальных в конце слова, во-первых, само движение опускания небной занавески ослаблено и, во-вторых, начинается оно в тот момент, когда экспирация уже закончена, и потому это артикуляционное движение не сопровождается фонацией<sup>11</sup> (т.е. носовой резонатор не используется).

В сегментированном на слоги слове происходит обратный процесс, т.е. усиливается интенсивность произношения конечного слога (в сравнении со слитным произношением) и поэтому назальный компонент артикуляции, совпадая по времени с экспирацией, становится выраженным акустически. В результате назальность гласного воспринимается на аудитивном уровне.

Показательно в этом смысле произношение односложных словоформ, оканчивающихся на этимологический назальный. В таких словоформах

отмечено произношение назального (на месте \* $\varphi$ ). Ударенность гласного обуславливает более сильную экспирацию и вследствие этого большую интенсивность его произношения и тем самым может обеспечивать сохранение у него назального резонанса.

Однако в конце слова в той же морфеме может произноситься также и сочетание орального гласного с назальным согласным (ср. *sɔ||sɔm* – З л. мн. наст. вр. глагола *buć*). С. Роспонд, называя артикуляцию польских носовых гласных орально-назальной, пишет, что распадение произношения польского назального гласного на V и N происходит вследствие асинхронизации назальной и оральной артикуляции, и считает произношение VN "результатом ослабления носовой артикуляции"<sup>1,2</sup> у гласного.

Но произношение  $\varphi$  || *ot* в этой позиции фиксируется редко и наряду с произношением орального *o* (|| *u*). Это означает, что ударенность не может быть решающим и достаточным условием для сохранения назальности у гласного. Если поставить вопрос по-другому и попытаться выяснить, почему утрачивается назальность в односложных словоформах, оканчивающихся на \* $\varphi$ , то ответ, на наш взгляд, следует искать в области морфологической аналогии. Действительно, односложные словоформы в говоре малочисленны, и многие из них употребляются довольно редко; морфемы, содержащие финальный \* $\varphi$ , функционируют преимущественно в составе словоформ, содержащих более одного слога (таких словоформ – большинство). Поэтому \* $\varphi$  в конце слова употребляется чаще всего в безударной позиции и, значит, реализуется как оральный гласный. Поскольку назальный компонент артикуляции присутствует в этом случае имплицитно и не воспринимается на аудитивном уровне, назальность гласного начинает терять значение семиологически релевантного признака морфемы. Оральный гласный начинает восприниматься как такой признак морфемы, и поэтому становится возможным его функционирование в морфеме под ударением. Иными словами, морфологизация орального произношения гласного на месте \* $\varphi$  в конце слова приводит к замене назального гласного оральным в этой позиции. Функционирование *ó* ||  $\varphi$  в односложных словоформах показывает, что такой процесс в говоре уже начался.

Однако назальность гласного в конце слова еще не утратила своей фонематической значимости, о чем свидетельствует не только допустимость произношения назального гласного в позиции под ударением, но и восстановление носового резонанса при слогоделении у гласных, произносимых на месте \* $\varphi$ .

Сам факт восстановления назальности при слогоделении указывает на возможность носового произношения гласного. Так, утрата носового резонанса приводит к тому, что совпадает произношение окончаний в словоформах *kukn-o* (З л. мн. наст. вр. глагола) и *okn-o* (им. ед. сущ. ср. рода). Однако различие между двумя окончаниями -*o* состоит не в том, что одно из них при слогоделении произносится с назальным гласным, а другое – нет, но в том, что в окончании глагола может произноситься носовой гласный, а в окончании существительного ср. рода это недопустимо. Ср.: в литературном польском языке в конце слова в соответствии с \* $\varphi$  произносится *e* (разговорная норма) и *ɛ* (сценическая норма).

2.8. Наряду с восстановлением назального резонанса у гласного заднего ряда констатируем при слогоделении оральную артикуляцию гласного

переднего ряда, произносимого на месте \**ɛ* в конце слова. Это показывает, что в говоре процесс утраты назального компонента артикуляции, актуальный в настоящее время у гласных, произносимых на месте \**ɔ* (задний ряд), завершен у гласных, функционирующих в соответствии с \**ɛ* (передний ряд). Семиологически релевантным признаком соответствующих морфем стал оральный гласный переднего ряда (подтверждением служит, в частности, варьирование *e||a* на месте \**ɛ* в окончании вин. ед. существительных женского рода при недопустимости понижения подъема и изменения ряда у гласного *ɛ* в тех позициях, где *ɛ* произносится).

Исключение составляет лишь возвратная частица *še||ši*, которая при слогоделении произносится как *še*. На фоне отсутствия назальности у гласного переднего ряда (на месте \**ɛ*) восстановление носового резонанса у возвратной частицы может быть связано, скорее всего, со статусом и спецификой ее функционирования. Возвратная частица в речи употребляется часто; парадигматически и морфологически она является изолированной; во фразе она может произноситься перед глаголом и даже отделяться от него другими словоформами, что придает ей статус словоформы. В таких условиях сохранение назальной артикуляции (хотя и в имплицитном виде)<sup>13</sup> (ср. остаточные формы двойственного числа: *reŋka – reŋcy, ʐoko – ʐosy*).

С другой стороны, восстановление носового резонанса у гласного в составе частицы *še* подтверждает актуальность для говора процессов деназализации гласных, произносимых в конце слова.

Своеобразным исключением является также восстановление назального резонанса в окончании вин.ед. прилагательных и местоимений ж. рода, где в соответствии с \**ɛ* произносится оральный гласный заднего ряда (в литературном языке здесь произносится *ɔ*), который при слогоделении заменяется на *ɔ*. Восстановление назальности происходит у гласного заднего ряда, а не переднего.

2.9. На месте \**ɛ*, \**ɔ* перед взрывными и аффрикатами в говоре, как и в литературном языке, при слитном произношении артикулируется VN (*kotpač, do žen'ča, toŋka*). При слогоделении может восстанавливаться назальный резонанс у гласного, т.е. перед слогоразделом может произноситься *ɛ*, *ɔ* (*tɛ/pa, o/psq/za/jɔ, o/pcɛ/g'i*).

Известно, что в слитном произношении последняя часть рекурсии назального гласного совмещается с началом экскурсии последующего согласного<sup>14</sup>. Перед взрывными и аффрикатами это приводит к образованию "назализованного элемента смычки"<sup>15</sup> в том ряду, где артикулируется следующий согласный, что акустически соответствует произношению N. Элемент N, следовательно, принадлежит к артикуляции и гласного, и последующего согласного. Сам факт произношения VN является следствием асинхронизации оральной и назальной артикуляции у гласного и свидетельствует об ослаблении носового резонанса гласного.

При слогоделении рекурсия назального гласного отделена от экскурсии последующего согласного интервалом, соответствующим слогоразделу. Одновременно при слогоделении, в сравнении со слитным произношением, повышается интенсивность произношения (усиливается экспирация, напряженность артикуляции) словоформы в целом и каждого слога в отдель-

ности. Все это создает условия для устранения ассимилятивных изменений у назального гласного и потому приводит к синхронизации его артикуляции, т.е. к произношению с вокальной назальностью.

Таким образом, произнесение назального гласного ( $< *e, *o$ ) при слогоделении в соответствии с VN в слитном произношении обусловлено функционированием слога как сегмента в звуковой цепи.

2.10. Но обычно при слогоделении не происходит восстановление вокальной назальности, когда в слитном произношении представлено сочетание VN ( $< *e, *o$ ) перед взрывными и аффрикатами, и сохраняется произношение VN перед слогоразделом (*dem/bo/vy, ren/cy, ton/ʃej/ʃy, ścoŋ/ga/l'i*). Это означает, что при слогоделении обычно не происходит обратная синхронизация оральной и назальной артикуляции и не усиливается назальность гласного. В. Дорошевский считает, что сочетание VN ( $< *e, *o$ ) – это "сочетание гласных *e, o* с консонантным носовым элементом"<sup>16</sup>. Значит, VN рассматривается не как сочетание двух фонематически равноправных звуков – гласного и согласного, а как вариант произношения назального гласного. Отсюда понятна возможность замены VN  $> e, o$  при слогоделении (о чем подробнее сказано выше).

В. Дорошевский писал, что в произношении звуков речи "равновесие артикуляционных движений имеет количественный характер" и что "с того момента, когда один из составных элементов артикуляции "превысил норму" своей интенсивности, происходит качественная деформация гласного, разрушение его целостности"<sup>17</sup>. Поэтому если замена VN  $> e, o$  при слогоделении не происходит, то учитывая тенденцию к утрате назальных гласных в говоре, естественно предположить, что VN ( $< *e, *o$ ) уже функционирует здесь именно как сочетание гласного с согласным, т.е. V (оральный гласный) + N (назальный согласный). Это означает, что нарушено однозначное соответствие между назальным гласным и VN, как его реализацией, и что сочетание V + N, произносимое на месте  $*e, *o$ , становится аналогичным сочетанию V + N, не восходящему к этимологическому назальному гласному. В таком случае уже не может быть речи об устраниении ассимилятивных изменений перед слогоразделом в слоге, как сегменте в звуковой цепи. В соответствии с правилами, актуальными в говоре, слогораздел расчленяет сочетание двух согласных – сонорного назального и шумного (взрывного или аффриката), а не сочетание назального гласного и последующего согласного.

Варьирование при слогоделении произношения  $e, o \parallel VN$  (при преобладании VN) на месте  $*e, *o$  свидетельствует о неустойчивости назального гласного как семиологически релевантного признака в морфеме и указывает на тенденцию к замене назального сочетанием орального гласного и назального согласного.

2.11. Произносимые в говоре перед зубными и передненебными шумными сочетания VN, не связанные с  $*e, *o$ , также могут реализоваться при слогоделении как назальный гласный (*blɔ/dy/na, a/vɔ/su, pɛ/sja, fkre-/dɛ/si*), но это наблюдается редко и всегда наряду с произношением VN (оральный гласный + *n, n'*), которое является обычным.

В современном польском языке существует тенденция к произношению перед спирантами носового гласного вместо сочетания из орального гласного и назального согласного, т.е. *bɛzyna, kujſt* наряду с *bɛnzunga*.

*kunſt<sup>18</sup>*, однако в исследуемом говоре при слитном произношении всегда фиксируется только VN (*avans, fkryden'si*).

Возможность замены VN назальным гласным перед спирантами артикуляционно поддержана характером произношения N перед спирантами. В. Дорошевский писал о "польской склонности избегать носовой смычки перед последующими фрикативными"<sup>19</sup>.

Поскольку произношение по слогам характеризуется усилением напряженности (сравнительно со слитным произношением), то звуки в слоге, как сегменты в звуковой цепи, связаны более тесно, чем в слитно произносимом слове. Поэтому ослабленность (неплотность) назальной смычки может приводить при слогоделении к ее устраниению и в результате к слиянию назального резонанса с гласным, т.е. к произношению назального гласного вместо VN.

Вследствие такого произношения перед слогоразделом, за которым артикулируется спирант, назальный гласный и сочетание VN выступают как произносительные варианты сочетания VN, не связанного этимологически с назальным гласным.

Факты произношения при слогоделении назальных гласных в соответствии с сочетанием VN, не восходящим к \**ɛ*, \**ɔ*, говорят о неразличении сочетаний VN, имеющих разную этимологию: если в слитном произношении представлено VN, то независимо от его этимологического происхождения при слогоделении может произноситься назальный гласный (как и VN). Следовательно, сочетание VN перед спирантами становится равнозначным сочетанию VN, произносимому на месте \**ɛ*, \**ɔ*. А это подтверждает, что VN, реализующееся в соответствии с \**ɛ*, \**ɔ*, функционирует как сочетание двух фонематически равноправных звуков – гласного и согласного.

Таким образом, в исследуемом говоре назальный гласный и сочетание орального гласного с назальным согласным могут выступать перед слогоразделом за которым следует шумный согласный как произносительные варианты, вне зависимости от их этимологии.

Смещение при слогоделении этимологического назального гласного и сочетания гласного с согласным, как и варьирование *ɛ*, *ɔ*||VN на месте \**ɛ*, \**ɔ*, могут интерпретироваться как еще один аргумент в пользу сделанного выше вывода: в говоре в большой степени ослаблена фонематическая значимость назального резонанса у гласного. В позиции перед согласным значение семиологически релевантного признака в морфеме приобретает сочетание орального гласного и назального согласного.

2.12. В говоре на месте \**ɔ* зафиксировано произношение *oj* перед передненебными спирантами (*kšojska, sojsat*), хотя преимущественно в той же позиции произносится *ɔ*. Произношение с вокальной назальностью (*ɔ̄*) перед спирантами обеспечивается тем, что "назализованная" часть экскурсии спиранта "акустически не дает консонантного эффекта"<sup>20</sup>.

Произношение *oj* (вместо *ɔ*) дает основание считать, что в говоре процесс асинхронизации в артикуляции этимологических назальных распространяется и на \**ɛ*, \**ɔ* перед спирантами<sup>21</sup>.

Если согласиться, что сочетание *oj* – это результат асинхронизации назального гласного, то, значит, произношение *oj* (< \**ɔ̄*) является следствием ассимилирующего воздействия последующего передненебного фри-

кативного (ср. VN на месте \* $\xi$ , \* $\varphi$  перед взрывными и аффрикатами). Поскольку консонантный компонент асинхронизированной артикуляции принадлежит одновременно и гласному, и последующему согласному и его артикуляция зависит от этого согласного, то реализация консонантного компонента перед передненебными шумным спирантом в виде *j* обусловлена артикуляционными характеристиками этого спиранта.

Асинхронизация перед передненебными спирантами сочетается с отсутствием назальности у консонантного элемента артикуляции. На основании данных, полученных при экспериментальных исследованиях, можно предположить, что если при артикуляции  $\xi$ ,  $\varphi$  перед передненебными спирантами не происходит опускание небной занавески, обуславливающее назальный резонанс, то на стадии совмещения рекурсии гласного и экскурсии последующего согласного возникает произношение *j*<sup>22</sup>. Оно подготовлено последующим согласным и одновременно заменяет нереализующийся назальный компонент артикуляции (образовавшаяся уже щель обеспечивает произношение *j* при отсутствии движения опускания небной занавески). Поэтому йотовая артикуляция заменяет назальную, а не вытесняет ее<sup>23</sup>. Утрата же назальной артикуляции в данном случае связана, очевидно, с общим процессом ослабления назальности у гласных в говоре (ср. произношение в конце слова).

При слогоделении произношение *oj* последовательно заменяется на  $\varrho$  (*kɔʃka*, *sɔʃat*). Перед слогоразделом устраняется ассимилирующее воздействие последующего согласного, что обеспечивает синхронность артикуляции гласного, а назальный компонент артикуляции гласного восстанавливается вследствие усиления интенсивности произношения.

Таким образом, результаты сегментации на слоги дают основание утверждать, что в данном случае фонематическое значение признака назальности еще не утрачено. Возвращению назального резонанса гласного способствует также широкое функционирование  $\varrho$  в слитном произношении.

Тот факт, что в слитном произношении рефлексом \* $\varphi$  перед передненебными спирантами является наряду с  $\varrho$  также и *oj*, дает основание считать, что асинхронизация в артикуляции назальных гласных является в говоре живым, актуальным процессом и свидетельствует о прогрессирующей тенденции к утрате назальности гласных.

Процесс замены  $\varrho > oj (< *\varphi)$  в говоре находится на начальном этапе. На это указывает, с одной стороны, непоследовательность такой замены (*oj* фиксируется весьма редко), а с другой – регулярное восстановление  $\varrho$  при слогоделении (т.е. в произносительных условиях, обеспечивающих максимально отчетливую артикуляцию).

2.13. Произношение при слогоделении назального гласного вместо сочетания *ej*, не соответствующего \* $\xi$ , \* $\varphi$  (в словоформе *podežl'ivъ*) аналогично произношению назальных гласных вместо сочетаний VN, не восходящих к этимологическим назальным гласным. С другой стороны, замена *ej* >  $\xi$  при слогоделении совпадает с *oj* >  $\varrho$  на месте \* $\varphi$ : в обоих случаях сочетание "оральный гласный + *j*" заменяется назальным гласным.

Факт замены *ej* >  $\xi$  перед слогоразделом свидетельствует, что при произношении по слогам словоформ, содержащих сочетание *Vj* перед передненебными спирантами, существует та же тенденция к неразличению этимологических назальных гласных и сочетаний орального гласно-

го с сонорным согласным, которая была отмечена для сочетаний VN, имеющих разную этимологию. Это значит, что в говоре уже ослабевает различие не только между назальным гласным и VN, но и между назальным гласным и Vj.

Если наличие *oj* (< \**g*) в слитном произношении указывает на тенденцию к ослаблению назального гласного, но не означает утраты фонематически значимого признака назальности гласного (это подтверждают результаты слогоделения), то произношение *ɛ* при слогоделении (вместо *eij*; не связанного с \**g*, \**ɣ*), демонстрируя смешение назального гласного и сочетания *Vj*, свидетельствует уже о прогрессирующей деградации назального гласного как семиологически релевантного признака в морфеме в позиции перед передненебными спирантами.

2.14. В словоформах прош. вр. глаголов с суф.\*- *nɔ-* при слогоделении может произноситься назальный гласный *ɛ* в соответствии с *e* перед *l*, *l'* в слитно произнесенном слове<sup>24</sup> (*kšyknela* – *kšy/knɛ/la*).

Отсутствие назального резонанса у гласного в слитном произношении рассматриваем как результат ассимилятивных изменений гласного перед *l*, *l'*<sup>25</sup>. Механизм артикуляционных изменений \**g* > *e* перед *l*, *l'* можно себе представить, исходя из произношения назальных гласных перед спирантами (как *ɛ*, *ɣ*) и перед смычными (как VN) и из артикуляционных характеристик согласного *l*, *l'*.

Артикуляция согласного *l*, *l'* содержит такие компоненты, как смычка и фрикация. Можно считать, что смычный компонент в артикуляции *l*, *l'* обуславливает асинхронизацию в артикуляции носового гласного и выделение в нем орального элемента<sup>25</sup>. С другой стороны, допустимо предположение, что согласный *l*, *l'*, произносимый после назального гласного, имеет назализованную часть в своей экскурсии, которая аудитивно не воспринимается как назальный согласный компонент произношения, поскольку артикуляция *l*, *l'* включает в себя наличие боковых щелей<sup>27</sup>. В результате на месте назального гласного произносится *e* перед *l*, *l'*.

Но при слогоделении взаимосвязь гласного и последующего *l*, *l'* разрушается слогоразделом, и поэтому может восстанавливаться вокальная назальность перед слогоразделом. Восстановлению назального резонанса у гласного может способствовать и то обстоятельство, что словоформы типа *kšyknela* парадигматически соотнесены со словоформой типа *kšuknop'č*, где назальный гласный реализуется как VN перед аффикатой.

Перед слогоразделом возможно и произношение орального гласного (*kšy/kne/la*). Это означает, что в слитном произношении носовой элемент артикуляции на стыке гласного и согласного может и отсутствовать.

Таким образом, результаты слогоделения позволяют сделать вывод, что в позиции перед *l*, *l'* назальность гласного еще не утратила своего фонематического значения, несмотря на отсутствие назального резонанса у гласного в слитном произношении. Но этот признак в значительной мере ослаблен, на что указывает возможность утраты носового резонанса перед слогоразделом.

3.0. Анализ изменений гласных, наблюдаемых при слогоделении, показал, что артикуляционно-акустической основой, обеспечивающей появление изменений в фонетике слова, являются специфические произносительные условия, возникающие при сегментации слова на слоги.

Произношение по слогам достигается значительным замедлением темпа речевого акта (в сравнении с обычным темпом речи). При этом каждый слог становится ударенным, что отличает произношение гласных при слогоделении от их произношения в связной речи. Одновременно при слогоделении повышается интенсивность произношения как слова в целом, так и каждого слога в отдельности (усиливается экспирация, напряженность артикуляции звуков). Эти факторы обеспечивают более старательное, отчетливое артикулирование звуков в слове.

В сущности, при слогоделении реализуются те же принципы, которые определяют нормы сценического произношения, так как от старательности и точности артикуляции зависит понятность речи. Например, сценическая норма в польском языке предусматривает произношение *ɛ* в конце слова и твердого латерального *t̪*, чему в разговорной речи соответствует произношение *e* и *ʐ*. Это означает, что в литературном языке могут произноситься *ɛ* и твердый латеральный сонант в тех же позициях, где представлены *e* и *ʐ*. С другой стороны, наличие *ɛ* и *t̪*, как сценической нормы, показывает, что такое произношение способствует более адекватному восприятию речи.

Отсюда следует, что звуки (в частности – гласные) в слоге, как произносительно выделенной единице, дают представление об их максимально точной артикуляции.

Замедленность темпа произношения приводит к реализации слогораздела в виде интервала между слогами. В результате этого нарушаются синтагматические связи между звуками, произносимыми по разные стороны от слогораздела. Поэтому при слогоделении устраняются ассимилятивные изменения звуков, в том числе гласных, на границе слога.

Эти просодические (суперсегментные) и синтагматические факторы обусловливают при произношении по слогам обратное расширение гласных (понижение подъема с верхнего до среднего), восстановление назального резонанса у гласного в конце слова, а также в середине слова, когда назальному гласному соответствует в слитном произношении: а) оральный гласный перед *I*, *r̪*, б) сочетание *VN* перед взрывными и аффрикатами.

3.1. Вместе с тем отмечено, что перечисленные явления (кроме *i*, *y*, *u* > *ɛ*, *ɔ*, а также *o* > *ø* в конце слова) фиксируются нерегулярно, т.е. непоследовательно осуществляется переход *i*, *y*, *u* > *e*, *o*, а также *e* > *ɛ* (если за слогоразделом произносится *I*, *r̪*) и *VN* > *ɛ*, *ɔ* (если за слогоразделом следует взрывный или аффриката). Объяснение этому, на наш взгляд, следует искать на уровне фонематической интерпретации наблюдаемых явлений.

Произносительные условия при слогоделении таковы, что позиция гласного в слоге, как сегменте в звуковой цепи, приобретает значение фонологической позиции. Ее можно рассматривать как аналог позиции максимальной дифференциации.

Поэтому если в слитном произношении представлено варьирование гласных, то перевод гласного в позицию в слоге перед слогоразделом позволяет судить, имеем ли мы дело с разными фонемами или с произносительными вариантами одной фонемы. Если варьированию гласных в слитном произношении соответствует один из этих гласных при слогоделении, то это означает, что в данном случае представлена одна фонема, реализующаяся в двух произносительных вариантах. Так, *u* и *ø* – это произносительные варианты

фонемы /g/ в позиции перед фрикативными. Если же варьирование гласных представлено как в слове, так и в слоге, то в таком случае имеет место варьирование фонем. Так можно интерпретировать произношение в слоге гласных среднего и верхнего подъема (соответствующих *e*, *o* в литературном языке).

Слогоделение меняет фонематические характеристики звуков, актуальные в слитном произношении. Такой фонематически значимый признак гласного, как назальность, отсутствует в слитном произношении, но представлен в слоге в тех же морфемах (на месте этимологического назального гласного). Перевод гласного в позицию в слоге дает основание считать, что в соответствующих морфемах в слитном произношении в конце слова функционирует фонема /g/, а перед *l*, *l'* – фонема /ɛ/, которые реализуются в слитном произношении оральными гласными *o*, *e*, а при слогоделении – назальными *ø*, *ɛ*.

Произношению *VN* (а также *Vj*) в слове может соответствовать произношение *ø*, *ɛ* в слоге. В этом случае также можно заключить, что в соответствующих морфемах представлены назальные фонемы /g/, /ɛ/, реализующиеся в слитном произношении как *VN*; фонема /g/ может реализоваться как *oj* и *g* перед передненебными спирантами.

Однако наличие назальных гласных фонем обнаруживается только при слогоделении; в слитном произношении в названных случаях констатируем соответственно оральную гласную фонему и бифонемное сочетание.

Если же одному гласному в слитном произношении соответствует варьирование двух гласных при слогоделении, то это означает, что в слитном произношении в одном гласном совпадает реализация двух фонем, т.е. в одной и той же морфеме может быть представлена каждая из варьирующихся фонем. Так обстоит дело, когда, например, в соответствии с *u* в слитном произношении выступает *o||u* при слогоделении, или в соответствии с *e* в слитном произношении отмечено *e||i* при слогоделении; перед *l*, *l'* произносится *e*, которому в слоге соответствует *ɛ||e*. Это означает, что в одной и той же морфеме могут употребляться соответственно фонемы /o/ и /u/, /e/ и /i/, /e/ и /ɛ/.

Допустимость функционирования двух фонем в одной и той же позиции в конкретной морфеме свидетельствует о том, что фонемы недостаточно дифференцированы и что данная позиция утрачивает или еще не приобрела значения позиций релевантности. У гласных, артикулируемых выше нижнего подъема, фонематическая значимость противопоставления по признаку подъема ослаблена. Учитывая этимологию гласных, можно утверждать, что противопоставление гласных по признаку подъема существует, но наметилась тенденция к нейтрализации их по признаку среднего ~ верхнего подъема. В данном случае это находит выражение как в слитном произношении, так и при слогоделении.

Иначе обстоит дело с противопоставлением фонем /e/ и /ɛ/, функционирующих на месте этимологического назального перед *l*, *l'*. Если принять во внимание этимологию, то можно говорить о том, что в слитном произношении фонематическое противопоставление по признаку назальности в позиции перед *l*, *l'* уже утрачено (ср. *k'uknel'i* и *tu'sl'e'l'i*), а при сегментации на слоги еще существует, но неустойчиво (/e/ и /ɛ/ варьируются). Противопоставление по признаку назальности здесь находится на последней стадии

деградации: слитное произношение не дает оснований констатировать в этой позиции назальную фонему, однако слогоделение показывает, что признак назальности еще не окончательно утрачен и, значит, имеет еще определенное фонематическое значение.

Сочетанию VN в слитном произношении соответствует варьирование VN и назального гласного при слогоделении.

а) Слогоделение обнаруживает, что перед взрывными и аффрикатами могут функционировать (независимо от этимологии VN) назальные гласные фонемы, хотя чаще отмечается бифонемное сочетание. Это значит, что противопоставление назальной гласной фонемы и бифонемного сочетания пока еще не утрачено и вокальная назальность в данной позиции еще может сохранять свое фонематическое значение. Однако такое противопоставление уже отсутствует в слитном произношении (где фиксируется только VN), а при слогоделении варьирование назальной гласной фонемы и бифонемного сочетания является показателем начала их нейтрализации и перед слогоразделом. Из этого следует, что перед взрывными и аффрикатами фонематическое противопоставление /VN/ и назальной гласной фонемы находится на последней стадии деградации.

б) Перед спирантами в слитном произношении представлены как сочетание VN, так и назальные гласные  $\varepsilon$ ,  $\varphi$ . Позиция перед спирантами является позицией релевантности для назальных гласных фонем. Произношению в слове гласных  $\varepsilon$ ,  $\varphi$  всегда соответствует при сегментации на слоги  $\varepsilon$ ,  $\varphi$ . Сочетание VN в слоге либо сохраняется (чаще), либо заменяется назальным гласным. Произношение в слоге вторичных носовых гласных позволяет считать, что носовые гласные и сочетание VN начинают функционировать перед спирантами как произносительные варианты (точнее: VN выступает как факультативный вариант назального гласного), т.е. в этой позиции противопоставление назальной гласной фонемы и бифонемного сочетания уже ослаблено.

Отметим, что слитное произношение не дает оснований для таких выводов. К ним можно прийти лишь в результате анализа изменений в фонетике слова, фиксируемых при слогоделении.

3.2. Из сказанного следует, что сегментация на слоги, изменяя фонематические характеристики звуков, вскрывает такие системные отношения в вокализме, которые в слитном произношении не проявляются. Если сопоставим гласные, функционирующие в говоре при слогоделении и в связной речи, с гласными литературного языка и этимологическими гласными, то придем к выводу, что слогоделение как бы обнажает хронологически предшествующее состояние вокализма в говоре (например, функционирование гласных фонем перед взрывными и аффрикатами или /ɛ/ перед /l/, /ɪ/ <sup>2.8</sup>).

Сегментация на слоги помогает выявлять динамику фонетических процессов в говоре: если слитное произношение демонстрирует нынешнее состояние, а слогоделение обнаруживает хронологически предшествующее, то сопоставление слитного произношения и результатов слогоделения в одной и той же морфеме показывает направление, в котором идет развитие вокализма в говоре (тенденция к неразличению оральных гласных, артикулируемых выше нижнего подъема, к нейтрализации /ɔ/, /ɛ/ и /V+N/ перед шумными согласными, к деназализации фонемы /ø/ в конце слова и /ø/ перед /l/, /ɪ/).

Слогоделение позволяет также обнаружить, насколько далеко продвинуто развитие того или иного фонетического процесса, признаки которого фиксируются в слитном произношении, т.е. дает возможность определить уровень фонематической значимости явлений, наблюдавшихся в слитном произношении. Тем самым слогоделение может подтверждать или уточнять выводы, которые следуют из наблюдений над слитным произношением. Например, слитное произношение свидетельствует об ослаблении фонематической значимости признака подъема у гласных среднего подъема (так как *o > u*, *e > y*, *i*); слогоделение, подтверждая это, показывает также начало ослабления этого признака и у гласных верхнего подъема, что в слитном произношении не проявляется.

3.3. Характер изменений у гласных свидетельствует, что сегментация на слоги имеет диагностическое значение для установления не только инвентаря, но и статуса гласных фонем, функционирующих в говоре.

Развивая разработанное Т. Милевским<sup>29</sup> понятие потенциальной фонемы, П. Зволиньский<sup>30</sup> высказал мнение о существовании двух типов потенциальных фонем: а) фонема в стадии становления и б) фонема в стадии деградации. Сопоставление данных, полученных при слогоделении, с фактами слитного произношения позволяет заключить, что в исследуемом говоре можно констатировать наличие потенциальных гласных фонем. Представляется, что слогоделение помогает при этом определить тип потенциальной фонемы. Так, факты варьирования при слогоделении *ɛ*, *ɔ||VN* (при *VN* перед шумными в слитном произношении), *e||ɛ* (при *e* перед *l*, *r* в слитном произношении) говорят об ослаблении фонематической значимости признака назальности, т.е. о деградации назальных гласных фонем. Наличие *ɔ* при слогоделении свидетельствует о функционировании фонемы */ɔ/* в конце слова, однако ее реализация в виде орального *o* также означает, что */ɔ/* в данной позиции находится в стадии деградации. Переход *e > y*, *i & o > u* и их варьирование в слоге и в слове указывают на ослабление фонематического признака среднего подъема у этих гласных и, следовательно, на деградацию оральных гласных фонем среднего подъема. Результаты слогоделения обнаруживают тенденцию к нейтрализации фонем верхнего и среднего подъема. Однако факты замены *u > o*, *y*, *i > e* в слоге немногочисленны и не дают основания говорить об утрате противопоставления гласных по признаку верхнего ~ среднего подъема в говоре, т.е. нельзя говорить о функционировании фонемы с признаком не-нижнего подъема. Но потенциальная возможность образования такой фонемы уже проявляется при слогоделении.

3.4. Фонематическая интерпретация изменений в фонетике слова при слогоделении позволяет сделать вывод, что просодический и синтагматический факторы могут создавать возможность для проявления изменений, обусловленных парадигматически. Тип изменения гласного в слоге, как сегменте в звуковой цепи, зависит от фонематических характеристик гласного, например, ср.: *ml'ekɔ||ml'eku* – *za/ml'e/ko* (вин. ед. сущ. ср. рода) и *pid reŋkɔ* – *po/dreŋ/kɔ* (тв. ед. сущ. ж. рода). Как показано выше, слогоделение способствует выявлению определенных фонематических процессов, а также инвентаря и статуса фонем в говоре. Значит, изменения гласных в слоге обуславливаются не только просодическим и синтагматическим, но и парадигматическим фактором.

Сама возможность распадения слова на слоги при замедленном произношении говорит о том, что слог является сегментной единицей в речевой цепи. При этом функция слогораздела состоит в том, чтобы эксплицитно представить слог как сегментную единицу. Возникшая на уровне речи, слог "как сегмент отчетливо выделяется говорящими, что характерно скорее для уровня языка"<sup>31</sup>.

Приведенные выше данные показывают, что деление на слоги не тождественно механическому расщеплению звуковой цепи, соответствующей слову (словоформе). Изменения у гласных их фонематических характеристик, актуальных в слитном произношении, подтверждают, что слог в нерасщепленной звуковой цепи (т.е. как компонент звуковой цепи) и слог, ограниченный с обеих сторон слогоразделами (т.е. как сегмент, выделенный в звуковой цепи) – это явления разного порядка. Такие изменения осуществляются на уровне речи, так как при сегментации на слоги сохраняется функциональное тождество слова (словоформы): слово, произнесенное слитно и по слогам, осознается носителями говора как одна и та же функциональная единица. Однако присутствие парадигматического фактора, определяющего характер изменений у гласных, свидетельствует, что слог, как произносительно выделенная единица, функционирует не только на уровне речи, но имеет последствия и на уровне языка.

Таким образом, анализ возникающих при слогоделении изменений в структуре звуковой цепи, соответствующей словоформе, подтверждает, что автономизация слога как сегмента в такой цепи придает слогу межуровневый характер, т.е. обуславливает его принадлежность одновременно к уровню речи и уровню языка.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, с. 189. По "силе произношения" гласного О. Брок определяет образование закрытых слогов при наличии в слове интервокальных консонантных сочетаний, с. 188–190.

<sup>2</sup> Это подтверждается экспериментальными исследованиями. Все существующие в настоящее время теории слога отмечают проявление слогов в речи как ритмически повторяющиеся смену увеличения и уменьшения его фонетических характеристик (физиологических и/или акустических) (см. подробно: Таранец В.Г. Энергетическая теория речи. Киев, Одесса, 1981, с. 23–24, где дается обзор литературы по этому вопросу).

<sup>3</sup> Говору присущ в основном парокситонический тип ударения, как и в литературном польском языке; поэтому знак ударения ставится лишь в тех случаях, когда представлены отклонения от этой нормы.

<sup>4</sup> Примеры из литературного языка даны в орфографической форме.

<sup>5</sup> В квадратных скобках даны слова, не функционирующие в говоре и повторенные информатором вслед за эксператором.

<sup>6</sup> Для носителей говора характерен польско-украинский билингвизм, а сам говор функционирует среди украинских говоров юго-западной группы, которые характеризуются заменой *e*, *o* на гласные верхнего подъема (см. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, с. 90–93).

<sup>7</sup> Некоторые польские исследователи считают польские назальные гласные дифтонгами, состоящими из гласного и следующего за ним носового *ń* или *w* (см., например: Biedrzycki L. Fonologiczna interpretacja polskich głosek nosowych. – In: Buletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, zesz. XXII. Wrocław etc., 1963, s. 25–45). В описываемом говоре сочетание *oj* в приведенных примерах воспринималось аудитивно как оральное, без носового резонанса.

<sup>8</sup> Это заимствования. В литературном польском языке в таких словоформах наряду с VN произносится назальный гласный, т.е. не только *komfort*, *konsul*, *konxa*, *benzyna*, *sens*, но и *kɔfort*, *kɔsul*, *kɔxa*, *bɛzyna*, *sɛs* (примеры приведены в фонетической транскрипции) – см. Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia języka polskiego. Wrocław etc. 1980, s. 80, 92, 129. В описываемом говоре зафиксировано в таких случаях лишь произношение VN.

<sup>9</sup> Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977; Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979, с. 232–233; Таранец В.Г. Указ. соч., с. 43.

<sup>10</sup> Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. W-wa, 1952, cz. 1, s. 85–87; Koneczna H. Charakterystyka fonetyczna języka polskiego. W-wa, 1965, s. 119; Wierzchowska B. Op. cit., s. 79, 92. Г. Конечна и С. Ропонд называют артикуляцию польских назальных гласных орально–назальной (см. Koneczna H. Op. cit., s. 119; Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. W-wa, 1971, s. 83).

<sup>11</sup> Г. Конечна считает, что переход *ø* > *o* в конце слова – это первая ступень редукции безударных гласных; такое явление фиксируется в восточнопольских говорах и, по мнению Г. Конечной, вызвано влиянием восточнославянских языков (см. Koneczna H. Op. cit., s. 111).

<sup>12</sup> Rospond S. Op. cit., s. 83–84.

<sup>13</sup> Интересно отметить, что утрата *e* в конце слова в польском языке наблюдается со 2-й половины XVI в. (см. Stieber Z. Rozwój fonologiczny języka polskiego. W-wa, 1958, s. 37).

<sup>14</sup> Об артикуляционном механизме произношения назального гласного перед последующим согласным см. подробно: Doroszewski W. Op. cit., s. 85–88. Результаты экспериментального исследования артикуляции назальных гласных *ø*, *e* представлены в: Wierzchowska B. Opis fonetyczny języka polskiego. W-wa, 1967, s. 110–112, 126–129.

<sup>15</sup> Doroszewski W. Op. cit., s. 88.

<sup>16</sup> Ibid., s. 67.

<sup>17</sup> Ibid., s. 89.

<sup>18</sup> Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia..., s. 129.

<sup>19</sup> Doroszewski W. Op. cit., s. 93.

<sup>20</sup> Ibid., s. 88.

<sup>21</sup> Ср. в разговорном литературном языке колебания *ɛ* ~ *ɛ̃* ~ *ej* и *ø* ~ *ɔ̃* ~ *oj* перед мягкими передненебными спирантами: *vɛ̃s* ~ *vɛ̃js* ~ *vɛjs*, *sɔ̃sc̃* ~ *sɔ̃sc̃e* ~ *sɔ̃sc̃e* (см. Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia..., s. 129), допустимость произношения *ou* и *ø* (< \**p*) перед твердыми передненебными спирантами: *voɔ̃s* ~ *voɔ̃s* (см. Wierzchowska B. Opis fonetyczny..., s. 112), а также диалектное произношение типа *kɔ̃jɛ̃za*, *kɔ̃jɛ̃za*, *tũjɛ̃za* в соответствии с *ɛ*, *ø* в литературном языке (см. Koneczna H. Op. cit., s. 111).

<sup>22</sup> Б. Вежховская, описывая артикуляцию назальных перед спирантами, в частности, приводит примеры произношения *gɛ̃js*, *zvɛ̃jic̃*, где выделение произношения *j* обусловлено несколько преждевременным возвращением небной занавески в нейтральное положение, см: Wierzchowska B. Opis fonetyczny..., s. 129).

<sup>23</sup> В связи с характером артикуляции назальных Г. Конечна пишет, что при движении языка вверх (с одновременным опусканием небной занавески) возникает неустойчивость в произношении с вокальной назальностью; произношение *Vj* на месте \**ɛ̃*, \**ø̃* Г. Конечна считает своеобразным типом деназализации: движение языка вверх компенсирует отсутствие опускания небной занавески (см. Koneczna H. Op. cit., s. 109–111).

<sup>24</sup> Произношение с *e* представлено и в литературном языке. Однако, как отмечает П. Бонк, в разговорной речи перед *l*, *l'* гласный в указанных морфемах может произноситься "с легкой назальностью" (см. Bąk P. Gramatyka języka polskiego. W-wa, 1977, s. 73).

<sup>25</sup> З. Штибер связывает утрату назальности перед *l*, *ł* "разложением" назальных гласных, т.е. с асинхронизацией назальной и оральной артикуляции носового гласного (см. Stieber Z. Op. cit., s. 39–40).

<sup>26</sup> Ср. произношение назальных гласных перед *t*: смычка исключает вокальную назальность, см.: Doroszewski W. Op. cit., s. 88.

<sup>27</sup> Ср. произношение *s* после носовых гласных: фрикация исключает образование назального консонантного элемента в экскурсии *S* (см. Doroszewski W. Op. cit., s. 87–88).

<sup>28</sup> О существовании вокальной назальности перед взрывными и аффрикатами в прошлом см.: Ściebora A. O monoftongicznej wymowie polskich samogłosek nosowych. –

In: Prace Filologiczne, W-wa, 1964. T. XVIII, cz. III; утрата назальности *ç* перед *l, ŋ* датируется с конца XVI в. (см. Stieber Z. Op. cit., s. 39–40).

<sup>29</sup> Milewski T. Derywacja fonologiczna. – In: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1950, IX, s. 43–75.

<sup>30</sup> Zwoliński P. Dokona fonemów potencjalnych. – In: Lingua Posnaniensis, III, 1951, s. 331.

<sup>31</sup> Kalnin L. To the question of functioning of the Syllable. – In: Paper presented to the Tenth International Congress of Phonetic Sciences (Utrecht 1983). Moscow, 1983, p. 10.

Т.В. ПОПОВА

## ИЗ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ МОРФОНОЛОГИИ (чредования в глаголе в говоре с. Кортен)

Говор села Кортен Новозагорского округа принадлежит к восточно-болгарским говорам подбалканского типа, которые занимают значительную территорию и представляют собой одну из наиболее обширных диалектных зон современного болгарского языка. Эти говоры объединяются между собой благодаря наличию целого ряда свойственных только им фонетических, морфологических, синтаксических и лексических черт и уже давно привлекают к себе внимание диалектологов и историков языка. К настоящему времени насчитывается немалое количество работ, посвященных как монографическому описанию отдельных подбалканских говоров, так и описанию различных диалектных явлений<sup>1</sup>. Однако специальных исследований, объектом которых была бы морфонологическая структура этих говоров, до сих пор еще не проводилось, хотя наличие определенных специфических особенностей, характеризующих морфонологические закономерности подбалканских диалектов болгарского языка, представляет несомненный интерес в плане расширения и углубления наших знаний как о болгарских диалектах в целом, так и об устройстве грамматической системы болгарского языка в частности.

В настоящей статье на основе изучения парадигм всех зафиксированных нами диалектных глаголов (более 1000 бесприставочных и приставочных)дается синхронное описание сегментных морфонологических чредований в системе глагольного словоизменения кортенского говора<sup>2</sup>.

В словоизменительную парадигму каждого глагола включаем такие синтетические формы, как формы настоящего времени (наст.), имперфекта (имп.), аориста (аор.), повелительного наклонения (повел.), имперфектного причастия (имп. пр.) и аористного причастия (аор. пр.).

Глаголы в говоре с. Кортен по характеру набора флексий в формах наст. распределяются в четыре спряжения (см. табл. 1).

Следует отметить, что глаголы, относящиеся в кортенском говоре к I и II спряжениям, соответствуют тому же распределению глаголов по спряжениям и в литературном болгарском языке. Глаголы же, составляющие в говоре III спряжение, представляют собой соединение в одном самостоятельном глагольном классе как глаголов I, так и глаголов II спряжений литературного болгарского языка, которые объединяются в говоре благодаря общности глагольных флексий наст.: здесь гласный флексии находится в безударной позиции, служащей позицией неразличения фонем

Таблица 1

	I спр.	II спр.	III спр.	IV спр.
1 л.ед.	-́а, -́я, -м*	-́а, -́я	-а, -́я	-м
2 л.ед.	-́ш	-́ш	-иши, -йши	-ш
3 л.ед.	-́е	-́и	-и, -й	-́ю
1 л.мн.	-́м	-́м	-им, -йм, -йм'и	-м'и
2 л.мн.	-́т'и	-́т'и	-ит'и, -йт'и	-т'и
3 л.мн.	-́т, -́т	-́т, -́т	-ат, -ет	-т

\*Глаголы *дам* (*прудам*), *йам* (*дуйам*, *изам*, *зайам*, *наиам са*), *клам* (*наклам*), *крам* (*уткрам*).

Таблица 2

	Имперфектная связочная морфема			Флексии
	I и II спр.	III спр.	IV спр.	
1 л.ед.	'а	е	ø	-φ, -h, -ø
2 л.ед.	é	е	ø	-ши
3 л.ед.	é	е	ø	-ши
1 л.мн.	é	е	ø	-φм'и, -хм'и, -йм'и, -м'и
2 л.мн.	é	е	ø	-φт'и, -хт'и, -йт'и, -т'и
3 л.мн.	'а	ø	ø	-φа, -ха, -яа, -а

/e/ и /и/<sup>3</sup>. В результате, как это видно из таблицы, первые три спряжения различаются между собой гласными фонемами в формах 2 и 3 л.ед. и 1 и 2 л.мн.наст., а именно: /e/ – I спр., /и/ – II спр., (и) – III спряжение.

Формы *имп.* образуются от основы *наст.*, к которой присоединяется имперфектная связочная морфема (ИСМ) и соответствующие флексии (см. табл. 2).

Формы *аориста* образуются от аористной основы путем присоединения к ней аористной связочной морфемы (АСМ) и флексий; по характеру реализации АСМ все глаголы распределяются в разряды (см. табл. 3).

Примеры, иллюстрирующие таблицу 3:

I спр.: 1 разряд – *р'иωá*, *мра*, *такá//тачá*, *б'ерá*, *п'ийá*, *станá*, *кълна...*

2 разряд – *гн'ийá...*

3 разряд – *п'икá//п'ичá*, *пл'итá*, *будá*, *н'исá*, *дам*, *йам...*

4 разряд – *грызd//гр'изá*, *стр'ижá*.

II спр.: 1 разряд – *густ'á...*

2 разряд – *ωзр'гá...*, *сна* (аор. *снah*).

III спр.: 1 разряд – *áпna*, *гр'ёба*, *ω'езa...*

2 разряд – *б'ийá...*, *з'ёма*.

3 разряд – *бáйa*, *тб'д'a*, *мъм'r'a...*

4 разряд – *ω'ида*, *кбл'a*, *ст'ёл'a*, *м'ёл'a*, *съз'ёра*, *ку'ца*.

IV спр.: *ap'есam...*

Таблица 3

## Аористная связочная морфема

Разряды	I спр.				II спр.		III спр.	
	1	2	3*	4	1	2	1	2
1 л.ед.	á	ø	a//y	á	í//í	’á	á	ø
2 л.ед.	á	ø	a//и	á	í	’á	á	ø
3 л.ед.	á	ø	a//и	á	í	’á	á	ø
1 л.мн.	á	ø	a//y	á	í//í	’á	á	ø
2 л.мн.	á	ø	a//y	á	í//í	’á	á	ø
3 л.мн.	á	ø	a//y	á	í//í	’á	á	ø

## Аористная связочная морфема

Разряды	III спр.		IV спр.	Флексии	
	3	4			
1 л.ед.	’á (чаще) //í//и	á	ø	-φ, -h, -ø	
2 л.ед.	’á (чаще) //и	á	ø	-φ	
3 л.ед.	’á (чаще) //и	á	ø	-φ	
1 л.мн.	’á (чаще) //í//и	á	ø	-φm'i, -hm'i, -ym'i, -m'i	
2 л.мн.	’á (чаще) //í//и	á	ø	-φt'i, -ht'i, -yt'i, -t'i	
3 л.мн.	’á (чаще) //í//и	á	ø	-φa, -ha, -ya, -a	

\*1) Всё глаголы этого разряда образуют формы аор.пр. с АСМ = ø, например: *п'ékыл, п'ékla; п'el, pl'elq; сn'el, сn'ela*.

2) Глаголы I спряжения 3 разряда *r'iká//r'učá* (*изр'iká//изр'učá, нар'iká//нар'učá*) могут образовывать формы аор. и аор. пр. по двум моделям: с АСМ = [ó, é] и с АСМ = [a//y, a//и] (формы аор.) и с АСМ = ø + a- либо b- ударением (формы аор.пр.): аор. *изр'ékah//изр'ékuyø//изр'ikbh*, *изр'échi//изр'učé*, *изр'ékah a//изр'ékuyha//изр'učha* (-φø, -øa); аор.пр. *изр'ékyl//изр'ikbl*, *изр'ekla//изр'ikla*, *изр'ekl'u//изр'učle'*.

Формы *имп.пр.* и *аор.пр.* образуются путем присоединения к соответствующим основам ИСМ и АСМ и флексий: муж.р.ед. ø, жен.р.ед. -ø (ö) и -á, ср.р.ед. -u и -é, мн. -u и -é.

При образовании форм *повел.* к основам *наст.* (кроме основ на [й]) присоединяются флексии -ú (ед.) и -ét'u (мн.); к основам *наст.* на [й] присоединяются флексии -ø (ед.) и -t'u (мн.).

К факторам, обуславливающим наличие или отсутствие сегментных морфонологических чередований, относятся: 1) ударение в парадигме *наст.*, 2) строение исхода глагольной основы в форме 1 л.ед.*наст.*, 3) грам-

матический контекст, т.е. аффиксы, присоединяемые к основе, 4) лексическая характеристика глагола. Поэтому при анализе морфонологической структуры глагола важно учитывать все указанные факторы.

1) В говоре с. Кортен все глаголы I и II спряжений имеют в парадигме наст. ударение на флексии (*b*-удаление), а глаголы III и IV спряжений – удаление на основе (*a*-ударение). Как следствие этого – только глаголы I и II спряжений с основой на парные твердые согласные могут иметь в формах имп. и имп.пр. самостоятельный вариант глагольной основы со степенью чередования в исходе, реализованной мягкой согласной фонемой.

2) Глаголы I, II и III спряжений имеют консонантные основы, а глаголы IV спряжения – вокалические. В зависимости от принадлежности к спряжениям, основы глаголов первых трех спряжений завершаются в форме 1 л.ед.наст. на согласные:

I спряжение – [ω, ω', с, з, т, д, н, р, ч, ж, й, к]

II спряжение – [п, п', б', ω', м', т', д', с', с', л', н', р', ч, ж, дж, ш, й]

III спряжение – [б, б', п', м, м', φ', т', д, д', л', р, р', н, н', с', з, з', ц, ч, ж, дж, ш, шт, шт', жд, й, г].

Сопоставление между собой исходов основ у глаголов, характеризующихся *b*-ударением, показывает, что, наряду с наборами флексий наст., признаком, по которому эти глаголы входят в I или II спряжение, является в определенной степени и строение исхода основы. Так, уже одно только наличие в конце основы 1 л.ед.наст. согласных [ω, с, з, т, д, н, р, к] свидетельствует о принадлежности глаголов к I спряжению, а завершение основ на согласные [п, п', б', м', т', д', с', с', л', н', р', дж, ш] – является признаком принадлежности глаголов ко II спряжению. Различительным же признаком глаголов I или II спряжения, основы которых завершаются на [ω', ч, ж, й], является только набор флексий наст., поскольку такой признак, как строение основы, у них обобщен.

Что касается глаголов III спряжения, то они отличаются от глаголов I и II спряжений прежде всего набором флексий наст. и наосновным ударением в парадигме наст. И только у глаголов, основы которых завершаются на [б, м, φ', з', ц, шт', жд, г], дополнительным признаком их принадлежности к III спряжению является также и строение исхода основы<sup>4</sup>.

Диалектный материал, собранный в говоре с. Кортен, показал, что такие признаки, как строение исхода глагольной основы и контур ударения в формах наст., в ряде случаев уже сами по себе могут сигнализировать о наличии или отсутствии морфонологического чередования в полной парадигме глагола. Например, материал, рассматриваемый в том объеме, в каком он был собран в с. Кортен, однозначно указывает на способность к морфонологическим преобразованиям исхода тех основ, которые завершаются на согласные [ω, м, п, т, д, с, р, ц, к, шт, шт', жд]. Так же однозначно сигнализируют о запрете морфонологического изменения глагольной основы конечные согласные [φ', д', с', з', с', н']. Наличие же в исходе основ в форме 1 л.ед.наст. согласных [ω', б', п', м', н, з, т', л', р', й, ч, ш, ж, дж] говорит о различном поведении глагольных основ в процессе словоизменения: одни из них подвергаются сегментным морфонологическим преобразованиям, другие – нет.

О некоторых сегментных чередованиях в исходе глагольных основ можно судить и по ударению в парадигме наст. Выше упоминалось, что

сочетание *b*-ударения с наличием в исходе основы твердого согласного, реализующего парную твердую фонему, четко указывает на чередование твердого альтернанта с мягким в формах наст. и имп.

3) Как известно, число альтернантов (ступеней чередования) в морфонологическом чередовании соответствует количеству вариантов глагольной основы в рамках парадигмы одного глагола, где каждый альтернант объединяет лишь те словоформы, в которых выделяется один и тот же вариант основы. Так, например, для говора с. Кортен все словоформы одной глагольной парадигмы могут быть распределены в восемь групп, каждая из которых включает в свой состав либо одну словоформу, либо ряд словоформ с тождественным вариантом основы:

1. словоформа 1 л.ед.наст.;
2. словоформы 2–3 л.ед. и 1–2 л.мн.наст.;
3. словоформа 3 л.мн.наст.;
4. словоформы имп. и имп.пр.;
5. словоформы повел.;
6. словоформы 1 л.ед. и 1, 2, 3 л.мн.аор.;
7. словоформы 2–3 л.ед.аор.;
8. словоформы аор.пр.

Эти группы как бы выполняют роль простейших "строительных блоков", из которых может быть составлена любая парадигма глагола. Тем самым они помогают понять механизм спряжения каждого глагола, раскрывая внутреннюю, относящуюся к основе, структуру глагольных словоформ.

Выделенные группы словоформ с тождественными вариантами основ (или блоки) могут по-разному сочетаться между собой на базе идентичности вариантов основ (например, вариант *маж-* глагола *мажа* объединяет с 1-го по 5-й блоки, а вариант *маз-* — с 6-го по 8-й блоки), образуя реальные грамматические оппозиции (в данном случае: /наст., имп., имп. пр., повел./ ~ /аор., аор.пр./), которые реализуются в речи при помощи таких средств плана выражения, как материальный (формальный) облик аффиксов и сегментные морфонологические чередования.

4) Немаловажное значение при изучении морфонологической структуры имеет и определение лексического состава той или иной группы глаголов, типизированное преобразование основ которых явно предсказуемо и обязательно для каждого отдельного глагола этой группы.

\* \* \*

По своей морфонологической характеристике парадигмы всех зафиксированных в говоре с. Кортен глаголов распределяются в два больших класса. В один входят глаголы, основам которых свойственны сегментные морфонологические преобразования, а отличительным признаком словоизменительных моделей являются морфонологические чередования. Другой класс составляют глаголы с неизменным фонемным составом основы в рамках парадигмы; их словоизменительные модели характеризуются отсутствием морфонологических чередований.

В системе спряжения кортенского глагола отмечены следующие сегментные чередования.

І альтернативный ряд<sup>5</sup>: /наст., имп., имп.пр., повел./ ~ /аор., аор.пр./.

1) /ч/ ~ /к/ – а) *влача*, *дўтча*, *дѣфча*, *заплача*, *изволча*, *исмұча*, *наплача* сә; *наадуңча*, *натъпча*, *плача*, *пр’исұча*, *смұча*, *сұча*, *тьпча* (III спряжение, 1 разряд) : наст. *плача*, *плачиши...*; имп. *плачеф*, *плачеши...*; аор. *заплақаф*; б) *истача*, *тачá* (I спряжение, 1 разряд)<sup>6</sup> : наст. *тачá*, *тачéши...*, *тачéт*; имп. *тачаф*, *тачéши...*; аор. *истакаф*.

2) /ж/ ~ /г/ – а) *излѣжа*, *лѣжа* (III спряжение, 1 разряд) : наст. *лѣжа*, *лѣжиши...*; имп. *лѣжеф*, *лѣжéши...*; аор. *излѣгаф*; б) *пустр’ижá*, *стр’ижá*, *устр’ижá* (I спряжение, 4 разряд) : наст. *стр’ижá*, *стр’ижéши...*, *стр’ижéт*; имп. *стр’ижáф*, *стр’ижéши...*; аор. *устр’игаф*.

3) /дж/ ~ /г/ – *наст’рджа*, *пустр’рджа*, *ст’рджа*, *устр’рджа* (III спряжение, 1 разряд) : наст. *ст’рджа*, *ст’рджиши...*; имп. *ст’рджеф*, *ст’рджеши...*; аор. *наст’ргаф*.

4) /ш/ ~ /с/ – *бѣриша*, *зам’ир’ыша*, *зап’иша*, *м’ир’ыша*, *нап’ыша*, *п’ыша*, *пр’ип’ыша*, *пум’ир’ыша*, *р’еша*, *ср’еша*, *ум’ир’ыша*, *учéша* (са), *чёша* (са) (III спряжение, 1 разряд)<sup>7</sup> : наст. *чёша*, *чёшиши...*; имп. *чёшесф...*; аор. *учéсаф*.

5) /ж/ ~ /з/ – *б’ил’ежа*, *бл’ижа*, *зағ’ил’ежа*, *замажа*, *зар’ежа*, *измажа*, *искажа*, *кажа*, *мажа*, *нақажа*, *намажа*, *наң’ижә*, *нар’ежа*, *н’ижә*, *р’ежа*, *смажа*, *убл’ижә*, *нар’ижә* (III спряжение, 1 разряд)<sup>8</sup> : наст. *р’ежа*, *р’ежиши...*; имп. *р’ежесф*, *р’ежешши...*; аор. *нар’азаф*.

6) /ðж/ ~ /з//ðз/ – *әзәрджа*, *әзәзәрджа*, *зәвәрджа*, *сәвәрджа* (III спряжение, 1 разряд) : наст. *әзәрджа*, *әзәрджиши...*; имп. *әзәрджеф...*; аор. *зәвәрсаф//зәвәрзәф*.

7) /й/ ~ Ø – а) *гн’ийá*, *изгн’ийá*, *исп’ийá*, *п’ийá* (I спряжение, 2 разряд)<sup>9</sup> : наст. *п’ийá*, *п’ийеш...*, *п’ийéт*; имп. *п’ийáф*, *п’ийéши...*; повел. *п’ий*, *п’ийт’и*; аор. *исп’ийф*, *исп’ий...*; б) глаголы III спряжения 2 разряда: на [ий] – *б’ийә*, *ә’нийә*, *зәш’ийә*, *зашаййә*, *изм’ийә*, *кр’ийә*, *м’ийә*, *нағ’ийә*, *наш’ийә*, *пукр’ийә*, *пум’ийә*, *скр’ийә*, *уб’ийә*, *ум’ийә*, *ушаййә*, *шиййә*; на [уй] – *зачүйә*, *истл’уйә*, *нағл’уйә*, *пл’уйә//пл’ийә*, *пучүйә*, *събүйә*, *убүйә*, *улүйә*, *чүйә*; на [ай]<sup>10</sup> – *зәиграййә*, *зәлайдә*, *зәнайдә//зәнам*, *играййә*, *излайдә*, *искупайдә*, *купайдә*, *мутайдә*, *нағ’икайдә*, *п’икайдә*, *пузнайдә*, *пүйиграййә*, *смугтаййә*, *чөртаййә*, *шл’айдәса*; на [ей] – *бл’еййә*, *бул’еййә*, *ә’еййә*, *ә’инчеййә*, *әләд’еййә*, *әзәршеййә*, *әзест’еййә*, *гр’еййә*, *гуш’еййә*, *думъич’еййә*, *жал’еййә*, *жиш’еййә*, *замърс’еййә*, *зәп’еййә*, *зәс’еййә*, *зәсм’еййәса*, *зәстар’еййә*, *эр’еййә*, *ижиш’еййә*, *изгр’еййә*, *изл’еййә*, *исп’еййә*, *искр’иш’еййә*, *л’еййә*, *л’ул’еййә*, *п’еййә*, *пр’ижиши’еййә*, *пр’им’ирджей’темнеет*, *пр’ис’еййә*, *пул’еййә*, *пудауд’еййә*, *пучерн’еййә*, *разбул’еййә*, *с’еййә*, *см’еййәса*, *стар’еййә*, *състар’еййә*, *үшн’иг’еййә*, *үшләд’еййә*, *үгул’еййә*, *үдэрг’еййә*, *үздраш’еййә*, *үзр’еййә*, *үсл’еп’еййә*, *устар’еййә*, *чөрн’еййә*, *штръкл’еййә* ’становиться бешеным’ ; например: наст. *б’ийә*, *чүйә*, *играййә*, *гр’еййә...*, *б’ийет*, *чүйет*, *играйет*, *гр’ейет*; имп. *б’ийесф*, *чүйесф...*; аор. *уб’ийф*, *зачүф*, *по’игрэф*, *изгр’аф...*

8) /м/ ~ Ø – *заémä*, *з’эмä*, *наэмä*, *пуэмä*, *пр’и’эмä*, *разн’эмä*, *сн’эмä* (III спряжение, 2 разряд) : наст. *з’эмä*, *з’ем’иш...*; имп. *з’ем’еф...*; аор. *пуеф*, *заеф*, *наеф*, *пуе...*

9) /п’/ ~ /п/ – *án’ä//hán’ä*, *кéн’äса*, *udn’ä//yhdn’ä*, *уќéн’ä*, *ушт’ин’ä*, *шт’ин’ä*, *шт’ин’äф*, *фкéн’äса* (III спряжение, 1 разряд) : наст. *шт’ин’ä*, *шт’ин’иш...*; имп. *шт’ин’еф...*; аор. *ушт’ин’аф*, *ушт’ин’я...*

10) /б/ ~ /б/ – скуб'а, ускуб'а (III спряжение, 1 разряд): наст. скуб'а, скуб'иш...; имп. скуб'еф...; аор. ускуб'аф...

11) /м/ ~ /м/ – кл'ум'а, раскл'ум'а (III спряжение, 1 разряд): наст. кл'ум'а, кл'ум'иш...; имп. кл'ум'еф...; аор. раскл'ум'аф...

12) /т/ ~ /т/ – бз'т'а, набз'т'а, пубз'т'а (III спряжение, 1 разряд): наст. бз'т'а, бз'т'иш...; имп. бз'т'еф...; аор. набз'т'аф.

13) /р/ ~ /р/ – мэмр'а, наэмр'а, пэмр'а<sup>11</sup>, расэмр'а (III спряжение, 1 разряд): наст. мэмр'а, мэмр'иш...; имп. мэмр'еф...; аор. наэмр'аф...

14) /л/ ~ /л/ – напэл'а, пэл'а (III спряжение, 1 разряд): наст. пэл'а, пэл'иш...; имп. пэл'еф...; аор. напэллаф...

15) /шт/ ~ /ск/ – др'ишт'а, издр'ишт'а, измлашт'а, млашт'а, напл'ешт'а, пл'ешт'а, пошт'а, пупошт'а (III спряжение, 1 разряд): наст. пошт'а, пошт'иш...; имп. пошт'еф...; аор. пупоскаф...

16) /шт//шт/ ~ /ск/ – драшт'а//драст'а, удрашт'а//удраст'а (III спряжение, 1 разряд): наст. драшт'а//драст'а, драшт'иш...; имп. драшт'еф...; аор. удрасткаф...

17) /жд/ ~ /зг/ – глажда, изглажда (III спряжение, 1 разряд): наст. глажда, глажд'иш...; имп. глажд'еф...; аор. изглозгаф...

18) /ц/ ~ /ц/ – куц'а, укуц'а (III спряжение, 4 разряд): наст. куц'а, куц'иш...; имп. куц'еф...; аор. укуц'аф...

19) /д/ ~ /д/ – ω'ид'а, зәω'ид'а (III спряжение, 4 разряд)<sup>12</sup>: наст. ω'ид'а, ω'ид'иш...; имп. ω'ид'еф...; аор. зәω'ид'аф...

20) /е/ ~ # – а) б'ерда, д'ерда, зәд'ерда, зб'ерда, исн'ерда, наб'ерда, п'ерда, пр'иб'ерда, разб'ерда, съб'ерда, уд'ерда, уп'ерда (I спряжение, 1 разряд): наст. б'ерда, б'ер'еш...; имп. б'ер'дф, б'ер'еш...; аор. събрарф; б) изм'ел'а, м'ел'а, см'ел'а, ум'ел'а (III спряжение, 4 разряд): наст. м'ел'а, м'ел'иш...; имп. м'ел'еф...; аор. смл'аф, смл'а...

21) /ол/ ~ /#л/ – заколь'а, исколь'а, коль'а (III спряжение, 4 разряд): наст. коль'а, кбл'иш...; имп. коль'еф...; аор. закларф.

22) /ел/ ~ /#л/ – пуст'ел'а, раст'ел'а, ст'ел'а (III спряжение, 4 разряд): наст. ст'ел'а, ст'ел'иш...; имп. ст'ел'еф...; аор. пусларф.

23) /ер/ ~ /#р/ – съз'ера (III спряжение, 4 разряд): наст. съз'ера, съз'ер'иш...; аор. съэр'аф (формы имп. не собраны).

II альтернативный ряд: /наст., повел., аор., аор., пр./ ~ /имп., имп.пр./.

1) /в/ ~ /в/ – закува, изр'ива, искъла, кува, къла, р'ива, снува, уснува, утьрова (I спряжение, 1 разряд): наст. снува, снув'еш..., снув'ет; имп. снув'аф, снув'еш...; аор. уснуваф.

2) /п/ ~ /п/ – заспа, наспа, пр'испа, спа (II спряжение, 2 разряд): наст. спа, сп'иш...; имп. сп'аф, сп'еш...; аор. наспафса.

3) /т/ ~ /т/ – израстя, пурастя, растя (I спряжение, 3 разряд)<sup>13</sup>: наст. растя, раст'еш...; имп. раст'аф, раст'еш...; аор. израстяф//израстуф, израстя//израст'и...; аор.пр. израстал, израстала.

4) /с/ ~ /с/ – насада, наса, стр'иса, тр'иса, уфт'иса (I спряжение, 3 разряд): наст. наса, нас'еш...; имп. нас'аф, нас'еш...; аор. напасаф//напасуф, напаса//напас'и.

5) /з/ ~ /з/ – грызда, грыза, угрызда, уггр'иза (I спряжение, 4 разряд): наст. грызда, грыз'еш...; имп. грыз'аф, грыз'еш...; аор. уггр'изаф.

6) /р/ ~ /р'/ – б'ерá, д'ерd, зд'ерá, зб'ерd, изурá, исп'ерd, наб'ерá, н'ерd, пр'иберá, пр'иурá, разб'ерá, съб'ерá, уд'ерá, уп'ерd, урá (I спряжение, 4 разряд) : наст. б'ерá, урá; б'ер'еш, ур'еш... ; имп. б'ер'аф, ур'аф... ; аор. съб'раф, изурáф.

7) /н/ ~ /н'/ – застнá, пр'истнá, станá, устанá<sup>14</sup>; кълнá, прукълнá<sup>15</sup> (I спряжение, 1 разряд) : наст. стнá, кълнá; стан'еш, кълн'еш... ; имп. стан'аф, кълн'аф... ; аор. пр'истнáф, прукълнáф.

III альтернативный ряд: /наст., повел./ ~ /имп., имп. пр., аор.. аор. пр./.

1) /т/ ~ /т'/ – н'иштá, штá (I спряжение, 1 разряд) : наст. шта, шт'еш... ; имп. шт'аф, шт'еши... ; аор. н'ишт'аф.

2) /р/ ~ /р'/ – запрá, мра, пуизмрá, путтрá, пустрá, спра, умрá (I спряжение, 1 разряд) : наст. мра, мр'еш... ; имп. mr'аф, mr'еши; аор. умр'аф, умр'd... .

IV альтернативный ряд: /наст., имп., имп.пр., повел., аор. (2,3 л.ед.)~/аор. (1 л.ед., 1, 2, 3 л.мн.), аор. пр./.

/ч/ ~ /к/ – ал'ечá, душл'ечá, изр'ичá, исп'ичá, ист'ечá, нар'ичá, нас'ечá, п'ичá, пр'и ал'ечá, р'ичá, свол'ечá, с'ечá, с'ечá, събл'ечá, т'ечá, убл'ечá (I спряжение, 3 разряд)<sup>16</sup> : наст. п'ичá, п'ичеш... ; имп. п'ичаф, п'ичеши... ; аор. исп'éка h //исп'éкуф, исп'éчи... ; аор.пр. исп'éкал, исп'éкла.

V альтернативный ряд: /наст., повел., аор./~/имп., имп.пр./ ~ ~/аор. пр./.

1) /т/ ~ /т'/ ~ Ø – запл'итá, изм'итá, испл'итá, м'итá, пл'итá, пр'им'итá, пручитá, ум'итá, упл'итá, фпл'итá, читá, 'считать, читать' (I спряжение, 3 разряд)<sup>17</sup> : наст. читá, чит'еш... ; имп. чит'аф, чит'еши... ; аор. пручётah//пручётуф, пручётa//пручёт'u... ; аор.пр. пручёл, пручёла.

2) /д/ ~ /д'/ ~ Ø – будá, ѿ'идá, дуѡ'идá//дуѡдá, заѡ'идá//заѡдá, избудá, изѡ'идá, испр'ида, кладá, крадá, набудá, наѡ'идáса, накладá, нар'идá, пр'ида, пуѡ'идá//пуѡдá, украдá, упр'ида (I спряжение, 3 разряд)<sup>18</sup> : наст. будá, буд'еш... ; имп. буд'аф, буд'еши... ; аор. набóддаh//набóдуф, набóддa//набóдд'u... ; аор.пр. набóл, набóла.

3) /с/ ~ /с'/ ~ Ø – дун'исá, зан'исá, н'исá, пр'ин'исá, сн'исá, фн'исá (I спряжение, 3 разряд)<sup>19</sup> : наст. н'исá, н'ис'еш... ; имп. н'ис'аф, н'ис'еши... ; аор. сн'éсаh//сн'éсуф, сн'éса//сн'éс'i... ; аор. пр. сн'ел, сн'ёла, сн'ёл'i.

VI альтернативный ряд: /1 л. ед. наст., повел., аор. пр./ ~ ~/наст. (кроме 1 л. ед.), аор./~/имп., имп. пр./.

Ø ~ /д/ ~ /д'/ – дам, издám, прудáм (I спряжение, 3 разряд) : наст. дам, дад'еш... , дад'ёт; имп. дад'аф, дад'еши... ; аор. прудáдаh//прудáдуф, прудáда//прудáд'u... ; аор.пр. прудáл, прудáла; повел. дай, дáiт'i.

VII альтернативный ряд: /1л. ед. наст., аор. пр./ ~ /наст. (кроме 1л. ед.), аор. /~/имп., имп. пр./ ~ /повел/.

Ø ~ /д/ ~ /д'/ ~ /ж/ – дуйдам, зайдам, из'дам, йам, найдмса (I спряжение, 3 разряд) : наст. йам, ѹед'еш... , ѹед'ёт; имп. ѹед'аф//ѹид'аф, ѹед'еши... ; аор. найáдаhса//найáдуф са, найáдаса//найáд'u са... ; аор.пр. найáлса... ; повел. йаш, ѹешт'i.

В качестве дополнения приводим полные парадигмы глаголов III спряжения дбда//дбйда, ѵда, найда, ут'ида//үт'ида и мόжа//мбыйса//мбга, морфологическая и морфонологическая характеристика которых складывается из вариативных звеньев и является очень своеобразной.

## Н а с т.

- 1л.ед. дôда, йда, найда, ут'ида; мóжа//мóйа//мóа//мóга  
2л.ед. дôд'иш, йд'иш, найд'иш, ут'ид'иш; мóжиш//мóиши//мóйш  
3л.ед. дôд'и, йд'и, найд'и, ут'ид'и; мóжи//мóни//мóй  
1л. мн. дôд'им, йд'им, найд'им, ут'ид'им; мóжим, мóим//мóйим//мóйм'и  
2л. мн. дôд'ит'и, йд'ит'и, найд'ит'и, ут'ид'ит'и; мóжит'и//мóйт'и//мóйт'и  
3л. мн. дôдат, йдат, найдат, ут'идат; мóжет//мóйт'ет//мóйт//мóгат

## И м п.

- 1л.ед. йд'еф мóжевф//мóйеф 1л. мн. йд'евф'и мóже фм'и//мóйевфм'и  
2л.ед. йд'еши мóжевши//мóйеши 2л. мн. йд'евфт'и мóжефт'и//мóйевфт'и  
3л.ед. йд'еши мóжевши//мóйеши 3л. мн. йд'еа мóжеа//мóйеа

И м п. п р.: *йд'ел, йд'ела...; мóжел//мóйел, мóжевла//мóйевла...*

## А о р.

- 1л.ед. дудф//дудбó//дудо, найдаh//найдуф, ут'идаh//ут'идуф, мужéф//  
мужéh//мужáh  
2л.ед. дуд'е, найда//найд'и, ут'ида//ут'ид'и, мужá  
3л.ед. дуд'е, найда//найд'и, ут'ида//ут'ид'и, мужá  
1л. мн. дудó (φ, h)м'и, найдаhм'и//найдуфм'и, ут'идаhм'и//ут'идуфм'и,  
мужóфм'и//мужáhм'и//мужéhм'и  
2л. мн. дудó (φ, h)т'и, найдаhт'и//найдуфт'и, ут'идаhт'и//ут'идуфт'и,  
мужбóфт'и//мужáht'и//мужéht'и  
3л. мн. дудó (φ, h)а, найдаhа//найдуфа//найдаa, ут'идаhа//ут'идуфа//ут'идаa,  
мужбó//мужбó//мужáha//мужéa//мужéa

А о р. п р.: *шел; душёл, душёл, душёл, душёл, душёл'; ут'ишёл//ушёл* (арх.),  
*ут'ишлд//ушлд* (арх.), *ут'ишл'е//ушл'е* (арх.); *нашёл, нашлд//наидла* (реже);  
*мужёл//мужёл//мужбл, мужбл, мужбл, мужбл'*.

П о в е л.: *иd'ú, дуд'ú, наid'ú, ут'иd'ú, н'и мóй; иd'éт'i, дуд'éт'i,*  
*наid'éт'i, ут'иd'éт'i, н'и мóйт'i.*

Остальные зафиксированные в говоре с. Кортен глаголы имеют и е и з-  
меняющий фонемный состав основы во всех формах парадигмы. Поэтому  
их парадигмы характеризуются отсутствием морфонологического  
передования. Это следующие глаголы:

II спряжение, 1 разряд: на [ω'] – дуώа́ (и дуйá), издуώа́ (и издуýd),  
искуώа́, клуώа́, круώа́ (и круýd), скруώа́ (и скруýá), струώа́ (и струýá);  
на [p'] – кр'up'á, пр'итуп'á, ступ'á, тун'd; на [b'] – глуб'á, дроб'á, зглуб'á,  
зуб'á, на глуб'á, на дроб'á, на зглуб'á; на [m'] – д'ум'á, засрам'á, изум'á, наум'á,  
срам'd, уд'им'á; на [t'] – густ'á, заплат'á, на густ'á, плат'á, усакаг'á; на  
[d'] – град'á, гуд'á, забрад'á, заград'á, згуд'á, кэд'á, на д'ид'á, на руд'á,  
на сад'á, р'ид'á, руд'á (ca), сад'á; на [c'] – гас'á, глас'á, кус'á, мэрс'á,  
на глас'á, спас'á, угас'á, умърс'á; на [l'] – д'ел'á, пусул'á, развоис'ил'á  
(ca), разд'ел'á, сул'á; на [n'] – дръбн'á, издръбн'á, изм'ен'á, пл'ен'á,  
пр'им'ен'á, пр'ит'есн'á; на [r'] – шар'á, гур'á (перех.), дар'á, изгур'á  
(перех.), на шар'á, пр'и шар'á, измур'á, пазар'á, пудар'á, сшар'á, умур'á;  
на [й] – брийá, дуйá (и дуώа́), издуйá (и издуώа́), круйá (и круώа́),  
на пуйá, пуйá, пуструйá, скруйá (и скруώа́), струйá (и струώа́), гайá (ca),  
утайá (ca); на [ш] – гр'ешá, исушá, пугр'ешá, разр'ишá, р'ишá, струшá,  
сушá, трушá; на [ж] – блажá, дължá, за дължá, зблажá, издължá, прудължá,  
(и, прудълджá), ублажá; на [ч] – бучá, закачá, искачá, качá, учá (и нучá),  
ф'ярчá; на [дж] – прудълджá.

II спряжение, 2 разряд: на [ə̄] — жиω̄'а́, ижиω̄'а́, зажиω̄'а́, стуюω̄'а́ (и стуйð), ужиω̄'а́; на [ɪ̄] — зак'ун'а́, иск'ун'а́, истърн'а́, к'ун'а́, търн'а́; на [m̄] — гърм'а́, зағрърм'а́; на [r̄] — бл'ест'а́, ѿърт'а́, забл'ест'а́, заѡърт'а́, заџиғт'а́, изѡърт'а́, исциғт'а́, млъшт'а́, наѡърт'а́, пр'ицъгт'а́, цъгт'а́; на [d̄] — қад'а́, нақад'а́, с'гд'а́ (и с'гдð), уб'ид'а́; на [c̄] — ω'ис'а́, зарус'и́ (дъш), рус'и́ (дъш); на [s̄] — напълс'а́, пълс'а́; на [l̄] — бул'а́, ѿл'и́, заубл'а́, заѡал'и́, разбул'а́, разѡал'и́; на [p̄] — ѿар'а́, ѿэр'а́ (=вървя), ѿъзвор'а́, гур'а́ (нпрх.), зағур'а́ (нпрх.), згур'а́ (нпрх.), изгур'а́ (нпрх.), пушор'а́, разѡар'а́; на [n̄] — ун'а́ (и үн'и́); на [й̄] — бойáса, избуйáса, пустуйáса, стуйд' (и стуюω̄'а́); на [ш̄] — исушиб', сушиб'; на [ж̄] — л'ежá, нағ'ижá, пул'ежá, т'ижá; на [ч̄] — гъл'ичá, мъл'ичá, пр'имъл'ичá, пугъл'ичá, пудмъл'ичá; на [дж̄] — дърджá, зағдърджá, пудърджá.

III спряжение, 1 разряд: на [б̄] — гр'еба, пугр'еба; на [з̄] — ω'еза, на [ӣ] — апна//хапна, бл'изна, ббдна, бръсна, бўкна, ѿ'йкна, ѿръчна са, ѿбрна, гръмна, гъна, глѣтна, д'ебна, д'игна, дрѣтна, жѣна, заѡърна, зағънна, зам'иная, замрѣдна, запл'есна, запѣна, затѣна, зағанна, зачѣна, згънна, з'апна, избрѣсна, изд'ебна, изд'игна, изн'икна, испламна, испұсна, ист'егна, исѣнна, кѣнна, к'ипна, к'исна, кѣсна, лаѡна, л'есна, лѣсна, мѣниа, м'арна, м'етна, м'инна, мрѣдна, мрѣкни, м'ышна, мѣкна, нағънна, нағдрѣтна, нағадна, нағогна (коб'я), нағонна, н'икна, падна//панна, пламна, пл'есна, прус'ениа, пуженна, пукна, пул'егна, пум'енна, пум'инна, пурасна, пұсна, пучина, пѣнна, разгъенна, распѣнна, разм'иная, р'игна, сѡ'етна, сѡ'инна//с'една, ск'исна, спр'ешина, спѣшина, срѣбна, ст'егна, ст'егна, ст'есна, т'егна, тр'есна, трѣна, турна, убрѣсна, уббрна, угъна, уткрамна, уткѣсна, утмѣнна, утпадна//утпанина, ѿғр'егна, фана, фк'исна, һукна, ҹамбүрна, ҹ'елүнна, ҹифна, ҹүкна, шепна, шүшна.

III спряжение, 3 разряд: на [ω̄] — гѣтв'а, дѣв'а, згѣтв'а, изустав'а (и изустайа), истроѡ'а, лб'ов'а, нағотв'а, нағрапш'а (и нағрапайа), праѡ'а (и прайдыа), пр'игбтв'а, пудгбтв'а, пупрв'а (и пупрайдыа), удѣв'а, усттав'а (и устайа); на [φ̄] — нағрѹф'а, трѹф'а; на [і̄] — заку'п'а (и заку'па), зағкѣрп'а, зағлүп'а, изл'үп'а, исчүп'а, күп'а (и күпа), к'ерп'а, настѣп'а, нащеп'а, пучерп'а, стѣп'а, фчүп'а, цен'а, чүп'а; на [б̄] — граб'а, губ'а, зағуб'а, зал'уб'а, зграб'а, изгуб'а, л'уб'а, фл'уб'а са; на [м̄] — зағкѣрм'а, измам'а, к'ерм'а, мам'а, нағкѣрм'а; на [т̄] — зам'ест'а, зағраббт'а, изм'ест'а са, измѣт'а, израббт'а, испрат'а, иничист'а, клат'а са, кот'а са, крѣст'а, м'ест'а са, мѣт'а, нағтѣрт'а, нағчиист'а, прат'а, раббт'а//рағбут'а (нов.), расклат'а, тѣрт'а, укот'и са, ус'ет'а, чист'а; на [п̄] — буð'а, ѿад'а, ѿад'а, ѿод'а//од'а, гѣд'а са 'угадать', гуð'а, зағод'а//загод'а, изѡад'а, исцѣд'а, нағрѹд'а са, бд'а//хбд'а//фбда, пруод'а//пруѡод'а, пѣд'а, расбод'а (са), с'ебод'а (са), събўд'а, трѹд'а са, убад'а; на [с̄] — заѡ'ис'а, зам'ес'а, м'ес'а, нағрѣс'а, нѣс'а (и нѣса), пудм'ес'а, пугтѣрс'а, рѣс'а, см'ес'а, тѣрс'а; на [з̄] — ѿоз'а /бз'а, гл'еэ'а, зағл'еэ'а, запаэ'а, зағтурмоз'а, кулгүча (шаревица), нағл'еэ'а, паз'а, турмоз'а; на [л̄] — гап'а, зам'исл'а, запаі'а, ыас'еі'а, зағстр'еі'а, зағт'еі'а, зағт'еі'а, зағопл'а, эзи'ил'а//заџи'ил'а, искашил'а, изм'исл'а, исспѣпл'а, исц'егл'а, истр'еі'а, кашл'а, кълкобл'а (ф'итоւ'ити и кълкобл'ат), м'исл'а, мобл'а, мѣрл'а, нағм'исл'а, нағтопл'а, пал'а, пумбл'а, пугнапл'а, пѣпл'а, разгол'а, стр'гла'а, стопл'а, т'егл'а, топл'а, угбл'а, утғерл'а, фбрл'а, ҹ'ил'а//џуал'а; на [р̄] — бобр'а, бѣрбобр'а, гуѡор'а (и гуѡорда), д'ир'а, зағс'и'а, зағтоб'а, изнам'ер'а, нам'ер'а, нағваэр'а, нағум'ер'а, пунар'а, 54

сω'ир'а, събóр'а, тýр'а, угувóр'а, удáр'а, утóр'а; на [н'] – бáгн'а  
са, гóн'а, жéн'а, запóмн'а//запóшн'а, запóл'н'а, изгóн'а, испóл'н'а, кáн'а,  
накáн'а, напóл'н'а, нараh'а, н' éн'а, пóмн'а//пóшн'а, пукáн'а, пóл'н'а, рáн'а  
//h рáн'а, расп'éн'а, расбн'а са, см' éн'а, убáгн'а са, ужéн'а; на [й]<sup>20</sup> – бáйq,  
забráйq (и забráw'а), залáйq, замáйq са, излáйq, изустáйq (и изустáw'а),  
истráйq, кáйq са, лáйq, мбáйса, мутáйса, напráйq (и напráw'а), прáйq (и  
праw'а), пубáйq, пукáйq са, пупráйq (и пупráw'а), разлáйq са, скучáйq,  
смутáйq, устáйq (и устáw'а); на [ш] – зашбрáшq, запúшq, испúшq, испlúшq,  
плáшq, пúшq, сшбрáшq, слúшq; на [ж] – излóжq, кукур'ижq, м'íжq, пб́ржq  
(и пб́рджq), слóжq, слúжq, удлóжq; на [ч] – а́рчq//háрча, алáчq, зák'и́чq  
са, затóчq, изшлáчq, измéчq, искочq, испóрчq, кáчq са, куткуd'éчи,  
лóчq, мéчq, наk'и́чq, насóчq, наскочq, наfóчq, настуф'ирчq, наfчq, пр'éчq, пу-  
лúчq, пусочq, пuháрчq, пб́рчq, расбвчq, рáчq, сбчq, тóчq, укбн'чи са, ýчq; на  
[дж] – запб́ржq (и запб́ржq), пупб́ржq, пб́ржq (и пб́ржq). упб́ржq,

IV спряжение: ар'есам//hар'есам, ар'есшам//hар'есшам, бáршам, бáфкам  
//бáукам, блéснушам, бóднушам, бруд'ирам, буйф'исам, буйф'исшам,  
бул'идушам, бýтам, бéрзфм//бéрзам, бéркфм, бéткфм 'вытаскивать', б'áфм,  
оáл'ам, оð'áшам//уð'áшам, оз'íмам, оз'íждам, оз'íкфм, оз'ичéр'ам, оз'п'из-  
ам//фл'изфм//уфл'изам, онаc'ам//фнаc'ам, он'исам//фон'исам, орбóшам,  
орбóштам, оззэш'ирам, оззэлáгам, озбóрзам//оzбóрзам, озбрзшам//оzбрзшам,  
оzáршам, гладуóшам, гл'éдфм, гл'иðжбóшам, гвлтфм, дáшам, дárшам,  
д'íгам, дрásкам, дрásштам, др'искам дрбнкам, дубл'ижáшам, дуидам (=до-  
яждам), дукаrам, дýмам, дунас'ам, дун'исам, дуп'ирам, дусáждам, дуст'и-  
гам, дýнфм//дýам, дуhýждам, джáфкам, (кучиту джáфка), жьдúшам, за-  
арбóшам, забráшам//забráш'ам, забúтам, заш'íждам, заш'íкам, зашбрзам  
//зашбрзам, заgвóшам, заíскам, заíд'ува//заíд'оwa (слéни'шу), закáпшам,  
закáрфм, зам'иñáшам, зап'иçшам, зарус'двa, застр'еp'ошам, затá-  
кáшам, зафáштам, зб'ирам, збóркам, з'емам, з'имам, зéл'уpшам, избáф-  
кам//избáшкам, изб'агам, изш'икам, изшбртам са, изгáр'ам, издрбнкам,  
изл'изам, изр'иçам, имам, искам, испáдам, испрásштам, истбóршам, кáрфм,  
кáчушам са, калайф'исшам, карашт'исшам, к'ил'исшам (=валаим), кр'áс-  
кам, кръштáшам, купуóшам, күпам, курд'исам, курд'исшам, кéсам, лáпам,  
л'агам, л'икуóшам, мáнам, мл'áскам, м'áзфм, м'áтам, м'áфкам//м'áйкам,  
м'ир'исшам, мóшкам, наб'ирам, наш'иñшам, над'áшам са,  
над'íгам, наkáрфм, налáгам, наm'ирам, напáдам, напóкам, напóукам,  
наp'изшам, наp'еjдам, наp'изам, наp'иçам, наstрупам са, настру-  
пам, наgудуóшам, нуштуóшам, наfам//н'ам//н'ам, пáдам, п'йтам, плáшам,  
плáднуóшам, плáштам, пл'ескам, пл'уóшам, пр'иøл'иçам, пр'иøзшам,  
пр'и'ирбóжáш, пр'иñас'ам, пр'ин'ир'агам, пр'исп'иçшам, пр'исуçкшам, пр'иу-  
брóштам, пр'иñлопам, пр'иñлопшам, пруo'етp'иçшам, прудáшам, прудуóшам,  
пruz'иçшам, прукл'иçшам, прукл'иñам, пубóркам, пуэрбштам, пузнáшам, пу-  
кам, пук'иçшам, пул'иñшам, пум'иñшам, пуп'итам, пуп'иçшам, пур'аzам,  
пур'аzшам, пүскам, пуст'ирам, пустр'еp'ушам//пустр'еp'ошам//пустр'еp'ошам,  
путкушáшам, пугóшам, пучуóшам, пирф'иñирам, рáждам, разшл'иçам, рэзн'и-  
шам, раст'иñам, раскáшам, р'иñам//р'иñам, ржед'исам, ржед'исшам, р'аz-  
шам, разнаc'ам, руçкам, сшагtóшам, сш'иñшам, сшбрzшам, скéсам, слáгам,  
слáз'ам, сл'изам, слúшам, смáзшам, смáккам, сн'иñам, сп'ирам са, сп'ештам  
(са), сп'иçам, отшаршам, ст'агам, ст'иñам, сбркшам, себл'иçам са, сббúш-  
ам, сенуóшам, трúшам, туpам, туrgам, търкáл'ам, убáждам, уб'иñам, уб'иñ-

Таблица 4

Материальный облик чередования	Группы словоформ с тождественными вариантами основы *								Глаг. класс **	Образец		
	Наст. время			Имп., имп. пр.	Повел.	Аорист		Аор. пр.				
	1л. сд.	2, Зл. ед., 1, 2л. мн.	Зл. Мн.			1л. ед.; мн.	2, 3 л. ед.					
	1	2	3	4	5	6	7	8				
ч ~ к									III, 1 I, 1	плáча тачá		
ж ~ г									III, 1	ль́жа		
дж ~ г									III, 1	стърчá		
ш ~ с									III, 1	чéша		
ж ~ з									III, 1	мáжа		
дж ~ з // дз									III, 1	шърчá		
й ~ ё									I, 2 III, 2	п'ийá б'ийá		
и ~ ё									III, 2	з'ёма		
и ~ п									III, 1	къп'a		
б' ~ б									III, 1	скуб'a		
и ~ м									III, 1	кл'ум'a		
т' ~ т									III, 1	бънта		
р' ~ р									III, 1	мъмр'a		
л' ~ л									III, 1	пълл'a		
шт // шт ~ ск									III, 1	пóшт'a дрáшт'a		
жд ~ зг									III, 1	гло́жда		
ц ~ ц'									III, 4	ку́ца		
д ~ д'									III, 4	в"йда		
е ~ #									I, 1 III, 4	б"ерá м'ел'a		
ол' ~ л									III, 4	кóл'a		
ел' ~ л									III, 4	ст'ёла		
в ~ в'									I, 1	куwá		
п ~ п'									II, 2	спá		
т ~ т'									I, 3	растá		
с ~ с'									I, 3	ласá		
з ~ з'									I, 4	грызá		
р ~ р'									I, 1	б"ерá		
и ~ и'									I, 1	кълнá		

о́дам, уб'и́рам, убрéштам, убýтам, убéркáм, убéркáм, уо́шам, уэр'а́шам //ysр'а́шам, ум'и́рам, умýр'а́шам (са), умърс'а́шам, упра́ш'а́шам, упра́шáшам, уп'а́шам, урчáшам, утб'и́шам, утш'а́шам, утш'а́шам//ф'и́шам, уткупúшам, утфóркáм, утграшáшам, уфкáшам, уфпр'а́шам, уфтáшам//фтáшам, ушéтам, фáштам, фка́шам, фл'и́шам (са), фпр'а́шам, фтасшам, фчукáм, фбргáм, фбр-

	1	2	3	4	5	6	7	8	I,1	шта
т~т'									I,1	шта
р~р'									I,1	ира
ч~к									I,3	п'ичá
т~т~ø									I,3	чнtá
д~д~ø									I,3	будá
с~с~ø									I,3	н'исá
ø~д~д'									I,3	дам
ø~д~д~ж									I,3	йам
Отсутст- вие чередо- вания									II, 1	дуw'á, туп'á, глуб'á, срам'á, густ'á, град'á, гас'á, сул'á, дръбн'á, дар'á, бруйá, сушá, блажá, закачá, прудълчá; жин'á, к'ин'á, гърм'á, цъфт'á, кад'á, w'ис'á, пълs'á, бул'á, w'эр'á, ун'á, буйá са, сушá, л'ежá, гъл'чá, дървá;
									II, 2	гр'ебá, w'еза, бóдна;
									III, 1	даw'á, трúф'a, граб'á, май'a, м'ят'á, буд'á, нос'á, лаз'á, гал'á, бор'á, гон'á, бáйa, пúша, тóча, слúжа, п'яра;
									III, 3	б'агам, дéрвam.
									IV	

Примечания: \* См. выше, стр.49 настоящей работы.

\*\* Римская цифра обозначает спряжение, арабская - разряд.

Условные обозначения:



альтернат 1



альтернат 3



альтернат 2



альтернат 4

кам, фбрл'ам, ллóпам, туртúшам, ч'елу́шам//цалúшам, чákам, чалд'исшам, чéпкам, чúшам, чúкам, шéтам.

Рассмотренные в статье морфонологические чередования, характеризующие в синхронном плане глагольное словоизменение болгарского говора с. Кортен, можно в обобщенном виде представить на табл. 4<sup>21</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См., например, библиографию в кн.: Стойков С. Българска диалектология. София, с. 80–81.

<sup>2</sup> Материал был собран автором во время экспедиций в с. Кортен в 1976 г. (совместно с А. Маноловой) и в 1983 г. (совместно с И. Кочевым). Использованы также материалы картотеки № 3147 Болгарского диалектологического атласа, составленной в с. Кортен в 1959 г.

<sup>3</sup> О перестройке системы спряжения в некоторых славянских диалектах, вызванной аналогичными причинами, см., например, в кн.: Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 191 и след., а также в работах: Бромлей С.В. Спряжение глаголов с безударными окончаниями в русских и белорусских языковых системах. – Совещание по ОЛА. Тезисы докладов. М., 1973, с. 38–39; Попова Т.В. Об одном мало известном типе глагольного словоизменения в болгарских диалектах. – ОЛА. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, с. 156–157.

<sup>4</sup> О строении исхода глагольных основ в рамках I и II спряжений в литературном болгарском языке см.: Попова Т.В. Указ. соч., с. 156, сноска 5.

<sup>5</sup> Определение понятия "альтерационный ряд" см. в кн.: Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект). М., 1975, с. 33.

<sup>6</sup> Этот глагол имеет и вторую частную парадигму в наст. (*тъкѫ, тъчѣш..., тъкътъ*), благодаря чему его полная парадигма характеризуется, наряду с указанным, и чередованием /к/ ~ /ч/ = /наст. (1 л. ед., Зл. мн.), аор., аор. пр. / ~ /наст. (2–3 л. ед., 1–2 л. мн.), имп., имп. пр., повел./. Данное чередование не вошло в табл. 4 (см. с. 56–57 настоящей статьи), но может быть дополнительно включено в нее с целью сопоставления морфонологической структуры кортенского говора с морфонологической структурой других болгарских диалектов.

<sup>7</sup> От глаголов *зэм'ир'ышъ*, *зап'ир'ышъ*, *м'ир'ышъ*, *нап'ир'ышъ*, *пр'ир'ышъ*, *пум'ир'ышъ*, *ум'ир'ышъ* очень редко могут быть образованы архаические формы аориста и аористного причастия с презентной основой на [ш] (например, *нап'ышѣти*, *пум'ышѣти*; *нап'ышѣлъ*, *пум'ышѣлъ*); данные парадигмы характеризуются отсутствием морфонологического чередования.

<sup>8</sup> От глаголов *б'ил'ежъ*, *заб'ил'ежъ* очень редко могут быть образованы архаические формы аориста и аористного причастия с презентной основой на [ж] (например, *заб'иш'ежъ*//*заб'ил'ежъ*); данная парадигма характеризуется отсутствием чередования.

<sup>9</sup> Глаголы *п'ийдъ*, *исп'ийдъ* имеют и вариативную по отношению к только что рассмотренной словоизменительной парадигму с основой, завершающейся на [ω'], и с АСМ = [ā], которая характеризуется отсутствием сегментного морфонологического чередования: наст. *п'ийдъ*/п'иша, *п'ийешъ*/п'ише'шъ... ; имп. *п'ийдъh*/п'иша'dh, *п'ийешъh*, //п'ише'шъ... ; аор. *исп'ийдъ*/исп'иша'dh, *исп'ийешъd*... ; повел. *п'ийдъ*/п'иша'.

<sup>10</sup> Глаголы на [ай] *залаидъ*, *изладъ*, *лайдъ*, *мутдайдъ*, *смутдайдъ* имеют две словоизменительные парадигмы – более распространенную парадигму III спряжения 3 разряда (аор. *залаидъh*//*залаидъи'ф*//*залаидъh*, *смутдайдъh*//*смутдайдъи'ф*//*смутдайдъh* – без чередования) и параллельно употребляющуюся парадигму III спряжения 2 разряда (аор. *залаidъ*, *смутдайдъh* с чередованием /и/ ~ /и'ф/ = /наст., имп., имп. пр., повел./ ~ /аор., аор. пр./).

<sup>11</sup> В качестве варианта употребляется глагол *нѣпра* (*распѣбра*), полная парадигма которого характеризуется отсутствием сегментного морфонологического чередования.

<sup>12</sup> Этот глагол имеет вариант *ѡ'ид'q* (*заѡ'ид'q*), парадигма которого характеризуется отсутствием чередования в исходе основы.

<sup>13</sup> Глагол *расѣа* (и приставочные) имеет более архаическую, вариативную по отношению к рассмотренной, парадигму с усечением [t] в аористном причастии (пу-*расъslъ*, пу-*расъslъ*), которую характеризует трехчленное чередование /t/ ~ /t'f/ ~ /ø/ = /наст., повел., аор./ ~ /имп., имп. пр./ ~ /аор. пр./ (см. ниже, V альтерационный ряд, 1-е чередование).

<sup>14</sup> Глагол *стана'* (и приставочные) имеет и иную парадигму, построенную по модели III спряжения 1 разряда, которая характеризуется отсутствием чередования: наст. *стана*, *стан'иш...* ; имп. *стан'qh*, *стан'qши...* ; аор. *пр'истан'qh*.

<sup>15</sup> Этот глагол может образовывать и вариативную словоизменительную парадигму, в которой формы аор. и аор. пр. строятся по иной модели, при помощи АСМ = [é], а

именно: аор. *прукл'éh//прукл'éф*, *прукл'é* . . . , аор. пр. *прукл'éла*. В результате эта парадигма характеризуется чередованием: /ълы/ ~ /ълы'/ ~/.#лф =/наст., повел./~/имп., имп. пр./~/аор., аор. пр./. В табл. 4 данное чередование не отмечено.

<sup>16</sup> Все глаголы этой группы могут образовывать вариативную парадигму настоящего времени (*n'икб*, *n'ичёш*, *n'ичé*, *n'ичём*, *n'ичёт'i*, *n'икбт*), которая, наряду с указанной, употребляется преимущественно в речи молодого поколения. В результате полные парадигмы данных глаголов характеризуются не только рассмотренным, но и другим чередованием, с иным распределением ступеней чередования по конкретным словоформам: /к/ ~ /ч/ =/наст. (1 л. ед., 3 л. мн.), аор. (1 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.), аор. пр./~/наст. (2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.), имп., имп. пр., повел., аор. (2, 3 л. ед.). В сводной табл. 4 данное чередование не отмечено. Кроме того, очень часто употребляемый в речи носителей диалекта глагол *r'шá//r'икá* (и приставочные *изр'ичá//изр'икá*, *изр'ичá//нар'икá*) образуют формы аориста не только с АСМ = [ə, ɛ], но и с АСМ = [b, ē]: *изр'éкáh*, *изр'éчи* . . . // *изр'икbh*, *изр'ичé* . . . (формы аористного причастия: *изр'éквл* // *изр'икbл*, *изр'éкла*//*изр'иклд*, *изр'éкл'u*//*изр'икл'e*), что, однако, не влияет на сегментную морфонологическую характеристику этих глаголов.

<sup>17</sup> О морфонологической характеристике парадигмы глагола *растd* (и приставочных) см. выше (II альтернативный ряд, 3-е чередование).

<sup>18</sup> В языке старшего поколения наряду с формами 1 л. ед. наст. *кладb* (*нцкладá*) и *крадá* (*украдá*) употребляются и более архаические формы *клам* (*нцклам*) и *крам* (*украм*). Поэтому парадигмам этих глаголов свойственна вариативная морфонологическая характеристика: наряду с указанным имеет место и чередование *Ø ~ /d/ ~ /d'/ =* = /1 л. ед. наст., аор. пр./~/наст. (кроме 1 л. ед.), повел., аор./~/имп., имп. пр./. В табл. 4 данное чередование не отмечено.

<sup>19</sup> О морфонологической характеристике парадигм от глаголов *пасá* (*напасá*) и *тр'исá* (*стр'исá*, *утр'исá*) см. выше (II альтернативный ряд, 4-е чередование).

<sup>20</sup> Глаголы *зaláйц*, *излáйц*, *лáйц*, *мутáйц*, *смутáйц* могут образовывать словоизменительную парадигму и по модели III спряжения 2 разряда (см. сноску 10).

<sup>21</sup> Ср., например, аналогичную в некотором отношении таблицу, составленную для глаголов польского литературного языка, в статье: Толстая С.М. Морфонологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. СБЯ. Проблемы морфонологии. М., 1981, с. 276–277.

М.И. ЕРМАКОВА

## О ЗНАЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ ДИАЛЕКТАХ (Морфонологический аспект)

В данной статье продолжается исследование возможностей морфологии обусловленного варьирования основы имени существительного в серболужицких диалектах<sup>1</sup>. Задачей ее является установление парадигм грамматических чередований для имен существительных в верхнелужицких говорах<sup>2</sup> и сопоставление характеристики субстантивных классов по признаку "состав парадигм чередования".

Чередование фонем квалифицируется как грамматическое, когда каждая фонема наряду с окончанием является показателем грамматического значения словоформы (см. об этом подробнее в названной выше статье). В грамматическом чередовании находит выражение преобразование фонемного состава основы имени существительного, обусловленное морфологической (грамматической) позицией основы перед флекссией с определенным грамматическим значением.

Грамматическая позиция основы верхнелужицкого имени существительного определяется окончаниями, которые являются комплексными показателями ряда грамматических значений. Для верхнелужицкого существительного в диалектах это значение падежа<sup>3</sup>, числа<sup>4</sup> и в некоторых случаях – грамматической категории личности<sup>5</sup>. Показателями трех грамматических значений в верхнелужицких диалектах являются, например, окончания *-ojo* (устаревшее *-owje*), *-o*, *-o*, *-i*, *-e*, *-a* в И.мн. существительных мужского рода. Эти окончания (кроме *-ojo* или *-owje*) сопровождаются чередованием согласных фонем в исходе основы. Фонемное преобразование основы имени существительного выступает в роли дополнительного наряда с окончанием показателя грамматического значения словаформы. Грамматическая позиция здесь оказывается актуальной для основы, что проявляется в морфонологических изменениях в фонемном составе основы, в возникновении варианта субстантивной основы, отличного от исходного. Ср., например, И.ед. *susod* – И.мн. *susodza* (сосед – соседи).

В основе изменений субстантивной основы лежит соответствующая структура слова. Грамматическое чередование в исходе основы имени существительного и связанное с данным чередованием варьирование основы предполагает определенные сочетания в каждой словоформе морфем двух классов – класса основ или корней с определенной морфонологической структурой и класса флексий, указывающих на определенное грамматическое значение. В состав класса основ входят подклассы, выделяемые по морфонологическому признаку на основе фонологической характеристики конечного согласного основы имени существительного. Таким образом, подклассы субстантивных основ определяются инвентарем согласных морфонем. В верхнелужицких диалектах в состав класса основ входят следующие подклассы: 1) твердые зубные [s], [z], аффрикативный [c], 2) фрикативные шипящие [ʃ], [ʒ], аффрикативные [č], [ž], 3) задне-небный взрывной [k], фрикативный спирант [χ], 4) зубные взрывные [t], [d], [n], язычный вибрант [r], велярный [l], 5) твердые губные [p], [b], [m], [f], 6) мягкие губные [β], [ɸ], [m̩], [f̩], [w̩], альвеолярные [h], [f̪], [i̪], 7) мягкий аффрикативный [č̪].

В состав класса флексий входят подклассы, выделяемые на основе фонологической характеристики начального гласного флексии: 1) [a], 2) [e], 3) [o], 4) [i], 5) [y], 6) [u].

Регулярные грамматические чередования согласных фонем осуществляются в исходе субстантивной основы, т.е. на границе морфем, и охватывают определенные подклассы основ, а именно 3 – 5 подклассы. Здесь представлены чередования фонем, противопоставленных по признаку 'твердость – мягкость', 'взрывность – фрикативность', 'зубность – небность', 'взрывность – аффрикативность'.

Состав грамматических позиций, обуславливающих грамматические чередования согласных фонем в исходе основы, представлен следующим образом<sup>6</sup>: для имен существительных мужского рода – перед окончаниями 1) *-e* в М.ед., 2) *-i* в М.ед., 3) *-i* в И.мн., 4) *-e* в И.мн., 5) *-o* в И.мн., 6) *-a*; для имен существительных среднего рода – перед окончаниями 1) *-e* в М.ед., 2) *-i* в М.ед.; для имен существительных женского рода и мужского рода на *-a* – перед окончаниями 1) *-e* в Д.ед., 2) *-e* в Д.ед., 3) *-e* в М.ед., 4) *-i* в М.ед., 5) *-e* в И.в.дв., 6) *-i* в И.в.дв.

Парадигмы существительных, в исходе основы которых возможны морфонологические изменения, характеризуются определенным типом распределения фонем (ТР), представляющих ступени грамматического чередования, в словоформах парадигм, т.е. той или иной парадигмы чередования (ПЧ). Ступени чередования, закрепленные за определенными словоформами парадигмы, представляют звено чередования (ЗЧ). Функционально тождественные ЗЧ, противопоставленные по одному и тому же дифференциальному признаку, воплощают один тип чередования (ТЧ). Имена существительные в верхнелужицких диалектах могут иметь как положительную ПЧ, так и отрицательную, т.е. нулевую ПЧ в зависимости от возможности выбора грамматической позиции основы. Ср., например, И.ед. *komunist* – И.мн. *komunistojo/komunisća*.

### СОСТАВ ПЧ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

По составу ПЧ выделяются три группы существительных мужского рода: личные имена существительные; все остальные одушевленные существительные мужского рода; неодушевленные существительные.

Первая группа существительных мужского рода (ее максимальный состав) в верхнелужицких диалектах представлена следующими существительными: *susod, džěd, žid, čert, študent, aktiwist, komunist, infanterist, kmót, brat* (Р. ед. *bratra*), *cygan, fórmán, serb, bur, pop, gerichtsher, wojak, rězník, mužík, mónk, wotročk, swědk, polak, paduch, lěnjuch, čech, knjéz, tříška*,

Наиболее распространенными морфонологическими преобразованиями в исходе основы данных существительных являются грамматические чередования согласных фонем в позиции перед окончаниями *-o, -i, -e, -a* в И. мн.: перед окончанием *-o* у существительных с суффиксами *-an, -er*, у существительных с односложной основой *bur, serb, brat, pop, kmót*, а также *susod*; перед окончанием *-i (-e)* – у существительных на *-x, -k* или *-h (-y)*, фонологически обусловленный после твердых сибилянтов вариант *-i* в большинстве верхнелужицких диалектов заменяется на *-e*<sup>7</sup>. Ср.: *wojak – wojacy, rězník – rěznicy*. Это окончание мало употребительно. У существительных с данным типом основы чаще употребляется окончание *-ojo*, ср., например, *mužík – mužíkojo, mónk – móenkojo, swědk – swědkojo, lěnjuch – lěnjichojo*, но *wotročk – wotročkojo/wotročcy, polak – polakojo/polacy, paduch – paduchojo/paduši*. Факультативные формы с этим окончанием наблюдаются у некоторых основ на *-t, -d*: ср.: *židží, čerčí, komunisći, infanterisći*, но также *cygani, formani, češi*. В позиции перед окончанием *-a* грамматические чередования согласных наблюдаются у некоторых существительных: *serbia, susodža, knježa, burja, kmóscja, bracija, židza, češa*, реже *popja, aktiwisća*.

В И. мн. ряда существительных данной группы возможны окончания – варианты, для которых отмечаются также и варианты ПЧ, включающие нулевую ПЧ. В некоторых случаях существование окончаний – вариантов не исключает употребления лишь одной ПЧ. Ср., например: *komunist – komunistojo/komunisći, wotročk – wotročkojo/wotročcy, polak – polakojo/polacy, paduch – paduchojo/paduši; brat – bracio/bracija, susod – susodža/susodžo, kmót – kmóscjo/kmóscja, cygan – cygani/cygano. fórmán – fórmajo/fórmani, serb – serbio/serbja, bur – burjo/burja; pop – popojo/popja/popjo, žid – židojo/židží/židža*.

## Состав ПЧ личных имен существительных мужского рода

ПЧ<sub>1</sub> – ТР 'И. мн. – все другие словоформы парадигмы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку твердость – мягкость', ЗЧ [n]:[n]<sup>8</sup>, [b]:[b], [p]:[p'], [r]:[r']. ПЧ<sub>2</sub> – ТР 'И. мн. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку зубность – небность', ЗЧ – [z]:[ż]. ПЧ<sub>3</sub> – ТР 'И. мн. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность', ЗЧ [t]:[c], [d]:[ż]. ПЧ<sub>4</sub> – ТР 'И. мн. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку 'зубность – передненебность', ЗЧ [t]:[c]. ПЧ<sub>5</sub> – ТР 'И. мн., М. ед. все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку 'зубность – передненебность', ЗЧ [t]:[c]. ПЧ<sub>6</sub> – ТР – 'И. мн. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – аффрикативность', ЗЧ [k]:[c]. ПЧ<sub>7</sub> – ТР 'И. мн. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность', ЗЧ – [x]:[s].

ПЧ<sub>1</sub> – у группы существительных с основой на [-n], [-b], [-r]. И. ед. *Serb*, *bur*, *pop*, *cygan*, *fórmán*, И. мн. *serbjo*/*serbja*, *burjo*/*burja*, *popjo*/*popja*, *cyganjo*/*cygani*, *fórmanko*/*fórmansi*.

ПЧ<sub>2</sub> – у существительного *knjež*, И. мн. *knježa*.

ПЧ<sub>3</sub> – у группы существительных с основой на [-t], [-d], ср. И. ед. *žid*, *susod*, *ćert*, *aktiwist*, *komunist*, *student*, *infanterist*, *židži*/*židža*, *susodža*/*susodžo*, *ćerči*, *akiwišća*, *komunisci*.

ПЧ<sub>4</sub> – у существительных *brat*, *kmót*, ср. И. мн. *bracja*/*bracio*, *kmócja*.

ПЧ<sub>5</sub> – у существительного *brat*, Р. ед. *bratra*, М. ед. *na brac'i*.

Некоторые существительные, имеющие ПЧ<sub>1</sub>, ПЧ<sub>3</sub>, могут употребляться с нулевой ПЧ, если в И. мн. их основа выступает перед окончанием -*ojo*, причем в одном и том же говоре иногда наблюдается параллельное применение ПЧ<sub>1</sub>, ПЧ<sub>3</sub> и нулевой ПЧ. Ср., например, для существительных *pop*, *žid*, *komunist*, *student* – И. мн. *popojo*/*popjo*/*popja*; *židojo*/*židži*/*židža*; *komunistojo*/*komunisci*; *studentojo*/*studencia*.

ПЧ<sub>6</sub> – у существительных с основой на [-k], ср. И. ед. *wojak*, *rěznik*, *mónk*, *wotročk*, *polak* – И. мн. *wojacy*, *rěznicy*, *wotročcy*, *polacy*.

ПЧ<sub>7</sub> – у существительных с основой на [-x], ср. И. ед. *paduch*, *lěnjuch*, *čornuch*, *ćech* – И. мн. *paduši*, *čornuši*, *ćesi*/*češa*, *lěnuši*.

Для некоторых существительных с ПЧ<sub>6</sub> и ПЧ<sub>7</sub> также возможна и нулевая ПЧ, ср. *wotročkojo*/*wotročcy*, *polakojo*/*polacy*, *paduchojo*/*paduši*. Только с нулевой ПЧ употребляются существительные *muzik*, *mónk*, *swědk* – И. мн. *muzikojo*, *mónkojo*, *swědkojo*. Ср., например, в говоре с. Гора католического диалекта (СЛА, с. 62) употребляются формы И. мн. *wotročki*, *wojaki*, *rězniki*, *ćerty* наряду с формами, характеризующимися чередованием [k]:[c] в исходе основы; в говоре с. Дубравка на востоке будышинского диалекта (СЛА, с. 64) – И. мн. *wotročkojo*, *polakojo*, *nanojo*, *ćechojo*, *dubrawčenjo*, *cyganjo*, *křesčenjo*, *kmóčjo*, *burjo*, *rěšnice*, *wojace*, *polace*, *mónce*, *rěznice* – *paduchi*, *rězniki*, *mónki*. Ср. также немаркированные формы *paduchi*, *wojaki* (с. Малещцы), *wotročki*, *bratry* (с. Дельня

Кина), *mónki*, *réznički*, *wotročki*, *bratry* (с. Поршицы), *paduchi*, *wojaki*, *čerty* (с. Некорнь), *čerte* (с. Гроджищо), *mónki*, *réznički*, *paduchi*, *čerte* (с. Дрождкий), *mónki*, *wotročki* (с. Незнаровы), *paduchi*, *mónki*, *réznički* (с. Вуежк), *réšniki*, *čerte* (с. Кибшицы), *čerte* (сс. Кузлы, Джежникесцы), *réšniki*, *paduchi* (с. Розводцы). Указанные говоры входят в состав будышинского диалекта. В католическом диалекте частотность немаркированных форм И.мн. выше (см. СЛА, с. 64), ср., например, в говоре с. Серпяны: *kšesčenjo*, *mójnycy*, *réznicy*, *wojacy*, *polacy*, *réšnicy*, *prjedownice* – *wotročki*, *paduchi*, *čerty*; с. Гневсцы: *čechojo*, *burjo*, *fórmajno*, *cyganjo*, *kšesčenjo*, *mawče-njo*, *réšnice*, *réznicе* – *čeladniki*, *mónki*, *réznički*, *wojaki*, *polaki*, *réšniki*, *bratre*, *čerte*, *wotročki*. Всегда с нулевой ПЧ употребляются существительные *nan*, *syn*. В говоре с. Лупой: *réznicy*, *mbčsy* – *mónki*, *paduchi*, *wojaki*, *réznički*, *wotročki*, *židy*, *kmótry*, *čerty*; с. Кбельск: *serbojo*, *burjo* – *mónki*, *réznički*, *paduchi*, *polaki*, *réšniki*, *wotročki*, *bratre*, *žide*, *cygany*, *wojaki*; с. Журицы: *paduši*, *wotročcy* – *cygane*, *kšesčijany*, *čerty*, *bratre*, *fórmajny*, *wojaki*, *polaki*, *mójnki*, *réznički*, *wotročki*; с. Любгосч: *wojakojo*; с. Злычин: *kšesčenjo*; с. Цимпл: *wojacy*, *polacy*, *paduši*; с. Коморов: *wojacy*, *réznicy*; с. Вуезд: *wičomnicy*, *rjemjeslnicy*/*rjemjeslnikojo*. В северной части обоих холмских диалектов личные формы И.мн. известны, но употребляются крайне редко: например, *serbjo*, *burjo* (с. Рохольн), *kšesčenjo* (с. Рохольн, Крынхелещи), *réšnicy* (с. Бырвальд, Муроб).

#### Состав ПЧ всех остальных одушевленных существительных мужского рода

ПЧ<sub>1</sub> – ТР 'М.ед. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку твердость – мягкость', ЗЧ – [w] : [v̐]. ПЧ<sub>2</sub> – ТР 'М.ед. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность', ЗЧ – [t] : [č].

ПЧ<sub>1</sub> – у существительных с основой на -w, ср. И.ед. *wow*, М.ед. *wowe*, И.ед. *kozow*, М.ед. *kozowe*.

ПЧ<sub>2</sub> – у существительных с основой на -t, ср. И.ед. *škrot*, *knot*, М.ед. *škroce*, *knoće*.

Данные существительные могут иметь и нулевую ПЧ при употреблении М.ед. с окончанием -i: *knotu*, *škrotu*.

#### Состав ПЧ неодушевленных существительных мужского рода

ПЧ<sub>1</sub> – ТР – 'М.ед. – все другие словоформы', ТЧ – 'чередование фонем, противопоставленных по признаку твердость – мягкость', ЗЧ – [n] : [n̐], [m] : [m̐], [r] : [r̐], [b] : [b̐], [p] : [p̐], [w] : [w̐], [c] : [c̐]. ПЧ<sub>2</sub> – ТР (см. ПЧ<sub>1</sub>), ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность', ЗЧ – [t] : [č], [d] : [ž]. ПЧ<sub>3</sub> – ТР (см. ПЧ<sub>1</sub>), ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – аффрикативность', ЗЧ – [t] : [č̐]. ПЧ<sub>4</sub> – ТР (см. ПЧ<sub>1</sub>), ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – аффрикативность', ЗЧ – [k] : [č]. ПЧ<sub>5</sub> – ТР (см. ПЧ<sub>1</sub>), ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность', ЗЧ –

[h] : [z]. ПЧ<sub>6</sub> – ТР (см. ПЧ<sub>1</sub>), ТЧ ‘чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность’, ЗЧ – [x] : [š].

ПЧ<sub>1</sub> – у существительных с основой на -n, -m, -r, -b, -p, -w, -c, –ср. И.ед. *klin, zwon, tun, mēr, kur, len, wētr, žwob, serp, snop, row, dow, bom, dub, rjap, trap, stowp, rub, wub, klēb, krep* – М.ед. *klinje, zwonje, tunje, mērje, kurje, lenje, wētrje, žwobje, serpje, snopje, rowje, dowje, bomje, dubje, rjapje, trapje, stowpje, rubje, wubje, klēbje, ribu/ribje, pripri*.

Для части говоров виттихинаусского диалекта, где *h > w* после гласных заднего ряда, отмечается чередование [w] : [w]. Ср. в католическом диалекте – *prowje, browje* (с. Шунов), *browje* (с. Серняны, Небельчицы), *prowje* (с. Журицы); в северо-восточном холанском диалекте – *browi, prowi* (с. Гузница), *prowi* (с. Кребья); в будышинском диалекте – *browi* (с. Болборцы, Джежникецы), *prowi* (с. Жичень). Но возможны и гиперкорректные формы типа *přerozy* (с. [h] : [z]) вместо М.ед. *přerowje* (с. Вуезд северного холанского диалекта).

Ср. также в говорах с. Клетно, Лупой, Бремьо, Бушицы, Хневсецы М.ед. *klēwje, snopje, rowje, dowje, wētrje, trupje, rjapje, klinje, klēbje, lenje, stomje, ribje, stowpje*.

ПЧ<sub>2</sub> – у существительных с основой на -t, -d. Ср. Р.ед. *loda, mjeda, skota, swēta, hata, pwota, pwoda, puta*, в говоре с. Дрожджеи М.ед. *lodze, mjedzi, skoće, swēci, haći, pwoći, pwodzi, pruci*, в говорах с. Клетно, Лупой, Бремьо, Бушицы, Хневсецы М.ед. *liscé, swēće, haće, porsće, brusce, pwoće, gnoće; mjedze, lodze, rodzi*.

ПЧ<sub>3</sub> – у существительных *list, most, bróst, wóst*. М.ед. *lisci, mosci, brósci, wósci*. В позиции после ſ, s, ž, z перед гласным вместо č, ž выступают t', d' (факультативные комбинаторные варианты č, ž)<sup>9</sup>.

ПЧ<sub>4</sub> – у существительных с основой на -k: *kobuk – kobuce* (говор с. Серняны), но чаще здесь выступает нулевая ПЧ – *boku, zaku, rošku, suku, pěsku, štwórtku, pjatku, maku*. Существительное *bok* во всех собственно верхнелужицких диалектах отмечено с нулевой ПЧ.

ПЧ<sub>5</sub> – у существительных *sněh, brjoh, próh*, ср. *sněhu, broze* (с. Брешки), *brohu* (с. Немцы), *sněhu, broze* (с. Дубренък). Эти существительные имеют чаще всего нулевую ПЧ.

ПЧ<sub>6</sub> – у существительных с основой на -x, для которых возможна также и нулевая ПЧ (при М.ед. с окончанием -i, наиболее употребительным у слов с данным типом основы): например, И.ед. *wérch, moch, roch, dyčh, duch, měch, próch, bruch, réch* – М.ед. *wérše, moše, roše, dyše, duše, měsé, proše, bruse, rěše*. Данная ПЧ распространена в обоих холанских диалектах, виттихинаусском диалекте, будышинском (за исключением двух–трех говоров в каждом из них). Однако наряду с этой ПЧ в большинстве случаев наблюдается нулевая ПЧ при М.ед. с окончанием -i. Ср., например, в говоре с. Бремьо: *wérchu, mochu, rochu, dychu, duchu, měchu – próše, bruši*, в говоре с. Копорцы: *mochu, rochu, dychu, duchu, réchu – bruši, wyrši, měši, proši*. В названных диалектах наблюдается разное соотношение ПЧ<sub>6</sub> и нулевой ПЧ. В некоторых говорах католического диалекта, виттихинаусского, северного холанского предпочитается употребление ПЧ<sub>6</sub>. Ср., например, в говоре с. Рохольн – *róchu –*

*brjuše, próše, wyrše, měše, dyše*, с. Рахлов – *róchu, duchu – bruše, dyše, próše, wjerše, měše*, с. Радибор – *wjerchu, duchu, měchu – róše, broše, dyše, próše, rěše, móše*. Слово *brjuch/bruch* на большей части верхнелужицкой диалектной территории зафиксировано преимущественно с ПЧ<sub>6</sub>.

### СОСТАВ ПЧ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА

ПЧ<sub>1</sub> – ТР 'М.ед., И.В.дв. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку твердость – мягкость', ЗЧ [n] : [n'], [l] : [l']. ПЧ<sub>2</sub> – ТР /см. ПЧ<sub>1</sub>/, ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность'. ПЧ<sub>3</sub> – ТР 'М.ед., И.В.дв. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность', ЗЧ [k] : [c].

Указанный состав ПЧ для существительных среднего рода в верхнелужицких диалектах не является исчерпывающим. Он установлен по данным 11 тома СЛА, которые не дают возможность учесть грамматические чередования согласных в исходе всех типов основ существительных среднего рода.

ПЧ<sub>1</sub> – у существительных с основой на -n, -l, сп. М.ед. в говоре с. Кросчицы *mjenje, kšidle*, с. Вотров – *wóknje*.

ПЧ<sub>2</sub> – у существительных с основой на -d, -t, сп. М.ед. *blidži, awći, zici* (с. Розводцы), *blidži* (с. Дубравка, Миков), *blidže* (с. Гневсечи, Бущицы), *blidže, měscé* (с. Бремьо, Клетно), *blidže* (с. Вотров).

ПЧ<sub>3</sub> – у существительных с основой на -k.

### СОСТАВ ПЧ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА

ПЧ<sub>1</sub> – ТР 'Д.М.ед., И.В.дв. – все другие словоформы', ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку твердость – мягкость', ЗЧ – [n] : [ň], [m] : [ṁ], [b] : [b̄], [p] : [p̄], [w] : [w̄], [c] : [č]. ПЧ<sub>2</sub> – ТР /см. ПЧ<sub>1</sub>/, ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку взрывность – фрикативность', ЗЧ – [d] : [d̄], [t] : [č̄]. ПЧ<sub>3</sub> – ТР тождествен ТР в ПЧ<sub>1</sub>, ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность', ЗЧ – [k] : [c]. ПЧ<sub>4</sub> – ТР тождествен ТР в ПЧ<sub>1</sub>, ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность (взрывность – фрикативность)', ЗЧ – [g] : [z], [h] : [z̄]. ПЧ<sub>5</sub> – ТР тождествен ПЧ<sub>1</sub>, ТЧ 'чередование фонем, противопоставленных по признаку заднеязычность – переднеязычность', ЗЧ – [x] : [š̄].

ПЧ<sub>1</sub> – у существительных с основой на -n, -m, -b, -p, -w, -c, сп. Д.М.ед., И.В.дв. в говорах с. Кросчицы – *zymje, swužbje, komorje, kopje, žonje, byrnje, hodžinje*, с. Радвор М.ед. *zymje, horje, wójnje, hubje, lapje, wowje*, Д.ед. *zymje, socje, žonje*, И.В.дв. *kruwje, socje, kopje, žonje, žabje, lapje, lampje, jamje, kliborje*.

ПЧ<sub>2</sub> – у существительных с основой на -t, -d. Ср. в говоре с. Кросчицы М.ед. *srjedže, soboče, rjadže, pjače, zarodže, wodže*, в говоре с. Радвор М.ед. *škodže, pjače, soboče, wodže*, в говоре с. Злычин М.ед. *rjadže, srjedže, soboče, pjače*, И.дв. *štundže*, в говоре с. Шешов М.ед. *rjadži, soboći, srjedži, pječe*.

ПЧ<sub>3</sub> – у существительных с основой на *-k*. Ср. в говоре с. Дробы М.ед. *rūce, wōwce*, И.В.дв. *rūce, sēnce, wawce, bērce*, в говоре с. Вуежк М.ед. *kōcse, swōńce*, И.дв. *rūce*, в говоре с. Жичень Д.ед. *zōńsce*, М.ед. *wowce, wuce, ruce*, на юге верхнелужицкой диалектной территории М.ед. *wowcy, dżowcy, ruce, kōccy, wuce*.

ПЧ<sub>4</sub> – у существительных с основой на *-g, -h*. Ср. в говоре с. Дробы М.ед. *noze, smuze*, И.В.дв. *smuze*, с. Вуежк М.ед. *lundze, drōze*, с. Жичень М.ед. *noze, wōze, smuze*.

ПЧ<sub>5</sub> – у существительных с основой на *-x*. Ср., например, в говоре с. Кросчицы М.ед. *cyse, juse*, И.В.дв. *tuše*, с. Розводецы М.ед. *wěši, klesi*, с. Радвор М.ед. *jūše, suše*, И.В.дв. *suše, wěši*.

На основании материалов 11 тома СЛА (с. 242–255) можно установить, что существительные мужского рода на *-a* типа *šołta, braška* могут иметь такую ПЧ, где формы Д.М.ед. противопоставлены всем остальным формам, а также ПЧ<sub>2</sub> или ПЧ<sub>3</sub> (в зависимости от характера последнего согласного основы), ср., например, такие формы Д.ед. в католическом и будышицком диалекте, как *brašce, Pečce, brešce*. Однако здесь возможна и нулевая ПЧ.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Ермакова М.И. Из нижнелужицкой диалектной морфологии. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 139–166, где рассматривались грамматические чередования согласных фонем в исходе субстантивной основы в нижнелужицких говорах.

<sup>2</sup> Согласно принятой в современной серболужицкой диалектологии классификации (см. Sorbischer Sprachatlas, Bd.I. Feldwirtschaftliche Terminologie. Bautzen, 1965, S. 14–15), в состав собственно верхнелужицких диалектов входят следующие: виттихинауский (с пунктами Бряжки, Немцы, Дубреньк, Сульшцы, Рахлов), католический (пунктами Вукранчицы, Ральбицы, Бремью, Радвор, Милкесы, Гора, Кросчицы, Серигны, Небельчицы, Вотов, Журицы), будышицкий, северный холанский (хайде-диалект) (с пунктами Лескей, Вуезд, Рохолы, Чи жоны, Злычин, Шреньца, Жджары, Мучов), северо-восточный холанский (с пунктами Бъервалд, Крынхелетецы, Пакостница, Моховци, Хузница, Кребя, Миков, Цымпль, Клетно).

<sup>3</sup> Во всех собственно верхнелужицких диалектах представлена семипадежная система – именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, звательный (для существительных мужского рода и для единственного существительного женского рода *tać* 'мать' – Зв. *taće* или *taći* (см.: СЛА, т. 11)).

<sup>4</sup> Почти во всех собственно верхнелужицких диалектах категория числа представлена тремя рядами форм – единственного, множественного и двойственного чисел. Только на крайнем юге собственно верхнелужицкой языковой территории наблюдается утрата двойственного числа как составного элемента категории числа, которая представлена здесь двумя рядами форм – единственного и множественного (см.: СЛА, т. 11).

<sup>5</sup> Категория личности наряду с другими средствами выражается противопоставлением двух рядов форм – личных и неличных – у существительных мужского рода в И.мн. В. собственно верхнелужицких диалектах личные существительные имеют в И.мн. особые окончания – *-o, -ojo* или *-ojuje, -i, -e, -a*. Наиболее часто эти личные формы применяются на территории к востоку от Будышина. На остальной территории распространения верхнелужицких диалектов наблюдается различная степень замены маркированных (личных) форм немаркированными (см.: СЛА, т. 11)).

<sup>6</sup> Максимальная модель словоизменения верхнелужицкого существительного представляется следующим образом:

Единственное число

Мужской род: И. *-∅*, Р. *-a*, Д. *-ej*, В. *∅*/для неодушевленных/, *-a* (для одушевленных), Т. *-om*, М. *-e, -i, -u*, Зв. *-o, -e*.

Женский род: И. -*a*, -*ø*, Р. -*i*, -*e*, -*y*, Д. -*i*, -*e*, -*y*, В. -*u*, -*ø*, Т. -*u*, М. -*i*, -*e*, -*y*, Зв. -*I*.

Средний род: И. -*o*, -*i*, -*e*, Р. -*a*, Д. -*ej*, -*u*, В. -*o*, -*i*, -*e*, Т. -*ot*, М. -*u*, -*e*, -*i*, Зв. -*I*.  
Множественное число и двойственное число (в квадратных скобках)

Мужской род: И. -*ojo*, -*owje*, -*o*, -*i*, -*e*, -*a* (для личных), -*i*, -*e*, -*y*, -*o* (для неличных), [-*aj*], Р. -*ow*, -*i*, Д. -*at* [-*omaj*], В.-Р. или В.-И., Т. -*ami*, -*emi* [-*omaj*], М. -*ax* [-*omaj*].

Женский род: И. -*i*, -*e(y)*-*o* [-*e*], все остальные падежные окончания тождественны приведенным выше для мужского рода.

Средний род: И. -*a* [-*e*], В.-И., все остальные падежные окончания тождественны приведенным выше для существительных мужского рода.

<sup>7</sup> См.: СЛА, т. 11, с. 283.

<sup>8</sup> Слева от знака указаны фонемы, представленные в исходе основы И.ед., которые подвергаются морфонологическим преобразованиям, справа — фонемы, реализующие вторую ступень чередования, свойственную одной или нескольким словоформам парядигмы.

\* Jenc H. Die sorbische Mundart von Rodewitz / Spree. Bautzen, 1980, S. 40.

## Г.П. КЛЕПИКОВА

### К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

### ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

### В ГОМОГЕННОМ И ГЕТЕРОГЕННОМ ДИАЛЕКТНОМ КОНТИНУУМЕ (карпато-балканский ареал)

Вариативность в настоящей работе понимается как универсальное свойство языка, состоящее в том, что каждая языковая система, манифестирующая ту или иную форму языка, в каждый момент своего развития располагает параллельными наборами единиц, каждый из которых может быть использован для передачи одного и того же содержания; именно возможность параллельного употребления не скольких способов выражения одног означения (т.е. "ситуативная совместимость вариантов") и следует считать проявлением вариативности в языке<sup>1</sup>.

При этом изучение вариативности не сводится лишь к констатации (инвентаризации) вариантов, характеризующих определенный уровень одног ой языковой системы<sup>2</sup>, — она изучается прежде всего как программируемый результат построения того или иного типа модели языковых систем (resp. их фрагментов), представляющих различные формы языка, в том числе — и преимущественно — диалекты<sup>3</sup>, т.е. в духе теории и практики новейших исследований в сфере описательной диалектологии, ставящих и решаящих задачу моделирования языковых систем.

Подобное, строго синхронное понимание вариативности применительно к диалектологии базируется на признании некоторого числа исходных положений.

1. Отдельный диалект рассматривается как конечная, далее неделимая единица диалектного членения<sup>4</sup>, которая в качестве единичной языковой системы — "частной диалектной системы" (=ЧДС) является в известном смысле аналогом другим видам единичных языковых систем (такой, например, как система литературного языка — СЛЯ), для которых характерно однозначное соотношение с речью (текстом)<sup>5</sup>.

2. Совокупность единичных диалектных систем в рамках одного национального языка обладает статусом "системы систем", которая в предельном случае выступает как система диалектного языка (=ДЯ)<sup>6</sup>, а во всех остальных случаях образует ее фрагмент; при этом практиче斯基 реализуемой (особенно для языков с большой территорией распространения) является задача фрагментарного описания ДЯ<sup>7</sup>.

3. Совокупность ряда лингвистических объектов, имеющих статус "отдельный язык", рассматривается как основа для построения макромодели – сопоставительной модели (=СМ), которая дает возможность конфронтативного изучения явлений тех или иных уровней в данной совокупности языков (и – resp. – их диалектов)<sup>8</sup>.

4. Особенностью такого моделирования, исходящего из полного, не дифференцированного, описания всей системы языка, того или иного ее уровня (= "подсистемы") или отдельного ее фрагмента (= "микросистемы") является квалификация исследуемой системы и под. по параметру "томогенность/аллогенность" (или, в терминах вариантологии – "константность/вариативность"), т.е. выяснение того, какие звенья изучаемой системы являются общими, самотождественными для всех сопоставляемых идиомов, и какие – вариативными, содержащими варианты (=альтернанты).

5. Признается, что вариативность в единичной системе типа ЧДС и в совокупности таких систем (СДЯ, СМ) имеет сходные и различающиеся черты; так, в ЧДС, с одной стороны, и в СДЯ – с другой, варианты рассматриваются не как показатель сосуществования двух (и более) систем, но как реализация единой системы<sup>9</sup> (в ЧДС) и, соответственно, единой системы систем (в СДЯ), содержащей общие и вариативные звенья<sup>10</sup>. Вместе с тем, если в системах типа ЧДС варианты не снабжены территориальной характеристикой и реально существуют в речи одного коллектива говорящих, то в СДЯ, СМ и под. вариативность выступает прежде всего как маркированная в территориальном отношении и, следовательно, не реализуется в речи одного коллектива говорящих, т.е. в одной ЧДС<sup>11</sup>.

6. В процессе моделирования системы систем – макромодели для совокупности (континуума) ЧДС – строится операционная модель, которая, как правило, не соотносится с каким-либо конкретным диалектом (говором), а выступает как иерархизированный максимальный набор зарегистрированных в данной совокупности ЧДС языковых явлений.

7. Возможно построение СМ для изучения тех или иных фрагментов языковой системы не только близкородственных, но и отдаленно родственных языков (их диалектов)<sup>12</sup>.

Синхроническое исследование вариативности должно предшествовать диахроническому<sup>13</sup>. Вместе с тем лишь обращение к изучению "диахронии в синхронии" позволяет понять, во-первых, наиболее общую причину появления вариантов ("генезис вариантов" – по определению Л.Э. Калнынь<sup>14</sup>), которая заключается в непрерывной изменчивости (развитии) системы языкового идиома под влиянием интралингвистических (внутриструктурных) факторов и экстралингвистических – внешне- и внелингвистических – обстоятельств (прежде всего – контактирование, взаимодействие языков), и, во-вторых, что вариативность выступает в качестве важнейшего свойства языка именно в силу того, что она – функция от непрерывного изменения его системы.

Характер вариативности в одном из сегментов лексической подсистемы украинского ДЯ может быть изучен по данным КДА (карта № 131 "Значения слова *nɪd'*"), полученным в результате анкетирования говоров Прикарпатья и Закарпатья (вопрос № 212 Программы КДА, который был сформулирован, исходя из "полевой" методики, предложенной для семасиологических исследований Н.И. Толстым<sup>15</sup>).

Вариативность лексемы *nɪd*, взятой в качестве "опорной", и ее альтернатив, изучается в пятичастном семантическом микрополе: (1) 'чердак', (2a) 'потолок (нештукатуренный)', (2б) 'потолок (штукатуренный)', (3) 'пол', (4) 'пол чердака'; первые четыре звена были предусмотрены Программой КДА и поэтому ответы получены в большинстве обследованных украинских говоров (123 нас. пунктов), материал для пятого собран дополнительно к Программе, поэтому зафиксирован лишь в 45 нас. п. Соотношение лексемы *nɪd* и альтернирующих с ней лексем описано в табл. 1 (см. с. 74 и сл.).

Количественные показатели, характеризующие лексическую (и лексико-словообразовательную) вариативность в данном микрополе, суммированы в табл. 2 (параллельно употребляющиеся названия [=дублеты] при подсчетах не учитывались и приведены в конце таблицы) (см. с. 78).

Семантическое микрополе строится как модель, в которой составляющие его семемы определенным образом иерархизованы (см. рис. 1, 2, карта 1). Конкретные фрагменты лексических систем, манифестируемых различными ЧДС, сопоставлены с указанной моделью; далее, если интерпретировать полученные типы дистрибуции лексем в семантическом пространстве данной модели лишь с учетом релевантности лексемы *nɪd*, следовательно, трактуя все ее альтернативы обобщенно — как «не — *nɪd*», можно констатировать наличие 11 конфигураций (=КФ) (см. рис. 2); картографирование последних представлено на карте 1 (см.).

Материалы табл. 1, 2 и карты 2 показывают, что в рамках семантического поля (соносимого, через реализующие его конкретные конфигурации, с определенной территорией, с континуумом ЧДС), все звенья поля являются варьирующими, т.е. данный фрагмент украинского ДЯ не имеет ни одного общего звена. При этом вариативность в каждом звене поля оказывается различной.

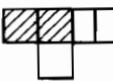
Для 1-го звена ('чердак') степень вариативности невелика — в ~ 87% ЧДС общим элементом является лексема *nɪd*; в ~ 10% ЧДС отмечено отсутствие специального названия, одна ЧДС фиксирует употребление лексемы *dax* (что, по-видимому, должно оцениваться как окказионализм).

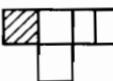
Для 2-го звена ('потолок [нештукатуренный]' : 'потолок [штукатуренный]') отмечается наибольшая вариативность лексем. Для 2a, в качестве альтернатив с примерно равной частотностью, выступают *stéł'a* и под. (~ 40%): *povála* (~ 33%) : *nɪd* (~ 12%); для 2б — *stéł'a* (~ 30%) : *sufrít* (~ 26%) : *povála* и др. (~ 16%) : *nɪd* (~ 9%)<sup>16</sup>.

Для 3-го звена ('пол') установлена сравнительно небольшая степень лексической вариативности — в ~ 69% ЧДС отмечена лексема *nɪdloga*, из остальных ~ 31% ЧДС для ~ 16% общий элемент — лексема *pomist(mist)*; иные лексемы имеют незначительную частотность.

'чердак'	'пол чердака'	'пото- лок (нешту- кату- ренный)'	'пото- лок (штука- турен- ный)'
		'пол'	

Рис. 1

Кф 1.  пп. 25, 54-57, 59, 60, 67, 68, 76, 77, 79, 81, 89, 91-93, 95, 97-99, 101-106, 110, 112, 114, 115, 128, 129, 136, 139-143

Кф 2.  пп. 2-21, 23, 24, 26, 29-33, 35-38, 40-43, 45-52, 63-66, 69-75, 82-86, 90

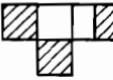
Кф 3.  пп. 121, 123

 *ни*

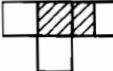
Кф 4.  п. 107

 *не-ни*

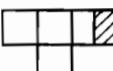
Кф 5.  пп. 116, 126, 127

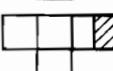
Кф 6.  п. 87

Кф 7.  пп. 122, 124, 125, 131-133

Кф 8.  п. 134

Кф 9.  пп. 61, 62, 80, 130, 94, 137, 138

Кф 10.  п. 28

Кф 11.  п. 135

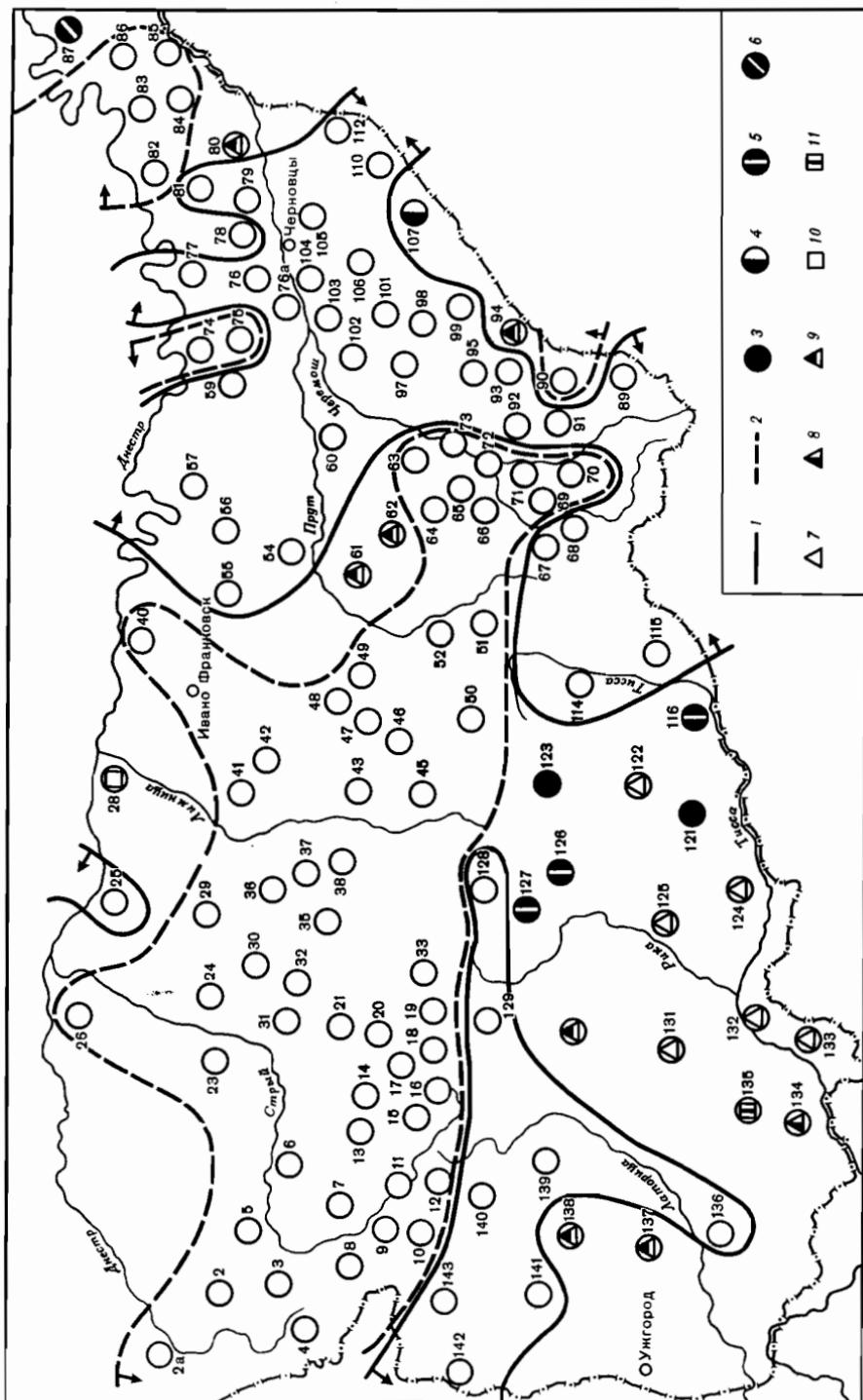
Расшифровку пунктов сетки КДА  
см.: КДА, с. 262

Рис. 2

Таким образом, в масштабах изученного в КДА карпатоукраинского ареала вычленяется, с одной стороны, обширная зона, для которой может быть указано неварьирующееся звено рассматриваемой модели – *pід* 'чердак' (=область распространения Кф 1–6), с другой стороны, – зона, где в качестве неварьирующегося звена модели выступает лексема *pідлога* 'пол' (нас. п. 2, 2а, 4–21, 28–30, 32, 33, 35, 36, 38, 40, 42, 43, 45–48, 50, 51, 54–57, 59–63, 65, 68–72, 74–84, 86, 89–91, 93–95, 97–99, 101–107, 110, 112, 134). Оба ареала, характеризующиеся общностью лексического элемента в 1-м и – соответственно – 4-м звеньях семантической модели, располагаются в Прикарпатье и на Буковине; из этих ареалов исключается большая часть говоров Закарпатья.

\* \* \*

Примером использования весьма близкой полевой методики, для которой характерна комбинация семасиологических и ономасиологических дифференциальных признаков, при изучении репрезентантов слав. *\*podъ* в неславянском (восточнороманском) диалектном континууме, является работа В.К. Павела, выполненная по данным "Молдавского лингвистического атласа"<sup>17</sup>. Представляется, что параллельное рассмотрение материалов последнего и КДА может быть полезным при изучении как принципиальных вопросов лексико-семантического варьирования, так и для уяснения сходных черт в результатах семантического развития указанной лексемы в славянском и соседнем с ним иноязычном диалектных континуумах. Поскольку материалы обоих атласов интерпретировались несовпадающими методами (в частности, различен объем семантического поля), необходимо было трансформировать пятичастное поле в КДА в трехчастное, чтобы оно стало аналогичным полю, построенному В.К. Павелом<sup>18</sup> (инвариантанизированы семемы 2а и 2б – 'потолок'; семема 'пол чердака' объединена с семемой 'пол'). Число обследованных в молдавском атласе населенных пунктов почти вдвое больше, чем в КДА (при примерно равной густоте сетки в обоих трудах), поэтому более корректным является сравнение данных не в абсолютных цифрах, а в относительных – в процентах. С целью сопоставления указанных выше материалов составлена табл. 3 (см.). Итоги конфронтативного изучения семантики репрезентантов слав. *\*podъ* в карпатоукраинском и молдавском диалектном континуумах формулируются следующим образом: 1) для карпатоукраинских говоров характерна фиксация большего числа конфигураций (типов) соотношения семем в пространстве семантического поля – 7, в молдавских – 3; 2) в обоих континуумах выявлено незначительное количество ЧДС, в которых фиксируется максимальная семантическая амплитуда укр. *pід*, молд. *под*; 3) наиболее частотные конфигурации не совпадают в этих континуумах: в молдавских говорах Кф *под* 'чердак', 'потолок' отмечена в ~87%, в украинских – лишь в ~2%; напротив, Кф *pід* 'чердак' в украинских говорах представлена в ~60% ЧДС, в молдавских – в ~12%; 4) в отличие от карпатоукраинского диалектного континуума, где не может быть указано, по данным КДА, общее, неварьирующееся звено построенной семантической модели, в молдавском таким звеном, самотождественным для всех обследованных ЧДС, является *под* 'чердак'.



Семантическая вариативность лексемы  ${}^+pVd$  в близко- и отдаленно родственных языках может изучаться не только как простое сравнение некоторых, самых общих, результатов применения сходных исследовательских методов (см. выше о материалах КДА и Молдавского лингвистического атласа), но и с учетом генетически гетерогенных диалектов — в случаях, когда возможно построение фрагмента сопоставительной модели (=СМ); такова, например, совокупность диалектов, представленная в карпато-балканской макрозоне, где, как известно, заимствования из славянского, восходящие к  $*rodъ$ , широко распространены в восточно-романских, венгерских, албанских диалектах, и вместе с тем в них, наряду с сохранением унаследованных из славянского более старых значений лексемы ('пол', 'потолок', 'чердак') развились и новые значения; для некоторых из них существуют параллели в отдельных микрозонах Славии, другие рассматриваются как специфические именно для диалектов неславянских языков.

Основой изучения вариативности лексемы  ${}^+pVd$  в диалектах указанной макрозоны являются в настоящей работе материалы "Общекарпатского диалектологического атласа" (карта № 11, ответы на вопрос 16 Вопросника)<sup>19</sup>, которые позволяют, хотя бы отчасти, использовать методику конструирования семантической СМ. СМ, в общем виде описывающая семантику  ${}^+pVd$ <sup>20</sup>, задана в виде таблицы (см. табл. 4); на карте 2 показано территориальное распределение отмеченных в материалах ОКДА инвариантизованных значений (см.)<sup>21</sup>.

Рассмотрение указанных данных в рамках имеющей обобщенный характер СМ позволяет высказать лишь предварительные соображения о явлении вариативности в масштабах совокупности (=континуума) генетически гетерогенных диалектов.

1. Особенности сбора диалектных данных ОКДА, не предусматривавшего, в отличие от КДА (см. выше), процедуры последующего моделирования фрагмента языковой системы, дают возможность изучать только сematico-варьирование, — например, в семантическом микрополе, построенном для лексемы  ${}^+pVd$  как "опорной"; в данном случае не осуществима задача изучения лексической вариативности, т.е. конкретного соотношения отдельных манифестаций лексемы  ${}^+pVd$  и ее лексических (и лексико-словообразовательных) альтернатив.

2. Семантика  ${}^+pVd$  в карпатоукраинских говорах на протяжении немногим более 10 лет изучалась дважды (в рамках КДА — 60-е гг., ОКДА — 70-е гг.); это дает основание рассматривать материал обоих обследований как принадлежащий одному, "монохронному", срезу. Следовательно, оказывается реальным сравнение двух нетождественных описаний, различающихся *полнотой* (см. п. 1) и *объемом* материала (число пунктов сетки обследования КДА примерно в 3 раза больше, чем число их в ОКДА), имея в виду получение дополнительной информации о явлении лексико-семантической вариативности.

---

Карта 1. Семантика лексемы *píd* в карпатоукраинских говорах.

1—11 — Конфигурации (-Кф) соотношения лексемы *píd* и *не-píd* (расшифровку см. рис. 1, 2, с. 70).

Таблица 1  
Лексема *під* и ее альтернанты

№ нас. пункта	'чердак'	'пол чер- дака'	'пото- лок не- штука- турен- ный'	'потолок штукатурен- ный'	'пол'	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
2а	пі́д		по <sup>у</sup> вала	п'їцуфі́тка	пі́длога	
5	п'ї́т		повала	п'їтсофі́тка	пі́длога	
15	п'ї́т		повала	Adj. + піт- суфі́тка*	пі́длога	* Adj.: трін'- кована
2	п'ї́д    стрéх (нов.)		повала	суфі́т	пі́длога посачка	
13	п'ї́т		повала	суфі́т + Adj.*	пі́длога	* Adj.: за- трéн'ко- вана
3	п'ї́д		говала		м'їст	
129	п'ї́д		пбвала		м'їст	нат'їк 'земляной'
7, 10, 11	п'ї́т		повала		пі́длога	
9, 42, 43	п'ї́д		повала		пі́длога	
17	пі́т		повала		пі́длога	
18	пі́т    стрéх		повала		пі́длога	
19–21	пі́т стрéх (нов.)		повала		пі́длога	
41	п'ї́д	повала	повала + Adj.*		м'їст    п'їд- лога	* Adj.: ма- шч'ена
4, 12, 8	п'ї́д		повала?		пі́длога	
14						
6	п'ї́т	повала	?		пі́длога	
35	п'ї́д	повала	?		пі́длога*	* т'їк – из глины
37	п'ї́д	повала	?		м'їст    т'їк	
16	п'ї́т    стрíх	повала	?		пі́длога	
38	п'ї́д	повала	–		п'їдлога    зэмл'е	
140	п'ї́т	повала	плафон		пом'їст	
141, 143	пут	повала	плафон		дил'а	
142	пут	повала	плафон		дил'а    ээмл'а	
24	п'ї́т    стрéх (нов.)	полау	суфі́т (нов.)		пі́длога	
29	п'ї́д	повай	–		пі́длога	
36	п'ї́д	повай	–		пі́длога*	* т'їк 'из глины'

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
30	п'ід		повал	суф'їт	п'ілого	
31	п'ід		поваву		м'іст    п'ід-	
46	п'ід		повал	стел'i	лого (нов.)	
32	п'ід		подр'e	?	п'ілого	
33	п'ід	повала	повала	?	п'ілого	
139	п'ід	повала	повала	плафон	подамент	*досчатый и
	п'їт				земл'a*	земляной
23	п'ід			стел'i	повала	
40	п'ід			стел'i	п'ілого	
					земл'e	
45, 48, 50	п'ід			стел'i	п'ілого	
51	п'їт			стел'i	п'ілого	
53, 90	п'ід			стайл'i	п'ілого	
82, 86	п'ід			стел'a	п'ілого	
52	п'ід			стайл'i	поміст	
55	п'ід    стрêх*			стел'i	пілого	*в хлеву
					земл'e	
56	п'ід    стрих (нов.)			стел'i	п'ілого	
83	п'ід		стел'a	стел'a	п'ілого	*Adj.: машч'єна
				+ Adj.*		
84	п'ід		стел'a +	стел'a +	п'ілого	*Adj.: Дошко-
			+ Subst**.	Adj.*		ва,
						**Subst.: зглина
47	п'ід		стел'i	Adj. +	п'ілого*	Adj.: л'іско-
				+ стел'i*		вана
85	п'ід		стел'a +	стел'a +	?	*Adj.: маш-
			+ Adj.*	Adj.**		ч'єна; *Adj.
						- дошкова
74, 75	п'ід		стел'i	суф'їт	п'ілого	
78	п'ід		стел'a	суф'їт	п'ілого	
92	п'їт		стайл'a	соф'їт	поміст	
					пілого	
					(нов.)	
103, 104	п'ід		стел'a	соф'їт	п'ілого	
26	п'ід    стрêх (нов.)		стел'a	п'їт - суф'їт	повала	
					тка	
63	п'ід		стелена	суф'їт (нов.)	п'ілого	
65	п'їт		стелена	соф'їт	п'ілого	
64	п'їд			стелена	поміст	
					пілого	
					(нов.)	

Таблица 1 (продолжение)

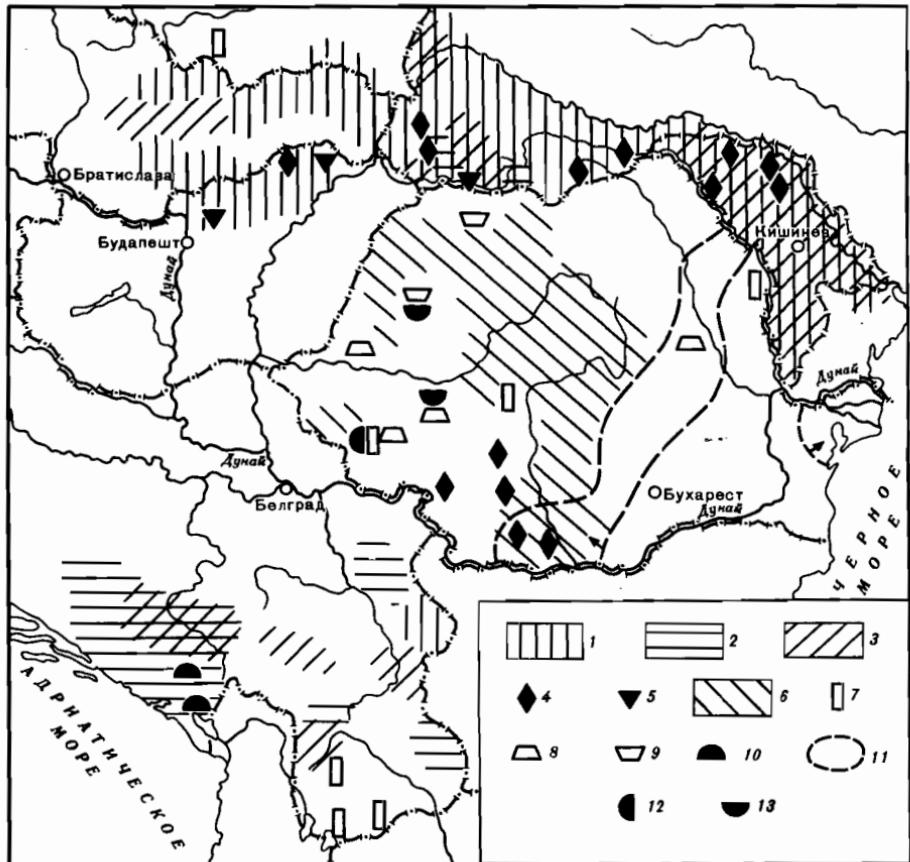
1	2	3	4	5	6	7
66	п <sup>т</sup>		стелена		помест підлога	
69	п <sup>т</sup> стрех		стелена	софт	(нов.) підлога	
71	п <sup>т</sup> стрех		стелена	стелена и суфт	підлога	
70, 72	п <sup>т</sup>		суфт		підлога	
73	п <sup>т</sup>		стелена	софт	помест	
67	п <sup>г</sup> стрех (нов.)	п <sup>т</sup>	стелена		помест	
57, 68	п <sup>т</sup>	п <sup>т</sup>	стелена		підлога	
59, 60	п'ід	п'ід	стел'a	сүф'іт	п'ідлога	
76, 79,	п'ід	п'ід	стел'a	соп'іт	п'ідлога	
105, 106						
95	піт	піт	стел'a	суфт	підлога	
97, 98	піт	піт	стел'a	стел'a    софт	підлога	
				(нов.)		
110	п'ід	п'ід	стел'a	софт	п'ідлога    зэмн'a	
77	п'ід	п'ід	Adj. + + стел'a *	стел'a    + Subst **.	підлога	*Adj.: дошко- ва **Subst.: з_глеба
54	п'ід	п'ід	стайл'i		п'ідлога	
81, 93, 99	п'ід	п'ід	стел'a		п'ідлога	
102						
89, 91	піт	піт	стайл'a		підлога	
101	п'ід	п'ід*	стел'a		п'ідлога	*над домом
112	під	під	стелена	подела	п'ідлога	
114	п'ід	п'ід	стелена		м'ист	
115	п'ід	п'ід	стелена		пом'ист	
128	п'ід	п'ід	повала		м'ист*	*нат'ік земляной ~
116	пуд		пуд		пом'уст	
126	пуд		пуд		пом'уст зэм- л'a	
127	пут		пут		м'уст	
107	п'ід	п'ід	п'ід	софт	п'ідлога	
124	пут	пут	Adj. + + пут*	Adj. + пут**	подлаш	*Adj.: чинова- тий, **Adj.: машчений

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
123	пут	пут	пут	пом'уст <sup>  </sup> зэмл'а		
28	дах		п'ід <sup>X</sup>		підлога	
87	п'ід <sup>X</sup>	стел'а		? <sup>X</sup>	п'ід <sup>X</sup>	
135	Ѳ[на_пут с'ино]	п'ут		плафон	п'едимент	
61	Ѳ[ п'ід дахом ]	п'ід <sup>X</sup>	стел'і		п'ідлога	
62	Ѳ[ п'і дахом ]	п'ід <sup>X</sup>	стел'і	соф'іт	п'ідлога	
94	Ѳ[ під дахом ]	піт*		стайл'а	підлога	*в хлеву
130	Ѳ[на_под'і]	пут		плафон	подимент*	*подишоў
137	Ѳ[на_лод'і]	пут	поїаш	плафон	діл'i*	'земляной~'
138	Ѳ[на_под'і]	пут	повала	плафон	діл'a    зе- мл'а	*зёмн'a
80	Ѳ[на_под'і]	п'ід <sup>X</sup>	стел'а	суфіт	п'ідлога	'земляной~'
122	Ѳ[на под'і]	пут		пут	пом'уст    зе- мл'а	
124	Ѳ[на_под'і]	пут		пут	подіаш   зэмн'a	
125	Ѳ[ идё на пуд ]	пуд <sup>X</sup>		пуд <sup>X</sup>	п'едамент   зэмн'a	
131	Ѳ[на_под'і]	п'ут		п'ут	подимент	
132,	Ѳ[на_под'і]	пуд <sup>X</sup>		пуд <sup>X</sup>	зэмл'а падимент*	*зэмл'a
133						'глиняный~'
134	Ѳ[на под'і]	п'ут	п'ут	плафон	подлаш а    по- димент (нов.)	

Так, например, (а) подтверждается предположение, что возможность изучения вариативности находится в прямой зависимости как от количества обследованных ЧДС (ср. выявление ареалов в ряда конфигураций – в КДА и спорадическую фиксацию последних в ОКДА), так и от их характера, поэтому следствием увеличения исследовательской базы за счет генетически гетерогенных ЧДС оказывается, в частности, эвентуальное расширение "семантической амплитуды" изучаемой лексемы (ср. компоненты 7–9, 11–13 в СМ – табл. 4). Далее: (б) констатация, по данным КДА, отсутствия для всей совокупности карпатоукраинских диалектов общего звена в модели фрагмента украинского ДЯ, подтверждается и на материале ОКДА, такое звено может быть указано для совокупностей ЧДС, меньших, чем данный фрагмент ДЯ<sup>22</sup>. Аналогичный

**Таблица 2. Лексическая (лексико-словообразовательная) вариативность в микрополе, построенным для лексемы *піс* как опорной**



К а р т а 2. Семантика лексемы  $*rvd$  в диалектах карпато-балканской зоны

1. 'чердак', 2. 'пол', 3. 'потолок', 4. 'мост', 5. 'скамейка', 6. 'часть телеги, саней',  
 7. 'мельничный термин', 8. 'подкладка под копной', 9. 'полотно косы', 10. 'равнина',  
 11. 'ладонь', 12. 'курятник, настест', 13. 'помещение для сена' (подробнее о вариантах  
 данных значений см. в табл. 4).

вывод правомерен и для всей совокупности ЧДС, отраженных в ОКДА и приведенных в табл. 3: все звенья в масштабах СМ в целом являются вариативными. Общие звенья вычленяются лишь при частичном рассмотрении собранных материалов: 1) если рассматривать не всю территорию, занимаемую данной совокупностью ЧДС, а отдельные ее (микро)зоны; например, почти для всей северокарпатской области, включающей отдельные польские, словацкие, венгерские, почти все украинские и молдавские диалекты, общим звеном является  $*pVd$  (*pod, pojed, pad, pid, pod*) 'чердак над жилым домом, над хозяйственным помещением'; если в балканской зоне ограничиться рассмотрением достаточно обширного ареала, объединяющего некоторые сербохорватские, албанские, восточномакедонские (ср. и болгарские) диалекты, то в качестве неварьирующегося звена выступит *pod* 'пол'; 2) если рассматривать диалекты, относимые к одному языку, как условно понимаемое единство,

Таблица 3

Сопоставление семантического объема репрезентантов слов. \**podъ*  
в карпатоукраинских и молдавских говорах

	'чердак'	'потолок'	'пол'	украинские говоры		молдавские говоры	
				Число ЧДС	%	Число ЧДС	%
1.	під под	під под	під под	3	~2	3	~1
2	під под	під под		3	~2	181	~87
3.	під под			74	~60	24	~12
4.	під		під	27	~22		
5.		під	під	7	~6		
6.			під	7	~6		
7.		під		2 123	~2 100	208	100

Таблица 4

Семантика лексемы <sup>+pVd</sup> в диалектах карпато-балканской зоны по данным ОКДА

Значения	мор.	п.	слвц.	венг.	укр.	м.	рум.	с.-х.	мак.	алб.
1. Чердак (над хозяйственным помещением; над жилым домом)	(+)	+		+	+	+		+		
2. 'пол из досок (в доме; в хлеву); земляной пол; пол чердака'					+	+	+	+	+	+
3. 'потолок в жилом доме'			+		+	+		+		
4. 'мост'				+	+	+	+			
5. 'скамейка'				+						
6. 'часть телеги (дно кузова; часть, лежащая на оси и вращающаяся на железном гвозде); часть саней'							+	+		
7. 'мельничный термин (ящик для муки; возвышение для жернова; желоб – в водяной мельнице)'							+			+

Таблица 4 (окончание)

Значения	мор.	п.	слвц.	венг.	укр.	м.	рум.	с.-х.	мак.	алб.
8. 'подкладка под копной'								+		
9. 'полотно косы'								+		
10. 'равнина, ровное место'									+	
11. 'ладонь'								+		
12. 'курятник, насест'								+		
13. ' помещение для сена'								+		

Из единичных отметим: 'колокольня' (рум.), 'большая телега для сена' (с.-х.).

как в целом противостоящие диалектам другого языка (других языков). Тогда некоторые звенья СМ также могут рассматриваться как неварирующиеся; в СМ такое звено выявляется в диалектах одного языка (ср. компоненты 8, 9, 11–13, зафиксированные в румынском), двух языков (ср. компонент 7 – в румынских и македонских говорах), 4-х языков (ср. компонент 3 – словацкие, украинские, молдавские, сербохорватские говоры, а компонент 4 – венгерские, украинские, молдавские, румынские и под.) (см. табл. 4).

Дальнейшие исследования конкретных реализаций явления лексико-семантического варьирования (в том числе в совокупностях ЧДС – гомогенных и гетерогенных) дадут возможность приблизиться к созданию типологии вариативности для данного языкового уровня и детально разработать методы конструирования лексико-семантических моделей (полей) применительно к различным формам и разновидностям языка.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Теоретическое обоснование такого понимания см.: Калнынь Л.Э. К проблеме изучения вариативности в диалекте. Фонетический уровень (на материале говора, включенного в сетку ОЛА). – Общеславянский лингвистический атлас. 1984. М., 1986.

<sup>2</sup> О иерархическом характере противопоставления отношений вариативности в рамках одной системы и между разными системами в целом см. там же.

<sup>3</sup> В качестве оснований выдвижения диалектов как наиболее подходящего объекта при изучении явления вариативности называются следующие: диалект представляет собой естественный язык, не содержащий кодифицирующей его нормой, он обозрим для исследователя и др. (см. там же).

<sup>4</sup> Важное замечание о конвенциональности понимания диалекта как неделимого далее идиома, равно как и об однозначном соответствии его тексту, см. там же. Ранее об этом: Она же. О задачах и предмете описательной диалектологии. – Изв. АН ССР. Сер. лит-ры и яз., 1970, № 5, с. 419. Ср. также квалификация диалекта (–говора одного населенного пункта) как исходного объекта диалектологического изучения: Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. Автореф. ... докт. дис. М., 1976, с. 3.

<sup>5</sup> Калнынь Л.Э. Опыт..., с. 2–3.

<sup>6</sup> О понятиях и терминах "частная диалектная система", "диалектный язык" под-

робнее см.: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 8, 9–12, 14 и сл.; Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка. – В кн.: Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 296 и сл.; Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973, с. 9; Она же. Диалектологический аспект проблемы "язык" и "диалект". – Изв. АН СССР. Сер. литературы и яз. 1976, № 1, с. 43 и сл., и др.

<sup>7</sup>Калнынь Л.Э. О задачах..., с. 422. В славистике образец моделирования фонологического фрагмента языковой системы дан в работах Л.Э. Калнынь, прежде всего в упоминавшейся книге "Опыт моделирования украинского диалектного языка" (М., 1973). Примером сопоставления фрагмента системы болгарского ДЯ и болгарского литературного языка на морфонологическом уровне является монография: Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. М., 1975; моделированию фрагмента системы русского ДЯ посвящено исследование: Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерк морфологии русских говоров. М., 1972. Опыты построения по особой методике фрагментов модели лексико-семантической (лексико-словообразовательной) системы для совокупности диалектов одного языка и близкородственных языков содержатся в ряде статей Н.И. Толстого (ср.: Из географии славянских слов. – ВСЯ, вып. 6, 1962, с. 145 и сл.; Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I, II – ВЯ, 1963, № 1; 1966, № 5; Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии. – В кн.: Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1968, с. 349 и сл.). Принципы, изложенные в них, нашли отражение в ряде публикаций Г.Ф. Вешторт, Л.Т. Выгонной, Г.П. Клепиковской, Н.В. Никончука и др., они повлияли на методику и некоторых других исследователей, например, О.Н. Мораховской, М. Маденова и т.д. (см.: Клепикова Г.П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем. – Сов. славяноведение, 1980, № 2, с. 82–83).

<sup>8</sup>Теоретическое обоснование такого рода исследований содержится в кн.: Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981, с. 10 и сл. Ранее эта идея сформулирована Л.Э. Калнынь: "...В качестве системы систем могут быть интерпретированы не только диалекты одного языка, но и диалекты родственных языков: эти диалекты структурно сходны и обладают потенциальной возможностью быть использованными в качестве средства общения между носителями родственных языков... В этом случае понятие системы систем может быть плодотворно применено при типологическом сопоставлении родственных языков" (Калнынь Л.В. О задачах..., с. 421).

<sup>9</sup>Ср.: "...Никакая более или менее значительная языковая общность не является в лингвистическом отношении гомогенной. Тем не менее лингвист, занимающийся описанием языка на ограниченном материале, должен классифицировать отмеченные им различия как варианты одного и того же узуса, а не как факты двух различных узусов" (Мартине А. Основы общей лингвистики. – В кн.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963, с. 396).

<sup>10</sup> Подробнее: Калнынь Л.Э. Опыт..., с. 5–6 и сл.

<sup>11</sup> Калнынь Л.Э. Диалектологический аспект..., с. 43.

<sup>12</sup> Ярким примером этого для грамматического уровня может служить исследование: Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979. Применительно к разным уровням системы диалектов отдаленно родственных языков сходные идеи выдвигаются в таких работах, как: Невская Л.Г., Судник Т.М. Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978; Судник Т.М., Цивьян Т.В. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балто-славянский и балканский языковые союзы). – В кн.: Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. Из идеи возможности построения сопоставительной модели для изучения лексико-семантического уровня в языках (resp. диалектах) карпато-балканской языковой общности исходят и создатели "Общекарпатского диалектологического атласа", работу над которым ведет международный коллектив диалектологов (см. ниже).

<sup>13</sup> Калнынь Л.Э. К проблеме..., с. 5. О диахронной интерпретации синхронно зафиксированных диалектных данных см., например: Аванесов Р.И. Указ. соч., с. 297 и сл. (ср., в частности: "...Диалектная микросистема, характеризуя точку в прост-

ранстве и времени, имеет одинаковое отношение и к пространственному, и к временному аспектам микросистемы и является исходным как при синхроническом, так и при диахроническом изучении диалектного языка". с. 299); также: Вопросы теории..., с. 241–250. Применительно к лингвогеографии говорят также, что в ней "некоторые пространственные соотношения можно переосмысливать как временные" (Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы. – В кн.: Структурная типология языков. М., 1966, с. 16), о диахронии, "опрокинутой" в синхронию (Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966, с. 6), о диахронии, "развернутой" в пространстве (Толстой Н.И. Некоторые проблемы..., с. 342; ср.: "...временная последовательность развития системы... манифестируется в территориальной проекции") и под. В связи с этим, вероятно, требует известного уточнения предложение В.А. Виноградова понимать "территориальное варьирование" как терминологическую метонимию. Так, он пишет: "...Диалектология в действительности изучает микрознническое варьирование, выражющееся в наличии этнолектов, которые существуют на определенной территории. Не сама территория – источник варьирования, а коллектив его носителей, характеризующийся локальным этническим вариантом национальной культуры" (Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 309). С этим можно согласиться, если имеется в виду изучение варьирования в синхронном плане, – тогда территориальная характеристика совокупности "этнолектов" сводится, по существу, к чисто пространственной (а точнее – географической) "привязке" каждого идиома, несущей не столько лингвистическую, сколько "ареалогическую" информацию. Однако при дихроническом изучении феномена вариативности само со-положение "этнолектов" в реальном пространстве (на определенной территории) становится лингвистически информативным: оно может интерпретироваться как отражающее различные стадии развития системы изучаемого языкового идиома (ср., например, использование ареальной лингвистикой противопоставления "центральных" и "маргинальных" ареалов в выводах историко-лингвистического характера).

<sup>14</sup> Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Указ. соч., с. 6.

<sup>15</sup> Семантическое поле, согласно этой методике, конструируется как полный инвентарь семем, выявляемых в процессе изучения семантики лексемы, принимаемой за исходную – "опорную", в некоторой совокупности диалектов (подробнее: Толстой Н.И. Из опытов..., I, с. 36 и сл.). Ср. также пример исследования материала КДА в соответствии с данной методикой: Клепикова Г.П. Из опытов картирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя). – В кн.: Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968, с. 73 и сл.

<sup>16</sup> В случае инвариантизации значений, т.е. при формулировании семемы как 'потолок' (2a, 2б > 2) получаются показатели: *стёл'а* – ~ 35%, *пова́ла* – ~ 25%, *суфíт* – ~ 23%, *під* – ~ 10% и под.

<sup>17</sup> Павел В.К. Изучение языковых интерференций в периферийных молдавских говорах Левобережья Днестра. – В кн.: Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978, с. 111 и сл.; о соотношении семасиологического и сема-ономасиологического методов см.: Клепикова Г.П. Сема-ономасиологический аспект в исследовании некоторых лексических групп (на материале карпатоукраинских диалектов). – ОЛА. 1975. М., 1977, с. 103 и сл.

<sup>18</sup> Павел В.К. Указ. соч., с. 113 и карта на с. 112. Следует иметь в виду, что для карпатоукраинского диалектного континуума при построении поля учтен максимальный набор, зафиксированный собирателями; для молдавского представленная совокупность семем образует лишь часть семантического поля; так, не включена в него семема 'мост', широко фиксируемая в говорах, и т.д. (см. ниже).

<sup>19</sup> О задачах и принципах составления ОКДА см.: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981, с. 6; ср. также: Клепикова Г.П. Карпатское языкознание: состояние и перспективы международного сотрудничества. – В кн.: Историография славяноведения и балканистики в зарубежных странах. М., 1985. В настоящее время к печати подготовлены 1-й и 2-й выпуски Атласа, ведется работа над 3-м и 4-м выпусками.

<sup>20</sup> До публикации соответствующих выпусков ОКДА их материал в других работах воспроизводится не в полном объеме.

<sup>21</sup> Румынский материал экспортируется для ОКДА из существующих национальных лингвистических атласов; в этой связи упомянем, что семантика рум. *rod* специальную

исследуется, см.: Клепикова Г.П. Проблемы рекартографирования и Общекарпатский диалектологический атлас. – ОЛА. 1979. М., 1981, с. 68, 70.

<sup>2</sup> Иначе как будто обстоит дело в молдавских диалектах: если, по данным Молдавского атласа, существует общее звено под 'чердак' (см. выше), то материалы ОКДА содержат корректирующие это положение примеры; так, отдельные ЧДС на северо-востоке МССР не знают употребления под в значении 'чердак', лишь – 'потолок', 'мост'; в Восточном Закарпатье – под 'пол'.

Л.Г. НЕВСКАЯ

## К ТИПОЛОГИИ ПЕСТРОГО В БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ

При рассмотрении частного случая, касающегося значения лит. *margas*, обращалось внимание на такие особенности семантики пестрого, которые выделяют предмет, наделенный этим признаком, как маркированный, обладающий особыми свойствами<sup>1</sup>. Система "пестрых денотаторов" позволяет соотнести языковые факты с такими явлениями духовной культуры, которые относятся к самым существенным пластам балто-славянской культурной традиции. Настоящие заметки, вскрывающие по преимуществу семантические связи с.-хорв. *шарен* и его производных, строятся именно на соотнесении лексических явлений со свидетельствами мифологических, фольклорных и т.п. текстов, так или иначе восходящих преимущественно к мифу о поединке Громовержца с его противником<sup>2</sup>.

Прежде всего целесообразно очертить круг объектов, характеризующихся признаком пестроты. Как и в балтийских языках, в сербохорватском обращает на себя внимание и представляется неслучайным многочисленность форм, используемых для обозначения пестрой коровы и вообще крупного рогатого скота – словообразовательных, субстантивированных и т.п.: *šaran* 'вол' (RJA, 72, 478)<sup>3</sup>, *šara*, *šarava*, *šarena*, *šarka*, *šarica*, *šaruća*, *šaruna*, *šarenka* – все лексемы обозначают пеструю корову, *šarona* 'вол и вообще рогатый скот' (Далмация), *šarovica* – и клички типа *Sargo* по отношению к волу (Сербия) и к корове (Оток и Славония), *Šariš*, *Šaro*. Типологически параллельны в отношении мотивации внутренней фермы столь же многочисленные литовские образования от *margas*<sup>4</sup>. В таком многообразии номинаций рогатого скота как пестрого невозможно не видеть параллели со значимостью этого денотата в представлениях иных рангов, в частности, (рогатый) скот относится к основным концептам мифа о поединке<sup>5</sup>, в сербской традиции представая в виде предводителя градобитной тучи, проливающейся дождем, разрешающим этот поединок, или метонимически называя самое эту тучу. Так, в Сербии перед бурей говорят: *Врати, свети Саво, своја говеда из нашега села...*<sup>6</sup>.

Пестрота – характеристическая черта также и других животных, или амбивалентных в отношении оппозиции чистый/нечистый, сакральный/профанический и т.п., или же ритуально нечистых: овца, баран, коза: *šaran* 'баран' (Босния и Герцеговина), 'козел' (Хорватия), *šare* 'овца'<sup>7</sup>, 'коза', *šarica* 'коза' (Черногория), *šarić* 'баран', *šarka* 'овца', *šaroka* 'овца' и 'коза' (Славония, Босния), *šarokan* 'баран' (Черногория), *šarona* 'баран', *šaruća* 'овца', болг. *шаруля* 'овца'.

Пестрота з м е и трояко проявляется в языке: как внутренняя форма номинации змеи, как элемент при ее зоологическом описании и как атрибут мифологических персонажей змееидной природы. *Šaran* – 'рогатая гадюка'; обращает на себя внимание тавтологичность при ее дефиниции: *šaran je pírgav, ima rošćíč navrh glave* (RJA, 72, 478), '*šaran* (букв. 'пестрый') п е с т р, на верху головы имеет небольшой рог'; *šaranka* то же, *šarunica* 'двурогая змея'<sup>8</sup>, *šaren* 'змея пеščarka', *šarènica*, *šarenka* 'песчаная гадюка', *šarica* – название змеи в Далмации, *šarka* 'змея в прямом и переносном смысле: *Ľubile te šarke, ťute guje; šarkan* 'змей', *šarováča*, *šarovka*: *šarovka je gorka zmija* (Хорватия), *šaruša* 'пестрая змея'. Сюда также *šaròvit* как атрибут змеи в прямом и переносном смысле: *Nije lasno na kapiju doći, na īoj čuva šarovita guja, ťuta guja kapiġija Mato* 'Нелегко достичь тех ворот, их сторожит пестрая змея, лютая змея – привратник Мато' и особенно фрагмент песни, в котором можно видеть один из мотивов "основного мифа": *Igra konā zmija šarevita ... Oj izadi zmijo šarevita ...* 'горячит коня пестрая змея ...'. О пестроте как неотъемлемом свойстве змеи свидетельствуют также многочисленные фольклорные тексты: ... змија блавор (блвор, блор) је велика и шарена, огромне снаге: опаше говече и удави га<sup>9</sup>. Пестры также демонические существа низшего ранга типа вампира дрекавац: тело му је шарено, дугачко и тонко као вретено. Пестрота является ключевым словом при загадывании змеи: *šaren kajš po zemlji se vuče* и при загадывании иных объектов через змею: (курительная трубка) *zmija šaruša, na glavi joj ogań gori, a ťudi je pod rep ţube*.

Пестрота как мотивационный признак определяет внутреннюю форму также литовских названий змеи: *margulé*, *marguolé*, *marginé* и др. Этимологическая связь лит. *margas* и рус. *мрак* (Fraenkel, 410; Mühlbach – Endzelin II, 563; Фасмер II, 652) находит экстралингвистическую параллель в общем представлении о слепоте как свойстве змеиной природы<sup>10</sup>, а также в таких языковых фактах, как с.-хорв. названия змеи *слепић*, *слепак* 'змейка, похожая на утря', укр. *сліпак* 'медяница', рус. *слепень* и *сливень* (второе – табуистическое преобразование первого, Фасмер III, 670–671).

Далее естествен семантический переход с.-хорв. *шарен* в разряд пейоративной лексики: *zmijo ţarena!* как характеристика человека, *ţena gizdava zmija ţarena* 'разодетая женщина – пестрая змея'<sup>11</sup>. Пестрота связывается также с представлением о хитрости, фальши, ненадежности: *şaren* 'хитрый, непостоянный, изменчивый, изменнический, сомнительный', *şarkast* 'врун', *şarometan* 'неискренний, неверный', *şardvit* 'лукавый, неискренний', *şarati* 'лгать', *şarañe* 'лицемерие, супружеская неверность'. Зыбкость смысла, который можно толковать двояко, противоположно, передается с.-хорв. и *nasego bana šarovita pravda*, ср. кащуб. *pańska łaska na bestrim końu jezzi* (Sychta, I, 36), *Jesiń na bestrim końu jezzi* (Там же) (о переменчивой осенней погоде) и др.-рус. *не прельща мене козыми п е с т р ы х словес* (Срезневский, II, 1778).

К разряду пестрых относятся также лягушки и другие хтонические животные и целый ряд на с е к о м ы х<sup>12</sup>: *şarèntra* 'лягушка с пестрым животом', *şareňača* 'пестрая лягушка', *U te mjere izade iz vode ţarena žabica* (Далмация), *žuvica ţarena* (*elaphrus littoralis*), *potkorňak ţareni*

(cicones variegatus), *mekokrilas šareni* (malthodes picticollis), *šarena bubica* 'божья коровка', а также *бубамара*: је шарена и врло кротка бубица, коју девојке стављају на кажипрост десне руке и говоре: 'Полет', полет', бубамаро, откуда ће доћи сватови'<sup>13</sup>. В этом имени, помимо отнесения его к 'пестрым существам', интересна также вторая часть слова: мифологический нагруженный корень *mar* со всем сложным комплексом относящихся сюда представлений (в частности, *Mara* и под. как воплощение смерти<sup>14</sup>), смыкающихся в конечном счете с такими именами мифологической змеи, как *Марина*, *Марея*, *Мархва*<sup>15</sup>.

Народномифологическое отождествление змеи и рыбьи<sup>16</sup> как классификаторов нижнего мира находит косвенное подтверждение в омонимичности их языковых наименований: с.-хорв. *šaran* 'карп' и 'ядовитая змея', *šaranac*, *šarban* 'большая морская рыба с черными пятнышками на спине', *šarčić*, *šarēnprēke* 'какая-то пресноводная рыба', *šarka*<sup>17</sup>, болг. *шаранъ* 'карп, сазан'<sup>18</sup>. Пестрота литовских названий рыб отмечается в плачах главным образом как атрибут превращенных душ: *Ši margoji lydekėlė būt man buvus motinėlė ... Šis margasis ešeriukas būt buvusis man broliukas*<sup>19</sup> 'Быть может, эта пестрая щучка — моя бывшая матушка ... Этот пестрый окунек — мой бывший братец'.

"Пестрые" наименования птицы — прежде всего естественное отражение реальной пестроты оперения: *šaran* 'дятел', *šaran kao detao*, спр. аналогичное литовское *marqas kaip genys*; *šardper* 'птица с пестрыми крыльями'. Однако и здесь пестрота, как особая печать, отмечает свой предмет, переводя его в разряд обладающих особыми свойствами, так, с.-хорв. названия зяблика *šaruža*, *šaroviža* типологически параллельны лит. именам *margasparnis*, *margagurklis*, а эти последние связываются с негативными представлениями: *jei apie namus skraido margasparnis – degs namai* (LKZ VII, 851) 'если вокруг дома летает зяблик — дом сгорит'<sup>20</sup>. Особая проблема связана с пестрыми к урице и петухом<sup>21</sup>: с.-хорв. *kokoš šara* (ср. рус. *курочка ряба*), см. другие названия с той же мотивацией: *šarēnusa*, *sarenaš*, *šarka* 'пестрая курица'.

Корпус сербохорватских названий коня, мотивированных признаком 'пестрый', обширен и разнообразен в словообразовательном отношении: *šaran*, *šarac*, *šarin*, *šarčić*, *šarcin*, *Sargo* — кличка коня, *Šarka* — кличка кобылы, а также *šarac*, *Šarčić*, *Šarčin*, *Šarīn* — имена коня Кралевича Марко, модифицированного на сербской почве героя мифа о поединке Громовержца: *Ide Kraleviću Marko na Šarčinu, koňu negóvom!*; *Pa otale (Kralević Marko) posjede Šarčica; A Kralević načera Šarčinu*. См. черногорское представление: *Budući da šarene i je h kona vrlo malo ima, zato se ovde misli, da ih je nestalo sasvim – poslije Šarca a Kralevića Marka* (RJA, 72, 483), болг. Шарець, Шаркулиса, Шаркулин: *Која конја да извади?* | *Дали конја звѣздоброја?* | *Или конја вихрогонија?* | *Или конја шаркулиса?* (Геров, 5, 595). В связи с конем и его парадигматическими связями с другими классификаторами, а также имя в виду весь комплекс представлений мифа, в том числе и звуковое оформление имен персонажей<sup>22</sup>, здесь следует сослаться на сербское предание, по которому из конского волоса, упавшего в воду и ожившего, образовалась змея<sup>23</sup>.

Наконец, животные низшего ранга — кошка и собака — находящиеся в сфере противника Громовержца в сюжете основного мифа<sup>24</sup>, также опре-

деляются как пестрые<sup>25</sup>. Собака: *šarene nam vaške udariše, poklaše ti umorne vojnikie; šarić, Šargo* – кличка собаки, *šárka, šarko: putuj put' em tvojim, jer sto šarko laje, putnik ... nit' sluša nit' staje; šárov*; см. литовские номинации типа *margiūs* 'собака с пестрой шерстью'; кошка: *šarica, šárka, šáruļa*,ср. типологически параллельные в семантическом отношении литовские наименования типа *katinas marguikas, katelis marguolis*, рус. (детское) фольклорное *котики-марготики* и нек. др. Мифологическая значимость кошки общеизвестна: предсказание погоды, гостя/resp. чужого, смерти; живую кошку приносят в жертву при вызывании дождя и т.д.<sup>26</sup>.

Пестрота ткани, одежды, вышивки: *šára* 'украшение на шали', *šarēnica* 'пестрый ковер' и т.д. (Skok 3,382), болг. *шарълка* 'пестрая ткань', *шарка* 'узор' (Геров 5, 594), также оказываются мотивированными не только внешним образом, но и таким признаком, который особым образом отмечает предмет: *Ako viđiš (u snu), da imas čohu šarenu, toj prilikuje srčba* 'видеть во сне пестрое сукно – к злости, гневу'.

Абсолютно параллельно употреблению лит. *margas* в значении десемантизированного постоянного эпитета, который в фольклорном тексте может соединяться практически с любым денотатом [вплоть до случаев типа: *Aš pakavosiu savo mergelę margoje bažnitėlėj ...* 'Я похороню свою девицу в *marga* (пестрой? красивой?) церквушке', *daro brolei marga grabą* 'сделали братья *marga* гроб'], использование с.-хорв. *шарен: a šaren čibuk pripalilo* (применительно к трубке), *pa šarene puške dovatise* (к ружью), *dva se mlada ogleduju na šareno ogledalo* (к зеркалу) и нек.др. Загадочная, на первый взгляд, лит. *marga gromatéle* 'букв. пестрая книжечка, грамотка', в текстах погребальных плачей обозначающая послание "родителям" (-умершим предкам) на тот свет (*vai ir atléké raibas sakalélis, vai ir atnešé marga gromatéle* 'ой и прилетел рябой соколочек, ой и принес он пеструю грамотку', см. в тех же контекстах рус. *скорописчатая грамотка*) находит надежное подкрепление в с.-хорв. *шарена књига* и под.: *Pa šarenu knígu načinio | Kad šarenu knígu proučio | Šarenu tu knígu napraviše* (RJA, 72, 483); *Došla, sokole moj, ta šarovita i jadovita kníga mudrome Dubrovčaninu Kabogi-* (Далмация). Семантическая тенденция к объединению представлений о письме и пестроте, в основе которой может лежать этимологическая связь типа рус. *писать* – *пестрый* (Фасмер III, 251, 266), и далее к расписанности, украшенности, многообразно проявляется в лексике, касаясь разнокоренных слов с этим значением: лит. *margini velykaičius* 'красить', букв. пестрить яйца' и *margutį rasýti* 'расписывать', *margutis* 'крашеное яйцо', рус. *писанка, крашонка*, пр.-рус. *письати* и *пестрить*, *пьстрити* 'украшать, расписывать' [Срезневский II, 1777] и с.-хорв. *šaraviti, šarati* 'красить в разные цвета' и 'писать', 'писать каракулями', *uskrášne samo omašćeno jače (a koje je i pisano i omašćeno, ono se zove šareno)* (RJA, 72, 482).

В народном календаре пестрота косвенно связана с миром предков, поминовением усопших: с.-хорв. *šarena nedjeļa* – неделя перед зимним задушным днем, первая неделя мясоеда, когда не постятся ни в среду, ни в пятницу; болг. *шарен хлеб* 'обрядовый хлеб, буговица' (Геров, 5, 594).

Наконец, как пестрые осмысливаются и единичные исключительные денотаты, относящиеся к сфере негативного: *šaruļe* – одно из эвфемисти-

ческих наименований оспы, наряду с противоположным по принципу табуирования мале богиње 'ветряная оспа' и велике богиње 'черная оспа', болг. *шарула*, *шарулка* 'корь, оспа' и *Баба шарка*:*Шаркъты быватъ: брусица, дребница, кожюшка, лѣщница, лѣщенка, червенка, кадра шарка*" (Геров, 5, 594).

Проведенный семантический анализ с.-хорв. *шарен* и производных показал, что обычный, на первый взгляд, эпитет, атрибут известного числа денотатов, оказывается той осью, вокруг которой собраны мотивы, определенным образом организованные и на других текстовых уровнях, в частности, составляющие фабулу мифа о поединке Громовержца с его противником. Сам этот эпитет при этом включается в парадигму преимущественно негативных признаков в оппозициях чистый/нечистый, светлый/темный, верхний мир/нижний, подземный мир, жизнь/смерть и т.п., соединяясь с денотатами, входящими в сферу противника Громовержца.

Не имеющее, по единодушному признанию этимологов, балтийских соответствий, с.-хорв. *шарен* демонстрирует абсолютный семантический параллелизм с лит. *margas* (вплоть до таких периферийных значений как 'ложивый, изменчивый' и специфических сочетаний типа *пестрая книга*), так что создается возможность говорить о типологии пестрого. Другие лексемы, используемые в балто-славянском для обозначения пестрого, манифестируя лишь фрагменты из обширного реестра его значений и соотносясь с меньшим количеством денотатов, также оказываются в пределах выявленных представлений.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Невская Л.Г. Лит. *margas* (семантические связи постоянного эпитета). – В кн.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, с. 130–136. К сожалению, лишь после выхода в свет указанной статьи автору стала известна работа итальянской исследовательницы M.T. Ademollo Gagliano "Il lituano *margas* e i suoi sinonimi" – Indogermanische Forschungen, Bd. 88, Berlin, New York, 1983, с. 235–256, рассматривающей ту же лексему преимущественно как термин цветообозначения. Такое синхронное совпадение интересов представляется неслучайным в широком контексте внимания к исследованию литовской лексики.

<sup>2</sup> См.: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974 и серию других работ этих авторов.

<sup>3</sup> Далее ссылки на этот словарь, как правило, опускаются. Документируются только лексемы, заимствованные из других источников.

<sup>4</sup> Невская Л.Г. Указ. соч., с. 131, 135 (прим. 4).

<sup>5</sup> Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования..., с. 5, 38–40, 54, 58, 75, 80, 200.

<sup>6</sup> Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970, с. 72.

<sup>7</sup> Возможно, неслучайно в ряду названий овцы: *ovce govi ūare, ūiška, sokolica* (RJA, 72, 482) соположение лексем *ūare* и *sokolica*, если иметь в виду, что постоянным атрибутом сокола в фольклорных текстах является именно пестрота, см., в частности, *raibas sakalēlis* литовской причетн как вестник смерти.

<sup>8</sup> Из многозначной и амбивалентной по своей природе символики рога сюда относится представление о роге как атрибуте дьявола, см. также такие названия как с.-хорв. *rđožma*, рус. рогатый, эвфемистическое наименование ведьмы *ruguja*, *rogusha* (Српски митолошки речник, с. 254), *rđoša* (Сербскохорватско-русский словарь/ Сост. И.И. Толстой. М., 1970, с. 520). В сюжете "основного мифа" рог является оружием поражения/ослепления противника, так, белорусскому: *у моей короуки кругые рожки, Яна выколиць змей вочки* (цит. по: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах. – В кн.: Типологические

исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Пропла. М., 1975, с. 69) можно поставить в соответствие сербскую легенду с введением мотивов кузнеца—заместителя Громовержца и перемещения вод как одной из форм разрешения поединка: *Неки ковач окује гвожђем рогове свом бику, пусти га у језеро, у коме нађе аждају и прободе је, а језеро отекне у рудничко село Трепчу* (Српски митолошки речник, 3). Мотив "блуждающего озера" в литовских сказаниях специально рассмотрен в работе: *Kerbelytė B. Lietuvių liaudies padavimai*. Vilnius, 1970. Примечательно, что и этот мотив часто объединяется в одном сюжете с мотивом скота: ...žiūri, kad rimuoja jautis — ir tik mū! mū! mū! O paskui jū ežeras eina. Jautis éjo pirma, o ežeras éjo paskui tā jauti. Tai dabar Rimieši vadina (Kai milžinai giveno. Padavimai apie miestus, ežerus, kalnus, akmenis. Parenge B. Kerbelytė. Vilnius, 1983, с. 68) "...видит, что идет бык — и только мы! мы! А за ним озеро идет. Бык идет первым, а озеро идет за этим быком. Оно сейчас Ри-мече зовется".

<sup>9</sup> Српски митолошки речник, с. 145.

<sup>10</sup> Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Инвариант..., с. 68–69, а также Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 91.

<sup>11</sup> В известном смысле типологически параллельными в семантическом отношении можно считать, с.-хорв. *m̄goda* 'злой', сумрачный, мрачный человек', *m̄godast* 'темный, мрачный', *m̄goditi se* 'хмуриться', которые этимологически соотносятся с лит. *margas* 'пестрый', являясь в формальном отношении (ввиду сохранения -g-) даже более близкой формой, чем слав. *mrakъ*. О сопоставлении приведенных сербских форм с прилаг. *mrk* см. Skok 2, 464. Здесь же отвергается как далекое и трудное для обоснования предположение о возможности связать чеш. *m̄holiti* 'падать' и лтш. *m̄erga*, *m̄arga* 'мелкий дождь'. Однако, если иметь в виду всю комплексную семантику пестрого (в том числе связь пестроты с темнотой, мраком, спелотой), наконец, такие образы как *слепой дождь*, то, может быть, в таком контексте это сопоставление нашло бы свое место. Из свидетельств текстов иного ранга см. сербскую легенду о том, что при соре дьявола с женой возникает дождь при солнце, т. е. спелой, или грибной, дождь (Српски митолошки речник, 119).

<sup>12</sup> Эти хтонические существа объединяются по общности происхождения, в частности, в сербском агиографическом предании о пастухе Несторе, убившем дракона (аждаја), из трупа которого расположилось множество змей, ящериц, мышей и насекомых (Српски митолошки речник, с. 3). О связи вредных насекомых с противником Громовержца см. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 118; Топоров В.Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа. — В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981, с. 274–300; Цивьян Т.В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 93. О лягушке в контексте основного мифа см.: Судник Т.М., Цивьян Т.В. О мифологии лягушки (балто-балканские данные). — В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, с. 137–155; Топоров В.Н. Др.-гр. βάτραχος и др. (заметки на полях). — Там же, с. 155–162.

<sup>13</sup> Српски митолошки речник, с. 48.

<sup>14</sup> Мифы народов мира, М., 1982, II, с. 110 (ст. *Mara*), с. 111 (ст. *Марена*).

<sup>15</sup> Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Инвариант..., с. 69.

<sup>16</sup> По восточносербским представлениям *Змај* 'мифологический змей, дракон', происходит из рыбы *шаран*, у которой в сорок лет вырастают ноги и крылья (Српски митолошки речник, с. 142–144). См. отражение этой связи на языковом уровне в "змеиных" названиях рыб типа с.-хорв. *змијулица* 'минога'. Следует, однако, сказать, что амбивалентному славянскому мышлению свойственно и противоположение змеи рыбе: бог сотворил рыбу *јегужа*, 'угорь', а дьявол — змею (Там же, с. 144).

<sup>17</sup> См. также, болг. *шаранова платика* 'красноперка' в работе: Усачева В.В. Материалы для словаря славянских названий рыб. I. (Семейство Cyprinidae). — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, с. 161.

<sup>18</sup> Геров Н. Рѣчникъ на българския языкъ, 5, Пловдив, 1904.

<sup>19</sup> Lietuviškos dainos/Užrasė A. Juška, Vilnius, 1954, III, с. 391.

<sup>20</sup> В сербском и — шире — балканском ареале, однако, не исключительно только здесь, популярен "комбинированный" образ птицы-змеи: с.-хорв. *аждаја* 'дракон',

*Змај* 'птица со змеиним хвостом', *петао-змај* 'петух, обретший фантастическую силу, позволившую ему бороться с драконом'. Подобные представления порождают фольклорные образы типа боснийского *guja mi se na srcu savila... i po leta ptice izvodila, lute ptice — šarene gujice* (RJA, 72, 483). См. к этому же эвфемистическое наименование змеи в румынских заговорах "пестрой птицей" (Цивильян Т.В. К мифологическим обоснованиям одного случая табу: ласка (*mustela vulgaris*). — В кн.: Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленина. Л., 1979, с. 192.

<sup>21</sup> О разнообразных формах участия петуха и курицы в обрядах, которые можно возвести к обряду "первопохорон" противника Громовержца, существует большая литература. Свод ее см. в кн.: Успенский Б.А. Филологические разыскания..., с. 86 (прим. 99).

<sup>22</sup> См. работы В.Н. Топорова о Волосе—Велесе в контексте "основного мифа".

<sup>23</sup> Српски митолошки речник, с. 144.

<sup>24</sup> Успенский Б.А. Филологические разыскания..., с. 90.

<sup>25</sup> Ср. к этому этимологию *пес* по связи со слав. *rьstrъ* 'пестрый' и лит. *raižas* '(грязное) пятно' (Фасмер, III, 248).

<sup>26</sup> Српски митолошки речник, с. 200.

### Э.И. ЗЕЛЕНИНА

## ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПЧЕЛОВОДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ. II

Данная статья продолжает начатую публикацию материалов по болгарской пчеловодческой терминологии<sup>1</sup>. В ней содержится материал по народному пчеловодству, собранный в Родопском крае в 1978 г<sup>2</sup>. Автор поставил перед собой задачу собрать не только терминологию материальной культуры, относящуюся к разведению пчел, обработке продуктов пчеловодства и т.п., но и связанные с ней элементы духовной культуры ее носителей — обычаи, верования, словесные формулы, благопожелания и народную медицину.

Пчеловодство в Родопах еще в начале XX в. носило примитивный характер. В ходу были плетеные конусовидные ульи, а современные ульи европейского типа появились только после Первой мировой войны<sup>3</sup>. Исследователи отмечают, что в центральных Родопах долго сохранялись (до середины XX в.) старинные деревянные прессы для отжатия меда и для получения воска<sup>4</sup>, которые, по свидетельству местных жителей, можно встретить в этих местах и теперь<sup>5</sup>. Архаический характер материальной культуры способствовал сохранению старых форм разведения пчел и связанных с ними обычаем, нашедших отражение преимущественно в семейных обрядах и народной медицине жителей края.

Собранный материал представлен в виде сравнительного словаря, в котором за основу взят говор села Широка лыка, а материал говора села Павелско сравнивается с ним. Словарь насчитывает 91 статью. К сожалению, поиски дополнительного материала в родопских изданиях конца XIX и начала XX в., а также современных оказались мало результативны<sup>6</sup>.

Данная статья является первым опытом системного описания родопской пчеловодческой терминологии. Содержащийся в ней материал имеет особую научную ценность ввиду своей архаики и специфики как в плане языковом, так и в плане духовной культуры его носителей.

Аскер аскер'м. Шл. арх. рой. *На пчелытъ ви́кауа аскер'*. Ср. рояк. було бу́лу с. Шл., була́ ж. П. маска (пчеловода).

варя варá гл. нсв. Шл. П. топить (воск, соты). *Питътъ варимъги и иска́рвамъ воська.* Шл. *Тури да зо [воська] вары.* П. См. претопявам.

виличка ви́личка ж. Шл. инструмент пчеловода в виде вилки.

воськ воськ м. Шл. П. воск. *Питътъ варимъги и иска́рвамъ воська.* Шл.

\*Народная медицина. Подогретым в виде лепешки воском лечат раны, чирии. П. *Питка ут воськ.* П. Из воска изготавлиают свечи. См. свечи. Шл. П.

вощина вуши́на ж. Шл. П. вощина. *Вушина слагат и истича воська.* Шл. \*Народная медицина. Подогретой вощиной лечат детей во время заболевания свинкой.

възглавничка възглавнъчка ж. Шл. соломенная подушка в улье (на зиму).

гледам гл'бдам гл. нсв. Шл., гледам П. разводить (пчел). *Утиди да глобда пчелытъ.* Шл. Гледам пчели. П.

гнездо гнездó с. П. = плодник.

гнилец гнилец м. Шл. П. инфекционное заболевание личинок, европейски ~, американски ~ виды указанного заболевания личинок.

добив добиб м. П. взяток.

дупчица дупчицä ж. П. = килия.

жило жилу с. Шл. П. жало (пчелы).

запечатвам [запечатвам] гл. нсв. П. запечатывать (соты).

запечатан запечатан, -а, -у прич. м. Шл. П. запечатанный (о ячейке в сотах и др.). *Запечатанитъ килики.* Шл. *Запечатану пылу.* П.

изкуствени пити искусствени пыти мн. Шл. искусственная вощина.

излюпвам се [излюпвам-са] гл. нсв. П. =измътвам се. И са излюпват.

измътвам се [измътвам-са] гл. нсв. Шл. выводиться (о пчелах). И там са измътват малкитъ пчелички.

изрезвам изрэзвам гл. нсв. П. вырезать (соты в плетеном улье). Изрэзват пытите.

изтискам истискам гл. нсв. Шл. выжимать (мед из сотов).

капак капак м. Шл. П. крышка (улья).

кашичка кашичка ж. Шл. П. кашка, которую пчелы готовят из пыльцы, меда и воды, чтобы кормить ей расплод. *Прав'ят кашичка.* П.

килия килийа ж., килийка уменьш. Шл. П. ячейка в сотах. *Големитъ килии.* Шл. Въф килийката гуслага. Шл. Ср. дупчица П.

кош кош м. П. улей; дървени ~ ове деревянные ульи, прости ~ ове плетеные ульи. Прости кбшове от скрёба. Ср. кошер, трывна.

кошер кбшер м. Шл., литер. П. улей. *Пчеларски кбшер-тръбна.* Шл., простиц ~ Шл., прости ~ и П. плетеный улей, см. трывна, ср. кош; европейски пчелен ~ П. современный улей европейского типа. \*Обычай. Раньше на ульи вешали черепа домашних животных: вола, овцы, служившие оберегом от уроков.

Шл. *На простица кбшер тур'али чёреp ут вобла,* удубфа срещу уроки.

листове листуви мн. П. = изкуствени пити. Шл. Листуви ут воськ.

магазин магазин м. Шл. П. магазин.

майка майка ж. Шл. П. пчелиная матка. Идна́ муу́я, койато произвежда пы́лу, майка, га́йе пёбэра. Шл. И тога́ва майка та сна́са йайца. П. ♀ Дом, майка! Дом, майка! Шл. словосочетание, которое произносят, когда ловят улетевшую пчелиную матку и с нею вместе рой. Ср. царица П.

майчило майчило с. П. = маточник Шл.

маточник маточник м. Шл. маточник.

мед мет м. Шл. П. 1. мед. И то са иска́пва мёдо. Шл. Меда́ като излези. П.; 2. мифол. символ добра и благополучия, наделен магической силой, способной благоприятно повлиять на здоровье и судьбу родившегося ребенка, на жизнь новобрачных, задобрить болезнь, отогнать демоническое существо. Для этой цели служит обрядовое кормление хлебом, намазанным медом, или брызгание медом (с вдой). \*Обычаи. В день рождения ребенка пекут обрядовый хлеб – первата пы́та, намазывают его медом, разламывают на куски и раздают соседям, чтобы новорожденный был здоров и счастлив. Шл. На третий день после рождения ребенка хлебом, намазанным медом и маслом, (пы́та) кормят гостей. Наём'ат пы́та... и ру́кат на смеда́й. Шл. На третий ден пы́та ша испекът фештън... адна́на на калма́на, другана на нас. Намазваха смет пы́тины... Лом'ат пы́тана... или сёкърва, или н'аква лёл'а, сестра на руды́ка. П. Во время свадьбы, когда одевают невесту, обрядовый хлеб (хлéче), намазанный медом или сахаром, разламывают на две части, сопровождая словами: Господи да помага, са збират и да са добират, выражаями пожелание будущим супругам быть вместе до самой смерти. Шл. Пожелание новобрачным. Да хим върви пумёт и ма́слу! П. Существует обрядовое кормление болезней хлебом, намазанным медом. См. медено, меденко, уменко. Народная медицина. Лекарство от кашля и желудочных заболеваний. Шл. П.

меденко мёденку нар. П. мифол. в выражении Мёденку да утиди и да не ни са потсърди, которым сопровождается обрядовое кормление болезни ветряной оспы лепешками, намазанными медом, путем раздачи их соседям. Ср. медено (у другого лица).

медено мёдену нар. П. мифол. в выражении Да си ѿди слáтку и мёдену и да си проштава, которым сопровождается обрядовое кормление болезни ветряной оспы лепешками, намазанными медом, путем раздачи их соседям. Ср. меденко (у другого лица).

медовина мёдовина ж. Шл., медовина П. 1) вид варенья из меда с добавлением кусочков тыквы и фруктов. Шл.; 2) обмычки от сотов. П.

медовинка медовинка ж. П. 1) уменыш. от медовина (см.), 2) мифол. в выражении – Да си ѿди пумедовинка, которым сопровождают ритуальное действие – брызгание водой с медом и опущенным в нее букетиком базилика, чтобы прогнать с чердака демоническое существо тъльсъм, которое, по представлению народа, не любит "медовинку". – Не га́л'ал медовинка и изб'агал.

медоносно мёдоносну прил. с. П. медоносное (о месте сбора меда). Место́то мёдоносну.

месал месал м. Шл. домотканая цедилка для меда. Пы́та на топлу и седна́ кърпа месал и то са иска́пва мед.

млада млада прил. ж. П. молодая (о пчеле). Млади пчели.

млечице млечице с. Шл., млечице П. молочко (пчелы).

муха му́жу́ ж. Шл. П. пчела (в языке пчеловода). Идна́ му́жу́, койа́то произвёжда пы́лу, майка. Шл. Старите му́жу́. П.

ношче но́шче с. Шл., нош м. П. нож (пчеловода). Седно́ но́шче ут-  
крайва́м запечатанитъ килийки. Шл. Нош за отвáр' ане на самите пыти. П.  
оплодява́м се [оплод'авам са] гл. нсв. Шл. оплодотворяться  
(о пчеле). От кого са оплод'ава чéлата?

открива́м уткрайва́м, гл. нсв. Шл. открывать (ячейки в сотах). Седно́  
но́шче уткрайва́м запечатанитъ килийки.

отрова утроба ж. Шл. П. (пчелиный) яд. \*Народная медицина. Ис-  
пользуется для лечения ревматизма, при помощи укусов пчел.

паща пáша ж. Шл. П. место сбора нектара и цветочной пыльцы (цвету-  
щие деревья, луга, поляны и т.п.). Пáша – лоз'а, горски цвет'а, овощи. П.

пило пы́лу с. Шл. П. пчелиный расплод. Дёту сна́с'ят ища за пы́лу. Шл.  
Запечатану пы́лу. П.

пита пы́та ж. Шл. П., пы́ть мн. Шл., пыти П. соты. Пы́ть варим ги и  
искáрвамъ вбсъкъ. Шл. Но́ви пыти. П.

плодник плóдник м. Шл. расплодное гнездо (в улье).

повет побит м. Шл. Clematis vitabla выющийся кустарник, из ветвей  
которого плетут ульи, см. тръвна. Пчеларски кóшер – тръвна ут пръчки  
ут побит. Ср. скреб.

подпушвам потпúшвам гл. нсв. П. см. пуша.

подхранвам путхра́нвам гл. нсв. Шл. подкармливать (пчел). Путхра́н-  
ва ф чинийа.

прашец прашéц м. Шл. П. пыльца. Въф килийката гу слáга и прашéц. Ш.

прелка прéлка ж. Шл., прéлка П. леток в тръвна. Зымну време прéлкитъ  
да бъдат затворенъ. Шл.

пресс прéса ж. Шл. П. 1) пресс (для отжатия воска). Шл. П.

Прéсата за вуштина. Шл./1. Старинный деревянный пресс, состоящий из  
деревянного корыта, в которое клади мешок с подогретой вошчиной, и  
толстой доски сверху. 2. Современный винтовой пресс; 2) ручной станок  
для заготовки основ (для сотов). П. Прéса за лйти.

претопявам претоп'авам гл. нсв. П. топить (воск). См. варя.

пуша пúша гл. нсв. Шл. окуривать (пчел).

пушалка пушáлка ж. Шл., пухáлу с. П. прибор для окуривания пчел.

пущене пúшене с. Шл. окуривание. Пúшенету най-лошуту за пчелата.

пчела пчелá и чéла ж. Шл. П. Apis millifera L. пчела. Пúшенету най-  
лошуту за пчелата. Шл. Глéдам пчелá. П. \*Верования. Верят в то, что пчел  
могут сглазить. Шл. П. – ...урчбсани са жазва. Шл., что их могут украсить,  
и тогда говорят: откраднали ут пчелить. Шл. Если навредишь другому  
пчеловоду, то твои пчелы тебе отомстят. П. Пчелá обичат чесну да се работи  
със тях. П. Обычаи. – В прошлом на ульи вешали черепа домашних жи-  
вотных – вола, овцы, служившие пчелам оберегом от сглаза. Шл. – Нака-  
нуне Тодорова дня бросают на пол намоченный горох и издают звуки  
Бз! Бз!, подражающие жужжанию пчелы. Это делается для того, чтобы пчелы  
роились. – Фбрл' грехо за пчел'та, да са ройот. Шл. Народная медицина.  
Укусами пчел лечатся от ревматизма. – Рематис да имаш – ухана га, и  
утива рематис. Шл.

пчеларник пчеларник м. Шл. пасека.

пчелек пчéлек м. Melissa officinalis. трава, которой натирают

плетеный улей, чтобы привлечь улетевший рой. *Нагріши с пчёлек и нама́жши с сироп.* Шл.

работна работна прил. ж. П.: ~пчела = работница Шл.

работница рабо́тница ж. Шл. рабочая пчела.

работя рабо́т'я гл. нсв. П. работать (о пчелах).

рамка рамка ж. Шл. П. рамка (в современном улье).

роя се [брóйса и ройáса] гл. нсв. Шл., [руйáса] П. роиться (о пчелах). *Да не са ройи.* Шл. Фбрл'в грехо́ за пчёлта да са ройот. Шл. Са руыла ина пчёла. П.

роик ро́йцк и рой м. Шл., ройáк П. рой. *Ловене на ройцк.* Шл.

\*Поимка роя. Через вылетевший из улья рой бросают воду или песок, чтобы его заставить снизиться. Плетеный улей (см. тръвна) натирают душистой травой (см. пчелек), которую кладут на ладонь и дуют через нее на встречу рою и повторяют при этом: *Дом, майка! Дом, майка!* Шл. – до тех пор, пока весь рой не влетит в улей.

свещи свéти мн. Шл. П. свечи (из пчелиного воска); носят на кладбище. *Свéти за гробыштата.* Шл.

семейство семéйство с. П. семья (пчел).

сито сýту с. Шл. сито, через которое цедят мед. Цеди́са през сýтуту.

скреб скrep м.П. = *повор* Шл. Прости кóшове от скре́ба.

сладко слáтко нар. П. мифол. в выражении – *Да си ѿди слáтку и мéдену и да си пруштáва*, которым сопровождается обрядовое кормление болезни ветряной оспы лепешками, намазанными медом, путем раздачи их соседям.

снасям [снаc'ам] гл. нсв. Шл. П. нести (яички). *Дéту снаc'ат ица за пíлу.* Шл. И тогáва майката снаc'a иайцá. П.

строя строй гл. св. Шл. П. строить (соты). *Стройёт килийки.* Шл. Сíчку да си струйёт. П.

събираам събýраам гл. нсв. Шл. П. собирать (мед). *Събýрат пóвече мет.* Шл. Най, мёт много събýра. П.

троптина тропíна ж. Шл., трутпíна П. отходы от воска. *Тропíна са устáва.* Шл. \*Народная медицина. Подогретой "троптиной" лечат ангину и ревматизм. П.

тръвна трéвна ж. Шл. П. старинный плетеный из ветвей кустарника Clematis vitabla конусовидный улей. *Пчелáрски кóшер–трéвна утлрбчи утловит.* Говéждй боклúк и малку пе́ськ, измáз вамъгу ... Или уткáмък плоча или уддъска нáкуя [подставка]. С парцал пукриваха. Шл. Ср. *повор*, скреб.

тыртей тóртей м. Шл. Fucus трутень. *Тóртеи сáмо за осеменáване.* Шл. Тýртеи – мýшките чéли. П.

удрежа удрéжá гл. св. Шл. отрезать (о сотах).

умеденка умедéнка прил. ж. Шл. мифол. удовлетворенная (задобренная) медом (о болезни ветряной оспе) наряду с прил. усладенка выступает как ласкательное название этой болезни. Уткъдéту ие душлá, там да си утгýди усладéнка, умедéнка. \*Обычай. Хлебом (пýта), намазанным медом, угождают соседей, чтобы задобрить олицетворенную болезнь ветряную оспу, произнося формулу, приведенную выше, в которой высказывается пожелание, чтобы она удовлетворенная медом, ушла туда, откуда пришла.

усладенка усладéнка прил. ж. Шл. мифол. услажденная (медом – о болезни)

ни ветряной оспе), наряду с прил. *умеденка* выступает как ласкательное название этой болезни. *Уткъдёту ѹе душлá, там да, си, утиди усладёнка, умедёнка.* Ср. *умеденка*.

*ухапя ухáпам* гл. св. Шл. укусить (о пчеле). *Рематíс да, ѹмаш – ухáпда,* и *утýва* *рематíс*.

*фърча фърчá* гл. нсв. П. летать (о пчеле). *Кугáто фърчéт.*

*хаян áп'a* гл. нсв. П. кусать (о пчелах). *Пóчват да, ап'зт.*

*царица царýцä* ж. П. = майка.

*цедак цедák* м.П. = сито Шл.

*цедилка цедíлка* ж. П. кусок редкого материала, через который цедят мед.

*цедя цед'á* гл. нсв. Шл. П. цедить (мед).

*центрофуга цéнтрофúгä* ж. Шл. П. медогонка.

*шило шíлу* с.П. инструмент пчеловода для пробивания дырочек в рамках.

*яйце ицé* с. Шл., *йайце* П. яичко (пчелы). *Ицéту постепéну са, увеличáва ... и стáва чéрвейче, а посle пчеличката, излиза мушíчката.* Шл. *Пр'áсни* *йайцá.* П.

Материал, извлеченный из литературы по Родопскому kraю, позволяет сделать дополнения и комментарии к отдельным терминам.

1. Представление о **воске**, ср. *вóсък* м. Шл. П., как о символе света, обусловлено его связью со свечами. Автору в указанных пунктах удалось зафиксировать, что изготавляемые из него свечи, используются в похоронной обрядности. В литературе отмечены случаи применения домашних свечей в календарной обрядности с последующим их использованием в окказиональных и других обрядах. В г. Устово в день св. Варвары 17 декабря приготавливали домашнюю свечу, которую зажигали во время преломления обрядового хлеба. Недогоревшую свечу сохраняли и зажигали в случае тяжелых родов у скота, а также при сильном громе и граде. В великий четверг и великую субботу домашние свечи зажигали в церкви, несли их домой, чтобы зажечь лампаду. Остаток свечи применяли при сильном громе, буре и пр<sup>7</sup>.

2. Обрядовое кормление хлебом, намазанным **медом**, ср. *мет* м. Шл. П., гостей через месяц после рождения ребенка ("Пита") отмечено в 60-е годы XX в с. Ръжево Конаре Пловдивского округа. В прошлом его раздавали соседям в день рождения ребенка ("Малка пита")<sup>8</sup>.

В литературе 1-й половины XX в. описаны случаи кормления хлебом, намазанным медом, или хлебом и медом, приуроченные к определенным календарным праздникам. Они могут быть отнесены к области предохранительной магии. В Пловдивско в день св. Варвары мазали медом лепешки и раздавали их прохожим, чтобы были здоровы члены семьи и скот<sup>9</sup>.

В г. Устово 28 августа ("Толяматата чорква") в каждой семье совершалось преломление обрядового хлеба. Члены семьи съедали этот хлеб вместе с медом, чтобы все они были здоровы<sup>10</sup>.

В начале XX в. отмечен случай замены меда с *речел*, ср. *речéл* м. тур. обл. 'вид варенья из виноградного сока, сахарной свеклы и др. с добавлением кусочков тыквы и фруктов' (БТР), при намазывании обрядового хлеба в день св. Харлампия, 10 февраля, в с. Перушица, Пловдивско. Такой хлеб раздавали прохожим, чтобы были здоровы волы<sup>11</sup>.

Обрядовое кормление эпидемических болезней хлебом, намазанным медом, происходило 1 марта, в день св. Харлампия и в день св. Варвары в Ахъ—Челебийско (средние Родопы)<sup>12</sup>, в день св. Варвары в г. Станимака (Асеновград)<sup>13</sup>.

В одном из описаний родопской свадьбы в конце XIX в. отмечено употребление меда для подслащивания водки — *блага ракия*, которая символизировала честность невесты (Родопски старини. Кн. II, 1888, с. 27). Подобное известно и в других краях Болгарии, например, в северной Фракии (ИЕИМ, X1, 1968, с. 313).

3. В говоре с. Широка лъка древний славянский термин *медовина*, *мёдовина* Шл., ср. литер. *медовина* 'напиток, приготовляемый из меда и воды' (БТР), означает 'вид варенья из меда с добавлением кусочков тыквы и фруктов'. Ср. упомянутый выше *речел*, близкий по семантике, замещающий мед в его обрядовой функции. Можно предположить, что в с. Перушица *речел* варили из меда, что вполне возможно, так как, например, в Шуменско его приготовляют из меда<sup>14</sup>. В говоре с. Павелско у термина *медовина* сохраняется старое значение, хотя несколько модифицированное — 'обмычки от сотов', употребляемые, видимо как питье.

4. В литературе описан интересный пример предохранительной магии, связанной с *пчелой*, ср. *пчела* и *чёлъц* Шл. П. Высушеннную голову ворона с открытым клювом кладут рядом с летком, чтобы пчелы через нее вылетали и влетали. Это делается для того, чтобы обезопасить пчел от болезней<sup>15</sup>.

В одной из песен, записанных в Рупчоско (северные Родопы) в начале XX в., встречается название болезни(?) пчел *бутур суш*. — "Бутур му изе<sup>а</sup>л кбшуве"<sup>16</sup>.

Примета. Если вечером на Сирница небо ясное, то пчелы будут сильными (1895 г., с. Малево и Павелско, Рупчоско)<sup>17</sup>.

5. Поимка роя, ср. *ройцк* и *рой* Шл., *ройак* П., и сопровождающие её словесные формулы были записаны Ст. Шишковым в начале XX в. Через вылетевший из улья рой хозяйка перебрасывала золу (чтобы он снизился. — Э.З.) и при этом говорила: "Кату са свъртат уфите на тузлана ('место кормления солью'), тъй да са свъете ф кошет". После этого привязывала на новый улей головку чеснока от глаза и повторяла: "мат, ма́ру, мат, мат" до тех пор, пока рой не влетал в новый улей<sup>18</sup>. Указанная формула содержит обращение к пчелиной матке, улетевшей из улья, в виде трехкратного повторения слова *мат*, которое безусловно является однокоренным с термином *матка* 'пчелиная матка' (БТР), от которого образованы и другие пчеловодческие термины, ср. *маточник* Шл. 'ячейка для матки', *маточина* 'дущистая трава' — БТР (ср. *пчелек* Шл. П.). Ср. описание поимки роя в изучаемых пунктах (см. *рояк*). В ней важную роль играет дущистая трава (см. *пчелек*), которой натирают новый плетеный улей и которую кладут на ладонь, чтобы дуть через нее навстречу рою. Формула, сопровождающая поимку роя в изучаемых пунктах, другая (см. *майка*), но в ней также существует обращение к пчелиной матке и кроме того приглашение вернуться домой — *Дом, майка! Дом, майка!*

6. Произношение *тръзна* Шл. 'плетеный улей' употребляется в языке пчеловода Андона Бобева, 88 лет. Отвечающее фонетическим особенностям говора *търни*, к сожалению, автором не было зафиксировано, но оно дается в литературе, ср. *търни* 'плетеные ульи из веток или еловой коры'<sup>19</sup>.

В Родопах распространены также ульи из соломы и папоротника, называемые *капи* (там же).

7. Произношение *търтей* Шл. также употребляется пчеловодом. Произношение *торгей* находим в литературе<sup>20</sup>.

Рассмотрение родопской пчеловодческой терминологии, связанной с материальной и духовной культурой носителей, показало ее исключительную архаичность по сравнению, например, с балканской, описанной автором в предыдущей статье (см. примеч. 1). Перед нами открылась сложная система народных представлений, относящихся как к области собственно пчеловодства (акты предохранительной магии от болезней пчел, от сглаза их, магическая практика поимки улетевшего роя и т.п.), так и к сфере использования его продуктов и в первую очередь меда в родильной, свадебной и похоронной обрядности и особенно широко в народной медицине (задабривание инфекционных болезней путем ритуального кормления их медом, лечение многих болезней медом, воском, воцой, пчелиным ядом). Особый интерес представляют словесные формулы, которыми сопровождаются акты народной магии в обрядах и народной медицине. Уже сейчас можно видеть различия в этой области между балканской и родопской зонами. Будущее сравнительное изучение материала из этих зон, а в дальнейшем и сопоставление его с материалом из других зон будет способствовать выявлению общих и специфических черт каждой из зон и более углубленному проникновению в сложную структуру народной культуры.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Зеленина Э.И. Из болгарской пчеловодческой терминологии. I. – В кн.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, с. 98–109.

<sup>2</sup> Материал был собран в селах Широка лъка (Шл.) Смолянского округа и Павелско (П.). Пловдивского округа, представляющих центральную и северную зоны Родоп.

<sup>3</sup> Примовски А. Бит и культура на родопските българи. – СбНУ. кн. LIV. С., 1973, с. 347–349.

<sup>4</sup> Вакарелски Хр. Преса за цедене на мед в с. Арда, Смолянско. – Български народ. С., 1941, кн. I, с. 27–28; Маринов В. Население и бит на средните Родопи. – Родопска експедиция. 1953. Доклади и материали. С., 1955, с. 47; Примовски А. Указ. соч., с. 349.

<sup>5</sup> Житель села Широка лъка Андон Бобев, 88 лет, сообщил, что деревянный пресс для отжатия воццы сохранился в с. Стойки Смолянского округа, хотя раньше подобный пресс можно было найти и в его родном селе. Описание пресса дается в словаре (см. преса), рис. и названия частей см. в работах, указанных в прим. 4.

<sup>6</sup> Родопски стариини. Пловдив, 1887–1892. Кн. I–IV. Родопски напредък. Год. I–IX. Станимака – Пловдив, 1903–1912; Родопски сборник. БАН. С., 1965–1983, Т. I–V, и др.

<sup>7</sup> Примовски Вл. Родопски празнични обичаи от гр. Устово. – СбНУ, кн. L, С., 1963, с. 241, 245; Родопски стариини. Пловдив, 1888, кн. II, с. 44, 54.

<sup>8</sup> Пещева–Попова Р. Материален и духовен бит на съвременното селско семейство в с. Ръжево Конара, Пловдивско. ИЕИМ, кн. IV, 1961, с. 83–137.

<sup>9</sup> Арандузов М. Български народни празници. С., 1943, с. 21.

<sup>10</sup> Примовски Вл. Указ. соч., с. 244.

<sup>11</sup> Родопски напредък. Год. IX. Пловдив, 1912, кн. V–VI, с. 157.

<sup>12</sup> Маринов Д. Народна вяра и религиозни обичаи. Сбну, кн. XXVIII. С., 1914, с. 383–384; Родопски стариини, кн. II, с. 34, 44.

<sup>13</sup> Родопски напредък. Год. I. Станимака, 1903, кн. XI–XII, с. 427.

<sup>14</sup>Денчев В. Народното пчеларство в североизточна България през XIX в. – В кн.: Българско историческо дружество: Конгрес I. София, 1970. Материали. С., 1972, т. 2, с. 157–161.

<sup>15</sup>Шишков Ст.Н. Животните в мирогледа на Родопските поселения, Род. напредък. Год. IX, Пловдив, 1912, кн. V–VI, с. 139.

<sup>16</sup>Родопски напредък. Год. IV. Станимака, 1906, кн. V, с. 235.

<sup>17</sup>Там же. Год. I, Станимака, 1903, кн. I, с. 158.

<sup>18</sup>Там же. Год. I., кн. IX–X, с. 382. (Рупчоско).

<sup>19</sup>Примовски А. Указ. соч., с. 347.

<sup>20</sup>Там же.

## ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БТР – Андрейчин Л., Георгиев Л., Ильчев Ст. и др. Български тълковен речник. Изд. 3. С., 1976.  
ИЕИМ – Известия на Етнографския институт с музей. БАН. С., 1953–1975. Кн. I–XVI.  
СбНУ – Сборник за народни умотворения и народопис. С., 1889–. Кн. 1–.

## С. М. Т О Л С Т А Й

### ПОЛЕССКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОДИАЛЕКТНОМУ СЛОВАРИЮ. Д–И\*

**ДАРНАЯ НЕДЕЛЯ.** Воскресенье после Пасхи. Хамина паска – дарная неделя. Рáзам с пásкаю пякуть дарнички. Кали пéрву пásку свéятят, тады дарнички нóсят ў платóчку каля цéркви три разы, али не свéятят. Свéятят в дарнú недéлю, после прáвила, послá слóжбы. – Ч.Грд. Хоробичи, О.А. Терновская, То же Ч.Грд. Макишин, Ч.Чрн. Плехов, Днепровское.

**ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА.** Пятница на девятой неделе после Пасхи. Каждый год святили криницу ў девятую пятницу на Пятровку. Хрест мачали. У бóчку хрест свяшчáли, а тады лíли ў криницу и сами бráли. – Бр.Клм. Челхов, Е.М. Назарова.

**ДЕВЯТНИК.** Четверг на девятой неделе после Пасхи. Обычно почитается либо четверг, либо пятница этой недели (см. ДЕВЯТУХА). На девятнике (девятая недéля послé Великдня) не робíли. В этот день сходица хмара и убить мóжэ грóмом. – Г.Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. Трз коб на дзейтнік було дзейаць егодзін на ветцы. – Тур. II, 11. То же Г.Мэр. Барбаров, Г.Петр. Комаровичи, Г.Лтч. Замошье.

**ДЕВЯТУХА.** Пятница на девятой неделе после Пасхи. У нас кáжуть, девятуха – то польске съято, а десятуха – нашое. Г.Лтч. Замошье, Л.Н. Виноградова. Девятуха – дéвять ягоды ў лéсе надо найти. – Г.Жтк. Дяковичи, М.И. Серебряная. Дзевятуха и дзесятуха – прáзники ад гразы. – Г.Дбр. Дубровка, А.В. Гура.

**ДЕДОВАТЬ.** Устраивать поминальный ужин или обед в дни календарных поминок, называемых ДЕДЫ (см.). Дзедуем мы. Мéсечко на вúлицз

\*Начало словаря см. в кн: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. с. 178–200.

булó. А к нам бáба пришлá с беллём, штоп покачаць. И кáжэ, вы бúдзеце вечéраць, а я бúду качаць. А я говору́: коли дзéды не обíдзяца, то и мы не обíдзимса. А на дворé мéсечко, хоць иголки собирай. Покачала она́ тоé беллё, собралáса, пошли. Её мужык приходзіць и кáжэ: что наробы́ли моей жúнке? А мы кáжэм: что такбó? Кáжэ, пришлá, всё лицо побýтое. А она́ об ушáк побýласа, и відно ж было, что её напрavило на тэй ушáк. — Г.Жтк. Дяковичи, А.А. Архипов, Н. Якубова. С таёй побýсцы, што пад красníма, на тую нітку вúткаць. Да на дзéды, як дзяду́юць, да пачапі на шыю да сядзь на шы́йцы [печи] да дзéды бúдуць ици да бúдзеш бáчыць. Толькі ни с кем ни гаварí. — Г.Мэр. Жаховичи.

**ДЕДÓВÁЯ НЕДÉЛЯ.** 1. Предпоследняя неделя мясоеда перед Великим постом, предшествующая сыропустной (масляной) неделе. На эту неделю приходится один из главных поминальных дней в году (см. ДЕДЫI). На дзяды сноваць кросна ни можна, таму што празник, дзедава нядзеля называеца, паминальна нядзеля. На этай нядзели паминаюць пакойникаў, у пятницу и суботу ничего ни робяць. — Г.Хнц. Хойники, Н.Г. Владимирская. Дзедовная недзéля паминальная, па радзіцелях паминаюць, тады нельзя снаваць цéлу недзéлю. — Г.Гом. Грабовка, Н.Г. Владимирская. Мясаéд: дзедавáя недзéля, ма́слена недзéля и запуски. — Г.Мэр. Жаховичи. Перэд постам на дедавой нядéли ў пятницу, дзяды, а ў суботу — бáбу. Всéрадна [неделя], а патом дедовáя, а тады масылена. — Г.Мэр. Барбаров, А.В. Гура. Стáвляюць дяды, першые на пост — то дедавáя нядéля. — Г.Клн. Новинки, Н.А. Волочаева. "Дыдовáя — предпоследняя неделя мясоеда" — Климчук, 31. То же Г.Хнц. Дубровица, Г.Птг. Комаровичи, Б.Стл. Хоромск, Г.Мэр. Костюковичи, Г.Жтк. Дяковичи. 2. Последняя неделя рождественского поста. Период Рожэством дедовáя неделя. — Г.Жтк. Дяковичи, М.Н. Толстая.

**ДЕДÓВÁЯ ПЯТНИЦА.** Каждый из календарно закрепленных поминальных дней, называемых также ДЕДЫI (см.). Название дедовая пятница употребительно в тех селах, где каждые деды празднуются один день — пятницу. Поминальна — тýждэнь перэд запусками. Цэ деды помынают: ў пятьныщу обéдают, ў чэтвér вэчéraют. Дедова пятьныца. Их дьве: одна перэд Михáйлом, а друга — перэд запусками. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура. Дедовая пятница перет Трўйцэй, перет Сплéнем дедовáя. Пилипоўски пост перет Рожэством — тóже дедовáя пятница. Як дедовáя пятница, то рáнэнько пéчку топili, побéлють, полбжу́ть чыстую скáтерть и утира́льники — ждуть гости, душкі пóмерших. — Б.Стл. Хоромск, Н.А. Волочаева.

**ДЕДОВАЯ СУББОТА.** Каждый из годовых поминальных дней, называемых также ДЕДЫI (см.). Название употребительно там, где деды празднуются один день — субботу. Дядова суббота — мясаéд канчáеца, а тады ужé паминальна нядéля. Тады ужé паминають люди, схóдяца, спиваюць. Як кончили, садяца за стóл и обéдають. — Ч.Рпк. Яриловичи. У нас кáжуць дедовá суббота, а колісь у пятницу починали. Як повечéрием [в пятничу], на столі стóйт на ночь блýдо, лóшки перэзвéртыўають — для дúшэк, штоп кормíлісь. Утром все убирають — хто выбросить, а хто и зъест. — Б.Стл. Рубель, Н.А. Волочаева. Дедовá суббота [канун Троицы]. Побéдають да идуть клéна лома́ть да поўтикають ў хáту. — Г.Жтк. Дяковичи, М.Н. Толстая. После Михáйлы суббота — цэ Михáйлина суббота, а цэ дидовáя суббота [перед Михайловым днем]. — Ч.Чрн. Плехов.

ДЕДОВСКАЯ НЕДЕЛЯ. Г.Лтч. Замошье. То же, что ДЕДОВАЯ НЕДЕЛЯ.

ДЕДОВСКИЙ ТЫЖДЕНЬ. То же, что ДЕДОВАЯ НЕДЕЛЯ (см.). У дедовски тыждэнъ ў п'ятницу е вечёра, а ў суботу до двенадцати часоў трэба обед спраўить. — Ж.Овр. Выступовичи, В.И. Харитонова. После Рождества пе́рад Масленицай дедовський тыждень, а потым Масленица. — Г.Лтч. Тонеж, Л.Н. Виноградова. То же Г.Лтч. Замошье, Р.Ркт. Глинное.

ДЕДОВЫЙ ТЫЖДЕНЬ. То же, что ДЕДОВАЯ НЕДЕЛЯ (см.). У марта деды, дидовыі тыждень — коб нэ сноўаць кросён, бо заснуете дорогоу им, дедам. — Р.Дбр. Крупово, Г.И. Трубицына. На дедовому тыжні нельзя сноўаці. — Р.Дбр. Сварицевичи, Н.Г. Владимирская.

ДЕДОВИЦА. Ч.Рпк. Яриловичи. Вероятно, канун Радуницы, т.е. понедельник Фоминой недели.

ДЕДЫ. Календарно закрепленные поминальные дни, посвященные предкам вообще (в отличие от календарных индивидуальных поминок, отсчитываемых от дня смерти — третіны, девятіны, сороковіны, полгода, год и т.п.). Ср. Деды за умирӯщих, шо даўно паумирали — Г.Пт. Комаровичи, А.В. Гура. В отличие от таких календарных поминок, как НАВСКАЯ (НАМСКАЯ) ПАСКА (ВЕЛИКДЕНЬ), НАВСКАЯ (НАМСКАЯ) ТРОИЦА, РАДУНИЦА (ПРОВОДЫ), когда покойников обычно поминают только на кладбище, на деды поминки устраивают дома, куда якобы приходят покойники. Локальные традиции в праздновании дедов различаются тем, в какие дни недели спраўляют каждые деды, сколько раз в году и когда именно спраўляют деды, как называются каждые; какие из дедов считаются главными, входит ли Радуница в число дедов, ходят ли на кладбище на деды; как спраўляют деды дома — готовят ли поминальный ужин или обед, из скольких и каких именно блюд он состоит, готовят ли специальное поминальное блюдо (сыту, канун, коливо, кутью), оставляют ли ужин покойникам, что делают с остатками поминального ужина; приглашают ли покойников на ужин, провожают ли их, наблюдают ли за их приходом и трапезой; какие запреты соблюдаются в дни дедов.

Чаще всего деды спраўляются два дня: либо в пятницу и субботу, либо в четверг и пятницу; реже — три дня (четверг, пятница и суббота) или один день: в пятницу или субботу. В центральном Полесье поминки в пятницу бывают постными и называются дедами, а в субботу — скромными и называются бабами (см. БАБЫ). Возможна, однако, и инверсия: В п'ятницу вечером на тые бабы то шо-избудь варать такэ посное. А ужэ на диды варать шось-избудь такэ хорошэ, шо ужэ хазяйн мае. — Р.Дбр. Озерск, А.Л. Топорков, С.Н. Железнова. В ГЖтк. Дяковичи, где поминки спраўляются три дня, каждый из этих дней посвящен соответственно детям, мужчинам и женщинам: Дзеды троёцкие, восенние и на Великоне. У четвёрх дёцких — скромные, у п'ятницу — мушчынские посные и ў суботу бабские — богатые. — Л. Гамбарова. Только деды перед Радуницей, которые спраўляются не везде, бывают в воскресенье после Пасхи или в понедельник Фоминой недели (иногда даже в субботу пасхальной недели). Трёх дедоў: восенé пе́ршые, осенние деды — перед Пилипоўкой у пятницу и суботу; Масляные деды — перед постом, другі тыждень у пятницу; главные, Сёмушчыне деды — перед Троицю, од Великодня на сёмы нёдзе ў пятницу и суботу. — Ж.Овр. Тхорин. Деды у нас у пятницю пэрэд

Роздвом, пэрэд Спасиўкой, пэрэд Пэтрбўкой, пэрэд Паскай. Цэ деды по-мынают: ў п’ятницу обéдают, ў чэтвэр вэчэрают. — Ж.Овр. Журба, С.П. Бушкевич. Дзеды обязацельно ў п’ятницу, не ў абýяки дзень, а ў п’ятницу, любые дзеды ў п’ятницу, а ужэ назаўтрэй у суботу это ужэ шчытають бабу, то ужэ готуют скоромну еду. Эта тульки одніе дзеды скоромные — перед Радоўницой. — Г.Лтч. Стодоличи. Три деды ў п’ятницу: пέрвые Богородичныe, дру́гие — Кузьминыe, третии — Михайлины. На кладбишчэ не идуть, а только ў цэркви. У п’ятницу вечёру приготуеш, атпáвиш деды. — Ч.Рпк. Яриловичи. Деды: на Михайлту, после Михайлты субота — цэ Михайлина субота, а цэ [перед Михайловым днем] дидова субота; адживом пилипоўку и мясаёд, перед масленаю деды, паследняя субота мясаёда. — Ч.Чрн. Плехов.

Деды чаще всего отмечают (*правят, робят, ставят, строят*): 1. В конце поминальной (дедовой) недели мясоеда перед Великим постом, т.е. в пятницу — субботу перед сыропустной (масляной) неделей: “*Дзеды на масляной или перед Великим постом или перед Поминаўной неделей в мясоед*” — Мошинский, 211., *Великопо́сные деды* — Б.Пнс. Ковятын, *Зымніе деды* — Г.Жтк. Дяковичи, *Масляные деды* — Ж.Овр. Тхорин, *Мясаёдные дзяды* — Г.Мэр. Жаховичи, Скрыгалово, *перед Масленай* — Ж.Рдм. Вышевичи, Ч.Чрн. Плехов, *перед постом* — Р.Ркт. Глинное, Г.Клн. Новинки, Г.Лтч. Стодоличи. 2. После Пасхи перед Радуницей (Проводами) чаще всего в понедельник Фоминой недели (либо накануне, в воскресенье или даже в субботу в зависимости от дня, когда отмечают Радуницу или Проводы); *Радасные дзеды* — Г.Мэр. Жаховичи, *Радоничные* — Г.Жтк. Дяковичи, *Радоўничыя дзеды* (на Великодной, Радоўница) — Мошинский, 211, *Радоўшные деды* — Г.Жтк. Дяковичи, *Радульные деды* — Ч.Чрн. Днепрўское, *Радуничны дяды* — Г.Птр. Челющевичи, *Радучные деды* — Г.Жтк. Дяковичи, *Радушные деды* — Г.Мэр. Костюковичи, *перед Радоўницай* — Г.Лтч. Стодоличи, *Великодные дзеды* — Г.Мэр. Жаховичи, *на Великоне* — Г.Жтк. Дяковичи. 3. В субботу, пятницу — субботу или четверг — пятницу — субботу перед Троицей; *Духавая субота* — Г.Втк. Присно, *Сёмичные деды* — Г.Рчч. Заспа, Ч.Рпк. Злеев, *Сёмушные деды* — Г.Хнц. Дубровица, Ж.Овр. Тхорин, *Срэдни дяды* — Г.Клн. Новинки, *Траёцкие деды* — Ч.Рпк. Яриловичи, Злеев, Г.Рчч. Заспа, Г.Гом. Грабовка, Г.Жтк. Дяковичи, *Троёчные деды* — Г.Лтч. Замошье, Г.Мэр. Костюковичи, Мошинский, 211, *Тройчаны деды* — Г.Птр. Челющевичи, Г.Жтк. Лутовье, *Тройчатые дзёды* — Г.Мэр. Жаховичи, *Тройчаны дзеды* — Г.Жтк. Дяковичи, *Перед Тройцой, пырыд Тройцю* — Г.Лтч. Стодоличи, Ж.Рдм. Вышевичи, Б.Дрг. Симоновичи, Б.Пнс. Новый Двор, Б.Лнц. Бостинь, Р.Дбр. Озерск, Р.Ркт. Глинное, *Пэрэд Пэтрбвицу* — Тур. II, 12. 4. В пятницу — субботу перед Дмитриевым днем (26.X/8.XI): *Богородичные* — Ч.Рпк. Яриловичи, *Дзимітровы* — Г.Гом. Грабовка, *Дзімітревы*, *Змітравы*, *Змітреевы* — Ч.Грд. Хоробичи, *Мітреевы* — Ч.Рпк. Злеев, *Каза́нские деды* — Г.Рчч. Заспа. 5. В пятницу — субботу перед днем Кузьмы и Демьяна (1/14 XI): *Кузьмины, Кузьмы-Демьянавы* — Ч.Грд. Хоробичи, *Кузьмины* — Ч.Рпк. Яриловичи. 6. В пятницу—субботу перед Михайловым днем (8/21 XI): *Михайлавы деды* — Ч.Рпк. Злеев, Г.Дбр. Дубровка, *на Михайлавай недыли деды* — Г.Жтк. Дяковичи, *перед Михайлам* — Г.Хнц. Дубровица, Г.Мэр. Жаховичи, Мошинский, 211, *Михайлины деды* — Ч.Грд. Хоробичи, *Михайлов-*

ские деды — Г.Рчц. Заспа, Г.Лтч. Зимошье, Г.Хнц. Дубровица, Г.Гом. Гравовка, Мошинский, 211, Осённые деды — Мошинский 211, Г.Жтк.Дяковичи, Г.Мэр. Жаховичи, Ж.Овр. Тхорин, Пилипоучаные деды — Б.Пнс. Ковнатин, перед Пилиповкою — Р.Ркт. Глинное, Б.Пнс. Новый Двор, Тур. II, 12, Розьдняные деды — Ж.Н. - В.Курчица.

Кроме того, в отдельных селах отмечают деды перед Николой вешним и зимним (Никольские дзяды — Г.Дбр. Дубровка), на четвертой неделе Великого поста (на пуклонному тыжни — Ж.Н. — В. Курчица, то же, видимо, Ж.Овр. Выступовичи), есть свидетельства о дедах, справляемых в страстную пятницу (Ж.Овр. Выступовичи) и даже в субботу (Б.Пнс. Лисятичи), в субботу накануне Рождества или Нового года (Б.Пнс. Лисятичи, Б.Стл. Хоромск, Г.Жтк. Дяковичи, Ж.Овр. Выступовичи), перед Спаси́кою — Р.Ркт. Глинное, перед Успением (Б.Стл. Хоромск); на Черниговщине осенью дополнительно к трем осенним дедам могут отмечаться четвертые: Пинчукка или Пинчук, если перед началом рождественского поста попадает еще одна суббота после Михайлова дня: "Если заговены на рождественский пост бывают раньше той субботы, в которую должна отмечаться пянчукка (последние деды) или совпадает с ней, то пянчукка вылета́е (отменяется). Сёлета пянчукка с хвастом, ка́жуть. Пянчукка, по словам некоторых, поминки по холостым" — Ч.Грд. Хоробичи, О.А. Терновская. Бывают, наконец, случаи, когда в селе отмечают свои особые деды, напр. в Г.Кли. Золотуха — Сиваковские деды (название дано по фамилии, распространенной среди жителей села, справляются всеми, носящими эту фамилию — нечто вроде родовых поминок): Осеню Сивакбуские деды: каго́ Сиваковы хвами́лия, те пра́знуют. — Г. Кли. Золотуха, В.А. Багрянцева. Там же известны Стрэчэнские деды — 13 февраля.

Из перечисленных выше шести дат, на которые чаще всего приходятся деды, в каждой отдельной локальной традиции (в одном или нескольких соседних селах) деды могут отмечаться три—четыре раза в год. Мы правім дзяды четыры раз ў год: у мясоед, перед постом — помінальны тыждэнъ, на велікдзень, перед Пэтровіцю, перед Піліпоўкою. — Тур. II, 12. "В Мозырском повете в деревнях Голубице, Дерешевичи, Брынёве и Дяковичах справляют деды четыре раза в год, а именно — один раз осенью (перед св. Михаилом, т.е. перед 8.Х) и три раза весной (перед Великим постом, после Пасхи и перед Троицей)." — Мошинский, 211. "Деды бывают три раза в году: осенью, в мясоед, перед Троицей" — Климчук, 31. Дядоў двое. Деды перад масленаю, недели на дедавой ў пятницу. Числа яны не глядзяць. Всёрадна, а патом дедавая, а тады маслена. А ў суботу ба́бу: пяку́ть блины и на бóкны ложать — дядам ужэ, што дяды прыдуть. А другие деды перад Троицю и тóжа тыждэнъ на Троицы за два дни: ў пятницу ў вечари дяды, а ў суботу ужэ... Перад Троицай ужэ нема ба́бу. Ба́бу адзін раз тольки. — Г.Мэр. Барбаров, А.В. Гура.

Самыми известными в Полесье следует считать деды перед масляной неделей, перед Троицей и осенние, чаще всего Михайловские, деды. Множественность и вообще значимость осенних поминальных дней характерна для восточного Полесья (восточная Гомельщина, Черниговщина), тогда как в западной его части осенью деды справляют один раз. Заслуживает внимания название осенних дедов первыми (*першыя деды*), отражающее старый календарь с началом года в сентябре. Нередко одни из почитае-

мых в селе дедов считаются главными, чаще всего – канун Троицы и канун Радуницы. Ср. Дзеды́ бага́то, блудя́шчые дзеды́. Самые справедлиевые дзеды́ на Радо́йнице. – Г.Мэр. Жаховичи. Перед Тройцю самэ дорожчи деды́. – Ж.Рдм. Вышевичи. Деды́ – трёбे на год, усе ў пятницу – суботу: перед Тройцю сáмые вáжные, осéнние – перед самыми запусками, ў мясоéд – тóжэ перед запусками. – Ж.Овр. Тхорин.

Там, где кроме термина *деды*, для общих календарных поминок употребляются термины *поминальница*, *поминальная пятница*, *поминальная суббота* и т.п., распределение их бывает различным. Так, в Ж.Н.–В. Курчица поминки перед масленицей и осенние поминки называются поминальными пятницами, а дедами обычно называют лишь главные поминальные дни: перед Михайловым днем – *Розьдяяные деды* и деды на *поклонному тыжни* (4-я неделя Великого поста).

Обычно все деды понимаются как общие годовые поминки, посвященные всем умершим предкам. Но в отдельных случаях те или иные деды могут пониматься как специально посвященные определенным категориям умерших: только женщинам или только мужчинам (оппозиция *деды–бабы*), детям (четверг в трехдневных поминках, где пятница и суббота посвящены соответственно мужчинам и женщинам – Г.Жтк. Дяковичи), заложным покойникам – утопленникам и висельникам: Пэрэд Тройцю ў суботу вéшальникуй и тóпленикуй поминали, на мóгилкы не ходыбы; пьют горйлку, йидя́ть и юм зальшають. – Ж.Овр. Журба, С.П. Бушкевич. Тóплеников, давленников поминают на Траёцкие деды, сáмые глáвные. Г.Гом Грабовка, О.В. Санникова. Наконец, на Черниговщне считают, что дополнительные осенние деды посвящены холостым (см. выше), Ч.Грд. Хоробичи.

Радуница, т.е. вторник Фоминой недели, как правило, считается особым поминальным днем и не входит в число дедов, противопоставляясь дедам по трем признакам: на Радуницу готовят скромную пищу, а на деды (в пятницу) – постную, на Радуницу ходят на кладбище, а дедыправляют дома, Радуница обычно отмечается по вторник (иногда в понедельник или воскресенье), а деды в пятницу – субботу. Но иногда среди дедов называют и Радуницу, быть может, имея в виду канун Радуницы, который во многих местных традициях причисляется к дедам: Рáдуница увоўторак, а панедзéлак дзеды у нас – Г.Хнц. Дубровица. Перед Радуницей бываю́т рáдуничные диды. – Г.Мэр. Балажевичи, Э.Г. Азимов. Рáдуничны дяды – ў панядзéльник пэрэд Радуницей. – Г.Птр. Челющевичи, С. Железнова. Лишь в немногих случаях определенно указывали на Радуницу как на один из дедов, что подтверждается и характером обряда, и терминологией: "На Радовнице раздают взрослым и детям, вообще всем вареные яйца. В этот же день дзеды *праўяць*". Мошинский, 214. Радуница – тая посля Пасхи, на слéдущчай недéли во вторник – это читвёртые диды – Г.Хнц. Дубровица, Н.А. Волочаева, На Радо́йнице дéды приходя́ть до хаты, вчéру вáрим. Зайде один да побачыть: як е готовэ, да ўсю канпáнию зазывае, а як не – то пошлі далей. – Ж.Овр. Тхорин. На Черниговщине название *деды* может относиться только к Радунице (термин *Радуница* при этом неупотребителен), тогда как остальные поминальные дни (перед масляной неделей, на кануне Троицы и осенние, справляемые трижды) носят название *поминальницы*.

Как правило, в Полесье деды спрашивают дома и не ходят на кладбище, считая, что в это время покойники приходят домой. На Радуницу навешивающими мертвых — в год раз. То они к нам ходят каждые деды, а то мы к вам — Г.Хнц. Дубровица. На кладбище не идут, а только у церкви. У пятнице вечеरу приготуешь, а прашиш деды. — Ч.Рпк. Яриловичи. Но есть и противоположные свидетельства: У деды идут на могилки, отвёдывают родителям. — Г.Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. В коледах е деды, перед Великднем е деды, на Троицу е деды. У пятнице вечеरя будэ, а у субботу на могилки идут. — Ж.Овр. Выступовичи, В.И. Харитонова.

Если деды спрашивают два дня (обычно пятнице и субботу), то в пятнице готовят постный поминальный ужин (*вечеरу, деды*), а в субботу — скоромный *обед* (раньше обычного времени, до полудня) или *снеданье*. Нередко считают, что на вечеरе или обеде должно быть определенное число блюд: 3, 7, 12. Ср. на деды прашиш аб мертвых, вараш три стравы. — Г.Хнц. Дубровица. То же Г.Ел. Коцище. У пятнице вечеरю посну варять, в субботу ужэ скоромное, с салом и молоком. Семь страв на да варить: и борщ, и каша, и суп, блины-олисники, кампот з яблук ти кисель и яєшничу обязательно. — Г.Хнц. Дубровица, Н.А. Волочаева. "В Голубице 12 блюд: 1) борщ, 2) рыба, 3) кисель з журавин, 4) кисель з овса, 5) картошка з грибками, 6) каша пшоняная, 7) оладки, 8) хрущчи, 9) буўки, 10) ягоды, 11) груши, 12) яблоки". — Мошинский, 212. На деды двенадцать горшкей варяли. — Г.Жтк. Дяковичи. Вечеरу робяш з двенадцати страв. — Г.Жтк. Хильчицы, Л. Гамбарова.

В большинстве случаев считается обязательным приготовление специального поминального блюда — *кануна, колива, съты* или *кутьи*. "На поминальный ужин готовят прежде всего канун. Это мед с водой, в который крошат хлеб или булку; если нет меда, берут сахар". Мошинский, 212. На диды съту робят, то у кипячону воду крывают хлеб, сахар ти мёд. Кажут, что сътой устя мертвые мажут на Радуницу. Старые так говорят: "устя промочить, як присыхаёт". Его [съту] и на могилки нисут и лют туда, где хрест. — Г.Хнц. Дубровица, Н.А. Волочаева. То же Г.Клн. Новинки. На деды свечку запаливают, роблять кутю, засолёдывают воду, становить на стол. И комин очинён, бо мертвые души будут ити. — Б.Пис.Лисятичи, Е.С. Зайцева.

Кое-где известен ритуал *кормления душек*: На дяды наливают у мисцу воды халодной, мёд туды ложуць, а если нет ёго, так сахара и хлеб крошут. Мочающи ложки и кругом мисцы ложуць — то душечак кормяць. Тады паядяш эту съту ти три раза, ти дзёвяць раз ядзяш так и вечеरом, и утром. Ложук не мояш у вечеरа, а утром их моюш и апайш той самай: кашу у абед ядзяш и ложку мочающи и патом нахрест вакруг стала льюш. Тады (после обеда на 2-й день) выходяш на крыльцо: "Идите, дяды, дай, божэ, штоб на лёто даждали". — Г.Клн. Новинки, Н.А. Волочаева. Другой способ кормления мертвых, отмеченный там же: На поминках хазайн першый садица на кутё. Старший дед начинает першый есть на дяды. Паложут крошки на стул со всей еды, кожный человек. Назадутра эти крошки едят, говорят: не будут зубы болеть (Н.А. Волочаева). Богу памолимса, садзимса и уже вечеरу тую не прибераемо, накрыём скацеркай и стайш. Ложки паставим к мисацце, от, кругом, и начнё так. Сами павечэраем и дзедам астаўляем. Кожны вчэрэа и кожны капне на стол из ложки. Першую ложечки ис-

кашы и гарылки лине́ш немно́жко дзеда́м. Стала́ не прибера́йце. — Г.Хнц. Дубровица. Часто для дедов ставят отдельную миску, ложку, чашку и оставляют их на ночь. В миску или блюдце откладывают понемногу от каждой еды. Остатки ужина и посуду не убирают до утра. Всю сидают пры столи, бывя каждого лышка лэжыть. Старший ў хати одлóжыть з каждой стрáвы по лыжцы ў мы́ску (дýдова пы́ща). Тоды́ можна йисты. Пэршэ — колива... Бэрэ каждый лыжкою то коливо 3 разы пэрэлывае ў мы́ску, а тоды́ можна йисты. На другой дэнь йилы з той дидовой пыши трóхы, абы пчайкы [изжоги] из булб. [Потом давали съесь скотине.] — Р.Дбр. Озерск. Л.Н. Виноградова. Паку́шают и аставляют патро́шку ўсего: деды́ приду́ть паку́шать. И лóжки, ўсё шоб стаяло, панемно́жку аставляют на тарéлках, и колива. — Ч.Рпк. Яриловичи. Дзеды́ — ў пы́тнице поснае, а ў суботу и скаромнае. И павечэраоць и дзядом ўсе равнó аставляюць и миски не прибираоць. — Г.Мэр. Жаховичи. В последнем селе отмечена особая мотивировка этого ритуала — "чтобы не бояться грома": На деды́ кладу́ть варашкы от кáждай стрáвы, так ужэ грому не бáйцимэса.

Во время ужина соблюдают особые правила. В пятнице пэрэд Тру́йтцей диды. Пирогы пчут, хлеб пчут, буб вárát, квас с кизляками, кашу просянную. Навáриш, всё на столы поставиш, в цérкву идёш поминать душы. Приходя с цérкви, садяца за стол. Хлеб достаёт, ножом нэ режут — ламнут, коб пар шол: покойники бэз пару из едят. Ложкы лишние на стол кладут да когда́ едят, в руках долго ложку нэ дэржат. Поедаёт да всё нэ выедаёт до конца с миски. В тот дэнь уж нэ мы́ют, нэ убирают. На другой дэнь доедают, што на столе было. Снова в цérкву идут. — Г.Ляч. Стодоличи, Т.А. Тюрина. Як увийшлý ве́чёрять и двере́й не защи́плуют. Як идя́ть, то ложку до себе́ возьме и положить на стил, а потым йисть сам один раз и другому отдаё. Рушничка коло двере́й пови́сять. — Р.Ркт. Глинное, И.А. Морозов. Як ве́чизу пра́вяць, не закрываюць комин и не замукаюцца. — Г.Хнц. Дубровица. На дзеды му ве́шаем рушники чы́сьценькие ў хáци — два—три — для дзедобў. — Там же. Ве́чёрю роблять в однóй мисци. Кладу́ть однú ложку та трошки пождё перед тым, як йисти, бо мéртви тэж будут йисти. Як чéрпають, то положать ложку на стил, бо, ка, то прийдуть з того світу тай пойдя́ть. А не положыши [ложку на стол], то так возьме й ви́рве з рук [ложку]. — Р.Ркт. Глинное, И.А. Морозов. Обычно на деды оставляют открытыми и ворота кладбищ (Б.Брз. Спорово, Г.Ляч. Стодоличи). В Ж.Овр. Выступовичи за ужином на дедовском тýжне поднимают стола: все присутствующие некоторое время держатся руками за крышку стола — большой палец руки под крышкой, остальные сверху — в полном молчании. (В.И. Харитонова). В Г.Кли. Новинки поминальную еду после ве́чэри иногда ставят на всю ночь за окно: катóра не пастáвит абéд на окна, то мертвякі хóдют и гавóрют на дяды (Н.А. Волочаева). Там же и в соседней Золотухе миску и ложку для мертвяка́ ставят на печь или к печи.

Существуют различные обычай в отношении остатков поминального стола (ужина и обеда): их могут съедать сами (Г.Ляч. Стодоличи) или только причащаться — чтобы зубы не болели (Г.Кли. Новинки), чтобы изжоги не было (Р.Дбр. Озерск), отдавать скотине (Р.Дбр. Озерск), сжигать в печи (Г.Ляч. Замошье), относить на воду (Р.Ркт. Глинное), носить на могилу (Г.Хнц. Дубровица), бросать на крышу птицам (Г.Жтк. Хильчицы), носить в сад под зялёнае дёревце, под ябланьку, под грушику, штобы верабейки

зъёли (Г.Кли. Золотуха, В.А. Багрянцева). Иногда считают, что остатки ужина на воду носят для утопленников: У кого родина топыться, ў рíку ўранцы зливáют – Р.Ркт. Глинное, И.А. Морозов. У каго тапленик буй з радицелей, дак на радиучные дзеды несуть тэе блóдзечко [с остатками поминального ужина] на воду. Этым на могилки несли, а ётым уже на воду. – Г. Мэр. Жаховичи. Интересен обычай выливать остатки поминальной еды (вероятно, колива) на дрова, напоминающий южнославянский обычай "кормления бадняка": На деды як поминают, из поминального блюда ў блóдечко немнога зливáли. А с тогó блóдечка на другий день выливают на дровá, шоб згорало, а дым – до бóга шоў. – Г.Лтч. Замошье, М. Герус.

Повсеместно в той или иной форме бытует поверие, что покойники (деды, духи, душки, святые души, души, мёртвякі, небожчики, родители, батькі, покойники, святые и т.п.) приходят на деды в свои дома и едят приготовленную для них пищу. В ряде сел отмечен обычай приглашения дедов на ужин и записаны специальные формулы приглашения. Беру́ць на тарéлочку дзье рúмкі з вóдкаю, хлéба, мяса крóшечку, вухóдзиш ва двор (стáршии) и гукаю́ць: тата ци мама, хадзі на вечéру; сестричка Марія, хадзіце к нам на вечéру. – Г.Хнц. Дубровица. На диды мы кличем родных. Сталы приготóвим, я бóгу помалося, за двери выйду и говорю: "Диды – приятели, хадите к нам на вечéру!" И так три разы говорить надо. На крыльцо выходят ў пятницу, када сонц зайдз. – Там же, Н.А. Волочаева. По окончании поминок совершают обряд проводов дедов. Назáутра ў сыбóту береш тарéлку, вады ў крúжачку, идзеш ужз, паливаеш на хади и па двару, пакапаеш у сълед: "идзіце з бóгам!". – Г.Хнц. Дубровица. Брызгают три раза водой вокруг стола, провожают за дверь с хлебом и солью и говорят: "Святые диды-родители, идите на сваё място, спачивайте и нам прийдте". – Г.Мэр. Скрыгалово, Э.Г. Азимов.

Известны разнообразные способы увидеть, услышать дедов или получить знак об их приходе (во сне или наяву). Як хóчэш пабачыць, як ани идуць на вечéру – беру́ць хамут, сядзе ў шыцьцы на пе́чцы и паглядае цэрэс хамут. Цыхэнька, не трэничоа гаварыць. Палатно беру́ць и хамут. На хамут накине этае палатно и бáчаць, як мérтвые идуць вechраць. – Г.Хнц. Дубровица. У однай жéнщины дочки помéрла. Ўона ўсё убивáлася. Ей одна жéнщина ка́жэ: "Ты мха парéже напрядай, выччи пояска да и сядь на диды, да сядь на пе́чу – углядиш свою дочку". Ўона села за кóмин. Бáчила, шти старые, молодые, идуть на вечéру. Потом увидела свою дочку. Зрадовалас та бáба, потым заболела, заболела и померла. – Б.Лин. Бостынь, Г.И. Трубицына. "Сестра рассказывала, как она ў вячéрю (на деды) наготовила сúпу з квáсу и пр. и говорит: "Тáтакча, кину́й нас малых, дай хоть стóлечко, щоб я знала, што ты тут. Дак там быў услоён, дак он так: трр... от стола [лавка отодвинулась с шумом от стола]. Аднай каза́ли: лóжки [на деды] нарочно ў кúче палажи́ли, а онó параклада́ло па ста́лу. – Г.Гом. Грабовка, О.В. Санникова. Иногда считают, что умершие являются лишь тем, кто не подготовил им поминального ужина на деды, что их могут видеть только дети или те, кому суждено в этом году умереть, наконец, тот, кто постится: Як будеш постніць, то побачиш мérтвых, як идуть на деды на вачéру. – Ж.Овр. Тхорин. Там же рассказывают о том, как видели ночью целую процессию покойников, направлявшихся на деды с кладбища к своему селу с зажженными свечками (свечки обязательно зажигают и за поминальным столом).

Особенно много рассказов о том, как покойники мстили своим родным или укоряли их, если те не спрвили деды или не оставили покойникам поминального ужина. В Г.Хнц. Дубровица женщина рассказала, как ночью к ней пришла покойная мать, крепка цесанула ў бок, чуць ис печи, ка, меня не скінула: "сама павечэрала, а мне нъ астравила". Ср. еще один рассказ, записанный там же: На деды мы не строили вечеру, а другие строили. Ночью я віжу во сне кладбище: все могилы раскрыты, белые (т.е. белый песок), мертвые сидят на бережку (т.е. на краю своей могилы), з гроба повышали. А наша могилка — чёрная земля. Назавтра матери рассказала. Мать говорит: "Это ты видела тех мертвцов, которых позвали на вечеру". И правда, оказалось, что в тех домах строили вечеру". Ср. еще: Не зрабіли абέда на мясаёдные дзяды, дак съница, што пришлі хазайн: "Давай есьци!" Прасіў есьци. — Г. Мэр. Жаховичи. Сасед пасмеяўся над бабами, калі дзеды гатовили. Каже, нема дзедбуй, бабские вудумки. А ночью яні яго будзили, ў стреху стукали. Там же, В.И. Супрун. Як обідзиш дзедов, як не наварыш чого трэба, то зробяць ани вразд. — Г. Жтк. Дяковичи, А.А. Архипов, Н. Якубова.

Отношение к дедам как к опасным, злым (варовитым) праздникам объясняет строгость запретов и предписаний, касающихся этих дней. Дзеды варовиты, ну их в банию. На дзеды трэба штоб што было вароно, хоць воды перзваріць трэба. — Г. Жтк. Дяковичи, А.А. Архипов, Н. Якубова. Важной работы не робить, особенно на деды. — Г. Ел. Коцице, Э.Г. Азимов. Да абέда нельзя рабіць в дяды, а упосля мόжна, — Г. Клн. Новинки, Н.А. Волочаева. Чаще всего в связи с дедами говорят о запретах на прядение, снование и т.п., т.е. об обычных для пятницы запретах. Не прадзеш на дзеды ў п'ятницу. Тком, только бы не прадом, — Г. Хнц. Дубровица. На дзяды тулько не праля. А ў дзень робяць, а увечори не. А ў дзень матали, — Г. Мэр. Жаховичи. На деды не можно сноваты, бо деды, як иті будуть ў хату, то запутаюца ў кроснах. — Б.Брз. Спорово, Н.Г. Владимирская. На дзеды не наўвівали, не накідывали, не ткали. Нитки не снавали на дзяды, што дарога за-снобываеца умірушчemu. — Г. Птр. Челющевичи, А.Л. Топорков, С.Н. Железнova. Деды набралися беды. Баба сновала на деды. И ў той бабы мужыка убило в той жэ дэн. — Ч.Грд. Макишин, М.Р. Павлова. У дяды з мужыком спать нельзя — грех бальшой на душу брать. Иничаго работы ни надо: ни ткать, ни грубу тапіть,ничаго нельзя. — Г. Клн. Новинки, Н.А. Волочаева. На деды нельзя беліти печь. Если на деды мажут печку, то дэдам замазывали очи. — В.Пис. Лисятичи, А.В. Гура.

Кроме календарного, термин *деды* имеет еще два значения: 'покойники, предки' (На все деды приходять деды. На Радоунцу деды приходять до хаты, вечеру, варим. — Ж. Овр. Тхорин) и 'поминальный ужин или обед' (Вот не наварыш дедобуй, аны и съница. — Г. Жтк. Дяковичи, М.И. Серебряная).

**ДЕНЬ НЕДЕЛИ.** В полесском народном календаре каждый день недели (*недея, понедёлок, втёрок, середа, четвёрт, п'ятница, субота*) имеет определенную семантику, в соответствии с которой он понимается как благоприятный или неблагоприятный для совершения (или начала) хозяйственных работ или семейных дел. Значение, приписываемое дню недели, может быть независимым, постоянным (ср., напр., устойчивое осмысление понедельника как неблагоприятного, тяжелого дня) и относитель-

ным, зависимым от семантики одного из почитаемых неподвижных годовых праздников или событий, пришедшегося на данный день недели.

К числу независимых семантических характеристик относится оппозиция женских и мужских дней, определяемых в соответствии с грамматическим родом названия, ср. Жэнский дзень п'ятница. Панедзёлак мужчінскій, чэтвёр тóжэ. Ўтрабак мужчінскій, серада — жэнский. Субота и недзéля — жэнские. Ў панедзёлак бўдзе бук [т.е. бык], у ўтрабак бук, у сёраду — целица. У чэтвёр бук, у п'ятницу, суботу, недзéлю — целица. — Г. Мэр. Жаховичи, А.А. Кибрик. Прыйнавалы так: если у сёреду, п'ятницу, то бўдэ тёлка, а як мужчінскій дэнъ, то бўдэ бычок. — Ж. Овр. Выступовичи, А.Л. Топорков. У п'ятницу, сёреду [следует подкладывать яйца под курицу], шоб бильшэ курбок було, то жэнский дэнъ. Второк, четвёрг, понеделок — то мужскій дэнъ [петухов больше]. — Ж. Овр. Тхорин, Г.И. Кабакова. Капусту садять ў жэнски дэнъ — абб ў п'ятницу, абб ў сёреду. — Ч. Грд. Мощенка. Квасили капусту на мужчінски дэнъ — вторак, четверг, понеделок, а ў п'ятницу, суботу, недзéлю — не. — Г. Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. В Ж. Ем. Присно женские и мужские дни называются соответственно дёйки и хлопцы. Понедельник — ўажки дэнъ. Ничо́го не починай робить. Ўтрабак — мужчінски дэнъ. Жыто зажынают всегда ўтрабак и четвёрг. Четвёрг — мужчінски дэнъ. Среда, п'ятница, субота — жэнские дни. И нидёля жонка. — Ж. Овр. Выступовичи, Ф. Бадаланова. Ў мужіцки дни свіній гонять, шоб было побольшэ кабанчиков. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. Лук садят в женский дэнъ — не буде горький. — Там же.

Семантика дня может определяться звуковым обликом названия: На бўку "п" клади [снопы], мне казали, — ў понеделок, ў п'ятницу. — Г. Гом. Грабовка, О.А. Терновская. Свіній режут ў той дэнъ, як нема бўку "ре" — во второк, в сёреду, в четвёрг нельзя. Як в ётые дни убьёш, то чёрви будуть в сале. — Г. Ллч. Замошье, Ж. Куганова. Особенно часто такого рода "семантика" приписывается четвергу, который из-за зозвучия четверг — чёрви считается неблагоприятным для посадки овошней, заготовки сала и т.п. Чэтвэр — чэрвивый дэнъ, — Б. Пнс. Ковнатин, А.В. Гура. Ў чэтвэр ўсё можно робить, но нэ садить. Капусту из трёба сажать у чэтвэр — чэрва ѹесть будэ. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. Другое зозвучие: чэтвэрх — вэрх сообщает этому дню положительный смысл: ў чэтвэр ўсё будэ рости ѻвэрх. — Ж.Н. — В. Курцица, Г.И. Кабакова.

Для семантики дней недели существенна оппозиция постный — скромный. Кались ў сёреду и ў п'ятницу сеяли. Сеяли ў посны дни. — Г. Гом. Грабовка, Ф. Бадаланова. Капусту ў п'ятницу добре сажать, ў сёреду, што посны дэнъ. — Г. Ллч. Замошье, Ж. Куганова. Цыбулю садят ў посны дэнъ — п'ятница, сёреда. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. Ў п'ятницу сыпали ў подвал бульбу, ў посны дэнъ. — Г. Дбр. Дубровка, Е.С. Лебедева. Картоплю в погреб в первый раз кладут в постный дэнъ, пока сонц не сходибо, шоб не ийвши ничего. — Ч. Грд. Макишин, Е.С. Зайцева. На посны дэнъ — ў сёреду, п'ятницу, понеделок и ягд буде багато. — Г. Птр. Челющевичи, А. Величко. Хату почиали [строить] ў п'ятницу, посны дэнъ. — Г. Жтк. Дяковичи, А. Андреевская. В скромный дэнъ не кладуть [яйца под наседку] — пятухи будуть. — Бр. Трб. Радутино, О.Е. Монина.

Относительно отдельных дней существовали следующие представления.

**Понедельник.** Почти во всех отношениях признавался неблагоприятным, тяжелым днем. Тольки не в понидилок [о всякой работе] — Ч. Грд. Хоробичи, А.Б. Ключевский. Понэдилок — важкий дэнь. — Б. Пнс. Ковнитин, А.В. Гура. Панядёлак — нешчасливый день. У панядёлак не начынали [жать]. [Скотину] не пагониш ужэ у панядёлак. — Ч. Чрн. Плехов. Кажуть, панядельник — тяжёлый день. Що хочэш робіть, в панядёлок нельга начынацьничого такого важного — стройца, хозяйства. Нехай ва втрабак буде. Уажкий день панядёлак. — Ч. Рпк. Злеев., А.Б. Ключевский. Панедёлак — у дарогу нешчасливы день. — Ч. Грд. Моценка. Як абайдецца маладик, дак у панядельник у дарогу нияку не можнайти, нешчасливы день. — Г. Гом. Грабовка, Л.Н. Виноградова. У панедельник нельзя навиват за то, что эта тяжёлый день, и не снують. А пряли. — Бр. Пчп. Семцы, М.И. Серебряная. У понидилок свет сноваўся, у понидилок не сиють. — Ж. Овр. Тхорин, Г.И. Кабакова. Закладывать дом нельзя у панядёлак. Уходить у дом у понедёлок нельзя — нешчасливый, тяжёлый день. — Бр. Странд. Картушино, Л.Г. Александрова. У панядёлок не сеють. — Г. Ллч. Тонеж, Ж. Куганова. Картошли у понедёлок погано садить — важки день. — Ж.Н.-В. Курчица, Г.И. Кабакова. У понедёлок не запасвают. У чэтвёр — ни. Кажут, поганые, плохие дни. — Г. Жтк. Хильчицы, А. Андреевская.

Вместе с тем понедельник может осмыляться как первый день недели, нечетный, мужской день и в ряде случаев принимать положительное значение. Так, понедельник во многих местах считается самым благополучным днем для посадки огурцов. Ср. Я и сей гуд у панядёлак сеяла: первый день — первые гурочки, не буде пустацвета. — Ч. Грд. Моценка. У панядёлак садить гарбузы и квасулю, шоб сильны быви. — Г. Дбр. Дубровка, Е.С. Лебедева. Лён мочили у панядёлак — улёживаема скорей. Там же. Считают, что в понедельник (или в субботу) "свет сновался", поэтому в этот день обычно запрещается сновать: у понидилок нэ мённа сновати, у понидилок свит сноваўса, понидилок, кажуть, важки дэнь. — Ж. Овр. Выступовичи, Н.Г. Владимирская. Неможна в субботу и понедёлок сновати кробна. — Г. Ллч. Симоничи, Т. Яковleva.

**Вторник.** Наименее маркирован. Обычно осмыляется положительно, как благоприятный день. Утробок, пятницу, сёреду запасвают. У недилю. — Г. Жтк. Хильчицы, А. Андреевская. Ва вторник ўся работа начынацца. — Ж. Ем. Присно, А.Л. Топорков.

**Среда.** Обычно воспринимается в паре с пятницей (нечетные, женские, постные дни): Середа хороша и пятница. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. У сёреду добре гарбузы саліть, добрие растуть — жночы день — Г. Ллч. Замошье, Ж. Куганова. Капусту складаць у восень — самое главное у сёреду. — Г. Птр. Челющевичи, А. Величко. На маладичку у первого сёреду или паследнюю или у субботу хоть кирпичину залажай, печку так лажь — Бр. Пчп. Семцы, М.И. Серебряная. Хто хоча хату начынаць, дак ето серэда, утрабак, падпобяня. Хто ужэ знаешто рушэння, дак не начинае. — Г. Мэр. Жаховичи, А.А. Кибрик. Ср., однако, у сёреду нэ вэльми сновали: сёреда на дочки крадэ. — Ж. Овр. Выступовичи, Н.Г. Владимирская.

**Четверг.** Считался благоприятным днем для всех работ, кроме посадки овоцей и заготовки сала (см. выше). Чатвёрт — харошый день, суббо-

та. — Ч. Грд. Хоробичи, О.В. Белова. У чэтвёрг ничо́го никóлы нэ сажаю́т. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. Гуркí ў чэтвér не содя́ть — ат чарвей. — Г. Дбр. Дубровка, Е.С. Зайцева. У чэтвёрг ничо́го тако́го н е рóбя́ть: не бью́т кабанá, не складаю́т [зерно], не ква́сять. У четвér карто́пли буду́т черви́вы. Тре́ба ў сéреду сажа́ть. — Г. Ллч. Тонеж, Ж. Кугано́ва. То же Г. Ллч. Замошье, Б. Пис. Лисятичи, Ч. Рпк. Злеев, Яриловичи, Ж.Н.- В. Курчица. Чэцьвér бувае сухí и кривí, нельзя́ ужэ вару́шты земли́, нельзя́ пало́ть — нападаю́т нары́вы, як у чэцьвér ужé будеш рабо́тать. — Ч. Грд. Мощенка. В период от Пасхи до Троицы по четвергам воздержи́ваются от работ в поле и на огороде из страха перед громом (грозой) и засухой. См. также КРИВОЙ ЧЕТВЕРГ, СУХОЙ ЧЕТВЕРГ.

**Пятница.** Такие признаки, как "женский", "нечетный", "постный", сообщали этому дню недели общее положительное значение. Ср. Всёки ра́боты — выпускаты коробы ў пáшу, сияты на висни чи на осни — дожидали пятницу и молодого месяца придержывались. — Б. Млр. Олтуш. Жыто сею́т у пятницы. — Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. [Дом начинали строить] на старом, большинство ў пятницу. — Ж. Овр. Тхорин, Г.И. Кабакова. Подсажывают я́ца под кúрицу в пятницу вранци до обэда. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура. Есть, однако, и противоположные свидетельства, объясняемые либо магическим восприятием признака "постный", либо звуко́выми сближениями типа пятница — пьяница. Пятница и панедéлак нещасливый день. — Г. Гом. Грабовка, Ф. Бадаланова. Пятница — нещасливый день. "Спарадила менé матушка / не ў шчасливы день — у пятницу" [из песни]. Тады ужэ пападéца чэлавéк пьяница. — Ч. Чрн. Плехов. То же Бр. Пчп. Семцы.

Наиболее устойчивыми и повсеместно распространенными в Полесье являются запреты и ограничения, касающиеся ткаческого круга работ (особенно прядения) и связанные с персонификацией пятницы в образе святой Параскевы Пятницы (и далее, вероятно, Мокоши), являющейся по ночам и наказывающей за нарушение запрета. У пятницу не прáли. Пятница вéдьми абижа́ласа, што я́ верацéнами коблю́ць. Ужэ пятница заходзиць, уже сónцэ зайдзе, уже му не прадом. — Г. Мэр. Жаховичи. Кудзéлю у пятницу не прáли на верацéна. Врóдзе умрещда на том съвеце ужэ буду́ць цебé пад бóки верацéнами кало́ць. — Там же. У пятницу прéли, а тольки ад кудели, як лажы́ца спать, адрывáли нýтку, шоб Пятница не прáла. — Ч. Грд. Мощенка. "Любопытно также, что отмечается народом пятница, когда не шают, чтобы не уколоть Параскеву—Пятницу, и новолуние, когда все подают в церкви за здравие и за упокой". (Н. Коробка. Восточная Волынь. — ЖС V, I, 1895, с. 43 — Овр. у.). Кались прáли люди, да ў пятницу не прáли. Пятница — такая икона тёмная. Тмяная, гру́сная — сиди́ть жéншчына да прадé кудéлю. — Г. Гом. Грабовка, Ф. Бадаланова. У пятницу прéсти не можно. Говорили, што не можно — это польска недéля. Мотáли, шают, а прести не можно. — Г. Ллч. Симоничи, Е. Тростникова. Редкий запрет отмечен в Г. Гом. Грабовке: У пятницу дéвачкам не пало́жэна мы́щца. Да́же некатóрье не купаю́т маладéнцы ў пятницу. Ма́льчикоў — безразли́чна. (Ф. Бадаланова).

Одним из самых существенных для семантики пятницы является признак "постный". В Полесье весьма популярен циркулирующий во множестве вариантов, воплощенный в разных жанрах (духовный стих, памятная

запись или ее устный пересказ) и восходящий к апокрифическому сказанию текст о 12 пятницах, в которые особенно строго должен соблюдаться пост. Примером такого текста может служить записанный в 1975 г. в Г. Мэр. Жаховичи духовный стих:

Ой у гаду да двенацца п'ятниц  
Хто же ёты п'ятницы поступаць будзе  
Той чалавек ёго ўсёго ён спасёны будзе.  
[Припев:] Да шчырым жэ постом да Госпадом Богом  
Дай Суса Христом да свайими молитвами.  
Первая пятница перад святым постом  
Хто жэ ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат паразинны\* ён спасёны будзе. [Припев]  
Другая пятница перад святым Благавешчэнем  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат матрасеня юн спасёны будзе. [Припев]  
Трэцяя пятница перад святым Паскою  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат муляреи юн спасёны будзе. [Припев]  
Чэцьвёртая пятница перад святым Вознесеніем  
Хто жэ ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат стралы летяшчэе ён спасёны будзе. [Припев]  
П'ятая пятница перад святым Троіцю  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек й ат лютую звёра й ат патопа  
юн спасёны будзе. [Припев]  
Шостая пятница перад святым Петром  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат грёма юн спасёны будзе. [Припев]  
Сёмая пятница перад святым Лілею  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат агня юн спасёны будзе. [Припев]  
Восьмая пятница перад Слённем  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек перад смерцию Божу матушку бачыць будзе.  
[Припев]  
Дзесятая пятница перад Кузьмой-Дзэмъяном  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат галоннае смерци ён спасёны будзе.  
[Припев]  
Дзесятая пятница перад святым Михаилом  
Хто же ёту п'ятницу поступаць будзе  
Той чалавек ат ярипадочнае балезни ён спасёны будзе.  
[Припев]

Далее исполнительница вспомнила лишь, что 11-я пятница — *перед Ражэствам ат худобу*, т.е. тогда соблюдается пост ради благополучия скотины, а 12-я пятница — перед Крещением. Аналогичные тексты, нередко носящие еще более книжный по языку, стилю и содержанию характер, записаны, в частности, в В. Ртн. Щедрогор, Г. Жтк. Хильчицы и др.

Ср. также пятницу как один из (или единственный) поминальных дней. См. ДЕДЫ, ДЕДОВАЯ ПЯТНИЦА, а также ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА, ДЕСЯТУХА.

**Суббота.** Как правило, считалась неблагоприятным для работы днем и связывалась со множеством запретов и ограничений, обусловленных

\* Пояснение исполнительницы: коб не обрезаўса, не обсекаўса.

признаками "женский", "четный", "последний" (день недели), "канун" (воскресенья или большого праздника). Чаще всего о субботе говорят, что "в субботу свет сновался": У субботу не снавали — день той, шо свет снава́усь. — Ч. Грд. Мошенка. У суботу нихто не снуé. Каза́ли свит основа́уса ў суботу. — Г. Лтч. Замошье, Н.Г. Владимирская. У суботу, ка́жуть, свет сновался, дак не снавали. У суботу не бьють [свинью]. — Г. Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. У суботу хат не белили. У суботу свит снова́уся. Кот у Бóга хлеб вýпросиў. — Ч. Чрн. Днепровское, М.Р. Павлова. Субо́та ж послéдний день [недобрый]. — Г. Лтч. Замошье, Ж. Куганова. Як у суботу пасéй агурки — будут познне, пустацвет. Пустацёт — значыть, у суботу пасéяла. — Ч. Грд. Мошенка. Картóплю ў суботу [не сажают], то нерáсная. — Ж.Н. - В. Курчица, Г.И. Кабакова. У суботу не стирили, не золили, не прали, не навивали, не сновали. — Ж. Овр. Тхорин, Г.И. Кабакова. У суботу [свадьбу] не играют — то удобуский день. — Бр. Трб. Радутино, А.В. Гура. Свидетельств о положительной оценке субботы не много: Кались сеяли люди старые лён у суботу. И канопли. — Г. Гом. Грабовка, Ф. Бадаланова. Ср. также субботу как поминальный день. См. ДЕДЫ, ДЕДОВАЯ СУБОТА.

**Неделя (воскресенье).** Абсолютный запрет на хозяйствственные работы в поле, в огороде и др., вступающий в силу нередко с субботнегó вечера (после захода солнца). Считаются допустимыми и даже ритуально необходимыми некоторые виды символических работ, напр., первый выгон скота на пастбище, начало строительства дома, первая пахота и т.п. Ср. Пачына́ют стройца ў неделю. [В этот день ставят лишь жерди — "снуют" постройку — по периметру сруба]. — Ч. Чрн. Плехов. Обычно в воскресенье допускаются работы по дому, поэтому ограничения в этой области специально оговариваются: Гавара́ть, ў неделю нельзя детёнка купа́ть, мыть пелёнки. Пелёнки не мачи ў неделю. [Особенно опасно стирать беременной женщине] — ребёнак утопица. — Г. Гом. Грабовка, Ф. Бадаланова. Существует множество рассказов о наказаниях, постигающих виновных в нарушении запрета на работу в воскресенье: В недéльку не можна роби́ть, бо когó ж нибудь накáжэ. — Г. Лтч. Замошье, Ж. Куганова. В следующей записи фигурирует персонифицированная Неделя: Ка́жуть, шо выходи́ть на сошэ [т.е. на шоссе] у бýлом плáтье Ныдýля. Онá выходи́ть дай ка́жэ, шо я Ныдýля, вы мэнэ зрубáлы дай вы зрубáлы мэнэ. Мы ужэ ў ныдýлю и хату руба́ем, и дро́ва руба́е, то она и ша́чэ. — Ж. Овр. Выступовичи, А.Л. Топорков. В рассказе о русальной неделе русалки упрекают женщину за работу во внеурочное время: [Женщина пришла смотреть жито] на русальном тýжни. Да ка́жэ, пришла я на своё жыто — аж так музыки гра́бить и спева́ют. У день, серед белого дня ў жыти. Дай припевáе [голос, музыка]: "Это тáя, што ў суботу плáтье качáла, ў неделю до сónца пе́сни пéла. А на столе хлеб меси́ла". То так оно припевало там, у том, тýя припева́ли, русалки. Это давнó было, давнó. — Г. Лтч. Убортская Рудня, О.В. Санникова.

О тно си тель на я се манти ка дн ей нед ел и. День недели, на который пришелся один из крупных (годовых) неподвижных праздников, помнят и почитают как особо благоприятный или неблагоприятный день для совершения или начала тех или иных хозяйственных работ в течение следующего после праздника года. Чаще всего значимыми в указан-

ном смысле праздниками в Полесье считаются Рождество, Голодная кутья (канун Крещения), Сретение, Благовещение. Особая значимость их закреплена в специальных календарных терминах: *Ражэственский день, Роздняны́ день, Розво́ный день, Рождяны́ день* 'день недели, на который пришлось Рождество'; *Стречены́й день, Стрэчны́й день* недели, на который пришлось Сретение'; *Благовéщенский день* 'день недели, на который пришлось Благовещение'.

На день недели в таком случае переносится семантика праздника. Так, день недели, на который пришлось Рождество, в соответствии с общим смыслом этого праздника понимается как день, благоприятный для всякого начала работ или годового цикла сельскохозяйственных работ. В Розво́ный день сеют. Чи хáту, чи заóр Розвано́го дня начинáют. — Ж. Овр. Возничи, М.И. Серебрянaya. Я посыпала картóпли на Роздняны́ день, и харóшые картóпли бы́ли, гною немá, чистые, хоро́шые. — Г. Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. Картóшку ў погреб усыпáют на дэнь, шо пападé на Раждяствоб. Раждяствоб было ва вто́рник, и сыпать осенню пер́ву картóшку ў тот жэ дэн — вто́рник. — Бр. Странд. Картушино, Л.Г. Александрова. "У нас етот дэн, в который был праздник сретенье господне, не считают. В нас считается тот дэн, в который было рожжество господне, етот дэн называю розждяны дэн и в етот дэн стараются начинать любую работу. Говорить, что етот дэн счастливы" (из письма) — Б. Стл. Хоромск (ПЭС, 231).

Канун Нового года (*Щéдрая кутья, Щедру́ха* и т.п.) и особенно канун Крещения (*Голóдная кутья*) несмотря на противоположную трактовку самих праздников, отраженную в антонимии их наименований, сообщают соответствующим дням недели одинаковое значение неблагоприятных дней: [Картошку нельзя засыпать в погреб в тот день недели, на который приходилась в этом году *Шчадру́ха*]. У погреб засыпеш ў плахá дэн. Як Шчадру́ха, да ми́шы паеда́ть, шчадрава́ть будут. На Шчадру́ху нельзя засыпать ў погреб. — Ч. Рпк. Яриловичи. У якій дэн Щадру́ха и у якій дэн Галбдана куття, ў ты́е дни шоб не сеять. У той дэн ничего не сеют у гаро́де. Ат курéй, ат птиц. — Ч. Рпк. Злеев, А.Б. Ключевский, О.В. Белова. Карто́плю як сади́ть, да шоб не ў той дэн, як Голóдна кутья, бо як посадиш у такі дэн, чэрви позъеда́ют всэ. — Ж. Рдм. Вышевичи. Ужэ путаўць: "Кали Галонна куця була?" "Ох, сёння Галонна куця". На Галонну куцю не хóчуць ба́бу [т.е. бабы] сажаць. На Галонну куцю гуркí ў бóчки не кладу́ць. — Г. Мэр. Жаховичи. В тай дэн, як Голóдна куття, ци понедёлок, ци втóрок, не сажа́ют, не се́ют, бо бóде плохий урожай, голод буде. — Г. Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. Иногда, напротив, такой день считался подходящим для заготовки овощей на зиму (на основе магической связи: *Голодная кутья — голодные*, т.е. не трогающие запасов мыши). Карто́пли я засыпаю навек на Голóдну куттю [т.е. в тот день недели, на который пришлась Голодная кутья]. — Г. Мэр. Костюковичи, Л.М. Ивлева. У катóры дэн Вода́ перед Крещéнем [т.е. канун Крещения], ў ётот дэн и карто́пли засыпаю и стоги клали. — Г. Лтч. Тонеж, Ж. Куганова. Картошку ў погреб сыпать у якій дэн Галóдна куття, шоб ми́шы не ёли. — Ч. Рпк. Злеев. А.Б. Ключевский. Картошку засыпаю ў погреб на Голóдну куттю. И жыто и дажэ одéжу пратать, и моль не буде есть. — Ч. Рпк. Яриловичи, А.Б. Ключевский.

С той же мотивированкой определяют как благоприятный день, на который пришлось Благовещенье. Усё хорошо [сажать и сеять] як Благовищенне, который дэн – картошку, ўсё. – Б. Пнс. Ковнятин, Г.И. Кабакова. На Благавéшчэне, ў тэй день, ў погреб засыпають перый раз, шоб мышы не ёли. – Ч. Грд. Мошенка. Пад Благавéшчэнский день сыплем картошку в яму [т.е. в тот день недели, на который пришлось в этом году Благовещенье]. – Бр. Трб. Радутино, А.В. Гура.

Очень часто при выборе благоприятного дня для посадки и заготовки овощей, сева и т.д. ориентируются на праздник Сретения или, наоборот, отталкиваются от него: Цэй день, шо Стречане, трэба загребаць картопли, зерні складаць, шоб мышы не ёли. Того года мене одна питаяе: "Што было Стречане?" А я кажу: "А ты што, картопли хочаш закладаць?" – Ж. Овр. Тхориц. Коли Стрічэнне, садзяць, хлеб засыпаюць, шоб мышы, крысы не паскудили. Закладаць картоблю, капусту, буракій закапаюць на старом, у той день, шо Стрічэнне. – Там же, Г.И. Кабакова. У Стреченый день не можна сажаць картопшку. – Г. Ллч. Замошье, Ж. Куганова. У той день шоб толькі не в выганяли [коров в первый раз], як Стречене было. – Ч. Рпк. Яриловичи. Коли Роздво чи Стречныі – той дэн нэ начынай косыць чы жаць – мышы зъедаць. – Ж. Овр. Журба, Г.И. Трубицына.

Значительно реже встречается ориентация на праздники *Евдо́ки* (1/14. III), Семенов день (1/14. IX или 18/31. XII) и Воздвижение (14/28. IX). Бережаць ўдбою [т.е. не засевают в тот день недели, на который пришелся этот праздник.] – Ж. Овр. Возничи, М.Р. Павлова. И не попасть ў тэй день, шо ўдочки и Стречене. – Там же, М.И. Серебряная. Пэрэд Новым годом Семеноў день, и ў тот день не садзяць, птицы нападаут. – Ч. Рпк. Злеев, О.В. Белова. Празник Семен в який день недели название попадает, нельзя весной сеять. Ат птиц это. – Там же, А.Б. Ключевский. Боршч класць в тэй дэн, шо Здвойжнэе. – Ж. Овр. Возничи, М.И. Серебряная.

Кроме больших праздников, календарными ориентирами при выборе подходящего дня могли служить природные или жизненные события, такие как первый день весны, поста, день прилета птиц, первый гром, первый снег, первый иней и т.л.; день рождения, день смерти. Гуркій садыли, як первы день жаба закрумкае на воде. – Г. Дбр. Дубровка, Е.С. Лебедева. У каторы день сниг іде ў осень, капусту садзяць. – Г. Жтк. Хвойка, А. Андреевская. Капусту – як пэршыі снег падае, тогодня садзяць (в тот день недели). – Ж. Овр. Журба, Г.И. Трубицына. Гавбраць, трэба примечыць, ў який дзень іней. На той дзень [недели] сеюць ў первой раз, дак будзе ураджай. – Г. Мэр. Жаховичи, А.А. Кибрик. Я во второк родзилса, дак я во второк и пчолы гляджу, я во второк и засею, и коробу выгоню. – Г. Ел. Коцице. Як складаюць жыто, дак ёсьли знае, ў каторы дзень яб семянін умёр, дак у той дзень. – Г. Мэр. Жаховичи. У такій дзень складаць жыта, кали бацька умёр ци мачі умेरла. Тады мушы не трогали жыта. – Там же.

Магия дней недели, помимо приведенных поверий, нашла отражение в заговоре-гадании, имеющем целью узнать, живо ли дитя: Моляца Бóгу 9 раз и паруе 9 зорь: а та – с понедэлком, а та – со втòрком, а та – с середбю, а та – с четвергом, а та – с пятницой, а та – с субботою, а та – с неделею. От недели до недели 8 дней, а ужэ девяту зору паруе с дитём. – Г. Ллч. Замошье, Ж. Куганова. Ср. также святочное гадание: "Недельник,

понедельник — един день, вторник и среда — другой день, четверг и пятница — третий, а суббота единица, скажи, что мне присница". Это говорить надо три раза. Первый раз скажешь, надо завязать один узел на пояс; скажешь второй раз, второй узел надо завязать; третий раз скажешь, третий узел надо завязать, а потом положить этот пояс под подушку. — Ж. Рдм. Вышевичи, Ф.Б. Успенский.

**ДЕСЯТАЯ ПЯТЕНКА.** То же, что ДЕСЯТУХА. У нас у Чолхаве эта десятая пятница ат Паски аброчная, свягáя. Кались господь церков запалил. Обрякнулись. Колобец был. У десятую пятенку эту гатовили, абедали там, круг нягб... Вдóбуки скинуца и зделают абед. Штоб господь памагал. — Бр. Клм, Челхов, В.И. Харитонова, Ф. Бадаланова.

**ДЕСЯТАЯ ПЯТНИЦА.** То же, что ДЕСЯТУХА. Проти десятой пятницы ў петрбóуку не работали: гроза большая [если нарушить запрет] — Бр. Клм. Челхов, Л.М. Ивлева.

**ДЕСЯТУХА.** Пятница на десятой неделе после Пасхи. В Ч. Грд. Мощенка отмечается службой в честь Параскевы Пятницы, совершающейся в лесу у "святой" криницы. Дзевятуха и дзесятуха — пра́зники ад грэзы. В эти дни не работают, чтобы молния не ударила, а также ад града; — Г. Дбр. Дубровка, А.В. Гура. Десятуха — абрóшны пра́зник для худобы. Абрека́лися люди, шоб худоба не ги́нула. То десять нядéль ат Паски, пятьница той нядéли. — Г. Втк. Присно, Е.С. Зайцева. У нас кáжуть, девятуха — то польске съято, а десятуха — наше. — Г. Лтч. Замошье, Л.Н. Виноградова. Придё Мико́ла, принесе мóшек мешком. На Десятуху (после Пасхи) десятая часть остаёца, девять этнёт, а десята остаёца. — Ч. Чрн. Днепровское, М.Р. Павлова. "Дысятуха — празднование десятой пятницы после Пасхи" — Климчук, 31. И шчэ Дысятуха в нас называють, пасле Вэлы́кодня, пасле Паски, дёсять ныдил гэто пройшло, вжэ тая Дысятуха была. На Дысятуху тóжэ ны хóчут ибы ны косыты, ны нычбого, ны робыты. Тóжэ люди съваткують. Колысь косылы, гэто вжэ давно, шэ пры Польшчы, тóжэ чоловик пошёв косыты да выйшла хма́ра дай забыла на раду, на болоты, дэ косьв. И от того врэмня стáлы люди съваткова́ты на тую Дысятуху. — Б. Брз. Спорово. То же Г. Мэр. Барбаров, Г. Птр. Комаровичи, Г. Жтк. Хильчицы.

**ДЕСЯТУХА-МУЧЕНИЦА.** То же, что ДЕСЯТУХА. Десятуха-мученица — это Параскева Пятница, десять недéль ат Паски. То пра́зновали ў Шэстинé [название села]. У цéркви памóляцца и идуть ваду святых. И икона Параскевы, бярут удовы, ико́ну Пятницы. Не ругаюца, не курят. А ў нас — Микблы. — Г. Втк. Присно, Л.Г. Александрова.

**ДЗЕЛНЭ УРЭМ'Е.** Пора уборки. У дзелнэ урэм'е часцеком горзло село коліся, — Тур. II, 13.

**ДМИТРИЙ:** *Димитрий, Димитр, Дмитэр, Зымíтер; Гмы́тра, Деметра* (род. п.). День Димитрия Солунского 26. Х. В Полесье известен главным образом по поминальным дням, отмечаемым в пятницу — субботу, предшествующие празднику (см. ДЕДЫ). Цэ госенью три пятьницы е. Поминальна пятьница. Пэршие то Дмитэр, пэрэд Дмитром; за Дмитром — Кузьмадэмья́н, а там Михайло. — Ж.Н.-В. Курчица, А.Б. Ключевский. Госенью, як Пилтпóука, дýука каза́ла: А, гу-бú, я тэбз перескочу. А пасле: А, гу-бú я учé чэрэз тэбз упаду. То на Гмы́тра. — Там же, Г.И. Кабакова. Пробцуй Димитрия ў вэчэры не праду́ць, не матáюць — Димитр хýтры. А наза́утра

вышывають. — Г. Гом. Грабовка, Н.Г. Владимирская. Зымітер. Да Зымітра дёўка хытра, а посьле Зымітра а кату, ба стапчу. Да Зымітра дёўка хытра, а посьле Зымітра хоть ты задніцу вытры ёю. — Г. Мэр. Барбаров, А.В. Гура. То же Г. Ллч. Тонеж, Замошье. До Деметра дывка хётра. — В. Квн. Подрожье, М.Р. Павлова. Зымітар, Зиміцер — Г. Мэр. Жаховичи.

ДМИТРОВА СУБОТА. Поминальный день накануне Дмитрова дня. — Бр. Клм. Челхов.

ДНИ ЗЛЫЕ. Кроме представления о благоприятных и неблагоприятных днях недели (см. ДЕНЬ НЕДЕЛИ), в Полесье распространены поверия о злых, несчастливых, недобрых, поганых днях (числах) в году, восходящие к древним апокрифическим византийским (и далее — восточным) текстам (см., в частности, М. Сперанский, "Злые дни" в приписках Асреманова евангелия. — Македонски преглед, год. VIII, кн. 1, София, 1932, с. 41—53) и широко известные в славянской народной традиции. В Полесье чаще всего это записи в заветных тетрадях с молитвами, заговорами и подобными текстами. Вот несколько образцов таких записей, обнаруженных в последние годы. "Январ — 1, 11, 12, 13, 18, 26 / февраль — 8, 11, 12 / март — 12, 17, 31 / апрель — 1, 3, 8, 12, 13 / май — 1, 7, 12, 30 / июнь — 1, 6, 13 / июль — 1, 11, 17 / аўгуст — 1, 3, 16 / сентябрь — 12, 15, 18 / октябрь — 2, 12, 15 / ноябрь — 11, 12, 15 / декабрь — 7, 15, 17". Пояснение информанта — владельца записи: В даробу не пойдеш. Расьтеяния садить нельзя. [Жениться нельзя — у молодых прибытку не будет]. — Г. Птр. Комаровичи, А.В. Гура. Записано под диктовку владельца записи: Январ 1, 7, 17 (ст. ст.) / февраль 8, 6, 17 / Март 8, 11, 17, 30 / Апрэль 3, 10, 13 / Май 8, 10, 17 / Июнь 1, 17, 27 / Июль 13, 17 / Аўгуст 13, 17 / Сенцябр 12, 17, 18, 30 / Октябрь 11, 15 / Ноябрь 1, 7, 17 / Дзякабр 1, 7, 17. Эти нещасные дни кто заболіе, редко вуздорове. — Г. Жтк. Дяковичи, М.Н. Толстая. Из рукописной книжечки — отрывок записи о злых днях (начало утрачено): 4) Апрель 5 дн 2, 3, 8, 12, 18 / 5) Май 4 дн 8, 10, 12, 30 / 6) Июнь 3 дн 1, 6, 7 / 7) Июль 3 дн 1, 13, 17 / 8) Август 3 дн 1, 13, 16 / 9) Сентябрь 4 дн 12, 15, 18, 30 / 10) Октября 2 дн 11, 15 / 11) Ноября 2 дн 11, 12 / 12) Декабра 4 дн 4, 15, 12, 14. — Г. Жтк. Хильчицы, М.Н. Толстая. "В году бывает 31 недобры день. В такой день ничего нельзя делать — ни хату строить, ни землю ворошить, ни свадьбы играть (читала об этом в календаре)" — Ж. Рдм. Вышевичи, О.А. Терновская. 4 аўгуста, 14 декабря и 1 апраля — в этот день Гасподь свернёт нечыстага духа с неба, и дёти, каторые в этот день будут нараждáцца, будут имéть себé страшную смерть. — Г. Птр. Комаровичи, А.В. Гура. По мнению М. Сперанского, "среди славянских статей о днях добрых и злых, довольно многочисленных и разнообразных по рукописням, преимущественно поздним, надо различать две группы по составу: более короткую, отличающуюся тем, что на каждый месяц указывается только по два дня "злых", и более обширную или распространенную, которая дает таких указаний на каждый месяц больше, приблизительно пять или шесть дней. Первая группа, по-видимому, старше второй по происхождению, а отчасти и по дошедшем до нас текстам". В этом отношении полесские записи представляют собой промежуточный тип, указывающий чаще всего по 2—3—4 несчастных дня в месяц.

Несчастливыми днями считают также в Полесье безлуные, пустые дни (см.) или сходные дни (см.) перед безлунием, у межай. И в пусты

день дак зберегающа: ни ў даро́гу не ёдуть, не купляють што́-нибудь из животнаго. Бувае рабёнак родица — ў его детей не буде, он у межы ради́-се. — Г. Птр. Комаровичи, А.В. Гура. На східных днях ничего не роблять. Всё роблять подпóуна. Посейтэ жыто на молодику — обильно и колосистe, а тэ шо на східных днях — о такé колосочки малэньке. — Ж. Рдм. Вышевичи.

**ДОЛГИЙ ИВАН.** День Иоанна Богослова, 8., V. Повсеместно известен как день, благоприятный для посадки огурцов. Юрэй впэрэд, а тоды́ Добу́ги Ивáн — сейте, молодицы, гуркí, бо добре растуть, добу́гие бу́дут. — Ж. Рдм. Вышевичи. "Довгій Іван (8 мая): по заходе солнца, когда скот возвращается с пастбища домой, в этот день сеют огурцы; прежде чем приступить к сеянию, поспешно хватаются рукою за кол, чтобы длиннее были огурцы (Яполоть Ров.у.) — Зеленин I, 277. "Довгий Иван (8 мая). Садят в этот день морковь, огурцы, редьку и т.д. Во время посадки бабы подбирают юбки высоко в надежде, что все посаженное вырастет высоко, и хватают за свое колено с уверенностью, что посаженное будет такое же толстое и круглое, как колено". — Булгаковский, 179. На Ивáна весной садять агу́рцы, гарбузы. Я бу́ду саджáть только на Добу́гаго Ивáна — бу́дут добу́гие агу́рцы. — Г. Кли. М. Автюки, Л.Г. Александрова. Гуркы сеём, гарбузы, штоб добу́гие були, бо то ж Добу́ги Ивáн, Ивáн Микулны́й, перад Мику́лай хóдит. — Г. Лич. Замошье, Л.Н. Виноградова.

**ДОВОХРИЩЕ.** То же, что ВОДОХРИЩЕ. На Довохрище бельё стира́ти нэ можно, две недели после — можно. — В Квл. Уховецк, Н.П. Скрябина.

**ДОЖИНКИ.** Время окончания жатвы. "Дожынки — конец жатвы и связанные с ним обряды" — Климчук, 31. "Дожынкі. Дзень (свята) заканчння жніва. На дожынкі робілі бороду. Луткі. Булі людзі колішніе, шо к дожынкам пеўня рэзалі. В. Малешава" — Тур. II, 27. У поли дожыночки, ў домі радзиночки. — Г. Мэр. Жаховичи. "На дожынки подают четверть водки и петуха; или петуха, яичницу, рыбу и поросенка; петух должен быть подан обязательно" — Мошинский, 223.

**ДОСЕУКИ.** Время окончания сева. "На досе́уках пеўня одсекаюць голову, собираюць вечэрну і п'юць. Луткі. У нас досе́уки булі, як ластоўка прылетае. В. Малешава". — Тур. II, 32—33.

**ДРЕВЕСНЫЙ ЧЕТВЕРГ:** Деревесный чэтвér. Г. Втк. Присно. См. СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ.

**ДРОВЯНАЯ СТРАСТЬ.** Среда на страстной неделе, когда моют все деревянное в доме перед Пасхой. Мы ж идём на страсть и дэрэва идэ на страсть. Помышиш ўсе, штобы дэрэвашло на страсть. Усё дрэва, якбэ у хати, мыють у середу. А, ужэ сваё — ў чэтвэр. — Г. Втк. Присно, А.Л. Топорков.

**ДРУГА ПОКРОВА.** Праздник Казанской иконы Божьей Матери, 22 X. "Друга Покрова. Модода Покрова" — Доманицкий, 78.

**ДРУГАЯ ПРЕЧИСТАЯ.** 1. Праздник Рождества Богородицы. Першы асенні дзень бышсамто у другую Пречистую Мацер Божую, а циета мо и прауда. — Петкевич, 8. Другая Пречиста падыхо́дить, и хазяйка бяро́т и як тёмно — хазяйн падымáеца, как сонце не взаштоб, пойде засёе. Патом ужэ кони запрягають и ёдуть ўсе сеють. — Г. Втк. Присно, Е. Зайцева. На Первой Пречистой освяшчают, на Другой уже сеють жыто. — Г. Дбр. Дубровка, А.Б. Ключевский. 2. Сентябрь. — Другая Пречистая или вёре́сень. — Петкевич, 9.

**ДУХ.** Понедельник после Троицына дня. Субота — клён, недиля — Трой-

ца, понедéлок — Дух. — Ч. Чрн. Днепровское, М.Р. Павлова. 2. Троицын день. В недéлю Духа, а ў понедéлок Троица. — Ж. Овр. Тхорин. Дух ў нядéлю, а Троица ў панядéлак, анó числá не глядítъ. На Троицу, на Духа ирвом траву́ усяку: пíлнику, любíстiku, и мнятá халóдна. Ужэ и накидáим кались и ужэ хáты не мятуть три дни. — Ч. Чрн. Плехов. Сухий чатвér на святой недели после Духа. — Ч. Рпк. Злеев, О.В. Белова. Дух — Троицын день — Бр. Трб. Радутино. Май стáвили на Духа. Вянкí завиваются ат Духа и да Пятру́. На Пятрó развиваются. — Там же, Е.С. Лебедева. Как шестая нядéля посли Духа [вероятно, ошибка — должно быть: после Пасхи] каньчайца, то гавáрят: "Пашол Исус Христос на небясá. Патяну́л жытушка за вала-сá". — Там же, Г.И. Кабакова.

ДУХОВАЯ СУБÓТА. Канун Троицына дня, когда отмечаются одни из главных годовых поминок. Духавáя субóта — деды́ перед Троицей. — Г. Втк. Присно, Е.С. Зайцева. Скрозь кáжуть, что капусту садили тóльки ў Духавúю субóту перад Троицей. — Бр. Клм. Челхов, Ф. Бадаланова. Ламаём разные цвяты, траву́ рвом, святим. На Духовую субóту рвом, у вакресéнье святим. — Там же, Е.М. Назарова.

ДУХОВНАЯ СУБÓТА. То же, что ДУХОВАЯ СУБÓТА. Г. Втк. Присно.

ЕВДОКА: Еўдóка, Евдо́ха, Явдóка, Явдо́ха. 1. III. Еўдóка — цэ пэрвый дэнь вэсны. Хто напрадэ до Еўдóкы, то будут голые бóкы. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура. Еўдóка е пэрвого мáрта по старом. Як е в сэлі така жонка шо звэща Еудóта, Еўдóкей, то идуть яé гутають [т.е. поднимают вверх], хай стáвит магарыч. — Там же. Ешчэ нема Еўдоки, а ужэ съвецицца боки, нацса покуль прыйдзе Вербич, то суздром будзеш голы як бич. — Петкевич, 149. На Евдоху (1 марта) не закладают дом. — В. Ртн. Шедрогор, М.Р. Павлова. На Евдоху кросна ладили. — Ч. Рпк. Злеев, О.В. Белова. На Евдоху [нельзя] прасти, сновáти, ткасти абсолютноничего. Свято и ўсё, раз нэ рóбимо — то свято. — В. Ртн. Хотишов, Н.Г. Владимирская. Явдóкья — свято, потому что пэрвый дэнь вэсны, трэба шановаты. — Б. Млр. Осовая, Н.Г. Владимирская. Яўдóкéя — Г. Втк. Присно. 14 марта, на Явдóку, примечают погоду: какова Явдóка, такая весна будет. — Б. Млр. Олтуш. Явдо́ха. Явдохи. На тэй день выходить до сонца и беруть сниг и тóю воду, в хáти растаё, не выпливáют. Тэю водою на яблони, на што нападае. — Ч. Грд. Макишин, М.Р. Павлова. 14 марта Явдо́ха, Явдохা вредлива. — В. Ртн. Шедрогор.

ЕВДОКИ, мн.: Еўдóки, Еўдо́хы, Аўдóки, Явдо́хи, Ўдóки. То же, что ЕВДОКА. Когда идёт дощь на Евдóкий ў марте месяца — это буде уражай грибóй. — Ч. Рпк. Злеев, А.Б. Ключевский. Як на Евдóки вол напьеща вады, то значить, буде тёплае лéta. — Ч. Рпк. Яриловичи, О.А. Терновская. Еўдохы — Ч. Грд. Макишин. Еўдóки, да Еўдóкаў — Г. Клн. Золотуха. На Евдóкий сильно нешастливый дэнь. Дзиця и никóго на свéте нельзя полаять. Евдóки — с горы потоки. — Г. Рш. Заспа, Н.В. Свешникова. То же Г. Птр. Комаровичи. На Еўдоки примечали, аткуль вéтер павéе. — Ч. Чрн. Плехов. На Еўдоки не прали, не снавали, кросна будуть путацца. — Г. Гом, Грабовка, Н.Г. Владимирская. То же Г. Клн. Золотуха. Аўдóки таки празник, шо миж вуш пусць ябó да ўсе. — Г. Мэр. Жаховичи. Аўдóки — таке съято. Бываю́т уздé жэнкí бельё перяць на пуст у пэрвый недзéли. — Там же. То же Г. Мэр. Барбаров. Явдохи — Доманиц-

кий, 64. В рушэнье дом не закладают, а пид полныи. И не попасти ў тэй день, шо Ўдо́ки и Среченье [в тот день недели] – Ж. Овр. Возничи, М.И. Серебряная.

ЕВДОСЬЯ. То же, что ЕВДОКА. Первый день весны Евдо́сья, 14 марта. – В. Ртн. Речица, О.А. Терновская.

ЕГАР. Канун Рождества, первая кутяя. – Ч. Грд. Макишин, М.Р. Павлова.

ЕГОРИЙ: Егóрий, Ягóрий, Ягóрый, Ягóрей. Юрьев день, 23. IV. Название характерно для восточных районов Полесья. Када Егóрий ходит, дак закáпывали кости на сваёй ниве, на жыте. Обкарак свинячий свети́ли на Паску и тэй обкарак, кости тые не выкидали – тые бярут в пасудину, в лапату и закáпывали в жыте. Закáпывали на Егóрия. – Ч. Грд. Хоробичи, А.В. Гура. Егóрий, Ягóрий – Ч. Рпк. Яриловичи. На Егóрия не можна пра́сьци, ткаци, снава́ци – ат скацины. – Г. Гом. Грабовка, Н.Г. Владимирская. На Ягóрия ничо́го нельзя́ пекти, шоб расу́ не запякать – Ч. Грд. Хоробичи, О.А. Терновская. На Егóрия хадили на жыто. – Там же, А.В. Гура. Ягóрий – Г. Дбр. Дубровка, Бр. Трб. Радутино. Ягóрай – Г. Гом. Грабовка. На Ягóрия свети́ли жы́та, рунь. – Там же, О.А. Терновская. Апходили па жы́ту и скот святыи на вы́гане на Ягóрия, батюшка пасвятит и гонят пасти. – Ч. Грд. Мошченка. На Ягóрия иде́ батька жы́та гляде́ть. – Ч. Чрн. Плехов. Ягóрей, ужэ Ягóрею ўсíй вéруют. На Ягóрея пра́зник, нельзя́ пекти – расу́ запекаеш. – Ч. Рпк. Яриловичи. Ягóрей – выпускали каробу́ на расу́ пастьись: шчоб да сбонца на Ягóрия ў расу́. Ягóрея раса́ лекárственная. На Ягóрия жы́то святыи, кóней святыть, каробу́ и бúцы, свиней – не. Жы́то пасвятить, там стайті стой, бóчки две вады́ – егóревские – ета вада́ ат вéдьмы, прыходя́ть и свéтья и паро́г и ўсé ат вéдьмы. Нажáрить яéшню, хто наварить. Ягóрий пабеди́лу кракади́лу таго, што пажыра́ў людéй. – Бр. Клм. Челхов, О.В. Санникова. На Ягóрия скáтерть расте́льять на расу́ – вот и адбира́ли малако́ у кароб. Это ж хто знат. – Там же, Т.Б. Щепанская.

ЕЛÉНА. День Константина и Елены, 21. V. "Елена или Улляна. 21. V. На Елéну заусéды сей лён, то добрэ уда́сца" – Петкович, 149.

ЖИЛЬНИК: Жéлник, Жýлник, Жýльнык. Четверг на страстной неделе. На Желника перед Великим днём (три ночи, два дни ни йисты) – тэй ночью купались. – В. Ртн. Щедрогор, М.Р. Павлова. На Жы́лника пэрэд Пáскою бэгуту́ ўтром туда́, где бэгúщая вода́ – рéчка чы ручай. И той воды́ на́до забра́ть и бэжáть домой. Приніс и покропы. А што осталось занесу́ть туда́, где вода́ бýгла. И нэ отзыва́ца, нэ обора́чываца. То от клопо́бу. – Б. Брс. Заболо́тье, Е. Владимирова. Жýльнык – большой чэтвёр. Какий вы́сып, то вжэ идуть до дня купаюца на рéчку, на бегúшчу воду. Як на кóжэ короста, то идуть на Жы́лныка мы́тыса. – Там же, Т. Перова. То же Б. Млр. Олтуш.

ЖИЛЬНЫ ЧЕТВÉРГ. То же, что ЖИЛЬНИК. Жýлны чытвér – пуд вéчорны вэчéraют, идуть в цéрковь. Вэчéру вáрать, но ны вэчéraют тые, которые жы́лникуют – в чытвér повэчéraуют и ужэ ны йидя́ть до Паски. – Б. Млр. Олтуш.

ЖЕНСКИЕ ДНИ см. ДЕНЬ НЕДЕЛИ.

ЖНÍВО. Время жатвы. "Косовица настала да хутко настануць жніва. Запясочча. У самое жніво вона родзіласа. Верасніца. Ек загрыміць, то зе-

лінку перэкіне на спіну да не боліць на ўсе жнів' (павер'е). Там жа". — Тур. II, 61—62.

**ЗАГОВИНЫ**, мн.: Заговины, Заговены, Загвины. Канун каждого поста или только Великого поста. "Перед Великим постом в воскресенье на Заговины "весну кличуць" — Мошинский, 215. Криви чэцьверг — як ужэ на Пятроўку заговины бывають. — Ч. Чрн. Плехов. На Заговины по хатак хадыли, снёдали ўси... заговляють на масляныцю. — Ч. Грд. Макишин, И.А. Морозов. Масленица, а в воскресенье — заговины на пост. — Бр. Клм. Челхов, О.В. Санникова. То же Г. Мэр. Барбаров. Заговены — праважа́ли мясцо. — Г. Клы. Золотуха, М.И. Серебряная. На масляну загвины. — Г. Втк. Присно, Е.С. Зайцева.

**ЗАГОВИНЫ ПЕТРОВСКИЕ**. Канун Петровского поста. Русалку водять на заговены пятроўский. — Ч. Грд. Хоробичи, А.В. Гура.

**ЗАГОВИНЫ ПИЛИПОУЧАНЫЕ**. Канун Рождественского поста. Заговины пилипаўчыны. — Г. Мэр. Барбаров.

**ЗАГОВИНЫ ПОСТОВЫЕ**. Канун Великого поста. Заговины паставе. — Г. Мэр. Барбаров.

**ЗАДУШНЫЕ ДНИ**. Календарные поминки, то же, что ДЕДЫ. Задушные дни — деды за умерлых святы деды. — Б. Пнс. Лисятичи, Е.С. Зайцева.

**ЗАЖИНКИ**. Время начала жатвы. "Зажынкы — начало жатвы и связанные с ним обряды. Як почыналы жыты, то помольщи божу, на колына ставши, зожнэ жмынку, выночка скрутить, дожынаючи квіточку тóжэ, посывятыи на Спрыння дай засывають тым жытом" — Климчук, 35. "Начиная жатву, обвязывают себя первой горстью колосьев; приносят их в хату, вылущенное зерно толкнут в ступе и варят, затем справляют зажинки, т. е. пьют горилку и съедают проготовленную кашу" — Мошинский, 222.

**ЗАЛОЖЕНЬЕ**. Почитаемый день торжественной закладки местной церкви. "Заложэнне — день основания местной церкви, приурочивался к какому-нибудь религиозному празднику; приравнивался к самым значительным религиозным праздникам" — Климчук, 36. На Троицу, на заложэнне приехали да мяне ўнук. У нас на Троицу госьцы. — Г. Мэр. Жаховичи.

**ЗАПУСКИ**, мн. Канун каждого поста (Великого, Петровского, Успенского, Рождественского) или только Великого поста. Масылена недзялья перед постом: у нядзелью запуски, а ў панядзелок пуст. У нядзелью запуски, а ў панядзелок зубы палошчуць. — Г. Мэр. Жаховичи. Михайло ужэ перед самыми запусками. Перад калядами запуски, у пилипаўку, дак этые запускі дваццаць сёмаго числа. — Там же. Последний день перед постом, собираюча старые со старыми, молодые с молодыми, гармошка грае, бутылка, закуска, танцуют, на весь пост натаанцована. — Ж. Овр. Возничи, М.Р. Павлова. Запуски, до запусок. Погостяют, попьют, назаутра пусно едят. — Ж. Овр. Журба, Г.И. Трубицына. На запуски весну кликали — на водёнку собиралиса дечата, каля гумна стойти да спевали. — Г. Ллч. Замошье, Л.Н. Виноградова. Осеню снежок пойдёт, после посту перед Рождеством, як запуски. Бером тёрби и идом по хатах. Той пшаницы съпле, кто ячмень, жбыто съпле. Гроши не давали [пастухам]. — Ж. Овр. Тхорин. Деды ўсе ў пятницу — суботу. Осенние — перед самими запусками, ў мясоед — тóжэ перед запусками. — Там же. После Паликопы запуски, а потом Спас. — Там же. "Як кончыща м'ясоед, то запускі начынающа". — Тур. II, 117. Запуски — и буде паста сем нядель да Паски. — Г. Птк. Комаро.

ровичи, А.В. Гура. Пили́поўчаны мясоёд – од Сплення до Запуска перед кутьёй. – Г. Ллч. Замошье, Л.Н. Виноградова. Бабу, што путы въїхэ, позвать на запускі. – Б. Пис. Синин, М.Р. Павлова.

**ЗАПУСКИ ПЕТРОЎСКИЕ.** Канун Петровского поста. Г. Мэр. Барбараў.

**ЗАПУСКИ ПИЛИПОЎСКИЕ.** Канун Рождественского поста. – Г. Мэр. Барбараў.

**ЗАПУСКИ ПОСТОВЫЕ.** Канун Великого поста. У п'ятницу поминальна, а ў нэдзюлю запуски постовіе. – Ж.Н.-В. Курчица, А.Б. Ключевский. То же Г. Ллч. Замошье.

**ЗАПУСКИ СПАСОЎСКИЕ.** Канун Успенского поста. – Г. Мэр. Барбараў.

**ЗАПУСТНЫ ТЫЖДЕНЬ.** Последняя неделя мясаода перед постом. Поминальна субота – перэд Маслянницай, на запустном тыждне. – Б. Стл. Рубель, Н.А. Волочаева.

**ЗАПУСТНЫЙ ПОНДЕЛЬНИК.** Первый день Великого поста. – Зеленин, I, 276 (с. Яполоть Ров. у.).

**ЗАПУСТЫ, мн.** То же, что ЗАПУСКИ. – Тур. II, 117.

**ЗАСЕВАЛЬНИК.** Первый день Нового года, т. е. 1.І. В засевальник дети ходят по домам, бросают в доме горсть зерна и говорят: "Сею, сею, посеяю, з Новым гдом поздоровляю". – Ч. Грд. Хоробичи, О.В. Белова.

**ЗАСЕВАНІЕ.** То же, что ЗАСЕВАЛЬНИК. Засіване. – Коломийченко<sup>2</sup>, 149.

**ЗАСЕВКИ.** Начало сева. "Пры засеўках хрэнія з сабою бралі ў поля. Луткі. На засеўкі, ек сеюць, то беруць яйца з собою. Дварэц. Ек засеўкі – будуць топіць, варыць, а до коміна вяжуць хмель да сухімі зернятамі посыпаюць, Верасніца". – Тур. II, 121.

**ЗАСЕВУХА.** Первый день Нового года, 1.І. После Пили́паўкі Шчадруха, назаўтра Засяўуха, то ужэ ходзяць дэти з рукавіцамі па хатах, ячмень сыплюць. Сягоння щадрӯюць, а заўтра Новы год. Ад Засяўухі тыждень празываюць и тады Крещэнье. – Ч. Чрн. Плехов. На Новы год Засяўуха. Па хатах хадзілі засевали. Дэтям ужэ два рукавычки даюць у руки. С аднаю рукавычку берё сея [ямчен] и сеё, а ў другой – гастинцы. – Там же. На Новы год Засяўуха, блины пекутъ, сала жаряць. Да сваіх хадзілі засеватъ, да хреснага батька. Па сваіх хадзілі. – Ч. Рпк. Яриловичи. Сёдні Шчадруха, а назаўтра ўране Засяўуха. – Ч. Рпк. Злеев, О.А. Терновская.

**ЗАХОДІТЬ.** Обычное выражение о начале праздника, дня. Ужэ п'ятница заходіць. И кали заходзіць п'ятница, ужэ не праўлы. Як сонцэ зайдзе [в четверг], ужэ му не прадом. – Г. Мэр. Жаховичи. Вот Троица заходзіць, пёрвый дзень, у нядзялю не йдуць госьцы к нам, а ужэ ва вторак. – Там же. Старые говорили: праўзник заходить из вечера. От, заўтра Петр, а сення ма́ти кажэ: не робі работы, ужэ праўзник зайдшоў. Як сонцэ зайдшоў, ужэ звёчера, кажуть, съято заходить. – Г. Ллч. Замошье, Л.Н. Виноградова. [Праздник] заходить увёчэри, як стемніе, як сонцэ зайде, то и заходить празник. Ужэ не роблять. Затым на съято тóжэ не роблять, на трэтий день зранку начинаем робіць. – Г. Жтк. Дяковичи, М.Н. Толстая. Як Коляда заходит, то растилають сіно на столе, на пэрвый вечор. Як заходит Шчадруха – сноўва, як Крещение – сноўва. Стёльют пуд скатерку. Як заходыла

Колядá, хозяин на вúлицэ кликал: "Морóз, морóз, ходи куттий йисты!" – Б. Пис. Ковнитин, Г.И. Кабакова. Коляда заходит, никто никауда нэ йдэ. – В. Квл. Подрожье, Л.Г. Мунгалова.

**ЗАЯДЛИВЫЙ ПРАЗДНИК.** Опасный, угрожающий бедой за несоблюдение запретов праздник. Г. Мэр. Барбаров.

**ЗБОРНАЯ НЕДЕЛЯ.** Вторая неделя Великого поста. – Бр. Пчл. Семцы.

**ЗБОРОВА СУБОТА.** Суббота первой недели Великого поста. Тыждэн пройдзе посту и Збóрова субо́та. Купаюсь дзéжку, надзеюсь палацэнцэ. Уж як Збóрова субо́та, не ўчынай хлíба, бо дзéжка пойдзе к споведзи. А катóра ужэ с хлéбом, дак кленé хазяйку: вáжко, ка, ици. Бувало, по-крайная маý маць падку́ривала дзéжэчку вóскам. – Г. Мэр. Жаховичи. Близко ля Великння Збóрова субо́та. Ну, дзéжки муюсь да гаво́раць: Збóрова субо́та. Треба муть дзéжку, штоб дзéжка мута булá. Кине угольчика да ниц перевéрне. От, эта такая споведзь дзíжцы. – Там же.

**ЗДВИГИ.** То же, что ЗДВИЖЕНЬЕ. Да, это они [гады] уходять на Здвиги, уходять на сваё места. – Бр. Клм. Челхов, О.В. Санникова.

**ЗДВИЖЕНЬЕ:** Двіжэння, Звіжэнье, Зъвіжэнне, Здviжання, Здviжэнне, Здviжэнье, Зъдviжэнне, Здзvижэнне, Збóжэнне, Уздзюжэнне, Узъздvижэнне. Праздник Воздвижение, 14/27 IX. Известен как день, когда земля "закрывается" на зиму, гады собираются стаями в лесу и уходят под землю, чем и объясняется повсеместно известный строгий запрет: неходить в этот день в лес. В некоторых зонах Полесья, преимущественно на востоке, распространено поверие, что в этот день *купается, меняется, играет, здвигается* солнце (в других зонах это явление может связываться с Благовещением, Пасхой, Купалой и нек. другими праздниками). На Двіжання ў лес бóжэ спаси ходить нельзя. На Купала Ивáна паявляюца змей, на Двіжэння уходять. – Г. Втк. Присно, Л. Савчук. Вужы, гадюки – тэй весь гад збираеца и кудысь в нóры ховаюца. – Ж. Овр. Возничи, М.Р. Павлова. На Звіжэнне николи ў лес не хадзили чэрэз этае ж гадоўе. – Г. Хнц. Дубровица. На Здviжання змей ўвертываюца клубками. От як раз у Здviжання яны уходзяць у нóры ў землю. – Г. Птр. В. Поль, А.Н. Бубакова. То же Ж. Овр. Журба, Г. Гом. Грабовка, Ч. Рпк. Злеев, Доманицкий, 78. Ужакы пэрэд Здviжэннем у кучу збираюца. На се съято ужакы збираюца да ховаюца. А ту ужаку, котбра когó укусить, тую нэ прымают. Она замерзае. – Ж. Овр. Выступовичи, А.Л. Топорков. На Здviжэнне ужы сабираюца, спаўзуюца ў адно кубло на зимовлю спаўзуюца. – Ч. Рпк. Яриловичи. На Здviжэнне ўсé здвигаеца: и ужы, и все, сабираеца в лясу. – Г. Дрб. Дубровка, А.В. Гура. Я раз пашла ў лес на Узбóжэнне, дак буў чéрап з галаві зрывало – я з рóду ў такой бядзé не булá! А там ни канцá ни краю – эта разнае ужэ. Аж кипячыць лес! Людзи кáжуць, што адзин дзень такі е ў гаду (рáзное – эвфемизм для змей, гадов, ср. Людзи ўцякаюць ад балбата, коб разнае не паўзло ў селишчэ) – Г. Мэр. Жаховичи. А сонцэ, я жкажу, на Здviжэнне, дак от раненька карбó падоиш, от паўхóдзяць жéншчыны, мушчыны: гледзіце, бáбу, як сонцэ дзvийгаеца, ўсякими цветами скидаеца, и вот сиине, далей краснае, зелёнае и падвіжэца трóхи и тады ўсё. На Звіжэнне вóсень приглядайце – анб ж усякими цветами и дрэжыць. Есъли да сонца ўстане, кáжны пабачыць. – Г. Хнц. Дубровица. Здviжэнне пуд вóсень, сонцэ здвигаеца, ясно сонцэ, здvигаеца, мигаеца. – Г. Ель. Кошице. Сонцэ меняеца на Здюжэнне да сонца разными спасабами:

зробыца такоē яснае, врбдзе чалавечк сидзіць. – Г. Мэр. Жаховичи. На Ўздржэнне, кажуць, купаецца сонцэ вселякими цветамі. На Ўздрюжанне му ходзим спавядаша. Спавядай бáцоцка все, ну дак вот раго ужэ міруе нас да гавориць: от, Ўздрывіжэнне, сонцэ ўздрывигаецца, так вот вóзьме да здраганеца да и зноў, здраганеца тры разы. – Там же. Между Прачыстая и Зюжэннем жыта не сеюць, кажуць, бўдзе слáбое, упльвацьме з вéтак. – Там же. "До Івана сеўба кохана, а послі Здзвіжэнья трэ добро рукою дзвігачу! (прыказка)" – Тур. II, 11.

**ЗДВІЖИНЬ.** То же, что Здвижене. Вужы и гадюки уходяц на Здвижынь. – Ч. Грд. Макишин, М.Р. Павлова.

**ЗЕЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ.** Неделя, предшествующая Троице. Капусту сажали до Троицы на Зелену недёлю. – Ч. Чрн. Днепровское, Е.С. Зайцева. На Зелену недёлю дошь чи роса пойдэ – буде мачливэ лёто. – Ч. Рпк. Злеев, А.Б. Ключевский.

**ЗЕЛЕНАЯ СУБОТА.** Канун Троицы. "Зелена суббота :: мужчины привозят в этот день из лесу по огромной фуре "зеленцию" – клен, липу, ясень и березу, коими украшают дворы и дома; старухи собирают травы, пучок коих освящается и тщательно хранится в каждом доме – для каждого им во время грозы и для покойников: вся кому покойнику кладут маленькую связку этих трав под изголовье и потом в гроб" – Яполоть Ров. у. (Зеленин, I, 277). Зэлэна суббота – Ч. Чрн. Днепровское, Зялёна суббота – Г. Літч. Замошье.

**ЗЕЛЕНЕЦ.** 1. "Зылынэц – празднование девятого четверга после пасхи" – Климчук, 38. 2. Значение неясно. На Сплийне святить жыто. Зеленец после Ильи, на зеленца после Спаса ужэ жыто пожнуть. – Б. Брс. Муховец.

**ЗЕЛЕНЫЕ СВЕТКИ.** Троица – Мошинский, 211.

**ЗНЕСЕНЬЕ.** Праздник Вознесенье. На Знёсенье повинно хочь трошки упасть дочшу. – Р. Дбр. Сварицевичи. Знасэнэ – В. Ртн. Речица.

**ІВАН.** Каждый из Ивановых дней в году. В Полесье наибольшей известностью пользуются дни: 1) Рождество Иоанна Крестителя (Иван Купала) – 24.VI/7.VII, 2) день Иоанна Богослова – 8/21.V, 3) день Усекновения главы Иоанна Предтечи – 29.VIII/11.IX, 4) день Преставления Иоанна Богослова – 26.IX/9.X. Каждый из терминов имеет свой уточняющий календарный эпитет: Иван Купальний, Петровский, Головосек, Покровный, Микульный и т. п. (см. ниже), но может употребляться и без эпитета. Чаще всего *Іван* (без уточнения) означает день Ивана Купалы. Ср.: На Ивана вéдьму несуть з сэлá, зроблять такую з латок – сорочкэ, хусткэ, лихэе, як чучэло зроблять, на тэчку наткнуть, нэсуть у канаву, кэнуть у воду, тэчке побэруть и бьють еe. Разобъють на шматкэ, шэ й спэвають: "Іваново сонзико ой ходыло, ходыло, ой ранайко зэйшло," наоколо обэйшло на Ивана" [или:] "Літага відьмэшчо з Кэева до Кэева на Ивана, на Ивана" – Б. Млр. Олтуш. Буваю мой дид пэрэд Иваном кáже: идышэ повисьтэ кошу ў двéрух дэ йты до коровы, шоб відьма ны пудойшлá. – Там же. На Паску грае сонцэ, ек исходыть, у двынацать часов, и ек заходыть. И на Ивана грае. – В. Ртн. Речица. Перед Иваном, против Ивана, кошу клали коло ворут и свечку. И ужэ она [ведьма] приде и погрызе, а не влезе ў хлеу. – Ж. Овр. Тхорин. Каторы на Ивана ведьмакуе, дак тот скинела чым хóчэш: мажэ и вужэм, мажэ и жабаю, чым хóчэш. Г. Мэр. Жаховичи. На Ивана седжу я с хлопщум, кали идзе маленько дзіцятко [черт]. а я

схапіласа за него' и не магу атарваца. — Там же. Ў лётку, у Пятрбўку Иван у нас е, и на ётао Ивана, то тая русалка бёгае. Ана гóла, кóсы роспускае, она ж ужэ бярэ пользу с поля. Иван у Пятрбўку за два дни да Пятра. — Там же. На Ивáна чио папа́ло рубаху в углу в хлеву на гвозд вёшали, шоб вéдьма не пришла. И палку там поставить. — Ч. Грд. Макишин, М.Р. Павлова.

### ИВАН ВЕДЁМСКИЙ см. ВЕДЁМСКИЙ ИВАН.

ИВАН ВЕДЬМАРСКИЙ. День Ивана Купалы, 24.VI/7.VII. Иван Ведьмарский — ведьмы ходят, молоко, спир беруть из добра. — В. Ртн. Шедророг, М.Р. Павлова. То же Г. Птр. Челющевичи, Ж. Овр. Возничи.

ИВАН ВЕДЬМИН. День Ивана Купалы, 24.VI/7.VII. Идуть в лес знахары на Ведьмина Ивáна. На Ведьмина Ивáна затыкают крапиву в варота: падазреют на таких плахих жэншын — каров побрятят. Пришёл Ведьмин Ивáн. Да Ведьмина Ивáна траву рвут всякую и на лекарства носить. — Г. Клин, Золотуха, В.А. Багрянцева.

ИВАН ВЕЛИКИЙ см. ВЕЛИКИЙ ИВАН. Иван Великий — по ягоды у лис шли, кажут, они помоцные, пособные. Великий Иван — то ведьмы ходят. Соңц грае на Великого Ивана фсякими кружками. На Великого Ивана не кидали дойницу, ф хату прибирали, шоб на двори не булó. — Б. Млр, Мокраны, М.И. Серебряная.

ИВАН ВЕСНОВОЙ. День Иоанна Богослова, 8/21.V. Два Ивáна: адзин веснавуй, не дахадзя Троицы, а други — Петруучаны. Кладуць купайло. От, сягёння шчэ дзень прасты, а зáутра ужэ Иван, ужэ ввёчэри идуць и кладуць купайла на берази и паюць ля вады, салому беруць и паляць. Наберуць салому да кажна киine жмёню, и тая салома гарыць. И стаяць бабу от, кругом и пакоць. Вот запалицы жмёню салому, возьмё жмёню салому ў тум купайлу запалицы и ўбрядзэ ў воду: во такей мой лён парос, во цятаки мой лён парос. Тры разы скажуща да и киine на воду тую салому, ана и паплыла, гарыць, пака не патухне. Эта так, щоб лён ужэ велики вырос, коб лён вусоки. — Г. Мэр. Жаховичи.

ИВАН ГОЛОВАТЫЙ. День Иоанна Богослова, 8/21.V. Иван Головатый у маё месяцы, давайте садить гарбузы, квасолю. — Ч. Чрн. Плехов.

ИВАН ГОЛОВОСЕК. День Усекновения главы Иоанна Предтечи, 29.VIII/11.IX. Иван Головосек — носить ввёчери панахиды на могилки и батюшка править. — Ч. Грд. Хоробичи.

### ИВАН ДОЛГИЙ см. ДОЛГИЙ ИВАН.

ИВАН ЗЛОСТНЫЙ. Иван Купала. Злосный Иван завеца, его' и не признают у нас. — Г. Клин. Золотуха, В.А. Багрянцева.

ИВАН И ЗЕНЯ. Вероятно, Иван Купала. Се у нас Иван и Зеня и всяке зéлле — и лíпу рвут, разные цветы ужэ сабирають. Чи да Петра' чи после? Видно, после Петра' ходить. Матка кажэ: дёуки, ирвите цветы, и то уже' рвеш и на дварэ ставляеш ля акен [возле окон] — стаять. Як свéжэнъке, дак бўде доля красовáца, а савъяне — ужэ и нешчаслива доля. — Ч. Грд. Мощенка.

ИВАН КАЛИНОВИК. Значение неясно. Иван Калиновик — выходять ввёчера дёуки, вьють вянки, цвяты. — Г. Втк. Присно, М.Г. Боровская. Нада абязательна жыта пасéять на Ивáна Калиновика, в адзин день. — Там же, Л. Савчук.

### ИВАН КОЛДУНСКИЙ. Иван Купала. Ковдуньский Иван — завтра Иван,

а сего́дня мы кóсы, серпý тýчымо ў двери, де скотину зачиняємо. — В. Ртн.  
Щедрогор, М.Р. Павлова.

ИВАН КРЕСТИТЕЛЬ. 7/20.I. Собор Иоанна Крестителя. Иван Креститель, который перед Громницами. — Б. Брс. Заболотье, М.И. Серебряная.

ИВАН КУПАЙЛА, ИВАН КУПАЙЛО. 1. Иван Купала, 24.VI/7.VII. До Ивáна Купайлого выхóдлы на ўлыщо, спывáлы стáринныи письни — купайлá, а ужэ посыли Ивáна запрэшчаеца спываты про Ивáна. — Б. Млр. Олтуш. Особено як на Купайла Йивáна прыдз любая жбонка позычáт, то нычóго нэ давай. Як позычыла, все — молока зразу нэ стáнэ. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура. 2. День Иоанна Богослова, 8/21.V. Перад Троицю Купайлó Ивáн е. Ивáн, а потым Микóла. — Г. Мэр. Жаховичи.

ИВАН КУПАЙЛЯНЫ. Иван Купала. На Купайляного Йивáна пройды плутом чэрэз дорогу до сход сонца. И рано выганяют коровы, и яка жонка ведьма, ее корову нэ можна пэрэгнать чэрэз тэ побранэ, вона нэ идэ. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура.

ИВАН КУПАЛА. Рождество Иоанна Крестителя, 24.VI/7.VII. Это на Ивáна на Купáлу собирають зилля. — Г. Лтч. Стодоличи. На Купáлу Ивáна ў кого остатки ўсе зносились, то ў ворох и запаливали. — Г. Лтч. Замошье, С.Н. Железнова. Венки на Ивáна Купáлу несли на капусту: Ивáна Купáла, шоб капуста не прапáла, а харбаша расла. — Ч. Рнк. Яриловичи. На Ивáна Купáлу дивкы и хлóпци сабиралися, вóзьмуть ворота у любóго, принесли до костра и спáлють на вогни. — Ч. Грд. Макишин, И.А. Морозов.

ИВАН КУПАЛЬНЫЙ, ИВАН КУПАЛНЫЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА. На Купалного Ивáна чоловики пуд плотом сидзяць, волы на пащу вúжнушь, а бабу ў цérкоў идуць. Поставляць такую остробгу из ёлки, начепляюць всякого барахла да подпáльваюць. Дай писні спиваюць. Последнюю весну спеваюць на Купалного Ивáна. — Г. Лтч. Стодоличи. "После Купального Ивана молока мало даюць корову". — Тур. II, 251. "Напроцю Купального Ивана сонцэ купаецца на сходзе і заходзе. Альпень. Як купаецца сонцэ на Купального Ивана, то до сонца надо покупатца як хворы, то пройдзе. Цераблічы". — Тур. II, 251. "Зелье до Купального Ивана бабэ зобираюць. — Тур. II, 150. То же Доманицкий, 73, Коломийченко<sup>1</sup>, 138—139, Ч. Чрн. Днепровское, Г. Хнц. Дубровица, Г. Птр. Комаровічі.

ИВАН КУПАЛЬСКИЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА. Г. Рщ. Заспа.

ИВАН ЛЕТНИЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА. Летний Ивáн три дни да Петра. — Г. Мэр. Жаховичи.

ИВАН МИКОЛЬНЫЙ. День Иоанна Богослова, 8/21.V. На Ивáна Микольного до сходу сонца гуркы сэют чы гарбузы. — Ж. Овр. Журба, А.В. Гура. Против Микóлы Ивáн Микольный. — Ч. Чрн. Днепровское, М.Р. Павлова.

ИВАН МИКУЛЬНЫЙ. То же, что ИВАН МИКОЛЬНЫЙ. Ивáн Микульный, дак тые гóды агónь накладуць на берази, да пéсьни пéюць жанкі. У нас это кáжуць, шо купайлó, да это лён будзе добрэ радзіць. На Мikuльного Ивáна орахí цветуць и пáпарашь. — Г. Мэр. Жаховичи.

ИВАН МИКОЛЬСКИЙ. То же, что ИВАН МИКОЛЬНЫЙ. Г. Хнц. Дубровица.

ИВАН ОСÉННИЙ. 26.IX. "Осінного Ивана" — Доманицкий, 78.

ИВАН ПЕТРОВ. То же, что ИВАН КУПАЛА. Г. Птр. Челющевичи.

ИВАН ПЕТРОВСКИЙ. День Рождества Иоанна Крестителя, 24.VI/7.VII.

Іва́н Петро́вський. У ве́чери ужэ спра́вляємо. Награбо́м такую ку́чку пя́ску, а крапи́ву ўстыркнём. Ну, и тады ужэ переска́уем через крапи́ву. — Ч. Чрн. Плехов. То же Ч. Чрн. Днепровское, Ч. Грд. Макишин. На Ива́на на Пэтры́уского то полотно стыльла ві́дьма на зымній, на пэсочку, шэ нэ вэ́дно, шэ сонцэ ны сходыть. А на шо то вона стыльла? — В. Ртн. Речица. На Ива́на Пэтры́уского, на Вэлігдэнь, на Благовішчэне грае сонцэ, смырком, ек ужэ заходыть слонечко або ек усходыть. — В. Ртн. Пески. На Ива́на Питрі́вського то змей ходяте молоко састь. — В. Ртн. Щедрогор, М.Р. Павлова.

**ІВАН ПЕТРОВЧАНЫ.** То же, что ИВАН ПЕТРОВСКИЙ. На Пятро́учанаго Ива́на ве́дзьмы ходзяць да дабро цягнуць. Ягоды беру́ць, зелье рву́ць на Петру́учанаго Ива́на. — Г. Мэр. Жаховичи.

**ІВАН ПОКРОВНЫЙ.** День преставления Иоанна Богослова, 26.IX./9.X. Пэрэд Покровом Покрёвный Иван. — Ч. Чрн. Днепровское, И.А. Морозов. На Ива́на Покріўнага ховаюца в зэмлю гадюки, ужы. — В. Ртн. Щедрогор, М.Р. Павлова.

**ІВАН ПОСТНЫЙ.** Вероятно, Иван Купала. Ве́дьма малако́ адбирае пад Посны Ива́н. — Г. Гом. Грабовка, Н.В. Борзаковская.

**ІВАН ПРИСЕЧА.** День усекновения главы Иоанна Предтечи, 29.VIII./11.IX. Прáзник быў такі Ива́н Присеча, дак круглаганичо́го не ре́зали. — Бр. Клм. Челхов, Н.Г. Владимирская.

**ІВАН ПРИТИК.** День, следующий за Крецением, т. е. 7/20.I. Ива́н Притик зиу́ кутю дай ути́к. Да ужэ прадэмбо, шы́емо про́сыли Крэшчэния. — Р. Срн. Чудель.

**ІВАН СПАСОВСКИЙ.** Значение неясно. Три Ивана: Петры́уский, Спасо́вский и Иван Креститель. — Б. Брс. Заболотье, М.И. Серебряная.

**ІВАН СТРЕЧЕНСКИЙ.** Значение неясно. Стрэчэнски Ива́н двена́щатаго фе́урала. — Г. Клн. Золотуха, М.И. Серебряная.

**ІВАН ЦВЕТБШИН.** Иван Купала. Цвето́шин Ива́н пэрэд Пэтром, днём по цветы ходяте. — Ч. Чрн. Днепровское, И.А. Морозов.

**ІВАН ЮРОВСКИЙ.** Значение неясно. Бая́ліся ве́дзьмы на Ива́на Юра́ускага, на Микольскага Ива́на, на Пятро́ускага Ива́на. У ёты дзень ве́дзьма ўсёмагла. — Г. Нрв. Киров, Ж.И. Садовникова.

**ІВАНОВА НОЧЬ.** Ночь накануне Ивана Купалы. Крапи́ву ты́ркают на Ива́нову ноч, шоб змей не пройшлá. — Г. Втк. Присно, М.Г. Боровская. На Ива́нову ноч на ростани хлеб аставляли. — Там же, А.О. Толстыхина.

**ИГРАНА НЕДЕЛЯ.** То же, что ГРЕННАЯ НЕДЕЛЯ. Ч. Грд. Хоробичи.

**ІЛЬЯ,** муж. и жен.: *Илля, Лля, Лъя, Ля, Ле.* Ильин день, 20.VII/2.VIII. "Прышоў Петро́к, сарва́у листо́к, святы́ Илля сарва́у два". — Петкевич, 147—148. "Прышоў Ілья, наробіў гнілья" — Тур. 1,207. На Петра́ хлеба из макатра, а на Ллью поблну печ налью, — Г. Жтк. Дяковичи, А.Б. Страхов. Илья́ через ты́ждень от Пали́копы, а зноў через ты́ждень Спасо́ука, — Ж. Овр. Тхорин. Як ужэ Лля, и мороз скажэ: тут и я. Лля нанесла гнілья [пойдут дожди]. В. Квл. Подрожье, М.Р. Павлова. "На Ллью трубеть в трубы и починають спывати госэнь. Ллья наробить гнілья" — Климчук, 45. Свята́я Ллья. На Ллье бчи залле. — В. Ртн. Щедрогор, М.Р. Павлова. Колоски святить на Ллью, на Спаса, на Маковея. — Там же. Ллья — як жыто жнуць. — Г. Мэр. Жаховичи. Да Лли буслы дитеў ви́ведуть. — Ч. Рпк. Яриловичи.

## ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Области и районы	
Б. – Брестская обл.	Р. – Ровенская обл.
Кбр. – Кобринский	Зрч. – Заречнянский
В. – Волынская обл.	Срн. – Сарненский
Лбш. – Любешовский	Ж. – Житомирская обл.
Г. – Гомельская обл.	Жит. – Житомирский
Брг. – Брагинский	Крс. – Коростенский
Жтк. – Житковичский	Луг. – Лугинский
Лоев. – Лоевский	Ол. – Олевский
Нрв. – Наровлянский	С. – Сумская обл.
Птр. – Петриковский	С.-Б. – Сереббинбудский
Бр. – Брянская обл.	Ямп. – Ямпольский
Стрд. – Стародубский	Ч. – Черниговская обл.
Трб. – Трубчевский	Кзл. – Козелецкий

ПЭС – Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.

## КОРРЕКТУРНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СЛОВАРЮ. А – И

**АЛЕКСЕЙ ТЕПЛЫЙ.** 17/30.III. На Алексея Тёплого казали: "Карова на вёреск, а рыба на нёраст, а пчелá на ўлье". – Г. Лоев. Ручаевка, Л.Н. Виноградова.

**АЛЛЯ,** м. Ильин день, 20.VII/2.VIII. На Аллю купаца нельзя – верба́ вырасте. Алля наробыл гнилля. Алля – ўсегда мбкро бувáе. – Ч. Щрс. Ст. Боровичи, Е.Я. Скидальская.

**АНДРЕЕВО СТОЯНИЕ (ПОСТОЯНИЕ).** Ночь со среды на четверг на четвертой неделе Великого поста. У середу против четверга́ тристанаклонная ночь, триста паклоноў у храме адбывають. Это называлось Андреево стаяние. Пяклі хрясты и ёли у тот же день или лажыли – засохне и ляжыць. На лякарство на якось мы яго лажыли. Каждаму семьянину хрещык. – Бр. Клм. Челхов, О.В. Санникова. Пэрэд Па́скою, говорать, Андреево постоянне. – Р. Зрч. Нобель, А.А. Плотникова.

**АНДРЕЙКИ,** мн. То же, что АНДРЕЙ, 30.XI/13.XII. Перед Новым годом и на Андрейки гадали дзеўчата: крычали ў колодзезь, а то обсеваали вокруг колодца конопли; скідали юбки свой, складывали и ложыли спаць не разговарывая. На Андрейки пеклі паленицы – чыю соба́ка ухбопиць пёрцу, тая и замуж вуйдзе найперш. – Г. Нрв. Киров, Л.А. Кислюк.

**АНДРИЯН.** Вероятно, день св. Адриана, 17/30.IV. Есьць празник Андреян, дом абсыпаюць, калодзезь маком. У вечар дёўка маку вазьмё, да кругом идё па сонцу три раза и абсыпáе. Да кажуць, што як присніша хто: "Святы Андреян, не забудь на мене". – Г. Птр. Челющевичи, А.Л. Топорков.

**АНДРОСИЙ.** Вероятно, 30.XI/13.XII. Савы и Андро́сий – те в один день. Колісь якайся леновалася прасти да умे́рла, да нёчего було ў гроб пакласти. То поп кажэ: "Булó не савить, а сорбчука пра́вить, а булó не андро́сить, а кудёлю кудо́сить". Андро́с – то Андре́й. Савка и Андре́й. – Ж.Ол. Кишин, А.А. Архипов, Н.Я. Якубова.

\* Остальные сокращения см. Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, с. 199–200.

**АНДРОСЫ**, мн. То же, что АНДРОСИЙ. Андробы – гада́ли девочкой. – Б.Стл. Хоромск, Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. Андробы зымю перэд колядьми. Андробы – жмэни кудосьть, мнятъ. – Р.Срн. Чудель.

**АРКУШОВА НЕДЕЛЯ**. 1. Фомина неделя. После аркушовой недели дедовая. – Г. Лоев. Ручаевка, Е.В. Гвоздева. 2. Следующее воскресенье после Пасхи. – Радуница – втóрок после аркушовой. – Там же.

**БАБИНА СУБОТА**. То же, что БАБЫ. То дедовáя пья́тица зовúом, то ў вчэри. Гэта вечэр зовье́ща поминки, а ўжэ зранка кáжэмо бáбина субóта. – Б.Стл. Хоромск, Т.А. Агапкина.

**БАБСКА ПÁСКА**. Четверг на пасхальной неделе. Нáмська, хоть бáбська пásка. У нас колы́ся купалы на Вэлыкдэн дэвóк, а ў чэтвэр дéўкы хлопцэу [обливали водой]. – Б.Кбр. Онисковичи, О.В. Санникова.

**БАТЬКО**. Эпитет, определяющий отношение некоторых праздников к ближайшему предшествующему или последующему празднику и иногда входящий в название праздника (дня). Не так бóйся Благовéшчения, як бáтька его – Благовéсник [день перед Благовещением], это бáтько Благовéшчения. – Б.Стл. Радчицк, А.А. Плотникова. См. также ВАСИЛЬЕВ БАТЬКО, ГРУМНИЧНЫЙ БАТЬКО, МИКОЛИН БАТЬКО, ПОКРОВНЫЙ БАТЬКО.

**БЛАГУСТА**. День, следующий за Благовещением, т.е. 26.III/8.IV. На Благусту сий капусту. Благоўшчэне старшэ за Благусту. – Б.Кбр. Онисковичи, О.В. Санникова.

**БОРИСЫ**, мн. То же, что БОРИС, 24.VII/6.VIII. На ёна нажэла, а на Пэтра напэклá, а на Борыса ииш хоть распоры́ся. Гэто е там прáзыник тóже – Борысы. Ўоны́ гдэсь ужэ ў жнивах. – Б.Кбр. Онисковичи, О.В. Санникова.

**БРЮХО**. Вторник после Троицы. – С.С.-Б. Жихово.

**ВАСИЛЬЕ**. Первый день Нового года. Васы́пле – шэ маты доццí насы́пле в латочку сымня и пудлóжыть под голову и шо прысныцца и прыка́зуе: "Святобе Васы́пле, сию сымне, позвобль, бóжэ, тогó в сні выда́ты, с кым б буду на шлюбы стоя́ты". – Б.Дрг. Симоновичи, Ф.Д. Климчук. Чоты́рнаццатого на тогó Васи́ля колы́ся со звездю ходы́ли велі́ки: хлопцы, дэвчаки, з гармашкою, скрипкою ходы́ли, спивáли, звезда така́ була краси́вая! – В.Ртн. Щедрогор, М.Бобрик.

**ВАСИЛЬЕВ БАТЬКО**. 2.I. Васи́лев бáтько – на други дэн съватку́емо. Васи́лев бáтько, як идуть до корови. – Р.Срн. Чудель.

**ВАСИЛЬЧИК**. То же, что ВАСИЛЬЕ. – Б.Стл. Оздамичи.

**ВЕДЬМАРСКИ ИВАН**. Иван Купала. – Г.Птр. Великое Поле.

**ВЕДЬМАЦКИЙ ИВАН**. Иван Купала. Кадá Ведьмацкий Ива́н, видуком апсыпають сарай, шоб вéдьма не вашла. – Г.Лоев. Ручаевка, Е. Тростникова.

**ВЕДЬМИН ИВАН**. Иван Купала. – Г. Клн. Золотуха.

**ВЕЛИКАЯ НОЧЬ**. Пасхальная ночь. На Вэликунич як ты проспыш, то каучыных еёц из знайдэш. – Р.Срн. Чудель.

**ВЕЛИЦИДНИ**, мн.: Вэлыцэдне, Велицинни. Пасха. У вэлыцэдне личéбніця идэ ў цэркву. И лізэ до бáтиушкэ, дохватэцца до рэзы трэ раза. Забэле [т.е. забили, убили] однú совсім, як онá до бáтиушкэ лізла. – В.Ртн. Щедрогор, А. Тер-Аванесова. У Вэлицинни пэршого дні мушчыну угостіть

трэ, бо то хорошб [если он пришел в дом]. — Там же, М.Н. Толстая. То же В. Лбш. Ветлы.

ВЕРБЕЧНА НЕДЕЛЯ. Вербное воскресенье. — В.Лбш. Ветлы.

ВЛАДИМИР. "28.VII. [нов. ст.] Володымера" (из письменного календарика). — Р.Срн. Чудель.

ВЛАС. Четверг на масленой неделе. "В народном календаре есть довольно существенные различия: ни розыгр, ни брыкс, ни знайдыбаб полещук не знает, зато ему известен Улас, в четверг на масляницу; обрядов, впрочем, на маслянице нет, только варят вареники, потому что Улас на вареники лас, Святым Уласа не считают". — Н. Коробка. Восточная Волынь. — Живая старина, V, вып. 1, 1895, с. 43 (Овручск. у.).

ВЛАСЬЕ. То же, что ВЛАС. Масылены чэтвэр — самэ сывато. Для молока, для коровэй. На Власье штоб нэ мазалы; нэ шыёмо на тэ Власье. Кавуть, будэ пынить молокб. — Р.Срн. Чудель.

ВОДА. Канун Крещения. У котобры день Вода перед Крещеньем, у этот день и картобли засыпають и стоги клали. — Г.Лч. Тонеж, Л.Н. Виноградова.

ВОЛОВСКИЕ ПРОВОДЫ. Понедельник Фоминой недели. Воливське проводы. Воламы неўзя было орати тоды, паску ужэ трэба доедати тоды, яечко, а то куры послепнуть, як остаецца яечко. — В.Ртн. Щедрогор, М.Н. Толстая.

ВОЛОСИКА. То же, что ГОЛОВОСЕК, 29.VIII/11.IX. Волосика, тягні бульбы до засіка. — Р.Срн. Чудель.

ВОЛОЧЕБНИК. Второй день Пасхи, т.е. понедельник пасхальной недели. — В.Ртн. Речица.

ВОЛОЧЕВНИК ДІВЧАЦКИЙ. Третий день Пасхи, т.е. вторник пасхальной недели. — В.Лбш. Ветлы.

ВОЛОЧЕВНИК ХЛОПСКИЙ. Второй день Пасхи, т.е. понедельник пасхальной недели. — В.Лбш. Ветлы.

ВОЛОЧИЛЬНИК. То же, что ВОЛОЧЕБНИК. В Волочильник, на Паску, на второй день ходят на кладбище, носят яйца и пасху. — Б.Стл.В. Теребежов, О.А. Терновская.

ВОЛОЧИЛЬНЭ. То же, что ВОЛОЧЕБНИК. Вэлыкодны тыждэнъ, понэдильнык — волочылнэ, ходылы дыты волочылно. До родні ходять. Приэд: "Добрый дэнъ, Христос воскрэс!" Тры разы скажэ. Хазайка ужэ яечку даё и хлиба дастъ. — Р.Срн. Чудель.

ВСЕЕДНИЦА. Третья от конца неделя мясоеда перед Великим постом. На Всеедныцы вэльмы вйтры й мэтэ. — Р.Срн. Чудель.

ВСЕРЕДНА (ВСЕРОДНА) НЕДЕЛЯ. То же, что ВСЕЕДНИЦА. Некоторые боялись робіць вэсіле, бо казали, што ўсэредна недыля бурліва — молодые будуць біцца, сварыцца. — Б.Стл. Хоромск, А.Л. Топорков. Ўсэредна недэля — як заваруха така подымэцца, як дуне, кажут "у гости еде"; на другой тыждень "з гостей еде" [снова буря поднимается] — Ж.Ем. Рясно, Е.С. Зайцева.

ВСЕРЕДНИЦА. То же, что ВСЕЕДНИЦА. От, мело' так як на ўсередину. — Б.Стл. Оздамичи.

ВСЕРЕДНЫ (ВСЕРОДНЫ) ТЫЖДЕНЬ. То же, что ВСЕЕДНИЦА. У ётум мясоедзі, всередны тыждзень перед дзёдовским. — Г.Лч. Стодоличи.

ВСТРЕЧЕНЬЕ. Праздник Сретение, 2/15.II. На Устречение идууть у

цзркоў и све́тять све́чки ў ётый день: ёти све́чки для грозы́ хорошо́ дер-  
жать у се́лишчэ. Ёти све́чки называю́т громни́цы. — Г.Птр. Голубица,  
О.А. Терновская.

ВСПЛÉНЬЕ. Праздник Успения, 15/28.VIII. Да Ўздро́жэння — Усплéнне,  
дак на Усплéнне у Слабадзé [название села] го́сьши. — Г.Мэр. Жаховичи.

ВШЕСТНИКИ, мн. Канун Вознесенья, Вшес্তыя (см.). Ўшэ́сьце у чэцьвér,  
а Ўшэ́сьники ў сёраду перад Троицю. Дак буваю́т любдзи старые робяць  
тольки д абéда, а посыли абéда — не. На Ўшэ́сьники лепш адпра́ва, чым на  
Ўшэ́сьца. — Г.Мэр. Жаховичи.

ГАВРИЛЮ. 13/26.VII. — Ч.Шрс.Ст. Боровичи.

ГАРКУСНА НЕДÉЛЯ. Фомина неделя. У гárкусну нядéлю пякli малéнь-  
ки пасочки. — С.С.—Б. Жихово.

ГАРКУСНА НЕДÉЛЯ. Фомина неделя. — С.С.—Б. Жихово.

ГНИЛЕЦ. См. ГНИЛОЕ ВРЕМЯ.

ГНИЛУХА. См. ГНИЛОЕ ВРЕМЯ.

ГНИЛУША. См. ГНИЛОЕ ВРЕМЯ.

ГРАДОВНИЦЫ, мн. Вторник Фоминой недели. Градовныцы после Про-  
вóд, после Пасхи чéрэз тыéждень. Нэ мона зэмлi чапáть, шоб не биú град. —  
Ж.Ем. Рясно, Е.С. Зайцева.

ГРАДОВИЦА. То же, что ГРАДОВНИЦЫ. Ж.Ем. Рясно.

ГРАДОВИЦЫ, мн. То же, что ГРАДОВНИЦЫ. Ж.Ем. Рясно.

ДÁРНИКОВА НЕДЕЛЯ. Фомина неделя. Деды́ то поминальный день.  
Можэ он и ў втробок на дáрниковай недíле бытъ. — Ч.Шрс.Ст. Боровичи,  
Е.Я. Скиdalьская.

ДÁРНИКОВО ВОСКРЕСЕ́НЬЕ. Следующее воскресенье после Пасхи. —  
Ч.Шрс.Ст. Боровичи.

ДУЖИКИ, мн. Первый день (понедельник) Великого поста. В пе́р-  
вый понедéлок поста е тако́й день — Дужики. Пеклi коржá: сколько  
душ у хáци, столько коржái. З белой муки да солёдкие коб були. Да моя  
свикровь колоски з жы́та звéрху затыкае. Котóры загориць [т.е. подгорит  
в печи], то ужэ тот [человек] умре. — Ж.Ол. Кишин, Н.М. Якубова. То  
же Ж. Луг. Червона Волока.

ЕВДОКИЙ, м. 1/14.III. Еудокэй — вады́ па бóкей. Ужэ таёс снiёт. На  
Еудокэй кóурень ажывае. Ка́жуть, шо вэсна ж, пэрвы день. — Ч.Клк. Ков-  
чин, М.Н. Толстая. Е. Еудокий — пе́рвый дэн весны. На Еудокия нэ можно  
ничо́гро робы́тъ. — Р.Ркт. Боровое, О.А. Золотарева.

ЖЫЛЬНЯК. Конец страстной недели, начиная с вечера Чистого четверга  
и до пасхальной всеночной, когда держали строгий пост. Жыльняк почы-  
найицца в чытвér ввéчыры и до концá ныдили. Як хто, то ны йисьць. —  
Б.Дрг. Симоновичи, Ф.Д. Климчук.

ЖНИВА, мн. Время от Петрова для до Преображения (6/19.VIII).  
Пробыле Петра жныва, от о сéй місяц, а се ужэ будэ бсэнь пробыле Спа́са. —  
Р.Срн. Чудель. Дэвятуха, Дэсятуха, Палы́копы, Ля — громови́е дни, о,  
то их бояльса вэльми в жныва. — Там же.

ЗАГОВИНА. То же, что ЗАГОВИНЫ. Троица была, патом Загавина, а  
патом русалки ганялись. — Ч.Грд. Макишин, Е.С. Зайцева. То же Ч.Рпк.  
Великая Весь.

ЗБИР-МИКОЛЫ, Вероятно, канун Николы вешнего, т.е. 8/21.V. Збир-  
Мыколы есся чи после Мыколы чи перэд. Навéрно это пе́рэд Мыколою. —  
130

Б.Пнс. Ласицк, О.В. Санникова. Поль-Мыколы или Збы́р-Мыколы: збирáю-  
ца любди до цэркви, иду́т до Печае́ва. — Р.Дбр. Озерск, А.В. Гура.

**ЗБОРНА СУБОТА.** Первая суббота Великого поста. Зборна суббота  
тая, шо памінальна, у перый тýждень Пóста. Дажыдае́м суботи, у нас  
тады велика суббота зборна. На той суботи иду́ть у цэркву любди, памінають  
радытеляў, цілый день прáвища. Для мэртвых памінáние. — Ч.Клк. Ков-  
чин, М.Н. Толстая. Збíрна суббота на пэрвом тýжні ў Пуст. Тоже памі-  
нають дэдбў. Нэ йдуть на могилки, а па хатáх. Абедають. — Ч.Кзл. Олбин,  
М.Н. Толстая.

**ИВАН БОГОСЛОВ.** 26.IX/9.X, Преставление. Ионна Богослова. —  
Б.Стл. Хоромск.

**ИВАН ВЕДЬМАК.** Иван Купала. Г.Клн. М. Автюкі.

**ИВАН ВСТРЕЧЕННЫЙ.** Вероятно, 7/20.I. Б.Лнн. Бостынь.

**ИВАН ГРАДОВОЙ.** Один из Ивановых дней, вероятно, 8/21.V. Пэрэд  
Ушэstem Иван е градовий. — Г. Птр. Комаровичи, О.В. Белёва.

**ИВАН МАЛЫЙ.** Канун дня Иоанна Богослова (8/21.V), называемого  
Иваном великим. — Ч.Шрс.Ст. Боровичи.

**ИВАН МИЛОСТИВЫЙ.** Значение неясно. "25. [ноября] Иван Милости-  
вый" [из письменного календарика]. — Ч.Шрс.Ст. Боровичи.

**ИОРДАНЬ** см. ОРДАНЬ.

# КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

Вяч. Вс. И В А Н О В

## ТИПОЛОГИЯ ПОСЕССИВНОГО СПРЯЖЕНИЯ И ПОСЕССИВНОГО ТИПА КОНСТРУКЦИИ

В последнее время одной из наиболее живо обсуждаемых проблем общего языкознания снова становится выделение основных структурных типов языков мира. Как и в нашей лингвистике 30-х годов, в типологических исследованиях значительно опередившей мировую науку, к этой проблеме подходят преимущественно с точки зрения того, какие синтаксические конструкции предложения в целом являются доминантными. Этим определяется исключительный интерес к эргативности, ставшей в европейской и американской науке последней четверти XX в. настолько же актуальной, насколько она была в нашем языкознании начиная с середины 30-х годов (ср., в частности, многочисленные исследования 70-х и 80-х годов, выделяющие подтипы эргативности или соотнесенные с ней типы, такие как "расщепленная эргативность", активность и т.п.). В этой связи представляется целесообразным и возвращение к обсуждению понятия посессивного типа предложения. В свое время это понятие было выдвинуто акад. И.И. Мещаниновым<sup>1</sup>, осмыслившим на материале эскимосского, алеутского, amerindейского сахаптинского (немепу) и абхазского языков то соотношение грамматических способов выражения посессивности в имени и пассивности в глаголе, которое было ранее предметом споров Финка и Шухардта<sup>2</sup>. В основе выводов двух последних ученых, как особенно ясно показал Леви<sup>3</sup>, лежало то отождествление морфологического обозначения обладателя по отношению к предмету и актанта (субъекта и/или объекта) по отношению к глаголу, которое использовано в качестве основного довода и в первой обобщающей схеме И.И. Мещанинова. Позднее Мещанинов, как и многие другие исследователи, перенес внимание на самую структуру предложения, в связи с чем стал описывать те же языковые факты как "эргативно-посессивную конструкцию"<sup>4</sup>.

Представляется, что типологию языка целесообразно строить на основании нескольких различных характеристик. В частности, в последнее время разграничивают три разных основных группы грамматических отношений, выражаемых в предложении: ролевые (соотношения между актантами или термами при предикате, "валентность" в узком смысле слова, имеющем в виду приглагольные валентности), притяжательные и

локативные<sup>5</sup>; к ним следует, вероятно, присоединить и атрибутивные, вводящие признак при имени или глаголе. Эргативный и номинативный, активный и аккузативный (инактивный) типы языка выделяются только или преимущественно с точки зрения выражения ролевых отношений. Но языковая типология может строиться и по другому принципу, с учетом взаимосвязей между способами выражения каждой из названных основных групп грамматических отношений. Под языком притяжательного типа имеется в виду такой язык, в котором не только притяжательные отношения в узком смысле слова, но и ролевые и локативные (а в некоторых случаях – и атрибутивные) отношения выражаются (или – в менее отчетливых случаях – могут выражаться) с помощью притяжательных морф. Этот способ оказывается грамматически доминирующим.

Показательным примером языка посессивного типа является американский язык киче в Гватемале (семья майя – киче). Притяжательные морфы (ед.ч.: 1 л. *ni*, *ní*, *na*, 2 л. *a*, 3 л. *u*: -*r*, мн. ч.: 1 л. *-ka*, 2 л. *i*, 3 л. *ki*: -*r*), которые в киче формально отличаются от личных местоименных морф, используются как для выражения собственно притяжательных отношений (*u čic* 'его мать', *ka čic* 'наша мать' и т.п.), так и для выражения отношений ролевых (не только в объектном спряжении, где субъект выражается притяжательными морфами: *k-in-a-too* 'сейчас-я-твоя-помощь' = 'ты мне помогаешь', но и во 2 и 3 лицах субъективного спряжения: *k-i-katik* 'он умирает'), локативных (*a-wuk* 'с тобой', *r-uk*, 'с ним', *č-u-ix* 'за мной', *č-ak-ix* 'за нами', *č-ik-ix* 'за ними' и т.п.), атрибутивных (*r-u bi* 'ri ne' 'он-его имя – ребенок' = 'имя ребенка', *r-u tsumál ri ne'* 'кожа ребенка' и т.п.), а также и некоторых других<sup>6</sup>. Другим примером языка такого же посессивного типа (в этом именно плане и исследовавшимся И.И. Мещаниновым) является эскимосский язык. Полный параллелизм именных притяжательных и глагольных непереходных форм в этом языке отмечен несколькими его исследователями, в частности, В.Г. Богоразом, писавшим: '... Притяжательные формы изменяются по числам и падежам. Система этих форм существительного развивается параллельно системе спряжения непереходящих глаголов'<sup>7</sup>. Согласно формулировке другой работы Богораза, "спряжение эскимосского глагола в его наиболее простой непереходящей форме является, в сущности, рядом притяжательных форм от некоего корня, выражающего глагольное действие, но в сущности мало отличающегося от корней имен существительных"<sup>8</sup>. В эскимосском языке притяжательные морфы используются как для выражения собственно притяжательных отношений (*taŋtrá-put* 'дома-наши'), так и для отношений ролевых (*pi-kut* 'мы говорим') и локативных (*sá-t-ni* 'возле меня' и т.п.). Относительный падеж может использоваться в каждой из этих трех функций, напр., в предложении *Aguax'pagit utx'utak'a kolxoziit usiqa slyakag'nitim* 'Пароход увозит обратно колхозный груз из-за непогоды'<sup>9</sup>. Совпадение первой функции (относительного падежа как эквивалента родительного в притяжательной конструкции) со второй (сensus auctoris) и послужило одним из основных доказательств того, что эскимосский язык надлежит описывать как эргативный (или "эргативно-посессивный"). Но в полной картине функций этого падежа должное место следует отвести и таким его употреблениям, как *naugat iljanip* 'озера из его нутра', где локативное значение 'из озера' передано комбинацией

формы относительного падежа с притяжательной формой второго имени, т.е. конструкцией по внешности притяжательной. Поэтому едва ли стоит именно эргативную функцию вычленять из других, присущих относительному падежу, ср. формальный анализ, данный Ю.К. Лекомцевым<sup>10</sup>. Алеутский язык, как это вслед за Иохельсоном показал Мещанинов, сходен с эскимосским в основных проявлениях посессивного типа<sup>11</sup>, ср. в особенности показательное сходство алеут. *qa-ŋ* 'рыба-моя': *qa-ŋ* 'я-ем (что-либо)' = 'еда-моя', а также формы послелогов типа *ulam-čix hadiŋin* 'к домам вашим' (буквально 'домов-ваших к-их'). Различие касается существующего в алеутском субъектного спряжения, окончания которого представляют собой притяжательные аффиксы, присоединенные к морфе *-x'*, которая в имени выступает в функции абсолютного падежа, благодаря чему существует параллелизм абсолютного падежа и субъектного спряжения, аналогичный общему с эскимосским параллелизму относительного падежа и объектного спряжения, образуемого притяжательными морфами. По формулировке В.И. Иохельсона, "так как морфологически алеутский глагол с включенным объектом есть имя с притяжательным суффиксом, то понятно, почему субъект ставится в относительном падеже"<sup>12</sup>. По-видимому, в этом отношении алеутский сохранил более древние соотношения, тогда как в эскимосском сложились позднейшие способы притяжательного выражения субъектно-объектных отношений в объектном (переходном или сложном) спряжении, развивающие те же принципы. Древность алеутской структуры подтверждается как оцениваемой глottoхронологически абсолютной хронологией эскалеутского единства (порядка 8000 лет до н.э.), так и внешним сравнением в духе давно предлагавшихся<sup>13</sup> индоевропейско-эскимосских грамматических сопоставлений, к которым добавлены и некоторые новые эскимосско-(восточно)ностратические<sup>14</sup>. Кажется вероятным, что исходная система, реконструируемая на основании алеутской (и в меньшей степени эскимосской) и противопоставляющая два типа спряжения, близка к ностратическому различию объектного спряжения, показатели которого совпадают с одним из типов обозначения принадлежности, и субъектного спряжения, имевшего во всех лицах ларингальный показатель (и.е. \*-H-, урал. -k-, картв. -x)<sup>15</sup>. Можно полагать, что общеностратический или один из его диалектов имел, как современные угорские языки, посессивное (объектное) спряжение, противопоставление субъектному, в котором ларингальный показатель совпадал с тем именным суффиксом, который был в неэргативных формах среднего рода (инактивного класса), развившихся позднее в индоевропейские собирательные имена на долгий гласный (а после появления женского рода — и в формы этого рода на долгий гласный<sup>9</sup>). Совпадение форм ностратического (и позднейшего индоевропейского) посессивного (объектного) спряжения с притяжательными местоименными формами позволяет полагать, что ролевые отношения выражались хотя бы в этом спряжении с помощью притяжательных морф. Эти же морфы используются и для выражения локативных отношений в таких конструкциях, как сочетания пространственных служебных слов с притяжательными морфами в др.-хетт. *katt-i-mi-* 'подо мной' (буквально 'задней стороны моей'), венг. *alatt-am* со сходной структурой и значением, при обратном порядке в юкагир. *met-al* 'подо мной' ('моя задняя сторона') и т.п.

Если не с такой ясностью для синхронного среза, как в эскимосско-алеутском, то все же достаточно отчетливо с диахронической точки зрения, как и в ностратическом, ранний посессивный тип пропадает в енисейских языках. В развитие наблюдений М. Кастрена и Н.К. Каргера И.И. Мещанинов отметил, что в кетском глаголе "частично улавливаются признаки притяжательного строя спряжения"<sup>16</sup>. Эта идея позднее была развита Е.А. Крейновичем, согласно которому в кетском "генетически показатели группы Б указывали не на субъект действия, а на принадлежность действия лицу: *батабдак* 'мое-вытаскивание-этого' (а не 'я-вытасчил-это'), подобно тому, как префикс 1-го л.ед.ч. именной категории притяжательности указывает на принадлежность вещи лицу: *бам*, также *абам* 'моя мать' (ам 'мать') и т.д."<sup>17</sup>; – такая же притяжательная конструкция с именем-послелогом используется для выражения локативных отношений: *абител'ка* 'со мной рядом' (букв. 'моя соседняя сторона') и т.п. Аналогичные конструкции есть и в других енисейских языках. Многое кратко отмечалось сходство с подобными принципами построения форм в баскском, бурунакски<sup>18</sup> и некоторых других языках, относимых предположительно вместе с енисейскими к северокавказско-сино-тибетской макросемье.

Наиболее отчетливо из этих языков посессивный тип обнаруживается в северо-западно-кавказском. В абхазско-абазинском глагольные личные префиксы совпадают с притяжательными местоимениями, что делает их синхронный анализ совершенно прозрачным, локативные же отношения выражаются адвербиальными морфами, инкорпорируемыми в состав глагольного комплекса и внутри него сочетающимися с теми же притяжательными морфемами, ср. абх. *s-i-l-tet'* 'я из грязи вышел', где *s(i)* – префикс 1 л.ед.ч., совпадающий с притяжательным, *-l-* – инкорпорированный адвербиальный элемент, обозначающий пространственное перемещение. В послеложном употреблении наречия принимают также притяжательные морфы, ср. абаз. *sa-rà s-i-da* 'кроме меня' и т.п., хотя подобное выражение локативных отношений в абхазско-абазинском факультативно, т.к. обычно для этого достаточно инкорпорированной глагольной формы<sup>19</sup>. В адыгских языках послеложные посессивные конструкции употребляются значительно чаще, что делает еще более рельефным значение притяжательных морф для выражения основных типов грамматических отношений, но в адыгском представлены два вида притяжательных аффиксов, что делает систему типологически близкой к рассматриваемым ниже.

Из языков, отдаленно родственных северо-западно-кавказским, наибольшее приближение к посессивному типу обнаруживает хурритский, в котором притяжательные аффиксы имени (*-f* в *šen-i-f'* 'брать мой') совпадают с одним из типов глагольных окончаний в переходном спряжении (*ar-af'* 'я даю') и используются также в послеложных конструкциях: др-хуррит. *ištani-(f)f(a)-z(a)* 'между нас' с плюрализатором *z(a)* и т.п. Ряд окончаний, совпадающий с именными притяжательными префиксами, характерен для переходных глаголов и противопоставляется ряду непереходных глаголов со стативной приметой<sup>20</sup>. Спряжение хурритских модальных и отрицательных форм характеризуется показателем *i/e* во всех лицах (ср. функцию и.-е. \*-H- и алеутск. -x<sup>4</sup> в инактивных формах). Типологически хурритское противопоставление этих последних форм формам изъявительного наклонения, в переходном спряжении совпадающими с имен-

ными притяжательными аффиксами<sup>21</sup>, аналогично индоевропейскому и угорскому противопоставлению двух типов спряжения внутри парадигмы одного глагола, причем к древнему посессивному типу возводится объектное спряжение. Проблема распределения притяжательных аффиксов по переходному и/или непереходному или активному и стативному типам встает и для американских языков<sup>22</sup>. Хотя в общем случае при наличии двух противопоставленных друг другу рядов глагольных форм возможно использование аффиксов, совпадающих с притяжательными морфами в именных конструкциях, в любом из двух рядов или же в обеих (как и в киче), тем не менее более четкие закономерности выявляются при выражении в языке двух видов притяжательных отношений – отчуждаемой (устанавливаемой) и неотчуждаемой (внутренне присущей) принадлежности.

При наличии в языке противопоставленных друг другу (и при этом часто выводимых друг из друга) форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности аффиксы, совпадающие с формами неотчуждаемой ("органической" или внутренне присущей) принадлежности, обычно характеризуют глаголы субъектного (центростремительного или инактивного) спряжения, аффиксы отчуждаемой (имущественной или устанавливаемой) принадлежности – глаголы объектного (центробежного или активного) спряжения. При этом часто аффикс отчуждаемой принадлежности формально может быть выведен из аффикса неотчуждаемой принадлежности, т.к. первый обычно маркирован, а последний – немаркирован (является "беспризнаковым" в ранней пражской терминологии). Так, в туника (америндейский язык языковой группы Залива – Gulf) префиксы инактивных (стативных) глаголов, совпадающие с притяжательными префиксами неотчуждаемой принадлежности (ед.ч. 1 л. *i*, 2 л. м.р. *wi*, 2 л. ж.р. *hi*, *he*, 3 л.м.р. *'i*, 3 л.ж.р. *ti*), трансформируются в аффиксы активных глаголов и отчуждаемой принадлежности посредством прибавления морфы *hk*, ср. *?i-hk- i'yut?e-ku* 'его боров'; *?-hk-é'e'h'uhki* 'меня-он ударил'<sup>23</sup>. Тот же принцип реконструируется и для адыгейского языка, где "исторически следует рассматривать притяжательные имущественной принадлежности как позднейшие, вторично образованные от притяжательных органической принадлежности ... Каждый из притяжательных префиксов имущественной принадлежности образовался из соответствующего префикса органической принадлежности путем прибавления к нему префикса третьего лица ед.ч. имущественной принадлежности "и" = "его"<sup>24</sup>. Личные префиксы адыгейского глагола по происхождению представляют собой притяжательные префиксы неотчуждаемой принадлежности, но в 3 л. мн.ч. используется префикс отчуждаемой принадлежности; при выражении локативных отношений посредством пространственных имен – послелогов используются аффиксы неотчуждаемой принадлежности (*ы-бгъу* 'сбоку от него', *ы-чэгъ* 'под ним', букв. 'его нижняя сторона' и т.п.).

Такого рода пространственные относительные имена в разных языках нередко этимологически связаны с названиями частей тела, но позднее функционируют в качестве превербов, предлогов или послелогов<sup>25</sup>. Притяжательные префиксы, с ними сочетающиеся, обычно, как в адыгейском, являются аффиксами неотчуждаемой принадлежности. Такую древнюю функцию можно предположить, в частности, и для др.-хет. *-mi-* (1 л. ед.ч.,

см. выше *katti-mi*), *-ti* (2 л. ед.ч.,ср. *katti-ti* 'с тобой, под тобой'), *-ši* (3 л. ед.ч., ср. *katti-ši* 'с ним, с ней, под ней'), *-žimi* (1 л. мн.ч.), которые в древнехеттском обозначали неотчуждаемую принадлежность<sup>26</sup>. Древнехеттские аффиксы 1 л. *-mi*, 2 л. *-ti* отождествимы с урал. *\*-mi-* (> венг. *-m*), алт. *\*-mi-* (> тунг.-маньчж. *\*-bi-*, противопоставленное образованным от него формам со значением отчуждаемой – "косвенной" принадлежности), урал. *\*-ti* < ностр. *\*-ti* (по-видимому, грамматическое противопоставление и.е. *\*-t-i*, 2 л. ед.ч. в местоимениях и инактивной – стативной серии глагольных форм и *\*-s-i* в активной серии восходит к различию местоименных основ, т.к. параллель с названием 'руки', приводившаяся для объяснения этих форм как фонетических дублетов, отпадает, если принять объяснение конечного свистящего основы в и.е. *\*għes-t-* 'рука' > др.-инд. *hast-a* диссимиляцией). В отличие от алтайских языков уральские и анатолийские языки не имеют морфологических способов выражения отчуждаемой принадлежности, что ведет к изменению функционирования архаических притяжательных аффиксов.

В и.е. инактиве окончание 1 л.ед.ч. *\*-H(H)-o* сопоставимо с урал. *\*-kkz*, 1 л.ед.ч. субъект.спр., и.е. *\*H-w-* соотносится с картв. *\*H-w-*, 1 л. ед.ч. субъект. спр.; во 2 л.ед.ч. и.е. *\*t-H-o* соотносимо с картв. *\*H*, 2 л. ед.ч. субъект.спр., самод. *\*-ntʒ-*, 2 л.ед.ч. субъектного спряжения, но ср. позднейшую (?) противоположную функцию *\*-ntʒ->* венг. *-d*, 2 л.ед.ч. об.<sup>27</sup>, ср. также егип. *nt-* в мест. 2 л., аф.-аз. *t-* в формах типа ст.-аккад. *t-id-e*: и.е. *\*woid-t-H-o* 'ты знаешь', с характерной для восточно-ностратических языков суффиксацией при префиксации в западно-ностратическом. В указанных индоевропейских флексиях можно выделить аффикс *\*-H-*, который можно отождествлять с урал. и юкагир. *\*-k-*, выступающим в разных лицах и наклонениях, ср. и.е. *\*-H-*: урал. *-k*, юкагир. *-k* во 2 л. ед.ч. повел. накл. субъект. спр., а также возможно и.е. *\*-H-*: урал. *-k* в 3 л. ед.ч., ср. венг. *-ik* в рефлексиве, а также алеут. *\*-x<sup>c</sup>* (см. выше). По-видимому, в таком случае этот аффикс, не имеющий личной соотнесенности, не связан с личнопритяжательными местоименными морфами. Для его объяснения скорее целесообразно типологическое сравнение с самодийскими языками, где суффиксы субъектного спряжения совпадают с суффиксами предикативных форм имени, тогда как суффиксы объектного спряжения совпадают по указанной закономерности с притяжательными. Сходное соотношение реконструируется и для енисейских источников кетских глагольных рядов Ди Би для юкагирского соотношения непереходного процессива с ремо-субъектной формой переходных глаголов, в тундренном диалекте сходной с формами притяжательными<sup>28</sup>. Это позволяет думать об отражении в енисейском, самодийском и юкагирском ареальном явления. Поскольку аффиксы отчуждаемой принадлежности могут (как в тунгусо-маньчжурском) оформлять предикативные формы имени, последние могут восходить к первым.

Предлагаемое типологическое истолкование индоевропейской инактивной серии согласовалось бы с давним предположением о том, что она представляет собой именные формы, втянутые в глагольную систему; эту идею вслед за Хиртом развивал Курилович<sup>29</sup>. Близкую аналогию можно было бы видеть и в аккадском стативе и в египетском "псевдопартиципе" – форме качества и состояния, образованной от глагольных имен (с местоим.

менными суффиксами прямого падежа) и противопоставленной собствен-но активным глагольным формам посессивного происхождения с притя-жательными суффиксами (к втягиванию причастных форм в глаголь-ную систему путем присоединения местоименных (притяжательных) аффиксов типологические параллели можно привести из текстов хантый-ских народных песен). В восточном мивок (группа пенути), глагол ко-торого обнаруживает внешние (по-видимому, конвергентные) сходства с индоевропейским<sup>30</sup>, глаголы в зависимости от времени и наклонения спрягаются либо с помощью аффиксов, совпадающих с притяжательными (*hywat'-anu?-taṣ* 'мы бежали' = 'это наш бег в далеком прошлом'), либо по тому же типу, что и предикативные формы имени (*nay?-e-t-e?* 'я недавно ругался'). Кроме приведенных хурритских соотношений в северокав-казских языках известную (более отдаленную) аналогию представляет также кабардинское различие именного типа спряжения и глагольного внутри одной и той же ("вербальной" по Яковлеву) парадигмы<sup>31</sup>, но разница заключается в наличии личных префиксов (близких по форме к притяжательным, но не совпадающих с ними) во всех кабардинских гла-гольных формах.

Исключительный интерес этого языкового типа, широко представ-ленного в древнеписьменных языках Ближнего Востока (египетском, хур-ритском, древнехеттском, староаккадском), заключается в том, что по существу все глагольные формы в подобных языках сводятся к именным: формы с притяжательными аффиксами могут быть возведены к древним именным посессивным конструкциям, тогда как противопоставленный им ряд форм характеризуется флексиями именного происхождения. Следо-вательно, для более раннего состояния этих языков восстанавливается отсутствие различия глагола и имени (если не будет обнаружено пере-житков ранее существовавших глагольных форм, отличных от именных). Весьма любопытно, что такова структура, с одной стороны, древнепись-менных языков Востока, с другой стороны, прайзыков таких особенно удаленных во времени макросемей, как ностратическая. Поэтому снова может быть поставлен на обсуждение вопрос о первичности имени (на-зываия, имеющего при себе шифтерные уточнения неглагольного типа) по сравнению с собственно глаголом. Оговоримся, однако, что по отно-шению к древневосточным языкам устанавливается целый ряд таких буквальных синтаксико-семантических соответствий в посессивных кон-струкциях, которые позволяют предположить и ареальное взаимодей-ствие, а не только типологическое сходство. Ср., в частности, др.-хет. *kir-mit* 'сердце-моё', хуррит. *tiši-f(fe)*: др.-хет. *kir-tit'* 'сердце-твое', хуррит. *tiš-iv*, др.-хет. *kir-šmit* 'сердце их', хуррит. *tiši-yaš* (=/-ya-ž/); др.-хет. *ištarni-šummi* 'среди нас, среди вас, среди них', др.-хуррит. *ištani-wwaša* (=ffa-ž/) 'между нас', *ištani-yaš-a* 'среди них'; в последнем случае вероятно и заим-ствование самого служебного слова (скорее всего в древнехурритский из древнехеттского, ср. основу рус. *сторона*). Сходной является и струк-тура староаккадских форм с притяжательными суффиксами: ст.-аккад. *libba-ka* 'сердце-твое', *itti-ja* 'со мной' от *ittum* 'сторона', *elliti-ja* 'кроме ме-ня' от *ellum* 'верх', ср. др.-хет. *šer-šit* 'за него' от *šer* 'верх (и.е. \*ser) и т.п. В какой мере сходство в истории глагольных систем тех же языков может объясняться ареальными контактами, остается задачей для будущих ис-

следований. Они могли бы помочь ответить на вопрос об относительно позднем времени морфологической дифференциации имени, глагола и служебного слова в значительном числе указанных языков, история которых может быть прослежена на больших отрезках времени.

Вообще говоря, язык посессивного типа не обязательно должен быть флексивным. Посессивные отношения могут выражаться и с помощью универсальных показателей, обозначающих эти отношения, типа кит.  $\text{ツク}$  *цюэ*,  $\text{チク}$  *чжи* (из китайского заимствованных и в другие языки, испытавшие китайское культурное влияние). Не исключено, что не только типологически, но и по происхождению с первым из этих служебных слов можно сопоставить абхаз.  $t^o(i)$  'собственность', абаз.  $t^v-$ , тапант.  $t^v-$ . Эти последние морфы употребляются как в значении имени (абхаз.  $s-t^o t'$  'моя собственность'), так и в глагольных формах ( $i-s-t^o-o-up$  'он-моя-собственность-есть', ср. в нартовском эпосе:  $i^v-s^o-i^v up$  'я-ваша-собственность-есть', эпизод "Побежденные женщинами"). Значительный интерес представляет использование универсального способа выражения принадлежности в креольских языках. В новомеланезийском (официальное обозначение прежнего креольского языка pidgin English, ставшего государственным языком) любое отношение притяжательности выражается посредством служебного слова *belong*, ср. *Me talk along some fellow story belong me belong think think belong me*. 'Я хотел бы поговорить об истории моей жизни, о моих идеях (моей душе и разуме)' (из речи Palau)<sup>32</sup>, *talk talk belong bloody father* 'болтовня проклятого пастора', *along some fellow fashion belong me fellow* 'на наши обычай', *fashion belong white man* 'обычаи европейцев'<sup>33</sup>. Для общей теории аллогенетического родства креольских языков существенно то, что *belong* по функции совпадает с австронезийскими универсальными показателями отношений принадлежности (типа тагальск. *no*, *na-nq*, ср. яп. *но*, если последнее не из алтайского), а по форме и происхождению — с англ. *belong* (знаменательным, а не служебным словом, которое при заимствовании полностью меняет свои категориальные грамматические признаки при сохранении некоторых семантических). В креольских диалектах севера Гаити и некоторых Антильских островов в роли показателя принадлежности выступает частица *a*: *Sa sé fig-a-i* 'этого-банан', *Ban moen kin-an-m* 'Дай мне мое' ('вещь-мою'), *Sa sé kin-a-y(i)* 'Это-его (ее)'. Исследование подобных элементов в креольских языках в сопоставлении с детским языком представляет значительный интерес для общей теории филогенеза и онтогенеза посессивности как языковой универсалии<sup>34</sup>.

Отличительной чертой языков посессивного типа в отмеченном выше смысле представляется отсутствие в них глагола 'иметь' (в литературе последних лет эта черта связывается с типологией активных языков, но, по-видимому, в этих последних она обусловлена не самой активностью, а посессивными способами ее грамматического оформления). Если для языка посессивного существенно наличие посессивного шифтерного выражения личной принадлежности при всех основных синтаксических отношениях, трактуемых формально как именные — местоименные, то в номинативном языке развитие глагола 'иметь' приводит к выражению посессивности посредством глагола. Глаголы со значением 'держать', 'хватать' обозначают обычно предикат, при котором два терма соотне-

сены с лицом и предметом, ему (временно или постоянно) принадлежащим; поэтому они могут проделывать путь к общему глаголу обладания<sup>35</sup>. Следующим шагом на пути к их переосмыслению как выражения отвлеченного отношения является превращение во вспомогательный глагол. В многочисленных исследованиях нескольких десятилетий выявлена типология посессивного результативного перфекта, параллельно развивающегося в разных языковых ареалах, в том числе в восточнославянском<sup>36</sup>. При грамматикализации используемого в этой функции аналитического сочетания неличной формы полнозначного глагола с личной формой глагола 'иметь' он расщепляется на два функционально различных варианта одной лексемы, что можно рассматривать как аналог фонологического расщепления (дивергенции) одной фонемы на две фонемы. В древнегреческом языке глагол *hark-* может в значении 'иметь' использоваться в качестве служебного слова в аналитической форме перфекта: *na-at-ta-sa-ma-aš*<sup>1U.MES</sup> DUGUD-aš TUP. PI *ha-az-zi-an har-z-i* 'Вписал ли он вас в таблицу сановников?', КВо XXII 1 Rs. 23', о наличии конструкции уже и в дописьменной традиции — вопреки гипотезе Бенвениста<sup>37</sup> — свидетельствует ее употребление в архаическом погребальном гимне (в составе ритуала царских похорон): *ku-un-na-wa-aš-ši* *U. SAL<sup>LAM</sup> d UTU · uš a-a-ra i-ya-an har-ak* 'Солнца Бог, ему по праву приготовь ты этот луг', КУБ XXX 24 Vs. II 1. В обоих последних случаях личная форма глагола безударна. Это говорит в пользу переноса тона на предшествующие причастия *[házzian]*, */iyán/*, акцентуационно объединяемые с личной формой вспомогательного глагола 'иметь'. Другой лексический вариант того же глагола, имеющего основное значение 'держать', в древнегреческом используется в контекстах типа *nu ki-iš-ša-an A.WA.AT A.BI.YA ar-ha-a-an har-te-ni-i*, КВо XXII 1 Vo 30-31 'Теперь так слова отца моего нарушите ли вы?', буквально 'будете ли вы держать прочь', где архаичное пространственное имя *ařan* 'внешняя сторона' (им.-вин. п. ед. ч. ср. р.) использовано без притяжательного местоимения и согласно гипотезе Уоткинса произносится с интонацией типа вед. *pluti*, как и конечный слог глагольной формы *har-te-ni-i* 'держите'. Конструкция *kissán attaš-maš uttār arhān hartenī* 'так отца моего слова прочь будете ли держать' аналогична антонимичной *kissán AWAT ABI. YA rahičanutten* 'так слова отца моего храните', где *rahič-* 'хранить (слово)' — индоевропейский архаизм, отраженный в том же контексте в тохарском и в славянском. Ср. также хет. *re hark-*: лат. *porceo* < и. — е. \**po Hork-* 'придержать' > 'иметь'<sup>38</sup>. Расщепление лексемы 'иметь' может привести и к тому, что в полнозначной лексической функции используется аналитическое сочетание исходного глагола с другим, имеющим одно из тех значений, которые в диахронии оказываются пограничными с глаголом 'иметь': англ. *have got* 'иметь'. Сходными представляются и японские результативы и квазирезультативы типа *ottē ipru* 'иметь, нести на спине'<sup>39</sup>. Но в лексической функции может использоваться и синтетическая форма глагола, вторично приобретшего значение 'иметь' (< 'держать'). Так, соотнесение исп. *tener* (лексическая функция, в том числе во фразеологизмах) — *haber* (грамматическая функция) используется и стилистически в смежных предложениях у одного и того же автора.

Различие языков (в том числе древнеписьменных) с преобладанием приименных (местоименных) способов выражения посессивности

и языков, где усиливаются возможности глагольного оформления той же семантической категории, существенным образом связано и с другими отличиями посессивного типа языков от языков с выраженным глагольным предикативом (в том числе и обозначающим обладание).

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 12–152.

<sup>2</sup> Финк Ф.Н. О якобы пассивном характере переходного глагола. – В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 107–142; Шухард Г. Полоссивность и пассивность. – Там же, с. 143–151.

<sup>3</sup> Lewy E. Kleine Schriften. B., 1961, S. 27.

<sup>4</sup> Мещанинов И.И. Структура предложения. М.; Л., 1963, с. 72; Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов. М., 1967, с. 108–139.

<sup>5</sup> Apprehension/Ed. by Seiler H., Stachowiak F. – J. Tübingen, 1982. Vol. II.

<sup>6</sup> Lewy E. Op. cit., S. 644–655.

<sup>7</sup> Богораз В.Г. Южный (азиатско-эскимосский) язык. – В кн.: Языки и письменность народов Севера/Под общей ред. Я.П. Алькора. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов/Под ред. Е.А. Крейновича (далее – ЯП), М.; Л., 1934, с. 112.

<sup>8</sup> Богораз В.Г. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949, с. 64.

<sup>9</sup> Меновщиков Г.А., Вахтин Н.Б. Эскимосский язык. Л., 1983, с. 85.

<sup>10</sup> Лекомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики. М., 1983, с. 244–249.

<sup>11</sup> Иохельсон В.И. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова. – Изв. Рос. АН, 1919, № 4–7, с. 289–293; Он же. Унанганская (алеутская) язык. – В кн.: ЯП, с. 139–147; Меновщиков Г.А. Алеутский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Л., 1968, т. 5, с. 389–400; Он же. Эскимосско-алеутские языки. – В кн.: Языки Азии и Африки. М., 1979, т. 3, с. 270–293.

<sup>12</sup> Иохельсон В.И. Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. – Изв. Рос. АН, 1912, с. 1044.

<sup>13</sup> Hammerich L.L. Personalendungen und Verbalsystem im Eskimoischen. – Historisk-filologisk Meddelelser, Copenhagen 1936, t. 23, fau. 2; Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание: В кн.: Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы. М., 1956, с. 197.

<sup>14</sup> Koo J.H. Eskimo as a member of the Uralo-Altaic family: some structural similarities. – In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1981, VII, p. 216–244; Хелимский Е.А. Проблема границы ностратической макросемьи языков. – В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции (далее – ЛР). Ч. 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. М., 1984, с. 37, 38; Мудрак О.А. К вопросу о внешних связях эскимосских языков. – В кн.: ЛР, ч. 1, с. 64–68.

<sup>15</sup> Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 69.

<sup>16</sup> Мещанинов И.И. Палеоазиатские языки. – Изв. АН СССР, ОЛЯ т. VII, 1948, вып. 6, с. 509.

<sup>17</sup> Крейнович Е.А. Клагол кетского языка. Л., 1968, с. 24.

<sup>18</sup> Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968, с. 580–583.

<sup>19</sup> Генко А.И. Абазинский язык. М., 1955, с. 175.

<sup>20</sup> Нозадзе Н.А. Вопросы структуры хурритского глагола. Тбилиси, 1978; Speiser E. Introduction to Hurrian. New Haven, 1940, p. 64.

<sup>21</sup> Diakonoff I.M. Hurrisch und Urartaisch – Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, hrsg. von B. Forssmann, K. Hoffman und J. Narten, Beiheft 6, Neue Folge. München, 1971, S. 113–138.

<sup>22</sup> Уленбек Х.Х. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. – В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 95; Он же. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки. – Там же, с. 202–207.

<sup>23</sup> Haas M.R. Tunica. — In: *Handbook of American Indian Languages*. N. Y., 1940, vol. IV, p. 37 и далее; Seiler H. Possession as an operational dimension of language (AKUP — Arbeiten des Kölner-Universalien-Projekts, N 421, October 1981, p. 33).

<sup>24</sup> Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941, с. 294.

<sup>25</sup> Иванов Вяч.Вс. Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. — В кн.: Лингвотипологические исследования, вып. II, ч. 2, с. 43—69; он же. К типологии развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков, М. 1973.

<sup>26</sup> Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1.

<sup>27</sup> Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982, с. 74.

<sup>28</sup> Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.; 1982, с. 210.

<sup>29</sup> Kurylowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

<sup>30</sup> Callaghan C.A. An 'Indo-European' type paradigm in Proto Eastern Miwok. — American Indian and Indo-European Studies. Papers in honor of M.S. Beeler, ed. by K. Klar, M. Langdon, S. Silver (Trends in linguistics, ed. by W. Winter, Studies and monographs 16). The Hague; Paris; New York, 1980, p. 31—41.

<sup>31</sup> Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948, с. 71.

<sup>32</sup> Mead M., Schwartz T. The cult as a condensed social process. — In: Group processes. Transactions of the Fifth conference. N. Y., 1960, p. 125, 167.

<sup>33</sup> Mead M. Letters from the field 1925—1975. New York, 1977, p. 64.

<sup>34</sup> Valdman A. Le créole: structure, statut et origine. P., 1978, p. 196, 208.

<sup>35</sup> Seiler H. Op. cit., S. 101.

<sup>36</sup> Маслов Ю.С. К вопросу о происхождении possessивного перфекта. — В кн.: Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984, с. 224—248; Бенвенист Э. Общая лингвистика, М., 1974; Allen W.S. Transitivity and possession. — Language, 1964, vol. 40, N 3, p. 337—343.

<sup>37</sup> Benveniste E. Hittite et indo-européen. P., 1962.

<sup>38</sup> Bader F. Lat. *nempe*, *porceo* et les fonctions des particules pronominales. — Bull. soc. ling. Paris, 1973, t. 68, f. 1, p. 22—75.

<sup>39</sup> Холодович А.А. Глагол в современном японском языке. — В кн.: Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 158.

## В.Н. ТОПРОВ

### О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

Проблема происхождения элементов языка, относящихся к плану содержания, по-разному оценивалась в разные периоды в зависимости от того, насколько реальным представлялось ее решение. В творческие эпохи теоретического языкознания не только склонялись к положительному ответу на вопрос о возможностях науки в этом направлении, но и выдвигали более или менее аргументированные теории о генезисе языка и отдельных его элементов, считая, что соответствующая проблематика стоит в самом центре лингвистических исследований. В эпохи, характеризующиеся более позитивистским уклоном и преимущественным вниманием к элементам плана выражения, интерес к происхождению языка и его ключевых элемен-

тов сильно отступал на периферию, становясь достоянием исследований, не пользовавшихся популярностью современников, или вовсе исчезал, а сама проблема выводилась за пределы языкоznания или по принципиальным соображениям, или из-за отсутствия у лингвистов средств для ее решения.

В настоящее время, видимо, не приходится сомневаться в сугубой важности изучения этой проблемы и в том, что даже при ограниченности имеющихся возможностей уже сейчас могут быть получены как некоторые важные результаты в отдельных направлениях, так и гипотезы общего характера, возможно, не поддающиеся непосредственной проверке, но, несомненно, вводящие исследователя в более конкретную и лучше членную ситуацию. Можно даже высказать мнение, которое некоторым покажется слишком оптимистичным или даже легковесным, об относительной простоте (иногда вплоть до автоматичности) достижения целого ряда результатов в этой области. Тема происхождения языка и его основных элементов теснейшим образом связана (как зависимая и как обусловливающая одновременно) с самой теорией языка (и — шире — знаковых систем) в их истории, с одной стороны, и с такими проблемами, как антропогенез и развитие человеческого менталитета в процессе освоения им мира — с другой. Приходится констатировать, что науки этой "другой стороны" во многих отношениях добились существенно большего в приближении к решению указанной проблемы, нежели языкоznание. Отсутствие серьезных попыток лингвистического синтеза проблемы играет в данном случае роковую роль, и оно живо ощущается прежде всего исследователями нelingвистами, предъявляющими лингвистам требования о возвращении долга и призывающими их к совместным исследованиям<sup>1</sup>.

Одним из наиболее ощутимых упущений лингвистики приходится признать явно недостаточную разработанность понятия грамматической категории — и в теоретическом плане (проблема семантического членения /"картирования"/ мира, его моделирования языком /"linguistic patterning"/ и, следовательно, проблема взаимоотношения языка и мира /тема реалий *sub specie* разрешающей силы семантической структуры языка/), и в плане типологии самих языковых категорий, и даже с точки зрения способов их выражения в языке. Последняя задача предполагает не только указание фрагментов языка, напр., классов слов, в которых отражается данная категория, и не только инвентарь формальных элементов, служащих для выражения ее, но и идентификацию этих элементов в более широком контексте, учитывая их возможное функционирование в языке (полное или частичное) в связи с передачей других грамматических значений, нежели исследуемое; разумеется, в этой связи должен приветствоваться и выход за пределы синхронии в историческое прошлое. Исследователь, реконструирующий прошлое языка, в значительно большей степени (а иногда и исключительно) ориентируется на форму, чем на содержание. *И глагольных окончаний колокол!* Мне вдали указывает путь равно описывает поэта и языковеда-компаративиста. Причины такой ориентации очевидны, но, надежный проводник на пути в прошлое, форма на определенном уровне реконструкции начинает все хуже справляться с задачей отсылки (связи) к стоящей за ней семантической реальности, а в конце концов и вовсе ста-

новится бесполезной с этой точки зрения. Компенсировать этот разрыв можно в первую очередь за счет восстановления исторической последовательности эволюции элементов плана содержания. И в этом отношении грамматические категории и их составляющие (напр., граммемы) оказываются наиболее подходящим материалом для исследования исторического характера (вплоть до решения некоторых задач реконструкции). Историчность грамматических категорий проявляется, в частности, в том, что каждая из них не просто "категоризует" внеположенный мир неким свободным образом, но осуществляет это в соответствии с предысторией данной категории (как и в соотнесении с общей структурой категориального пространства конкретного языка), в ходе которой сложился субстрат этой категории, в той или иной мере детерминирующей ее. Следовательно, грамматическая категория не просто тень (как иконический образ) соответствующего аспекта действительности, жестко связанная с ним и автоматически определяемая им, но такой языковой образ этого аспекта, который детерминируется субстратом данной категории. Сам же субстрат может принадлежать как к категориальной сфере, так и к элементам языка, находящимся вне категориального уровня<sup>2</sup>. Во всяком случае неавтоматичность связи грамматических категорий с внеязыковым миром, как и сложность и многообразие этих связей, обнаруживаемые типологическими исследованиями, позволяют выявить те зазоры, которые тоже предполагают те или иные перипетии исторического развития.

Помимо исследований, ограниченных данными одного языка, одной группы родственных языков или же ограниченных лишь возможностями наличного материала по типологии самых разных языков, "историческое" в составе грамматических категорий может быть обнаружено и на иных путях — как в пределах языка, так и вне его. Первые связаны прежде всего с некоторыми экстремальными ситуациями, в которых используется язык в его "неполном" виде, причем неполнота, проявляющаяся в частичной неразвернутости или, напротив, свернутости (редуцированности) языковых элементов и/или их узуса, распространяется и на исследуемые грамматические категории. В данном случае "историческое" выявляется из двух пар соотношений — нормы и отклонений от нее (напр., при овладении языком в детском возрасте или разрушении, утрате языка при афазиях) и онтогенеза и филогенеза в их языковом преломлении. Связь двух последних планов развития дает возможность проецировать на историческую ось некоторые явления, свойственные языку "в действии". Другие пути обеспечивают исследователя существенно менее конкретными, но зато более многообразными данными о сфере "исторического" (точнее — предысторического) в связи с проблемой генезиса языковых категорий или соответствующего субстрата. Речь идет о данных, которые относятся к доисторическому человеку (напр., верхнепалеолитическая настенная живопись, позволяющая говорить о разного рода знаках и о некоторых упорядоченных семантических комплексах /типа оппозиций/, так или иначе связанных с менталитетом первобытного человека и его поведением) или к животным (прежде всего, конечно, к приматам), поведение которых позволяет предполагать наличие языкового субстрата более поздних языковых категорий. Ценность тех и других данных, в частности, состоит в том,

что они позволяют взглянуть на формирование этих категорий или еще их субстрата, так сказать, снизу — в отличие от любой языковой реконструкции (внутренней или обычного сравнительно-исторического типа), выстраивающей последовательности стадий в конечном счете начиная с верху. Разумеется, последнее приносит более обильные результаты и более надежно и доказательно уже в силу особенностей исследуемого материала и используемых методов его анализа. Но взгляд снизу, по крайней мере — теоретически, дает возможность увидеть историческую цепь с другой ("невидимой") стороны и тем преодолеть односторонность описания, как в ситуациях, в которых применим принцип дополнительности. Именно снизу видны те "чертешки" (пользуясь терминологией Тейяр де Шардена), которые при взгляде сверху всегда оказываются перекрытыми тем, что из них выбросло. Более конкретно, взгляд снизу открывает само ядро, т.е. первый по времени из субстратов рассматриваемого явления, и те наросты, которые в ходе эволюции выступали за пределы пространства, занятого как самим ядром, так и его более поздними трансформациями, и локализовались как периферия по отношению к ядру или его продолжениям. Характерно, что во многих случаях именно с периферией связывались прорывы к новому состоянию, т.е. инновации, которые при взгляде сверху, напротив, нередко квалифицируются как архаизмы. При некоторой теоретичности самой этой возможности дополнительного взгляда на результаты языковой эволюции было бы ошибкой пренебрегать им — тем более, что такой взгляд из прошлого в направлении к настоящему способен восстановить хотя бы некоторые важные ориентиры и более или менее правдоподобно определить, на скрещении каких эволюционных линий они находятся.

Неразработанность исторического плана в исследовании грамматических категорий не единственная статья в том долге, который есть у языкоznания перед теми, кто изучает глottогенетические проблемы. Не менее серьезны упущения в анализе логических аспектов этих категорий, особая важность которых осознается все более и более<sup>3</sup>. Существенно подчеркнуть два обстоятельства: первое — речь идет не об определении того, насколько естественный язык адекватен формальной (или какой-либо еще) логике или — при несколько ином подходе — насколько "логическое" находит себе отражение в языке, но логике самого языка, в данном случае об идее каждой из грамматических категорий, понимаемой как предел ее становления и как принцип ее смысловой структуры<sup>4</sup>; второе — выводы из анализа логических аспектов грамматических категорий имеют отношение не только к синхронической плоскости, но и диахронии, поскольку логико-языковой анализ выявляет такую иерархию элементов языка, которая позволяет определять хотя бы некоторые направления развития и, следовательно, догадываться о более ранних (а в ряде случаев и более поздних) состояниях.

Сказанное до сих пор полностью относится и к такой важной и, можно сказать, особо выделенной и даже уникальной категории, как категория притяжательности (КП). Во всяком случае пренебрежение данными, относящимися к изменчивости КП во времени, ее "историческому" дрейфу, как и данными, связанными с исследованием логических аспектов этой категории, едва ли может быть компенсировано обилием

моделей разных типов выражения КП. Линнеевские классификации приобрели свой особый смысл, более интенсивный, чем идея любой таксономии, только тогда, когда они были осмыслены в историческом плане (сравнительно-морфологический аспект относится сюда же). К сожалению, разработка типологии КП (как, впрочем, и большинства других категорий) во многих отношениях находится на долиннеевском уровне. Тем не менее уже сейчас любое исследование в этой области, преследующее типологические и таксономические задачи, будет нести на себе отпечаток односторонности, если только оно не сопровождается дополнительной ориентацией на изучение исторических и логических аспектов КП. Об этом важно помнить и сейчас, когда ведется работа над обстоятельной монографией о КП<sup>5</sup>.

Несколько соображений о специфике КП при подходе к ней из вне и изнутри. Особая отмеченность КП по сравнению с другими категориями языка определяется, в частности, наличием и у языка в целом и у КП некоего общего ядра. Благодаря ему КП в наиболее важном для нее аспекте изоморфна языку, как бы дублирует с усилением (ср. наличие особой формантов, выступающих в рамках специализированной подсистемы) одну из общеязыковых функций, "оплотняя" ее до уровня конкретных элементов семантической структуры. Этим общим ядром является идея притяжательности. В самом деле, одна из основных функций языка — освоение им мира и усвоение его себе, т.е. тот процесс, который в самом языке передается разными средствами, в совокупности составляющими КП. Освоение—усвоение мира языком происходит таким образом, что в конечном счете миром считается то и только то, что освоено-усвоено себе языком; мира вне языка и вне конкретного семантического "картирования" не существует для того, кто пользуется даным языком, или, точнее говоря, такой "внеязыковый" мир не осознаем, невидим и во всяком случае нерелевантен (это, однако, не означает, что язык не может освоить—усвоить некоторые новые фрагменты мира, хотя для этого всегда необходимы особые условия). "Границы моего языка означают границы моего мира", — сформулирует эту идею Витгенштейн<sup>6</sup>.

К указанной формулировке могли бы присоединиться и носители архаичных культур, сохраняющие не только эту языковую функцию, но и сознающие ее назначение. Как правило, такое положение сохраняется в тех культурах, где еще не полностью утрачена ритуальная функция языка (в данном случае имеется в виду, разумеется, не возможность использования языка в ритуале, составления ритуальных текстов и т.п., а приравнивание самого речевого акта к ритуалу и связанная с ним ситуация полной исчерпанности этого акта ритуальным заданием) и где, следовательно, каждое высказывание с ритуальной функцией по идеи является перформативным (словом-делом или даже в первую очередь делом, а не словом). Можно думать, что наиболее полно эти черты проявлялись в ту эпоху, когда сам язык, видимо, не образовывал еще самостоятельный и самодовлеющей "языковой" сферы, а выступал лишь как средство выражения, форма поведенческо-ритуальной сферы; что возможности языка "описать" мир, т.е. создать некоторый языковый образ мира, были слишком ничтожны; что основное назначение языка могло состоять именно в императивном отношении к миру, в "захвате" его языком (по началу, видимо,

приблизительном, грубом, незэкономном), своего рода непереработанном вполне присвоении. Вероятно, что "языку" на этой стадии развития были свойственны иные принципы общей организации. Скорее всего применительно к этой стадии нельзя говорить о фундаментальном принципе *double articulation*, связанном с выделением плана выражения и плана содержания, организованных таким образом, чтобы обеспечить известную экономность в использовании языковых средств. Возможно, что отсутствие этого принципа частично компенсировалось, с одной стороны, особым видом гиперсемантизации (ср. предположение, по которому каждый согласный звук был носителем особого значения<sup>7</sup>), с другой же стороны, наличием дублирующих средств передачи того же самого содержания (жесты).

Но и в более позднее время язык архаичных коллективов сохраняет многочисленные следы функции освоения—усвоения мира. Эта функция отражается и в чисто языковой сфере и в ритуально-языковом поведении. В первом случае речь идет об особом характере отношения между миром и "описывающим" его языком: мир как бы разрешает языку фиксировать ("захватывать") в себе лишь то содержание, которое в нем есть, более того — которое видимо, проверяемо, соответствует некоему опыту и им разрешено. Все, что вне этого (напр., вся сфера потенциального, мыслимого, ненаблюдаемого, противоречащего опыту), оказывается не освоенным и не усвоенным языком (ср. многочисленные примеры из этнографических и лингвистических описаний такого языкового поведения, при котором содержание высказывания детерминируется и контролируется логикой и/или возможностями внеязыкового мира, взятого с точки зрения его событийной структуры). В этом смысле в таком языке "не все можно" сказать<sup>8</sup>. В конечном счете с этой особенностью связано и то, что характер языковых (грамматических) категорий в языках этого типа существенно отличается от известного положения вещей в современных (или вообще достаточно развитых) языках. Эти "категории" оказываются в несравненно большей степени мотивированными внеязыковыми реалиями, причем эта связь обычно довольно проста и в ряде случаев тяготеет к сфере иконического. Сами "категории" не достигают статуса универсальности и обязательности, они не самодовлеющие и чаще всего представляют собой сплеск некоторых внеязыковых отношений, не порвавший связей со своим источником, продолжающим более или менее непосредственно контролировать свой языковый образ. Сказанное в особенно большой степени относится к КП как в так называемых "примитивных" языках, так и — в виде следов — в целом ряде вполне развитых языков. Во втором случае, связанном уже с ритуально-языковым поведением, идея освоения—усвоения языком мира выступает и более конкретно и в более разнообразных ситуациях. Сама деятельность жреца, шамана, поэта (иногда и "грамматика", как в ведийской традиции) в отмеченные моменты осознается как освоение мира словом: через имянаречение элементы мира вызываются из небытия к бытию, из хаоса в космос и усваиваются (становятся "своими") коллективом. Тем самым язык, слово, имя как бы вторично творят мир в самих себе, обезвреживают его от всего опасного и деструктивного, переводят его из царства природы в сферу культуры, делают незнаковое (и внезнаковое) знаковым и, следовательно, отмеченно воспринимаемым и по идее сакрализованным (во всяком случае, это предположение

ние правдоподобно для ранних этапов в развитии языка и может быть частично подтверждено данными архаичных мифопоэтических традиций).

Освоению—усвоению словом мира посвящены особые обряды, совершающиеся в ключевые моменты жизни человека или коллектива. Достаточно напомнить здесь о ритуале установления имен, отмеченном для многих традиций (как непосредственно, так и в мифах и этиологических легендах) и приурочиваемом обычно к главному годовому празднику на стыке Старого и Нового года, когда из распавшихся элементов Космоса в подражание тому, что имело место "в начале" (в "первый раз"), синтезируется новый Космос. При этом элементы старого обезвреживаются, получают свое имя (оно "устанавливается" и через этот предикат соотносится с другими важнейшими элементами и стадиями творения мира) и, следовательно, становятся "своими" (акт "притяжания"). Другой не менее известный ритуал — наречение именем ребенка вскоре после его рождения<sup>9</sup>. Имя, таким образом, становится собственностью человека, его явным или тайным достоянием-наследием, подлежащим заботе и охране (в ряде случаев включая своевременную мену имени)<sup>10</sup>. Смерть человека, изгнание его из коллектива, некоторые тяжкие преступления могут иметь следствием лишение человека имени. Оно в прямом или переносном смысле зачеркивается, стирается, предается забвению, т.е. очуждается. Иначе говоря, имевшее некогда место усвоение, "притяжение" аннулируется, а сам носитель имени как бы возвращается в небытие. Смысл этого отчуждения в известной степени проясняется некоторыми дополнительными особенностями, связанными с противоположным ритуалом — имяположение. Речь идет прежде всего о том, что имя становится своим в силу сакрального ономатотетического акта, но в самом акте нередко учитывается или актуальное соответствие нарецаемого именем и самого имени (степень "подходящести"), или чаемое соответствие в будущем (ср. наречение именем с положительной семантикой, в чем можно видеть указание на программирующую функцию имяположения)<sup>11</sup>. И в том и в другом случае можно усмотреть признаки тенденции к конничности отношений между именуемым и именем, вполне объясняемой представлением об имени как о чем-то внутреннем (ср. и.-евр. \**n-men'*, 'внутри'), отражающем не случайное и поверхностное, но глубинно сущностное. С этой точки зрения имя — внутреннее достояние человека (нередко при рождении ребенка суть имяположения заключается в том, что жрец отгадывает, "открывает" имя ребенка, присущее ему, но не доступное профаническому знанию), оно своего рода вклад (имя вкладывается, налагается и т.п.), несомый человеком, его имение. И хотя этимологическая связь слов для имени и имения ("иметь") в индоевропейских языках ставится под сомнение, бесспорны многочисленные случаи тяготения этих слов и понятий друг к другу (ср. слав. \**jъmete* & \**jъmeti* и т.п.). С точки зрения семантики и мифопоэтической логики взаимное притяжение этих элементов должно рассматриваться как вполне естественное и органичное.

Приведенные выше соображения о параллелизме между языковой функцией освоения—усвоения мира ("притяжение") и семантикой КП могут быть продолжены, но в этом, видимо, нет необходимости, поскольку, в общевых, отношении, квалифицируемое как параллелизм, может

быть выражено более сильным образом (актуальность общей идеи обладания, объединяющей такие разноприродные образования, как языковая функция и языковая категория) и, в оторвавшемся от этого, разбираемое здесь отношение дает основание утверждать, что чисто языковой КП в ходе исторического развития предшествовала идее притяжательности, обнаруживавшая себя в профическом и сакральном, в частности, в ритуальном поведении и оформленная как категория, описывающая космологическое устройство и социальную организацию и как стабилизированную данность и как некий процесс. Разумеется, эта идея должна была иметь свое отражение и в языке, но сам характер языкового образа этой идеи был принципиально иным, чем в случае грамматической КП (о чем см. выше). Тем не менее, в данном случае важнее другое, а именно сам принцип "переписывания" семантической информации с функции на грамматическую категорию. В действии этого принципа можно увидеть своего рода телеологическую провиденциальность: развитие языка в сторону имманентной знаковой системы привело к формированию новых языковых функций, получивших преобладание над функцией освоения мира, которая перестала со временем осознаваться как таковая; однако развертывавшееся в ней содержание (освоение-притяжение) было своевременно перенесено в пределы формирующегося категориального уровня, где оно оказалось еще глубже, органичнее и прочнее укорененным в КП.

До сих пор КП здесь рассматривалась с внешней и к тому же более широкой точки зрения. При этом в центре внимания оказался диахронический аспект проблемы, фиксируемый как языковыми, так и (главным образом) внеязыковыми данными. Не менее необходим при исследовании КП и другой подход, который можно считать дополнительным по отношению к данному. Этот подход предполагает взгляд на КП изнутри и такую точку зрения, которая не позволяет выходить за пределы самой КП. Анализ ориентирован на синхронический аспект проблемы и опирается на языковые данные, имея свою целью вскрытие языковой логики в устройстве этой категории. Понятно, что здесь могут быть лишь обозначены отдельные контуры всей проблемы.

При первом приближении к ситуации, в которой выступает КП, и при установке на эксплицитность максимум того, что можно сказать об этой ситуации на естественном языке, выступающем в данном случае в метаязыковой функции, состоит в признании отношения притяжания (*r*) при условии, что нечто, в дальнейшем трактуемое как объект "притяжания" (обладания) R "включается" в P (обладатель), т.е., "принадлежит" этому P, составляет его часть, так или иначе связано с ним; при том *r* для P является извне и/или изнутри воспринимаемым, верифицируемым (в частности, на уровне внеязыкового поведения) и даже — в принципе — проверяемым в эксперименте. Формула *P*<sub>1</sub>*r*<sub>1</sub>*R* точнее всего переводится на естественный язык (в данном случае — на русский) как "Обладатель обладает обладаемым". Каждый из членов формулы объясняется кратчайшим и наиболее точным образом с помощью двух других. Так, "Обладатель — тот, кто обладает обладаемым"; "обладаемое — то, чем обладает Обладатель"; "обладает — то, что связывает Обладателя с обладаемым" (логическая связка, или функция связи). Эти рекурсивные определения, каждое из которых образует логический круг, как и сама исходная

формула, в высшей степени показательны. Прежде всего, кажется, ни одна из известных грамматических категорий не описывается схемой подобного типа. Разумеется, существует немало аналогий на "грамматическом" уровне двухместному предикату *r* (PR), т.е. "обладать (Обладатель, обладаемое)", но аналогии абсолютной "лексической" монотонности этой формулы, по-видимому, отсутствуют. Тавтологическая структура формулы ценна также тем, что демонстрирует сплошное (не знающее исключений) и обязательное распространение семантического признака "обладание" ("притяжательность") на все три члена схемы, которые тем самым оказываются неразрывно взаимосвязанными (любой член схемы позволяет автоматически восстановить два других члена). Вместе с тем эта тавтология скрывает иерархическую структуру отношения, лежащего в основе КП, и в той или иной степени выалирует другие связи и аспекты этой категории.

Констатация лексической нерасчлененности (аморфности) приведенной выше формулы и вытекающие из этого выводы об экстенсивных характеристиках идеи обладания, не могут считаться пределом в исследовании самой этой формулы и соответствующего языкового отношения. Потребности исторического и логико-лингвистического исследования КП объясняют необходимость более углубленного анализа этой схемы "притяжания". Несомненно, что логическим и языковым центром схемы является идея (смысл) обладания ("обладать"). Этот член схемы ("обладание") – единственное необходимое в ней звено, тогда как другие члены при легкости их экспликации могут в известных случаях редуцироваться (ср. "обладание Обладателя", т.е. Gen. subject. /"Обладатель обладает"/; "обладание обладаемым", т.е. "обладать обладаемым"). В силу этого только этот член выступает как подлинная связь между членами схемы. Сама идея "обладания" логически первична; до фиксации акта обладания нет ни Обладателя, ни обладаемого, ни (что очень важно) даже соответствующих субстратов (при том, что субстрат идеи "обладания" существует до становления самой этой идеи, см. ниже). Напротив, идея "обладания" вызывает к жизни и Обладателя и обладаемое, и потерять свой статус они не могут иначе, чем при упразднении идеи "обладания". Наконец, процессуальный характер этой идеи (ср. ее глагольность – обладать) позволяет считать именно этот центральный член схемы ее первом. Идея "обладания" отсылает к динамическому аспекту проблемы, к сфере действия, мотива (микросюжета), к элементарной ситуации во внеположенном мире, которая и фиксируется этой идеей и соответственно КП. Поэтому исходным пунктом анализа схемы и одновременно ее ядром нужно считать именно идею "обладания".

Если отвлечься от многочисленных, но в целом второстепенных и к тому же более или менее удовлетворительно объясняемых деталей и сосредоточиться на главном, то "обладать" для "Обладателя" (P) "обладаемым" (R) значит иметь (занимать) место R и доминировать (т.е. пользуясь основным элементом метаописания КП на русском языке, соответственно – обладать, владеть и преобладать, властствовать). "P имеет место R" предполагает, что P, имея свое собственное место, получает дополнительно и место R, причем последнее по отношению к месту P выступает как часть. "P доминирует в месте R" означает, что в данном месте определяющей ситуацию является точка зрения P, а не R<sup>12</sup>. В более глубоко-

кой перспективе эти два признака ("иметь место" и "доминировать") выступают как нечто единое: для Р "иметь место R" предполагает его приобретение, занятие, захват, т.е. ситуацию, объясняющую и предопределяющую первенство, доминирование. О связи этих двух понятий свидетельствуют и многочисленные языковые данные; ср. хотя бы русск. *владеть* 'иметь' и 'властвовать'; *власть* как обозначение места и *власть* как обозначение доминирования; франц. *domaine* (из лат. *dominium*), но *dominer* (из лат. *dominare*) и т.п. Подобные примеры раскрывают смысл "местничества" (в разных конкретно-исторических вариантах) как борьбы за такое место, обладание которым само по себе обеспечивает власть (как воплощение преобладания в том или ином отношении). В социально-экономической сфере это обладание местом и властью обычно реализуется в "и м е н и", в частности, в имуществе, в достоянии, богатстве — как недвижимом (земля, дом, т.е. место в довольно непосредственном виде), так и движимом. И в этом случае нередко выступает тот же корень, который обозначает место и власть; ср. словен. *last* 'владение', 'собственность', с.-хорв. *zadržljivo vladanje*, перекликающееся с прусск. *draugiwaldünep* 'сонаследник' и т.п. Обладание именем-имуществом достигается обычно или захватом, предполагающим насилие, или куплей, обменом, получением по наследству, в основе которых лежит некий узус, правило, договор, или, наконец, получением дара в чистом виде как проявлением добной воли. В конце концов все эти формы имущественного (в широком понимании) обладания имеют своим началом и в дальнейшем определяются и контролируются системой универсального обмена, значение которого в настоящее время выявлено с необходимой полнотой<sup>13</sup>. Вступление в обладание (приобретение—присвоение, притяжение—стяжение) и отказ от него (лишение, отчуждение) не только непременное условие подобного обмена, но и те основные операции во внеязыковом мире, которые проверяют и удостоверяют логико-языковую схему обладания, введенную ранее, выступая как субстрат языковой ситуации, достаточно точно соотнесеный с нею (ср. присвоение—отчуждение при *свой*—*чужой*/не *свой*/). Причем эта проверка носит операционный характер и ориентируется на динамику, на перемены в составе или заполнении членов схемы в данный момент по сравнению с предыдущим. Тем самым обозначается особая актуальность и подчеркнутость динамического аспекта отношений, описываемых схемой (так сказать, "притяжение" в действии); то притяжение—обладание, которое не несет на себе живых следов действия (чаще всего в случае неотчуждаемой принадлежности), приведших к данному состоянию, поневоле квалифицируется как явление логико-языковой периферии с ее ориентацией на застывшие формы, на аспект неподвижности, стабильности<sup>14</sup>.

В связи с этой установкой на динамический аспект обладания в субстрате не приходится удивляться, что и на языковом уровне место наибольшей выявленности сути КП находится не в "неподвижном" центре, монолитном и свободном от "возмущающих" влияний, а, напротив, на периферии, на той грани, где ситуация наиболее неустойчива, динамична. Грамматическая КП живет переменами обладаемого в отношении к Обладателю, т.е. связью с аспектом относительности, но не абсолютности. Неразработанность типологии КП в плане содержания не дает возможности определ-

лить набор релевантных точек зрения грамматического выражения оппозиций с нужной полнотой (ср. в связи с "обладать": единолично—неединолично, полностью—частично, органично—неорганично /случайно/, постоянно—временно и т.п.), но все-таки уже здесь уместно подчеркнуть существенность "количественного" аспекта, особенно в отнесении к Обладателю (опосредованно и к обладаемому). Универсальный Обладатель (абсолютное обладание — всем и всегда, исключающее возможность появление других обладателей), как и его противоположность, так сказать, абсолютный "лишенец", ни при каких условиях не становящийся Обладателем, строго говоря, подрывают идею обладания. Ни тот, ни другой не могут ни брать, ни давать без того, чтобы не войти в противоречие со своей сутью; следовательно, исключается сам обмен и связанный с ним аспект относительности: корни КП оказываются оторванными от питающей их почвы. Эта несколько абстрактная (и во всяком случае предельная) ситуация, если относить ее к языку, оказывается достаточно конкретной для мифопоэтического сознания и отражена в целом ряде соответствующих текстов<sup>15</sup>, о чем будет говориться в другом месте.

Роль операций присвоения—отчуждения в рамках универсального обмена, подчеркиваемая и многочисленными специальными ритуалами освоения—присвоения или отчуждения (и даже уничтожения собственности) или — подчеркнуто — именно о б м е н а, предполагающего, по меньшей мере, двусторонность (причем ритуалы нередко носят исключительно символический характер), с еще большей наглядностью выявляет стержневую роль идеи о б л а д а н и я ("обладать" в схеме), втягивающей в свое "разыгрывание" почти все, что существенно для архаичного коллектива, и генерируя этой игрой объекты класса Р и класса R, которые сами вступают в ту же игру. Вместе с тем указанные операции, имеющие место в не языке, обнаруживают и подчеркивают н е п о л н о т у схемы Pr R и в самом языке. Эта неполнота связана с сугубой ориентированностью на "приобретающую" сторону (P), в результате чего остается вне сферы внимания "теряющая" сторона (P<sub>1</sub>), т.е. прежний обладатель R<sup>16</sup>, и, следовательно, искается целое схемы присвоения—отчуждения. При учете P<sub>1</sub> (вводящем, кстати, "исторический" параметр в схему) прежняя схема PrR включается в качестве фрагмента в схему Pr(R) → P<sub>1</sub>r(R) или — точнее и еще более полно — Pr(R) & P<sub>1</sub>̄r(R) → Pr(R) & P<sub>1</sub>̄r(R). Эта последняя схема обнаруживает с особой отчетливостью две взаимосвязанные особенности — двоякое "направление" обладания (существенно, что эта двоякость основана на противоположности результатов операции и на взаимоисключаемости Р или P<sub>1</sub> при группе r(R), т.е. на своего рода "уравнивании" Р и P<sub>1</sub> в схеме обладания) и, следовательно, появление оппозиции присвоения—отчуждения и — автоматически — присваивающего и теряющего, причем в пределах схемы эти роли меняются (исходное положение — Р "обладает", P<sub>1</sub> "не обладает", заключительное положение — Р "не обладает", P<sub>1</sub> "обладает"). В этих условиях идея "обладания", которая с точки зрения языка и КП представляется предельной в смысле ее доведенности до последней глубины логико-языкового анализа (ср. также "элементарность" этой идеи), оказывается, может быть переформулирована в более общем плане, предполагающем учет еще более глубоких и фундаментальных категорий. Речь идет об интерпретации

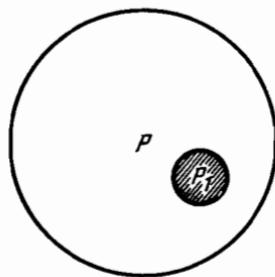


Схема 1

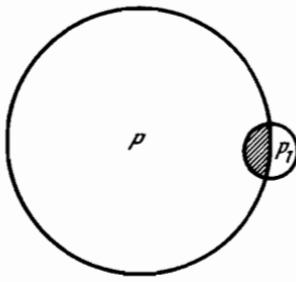


Схема 2

указанной схемы без использования понятия "обладание", но с учетом теории "проникновения" (*vyāpti-vāda*,ср. *vyāpti* 'проникновение' при *vyāptoti* 'заполнить целиком', 'пропитывать' и т.д.), выдвинутой в XIII в. Гангешей, наиболее авторитетным представителем логической школы навья-ньяя<sup>17</sup>, или аналогов этой теории в современной логике отношений. Различие двух состояний по отношению к действию проникновения—заполнения (ср. *vyāra* 'проникаемое' как 'нечто целиком содержащее в себе что-либо' и *vyāraka* 'проникающее') позволяет рассматривать Р и Р<sub>1</sub> (если пользоваться принятой ранее символикой) в одном и том же плане, различая их лишь по объему проникновения и проникаемости и, следовательно, конструировать монолитное понятие проникновения ("проникать"), фактически устранив двойственность, присущую понятию обладания ("Обладатель обладает обладаемым", но "обладаемое обладаемо Обладателем"). Благодаря этому возможна логически более точная трансформация схемы в виде конъюнкции  $P \nu R \& R \nu P$  (где  $\nu$  — "проникать" как замена  $r$  — 'обладать') или, учитывая, что R теперь тоже находится в том же классе явлений, что и P, еще проще  $P\nu P_1 \& P_1\nu P$ . Принимая же во внимание рефлексивность отношения  $\nu$ , проявляющуюся в ее двунаправленности, схему можно свести к совсем простому ядру —  $P\nu P_1$ , помня, однако, при этом, что Р и Р<sub>1</sub> обладают (характеризуются) разным объемом проникновения (одинаковость объема приводит к разным парадоксальным ситуациям в решении проблемы тождества). Р проникает Р<sub>1</sub> настолько, насколько Р<sub>1</sub> "включено" в Р, но и Р<sub>1</sub> также проникает Р в той мере, в какой оно совпадает с ним (с Р). См. схемы 1 и 2, где изображены два типа отношения проникновения (*vyāpti*). Но достоинство схемы не только в ее логических преимуществах. Она, видимо, соответствует и некоторым языковым реалиям, подтверждаясь и на интуитивно-языковом уровне. Во всяком случае при отсутствии в языке категории "проникновения", несомненно, существует "подъязыковой" субстрат для ее формирования в сфере пространственных (по меньшей мере) отношений и, видимо, в самом языке могут быть обнаружены как в парадигматике, так и в синтагматике тенденции к объединению в некие классы и к выражению их с помощью особых маркеров, фиксирующих отнесенность ("проникновение") данного элемента к "полю" другого элемента. Иначе говоря, речь может идти о предрасположенности (и возможности) использования отдельных элементов языка как средств для выражения идеи 'проникновения'.

Еще одним достоинством теории "проникновения" следует считать четкую выявленность в ее схемах пространственного плана, о чем, впрочем, здесь не удастся говорить<sup>18</sup>.

Но зато без темы пространства не обойтись при рассмотрении предыстории идеи "притяжания" (так или иначе фиксируемой уже в мире животных) и генезиса самой КП<sup>19</sup>. Сама проблема генезиса КП существенно осложняется не только докатегориальным, но и доязыковым прошлым этого явления, но и тем, что для ее удовлетворительного решения необходимо знание конфигурации наличествовавших в языке в данный момент форм выражения и, главное, ведущих идей плана содержания. Без ясности в этом отношении идея "притяжания", бесспорная для уровня субстрата, остается, строго говоря, не интерпретированной в пределах языкового целого. Выяснение вопросов предыстории и генезиса КП требует исследований в ряде направлений. Как указывалось ранее, особую важность приобретают такие аспекты, как: 1) физиологические основы идеи "притяжания" и КП; 2) связь с некоторыми более фундаментальными (или, по меньшей мере, более архаичными) категориями, которые, принадлежа к надфизиологической сфере, своими корнями (через субстрат) уходят в "физиологическое" прошлое этих категорий; 3) связь КП с некоей ситуацией языка в действии, предполагающей определенную схему отношений между элементами, "разыгрывающими" тему притяжательности; 4) связи КП с некоторыми чисто языковыми категориями, в частности и с определенной формой выражения этих категорий или образующих их граммем; 5) соотнесенность идеи "притяжания" и через нее КП с той мифopoэтической схемой, которая могла бы рассматриваться как мотивирующая по отношению к самой КП или лежащим в ее основе идеям. Понятно, что здесь эти циклы тем не могут быть рассмотрены. Поэтому придется ограничиться наметкой некоторых основных этапов, усматриваемых в ходе развития идеи "притяжания" и КП и так или иначе соотнесенных с эволюцией сознания и выработкой им ряда ключевых понятий. В самой широкой перспективе историю становления этой идеи и КП можно рассматривать как последовательное продвижение от полюса объективности к полюсу субъектности. С этим для КП связаны и другие важные следствия.

Фундаментальным и наиболее архаичным субстратом КП, несомненно, следует считать пространство, что и подтверждается весьма многочисленными примерами на разных уровнях, хотя сама "зависимость" КП от пространства в разные эпохи реализуется по-разному. Исходный характер пространственных отношений для становления КП естественно вытекает уже из того факта, что отношение притяжания предполагает включение R в P, некую близость, смежность, с одной стороны, и мыслимое противоположное отношение разъединенности, отчужденности, с другой. И в том и в другом случае ареной, где "разыгрываются" названные отношения, оказывается пространство. Существенно, что идея притяжания в своем становлении не только материально коренится в пространственной сфере, но и использует ее в качестве модели (т.е. конструкции знакового характера) самой схемы притяжания—отчуждения. Следовательно, по отношению к идеи притяжания пространственное выступает и как субстрат, и как суперстрат, формирующий язык описания этой идеи. Нередко

"естественность" связи понятий притяжания—отчуждения с пространственными отношениями как сферой своей реализации оставляет в тени как раз наиболее тонкие ситуации, описываемые в мифопоэтических текстах и даже анализируемые в некоторых философизированных вариантах мифопоэтических схем, как, например, у Платона<sup>20</sup>. Обладатель и обладаемое (Р и R) мыслятся, разумеется, только в пространстве и (что более важно) во многих случаях именно из локализации Р в определенном месте пространства вытекает его конкретная связь с R. Но в архаичных системах сознания само пространство никогда не понималось как универсальное, абсолютное и нейтральное начало. Оно само возникло из предыдущего состояния (хаос), где его не было, как результат некоего волеполагающего акта, направленного вперед, в будущее, вовне, т.е. своего рода захвата и присвоения (слав. \**pro-storъ*, \**pro-storn-*, \**pro-storn-itи* при \**storna* в этом смысле очень показательны). Таким образом, идеи притяжания не могло быть до возникновения пространства, и в самом пространстве она возникает не сама по себе, из ничего, а как результат проявления воли к становлению—захвату. Можно думать, что лучшее описание этой ситуации как раз и дано в "Тимее", где Платон различает материю как чисто становление и пространство как некое оформление.

Еще показательнее и конкретнее связь идеи притяжания и разных форм выражения самой КП проявляется в языке — как в норме, так и в некоторых экстремальных случаях, в частности, связанных с речевыми расстройствами (напр., при семантической афазии). Среди последних особый интерес представляют те случаи, где наглядно отражается то, каким образом мозг перерабатывает данные о пространственных (и "квазипространственных") признаках объектов. Наиболее показательная ситуация — нарушение анализа и синтеза конструкций Gen. poss. в так называемых "коммуникациях отношений", изучавшиеся рядом специалистов и, в частности, А.Р. Лурия<sup>21</sup>. Суть таких нарушений состоит в неумении разместить соответствующие элементы конструкции в пространстве (тип "брат отца") при возможности сохранения анализа и синтеза других типов генитивных конструкций (в частности, Gen. part. тип "кусок хлеба"). Само же это неумение объясняют психологической сложностью именно этого типа конструкций с Gen. "Первая трудность данной конструкции в том, что в ней четко выражены иерархические, парадигматические компоненты: "брат отца" — это вовсе не два существительных, это вовсе не "брат + отец"; эта структура выражает *отношение* брата к отцу, причем второе существительное, стоящее в род. п. ("отца"), выражает вовсе не объект, а лишь качество, которое семантически несет функцию прилагательного ("отцовский" брат) ... . Следующая трудность заключается в том, что эта конструкция является "обратимой". Можно сказать "брать отца" (и это будет дядя), а можно изменить порядок этих двух существительных и сказать "отец брата", но это будет уже не дядя, "отец" (отец моего брата — мой отец). Совершенно иное мы имеем в "необратимых конструкциях" ..."<sup>22</sup>. Языковый нерв этих трудностей — в непервичности этих конструкций с Gen. poss.: центром является элемент, определяемый через другой элемент, который выступает как первичный (в сочетании *брать отца* первичным оказывается слово *отец*, по крайней мере, в силу своей соотнесенности с субъектом речи — "сыном"). Указан-

ная непервичность двояка. С одной стороны, 1) "отец" → 2) "брать отца"; с другой стороны: 1) глагольная синтагма → 2) именная синтагма ("у отца есть брат" → "брать отца"). Иначе говоря, конструкция Gen. poss. выступает как такая транспозиция глагольной синтагмы в именную, при которой Gen. как бынейтрализует противопоставленные друг другу в глагольной синтагме Nom. и Acc. ("отец имеет брата" → "брать отца ...")<sup>23</sup>, что в точности повторяется и в более показательных ситуациях Gen. subject. и Gen. object, где лучше сохраняются следы глагольных истоков ("отец любит" → "любовь отца"; "/некто/ любит отца" → "любовь отца"). Эта особенность конструкций с Gen. poss. в ее "транспозиционной" перспективе многое объясняет в самой глубокой истории этого падежа и в характере его функционирования в языке (ср. восходящую к раннему ван-Вейку идею первоначального единства Nom. и Gen. в индоевропейском; связь Gen. poss. с Adj. poss.; формирование на основе Gen. в ряде языков /енисейские, ряд алтайских и др./ "локативных" и вообще "пространственных падежей"; сочетание в Gen. "грамматических" и "локальных" функций и т.п.). В ряде языков выделенность Gen. poss. на фоне других типов Gen. проявляется в различии между непременным непосредственным соседством элементов в конструкции с Gen. poss. и отсутствием этого требования в других случаях. Характерно, что эта особенность Gen. poss. и конкретически отражает отношение в пространственном субстрате притягательности. Следовательно, именно пространственная смежность оказывается общим источником притягательности и метонимии (ср. идеи Пастернака о том типе метаморфической образности, которая имеет своим основанием не связь по сходству или по противопоставленности, но связь, осуществляющую пространственно, по близости, по смежности).

При всей несомненности связей идеи притяжания и исторический КП с пространственными отношениями они в целом оказываются достаточно экстенсивными. Более того, есть основания полагать, что экстенсивному (слабо дифференцированному, семантически бедному) пространству может соответствовать столь же экстенсивная идея притяжания, ориентирующаяся прежде всего на механическую близость—смежность и соответственно мало зависящая от волеполагающих актов. История развития представлений о пространстве, как указывалось раньше, тесно связана с выработкой более дифференцированных и семантически богатых образов пространства, в частности и таких, которые выступают не только как часть этого пространства, но и как (хотя бы отчасти) префомирующие пространство смысл, так или иначе учитываемый в ходе развития идеи притяжания. Экстенсивность примитивного чисто пространственного истолкования этой идеи в известной степени преодолевается в тех мифопоэтических концепциях, которые развивают тему происхождения мирового пространства из некоего изначального тела (Первочеловека, ср. Пурушу в ведийской традиции). Первоначально единое, целостное и самодостаточное, оно становится строительным материалом всего, что есть в мире ("объективное" пространство), и, следовательно, все вещи принадлежат уже не всему пространству, а только его ядре — вселенскому телу, которое, собственно, и произвело операцию отчуждения как жертве внешнему миру. По сути дела, та же идея лежит в основе инвертированного варианта мифа о творении мира: из элементов мира создается первое тело, Первочеловек. И в этом варианте при

противоположном направлении творения существенно, что при наличии общих элементов у мира и тела производное (тело) семантически богаче и потенциально более концентрированно, чем производящее, и этот неожиданный "прибыток" внутренне как раз и связан с волеполагающим актом выхода за свои собственные пределы, каковым и является творение. Необходимо еще раз подчеркнуть: независимо от того, что первично (тело или пространство, микрокосм или макрокосм), в обоих случаях актуализируются два круга идей — исходное и производное (мать и ее порождение, целое и ее часть и т.п.) и притяжение и отчуждение, высыпляемое и контролируемое мотивом перехода (перемены для обладаемого в его обладателе). Тем самым задается один из ранних вариантов схемы притяжания, уже, по сути дела, предполагающий задание направления отношения *r* и границы между его элементами (*R* и *P*). Эти два мотива и вытекающий из их соединения мотив перехода-перемены постоянно воспроизводятся в истории КП. Так, обращает на себя внимание асимметричность схемы *r*, связанная, в частности, с тенденцией к возрастанию противопоставленности между *P* и *R* и в значительной степени объясняемая общей антропоцентрической (а далее и глубже — Его-центрической) установкой языка, структурой акта коммуникации, особенностями текста с точки зрения его авторства и т.п. Тем не менее, несмотря на рерулярно-грамматический характер КП и установку на универсальность, несмотря на логическую симметричность *r* в целом ряде ситуаций взаимопринадлежности (я — твой ∁ ты — мой), причем нередко совпадает и объем притягаемого, оказывается, что, как правило, *P* и *R* различаются в языке как общее и частное, целое и его часть, постоянное и временное, раннее и позднее, исходное и производное, главное и второстепенное, большое и малое, живое и мертвое, одухотворенное и неодухотворенное, сознательное и бессознательное, управляющее и управляемое и т.п. (здесь не рассматривается вопрос о другой асимметричности отношения между *P* и *R*, связанной с возможностями разной степени дифференцированности этих членов).

Выделение двух подпространств в зависимости от направления, которое принято приписывать схеме притяжания, отсылает к следствиям, вытекающим из более общего принципа двойной (эндо- и экзоцентрической) ориентации, обнаруживаемой в сфере органической жизни, в социальных структурах, в расположении сакральных объектов, устройстве поселений, дома и т.п.<sup>24</sup>, и из синтезирования обоих направлений, соответственно — пространств. Эти же два подпространства, возникающие в сфере действия отношения *r*, с некоторой общей точки зрения сопоставимы с теми двумя пространствами (внешним и внутренним, пассивным и активным, чужим и своим и т.п.), которые обнаруживаются и в совсем иных сферах, где реальность указанных пространств ставится в зависимость от границы между ними и от возможности ее переходов (ср., напр., идею золотого яйца — "хираньягарбха" в мировых водах как аналог зародыша в околоводной жидкости, находящегося на грани двух пространств; само рождение его может пониматься как целенаправленное движение из внутреннего замкнутого пространства во внешнее разомкнутое, причем, это движение могло "запоминаться" в пространственном коде и выступать как образ "притяжания")<sup>25</sup>.

В контексте общей идеи притяжания тело оказывается в одном очень важном отношении аналогичным языку и пространству, о котором в этой связи уже писалось. Возникновение языка и пространства само по себе было уже актом освоения—усвоения мира, его захвата-притяжания. Вместе с тем уже внутри языка и внутри пространства сформировались более специальные средства категоризации этой идеи притяжания. Создание тела из элементов мира или — в противоположном варианте — мира из элементов тела предполагает, по сути дела, тоже волеполагающее движение, в результате которого происходит освоение-захват элементов мира. В обоих случаях происходит дифференциация намеченных элементов, связанная с выделением более "богатого" пространства, хотя само это "богатство" должно пониматься по-разному. В первом случае (создание тела) формируется усиленное по сравнению с макрокосмом пространство, своего рода квинтэссенция пространственности, обеспечивающая введение в число действующих факторов новых сил и энергий, отсутствовавших в исходном пространстве (самосредоточивающееся, интенсифицирующее движение). Во втором случае (создание пространства из тела) формируется принципиально расширенное и диверсифицированное пространство, которое своей разомкнутостью и открытостью, своей свободой и динамизмом богаче замкнутого и статистического пространства тела и которое выступает как то место, где создаются и испытываются новые возможности развития идеи притяжания. Говоря в общем, различие между этими двумя вариантами в том, что в первом случае идея притяжания направилась вглубину, к соединению с антропоцентрическими идеями, а во втором случае та же идея притяжания избрала путь вширь, ведущий к универсализации ее, к выражению ее в предельно широком круге грамматических элементов. Но в обоих случаях актуальной оказывается граница между телом (микрокосмом) и миром (макрокосмом). Фиксация проблемы границы на уровне тела как космического органа отмечает важный этап в развитии идеи притяжания, в частности потому, что через тело удается связать физиологическое с надфизиологическим, природное со знаковым, внутреннее микрокосмическое с внешним макрокосмическим. Тело выступает не только как то средостение-матрица, которое позволяет судить о пространстве но и — обратным образом — как язык пространства, его мера. В мифопоэтических текстах подчеркивается особая роль тела как границы внутреннего (чревного) и внешнего пространства, через которую и происходит "аналогическое" присвоение (через глаза — свет, через уши — звук, через нос — запах, через кожу — вещи и т.п.) или, наоборот, отчуждение (из глаз — свет и т.п.; ср. мотив отсечения членов тела Адама и разбрасывания их в пространстве в некоторых текстах<sup>26</sup>). Архаичная ветвь медицинского знания, опирающаяся на соответствия между структурой и составом человека и космоса, оставила ценнейшее наследие именно в этой области контактов и взаимопроникновения внутреннего и внешнего. Наиболее интересным с точки зрения идеи притяжания и типологии исторических форм выражения КП следует считать изменчивость этих границ между внешним и внутренним, их динамический характер. Тело, которое современному сознанию рисуется как эталон "притяжания", как идеально единая и полная сфера "подлинно-моего" (Дано мне тело — что мне делать с ним, | Таким единым и таким моим?), некогда расценивалось в этой связи иначе. Во всяком

случае и мифопоэтические и специально языковые данные (в частности, относящиеся как к составу именного класса "части тела", так и к способам фиксации так называемой неотчуждаемой принадлежности) нередко рисуют довольно отличную от современной картину. Поэтому нет особых оснований удивляться тому, что для архаического сознания относительно и само понятие границы тела. Некоторые вне тела находящиеся объекты нередко трактуются сознанием и языком как неотчуждаемые, подобно руке или глазу. В других случаях "свое" неотчуждаемое тело имеет непосредственное продолжение в "своем" же отчуждаемом внешнем теле, пределы которого часто определяются в зависимости от сакрального значения персонажа. Так, сакральная фигура царя обладает особенно "мощным" и "богатым" телом. Оно включает помимо самого царя, его жену, потомство, дом (дворец), поселение (город), царство (страну), пищу (ср.: ... *До того как еду и питье | Называли "моя" и "мое" ...*), которая теснейшим образом связана с ростом тела, с наследием, с имуществом (с точки зрения тела пища — "моя", как и дети, потомство, образ тела во времени)<sup>27</sup>. Аналогичные проблемы возникают и в связи с понятием так называемой своей территории, актуальным как для животных, так и для архаических человеческих коллективов, в частности, и потому, что такая территория нередко оказывается кормовой базой (пища). Род или племя, принадлежащее к подобным архаическим коллективам, не только иногда осознают себя (напр., в автоописаниях, ритуалах, языке и т.п.) как тело или ствол, как некое заполнение (само вед. *puruṣa* имеет ту же семантическую мотивировку), но и свою пространственную проекцию ("свою" территорию) они склонны трактовать как продолжение тела, принадлежащее им. Из этнографических и этнолингвистических исследований хорошо известно, что именно в связи с этой сферой принимаются самые усиленные меры для детального, иногда поражающего скрупулезностью, выражения всех видов и степеней притяжательности как языковыми, так и внеязыковыми средствами. То же относится и к тем ситуациям, когда речь идет об изменении границ "своей" территории, т.е. — чаще всего — об увеличении или об уменьшении "тела", а также об операции перехода от одного обладателя к другому. Смысл "Лесного царя" Гете в известной мере может быть сведен к изображению такого перехода от одного обладателя к другому и о его последствиях (исходная напряженность коллизии объясняется не только резкой противопоставленностью исходного и конечного обладателей, но и крушением иллюзии ребенка о его неотчуждаемой принадлежности отцу; характерно, что на определенной стадии развития ребенок не отделяет себя от матери, включая ее в "свое" пространство; ср. неумение показать, где мать/т.е. выделить ее из "своего" пространства/, при условии нахождения с нею в теснейшем контакте, напр., сидя у нее на руках, при том, что в других условиях опознавание происходит без каких-либо нарушений). Усвоение правил операций присвоения и отчуждения составляет, как известно, необходимый этап в развитии ребенка, и позднее эти операции неоднократно "проигрывают", как в связи с новыми, непредусмотренными ситуациями, так и в связи с заранее отмеченными ключевыми моментами (ср. ритуалы, связанные с жертвоприношением, где снова выступает уже отмечавшийся мотив обмена).

Использование образа тела в качестве некоей модели, с помощью кото-

рой мифopoэтическое сознание формировало идею притяжания, существенно облегчалось тем обстоятельством, что тело (→человек) выступало как универсальная модель всей Вселенной, и, следовательно, связи идеи притяжания с образом тела в принципе осуществлялись по разным направлениям. Можно напомнить лишь некоторые из них – использование образа тела и его функций во всем многообразии жизненного (телесного и духовного) опыта в ядре архаичной классификации элементов мира, на основе которой складывались и собственно грамматические категории (во всяком случае, их остатов); усвоение телу вселенского пространства через его связь с обозначением частей тела, ср., с одной стороны, *г л а в а горы*, *п о д н о ж ъ е холма*, *горный хребет*, *у с т ь е реки*, *г о р л о в и на озера*, *болотное очко* и т.п. и, с другой стороны, систему предлогов-превербов, восходящих к названиям частей тела и задающих основные пространственно-временные координаты мира в терминах отношений, ориентированных на некий центр, в котором находится тело); введение названий тела (и его частей) в качестве обозначения грамматических категорий, причем прежде всего таких, которые имеют самое непосредственное отношение к теме (ср. вед. *puruṣa* как Первочеловек, первотело и как обозначение грамматического *лица* /со. *prathāmapuruṣa* в применении к 3-у лицу, букв. – 'первое лицо', *madhyamapuruṣa*, о 2-м лице, *uttamapuruṣa* „о 3-м лице/; или вед. *tāṇi-* 'тело', но и 'особа', 'лицо', 'сам' /почти исключительно к 1-у лицу/; ср. *sáriṇa* и т.п.) и др.

Но параллельно присвоению внешнего пространства тела, т.е. строимого из элементов тела и описываемого ими мира, происходит аналогичный процесс и в его внутреннем пространстве, но суть этого процесса, состоящего в выработке все более интенсивно-субъективных ипостасей тела, в углублении внутрь с целью обнаружения некоего ядра, по отношению к которому само тело могло бы рассматриваться как внешняя и даже в акте смерти отчуждаемая оболочка, оказывается совершенно иной. Можно полагать, что в условиях все прогрессирующей экспансии тела в о в н е, приводящей к все более полному захвату-освоению внешнего мира, единственным (или во всяком случае наиболее эффективным) способом сохранения единства микрокосма (тела, человека) и макрокосма (мира), которому грозил распад, было открытие некоего противоположного направления движения, которое уравновешивало бы "внешние" устремления тела. Речь идет о движении "от тела" не вовне, а в н у т р ь. И, в самом деле, история сознания с бесспорностью фиксирует параллелизм между "внешним" освоением мира и "внутренним" углублением тела в свои собственные бездны. Тело как бы специализирует некоторые свои части, свою сердцевину (кстати, на первый взгляд она выглядит бесполезной для освоения внешнего мира, поскольку она "бесчувственна", т.е. лишена способностей к восприятию мира через зрение, слух, вкус и т.п.) и превращает ее в орган нового познания, опирающегося на совершенно иные принципы освоения мира в его более тонких и более сложных структурах. Это тело, о котором отныне приходится говорить лишь метонимически, все глубже дифференцирует само себя, выделяя в себе все более сокровенные слои: оно все увереннее постигает искусство сосредоточения на с а м о м с е б е, поиска своей сердцевины как семантически наиболее богатой части тела, приобретающей способности быть наиболее представительным органом тела в познании и самого мира и

тела. Теперь освоение мира обретает новый и наиболее могучий инструмент — мысль, рефлексию, познание. Именно на этих путях, в ходе развития сознания и его категорий, возрастает внутреннее содержание идеи притяжания, которое уверенно направляется в сторону антропоцентризма (нельзя считать случайностью то обстоятельство, что ни в одном из известных языков не отмечена ситуация, когда бы идея притяжания и КП имела более полное в формальном и более богатое в семантическом отношении выражение в связи с предметной или животной сферами, а не в связи со сферой человека)<sup>28</sup>. Продолжением пути в этом направлении служит та сфера, где формируется личное (а затем и личностное) начало, ориентированное на максимум субъективности, т.е. на предельную удаленность от сферы объективного и объектного с ее внешними пространствами. В этой функции как раз и обнаруживает себя Я как "сокровеннейшая часть каждой души". Верх отъединенности и субъективности, только оно и обеспечивает во всей глубине связь с полюсом объективности, с миром. Предельный синтез двух этих начал, осуществляемый как прорыв между двумя до отказа разведенными явлениями (Я как транспозицией тела, микрокосмом в сторону субъективности и миром, макрокосмом), фиксируется словом "мое", сказанным Я о мире в его целостности или о его части. Но само это словоупотребление невозможно без уже совершившейся экспансии Я на мир и на самого человека — его телесную и духовную структуру. Для угнездившегося во внутреннем глубинном центре Я эта структура (пространство — тело) как раз и образует границу, которая, говоря в общем, разделяет неотчуждаемо присвоенное от присвоенного неокончательно и допускающего отчуждение. Во всяком случае исключительно важно учитывать, что структура Я не может не быть связана с формированием новых форм притяжания, укорененность которых в Я совсем иного (более глубокого) порядка, нежели "неотчуждаемость" руки телу. Но не менее важна и другая (внутренняя) граница между изменчивым и эмпирическим Я, выступающим как субъективная ипостась объективного начала, его (Я) доля в высшей форме этого начала. Абсолютное Я как сумма всех эмпирических Я, взятых в их предельной глубине и широте, в свою очередь формирует новые разновидности идеи притяжания (в частности, связанные с идеей отказа эмпирических Я от обладания, от своего Я, с тенденцией к деперсонализации, анонимности, к тому, чтобы, по слову поэта, "выписаться из зеркал").

На этом этапе развития сознания идея субъективности занимает центральное место и определяет те точки, где наиболее напряжено и творчески развертывается смысл идеи притяжания (и в данном случае легко обнаруживается особая предрасположенность языка фиксировать эту идею и проявления соответствующей категории именно в тех позициях, где субъективность обнаруживает себя с наибольшей полнотой). Хотя Я, видимо, можно определить через углубляющееся движение во внутреннем пространстве<sup>29</sup>, его прямое назначение проявляется в акте речевой коммуникации, где Я обозначает автора речи, центр, по отношению к которому ориентирована вся речевая коммуникация. Исторически же, в рамках всей схемы развития, Я оказывается крайним этапом развития пространства, тем его пределом, где оно становится подлинным языком (*Язык пространства, сжатого до точки ...*) — о мире и о себе. Па-11. Зак. 1029

радикальность ситуации, повторяющейся, по сути дела, на всем протяжении развития идеи притяжания (см. выше), и в данном случае состоит в том, что наиболее специфическое, абсолютно единое и центрированное, предельно удаленное от сферы вещно-объектного<sup>30</sup>, как раз и оказывается лучшим средством нового захвата-освоения в мире того, что иным образом не могло бы быть присвоено; соответственно и идея притяжания нигде и никогда не становилась содержательно столь богатой и насыщенной, как в связи с предельно "формальным" Я. Шеллинг справедливо говорил о Я как принципе философии ("Vom Ich als Prinzip der Philosophie" – название одного из его сочинений); не случайно, что именно философия становится той областью, где наиболее глубоко и полно разрабатывается структура Я в связи с проблемой познания. Как бы то ни было, но отныне бытие не может быть полноценно понято и освоено вне субъектной перспективы; более того, само бытие получает возможность воплощения в качестве субъекта, который определяет все в мире, являясь в нем и для него единственной мерой и определенностью (ср. Ницшеевского "сверхчеловека" как своего рода Пурушу).

Логически Я не предполагает с неизбежностью другого и в известном смысле самодовлеющее (ср., в частности Его-центрическую притяжательность). Но, оставаясь в изоляции, отсекая от себя "внешние" выходы, оно не может реализовать наиболее уникальные и сильные из своих возможностей и, осужденное на безответственность, замыкается на самом себе. Однако, будучи выведено из чисто пространственного ряда и помещено в контекст коммуникации, Я неизбежно вызывает понимание другого, проблеме которого так много внимания уделено в XX в. (Бубер, Мейер, Эбнер, Марсель, Гайдеггер, Сартр и др.). В свою очередь введение в схему другого создает условия для становления уже не Его-центрической притяжательности, что составляет решающий шаг на пути формирования КП с ее универсальными заданиями, и для дальнейшей субъективизации Я, еще более освобождающегося от чисто пространственных характеристик. В этих условиях Я окончательно конституируется, осознается и открывает для себя еще более далеко идущие преспективы лишь после того, как появляется другой (ср. уже упоминавшееся "Детство Люверс", где роль другого для становления личности стоит в центре внимания). Без другого Я (человек) не может быть мерой вещей, поскольку они не вызваны к той жизни, которая судит и рядит, и для меры, заданной Я, нет еще сферы приложения.

После многочисленных исследований (в частности, Бенвениста) нет необходимости говорить об особенностях каждого из трех элементов в схеме личных местоимений. Достаточно лишь подчеркнуть, что шифтерная природа особенно интенсивно проявляется в личных местоимениях, во-первых, и именно в 1-м лице, во-вторых. Бедность 3-го лица (состав. "не-лица") в этом отношении очевидна и доказательства ее приводились не раз (ни у Я, ни у Ты в акте коммуникации нет необходимой и непосредственной связи с Он; Он может входить в контекст с Я только через стадию трансформации его в Ты; на ранней стадии развития язык мог описывать только некую реальность, но не потенциальность и только в конкретном акте коммуникации; описывая ее с точки зрения Я, язык трактовал Он как реальность дальнего плана или вовсеставил его вне реальности.)

Но и *Ты*, объединяемое с *Он*, как другой, уступает *Я* в интенсивности (в частности, *Ты* может быть одним объектом для многих *Я*, вступающих в коммуникацию с этим *Ты*, когда как *Я* ни с кем не делит денотата и остается всегда уникальным и абсолютно индивидуальным). Есть основания полагать, что в длинном ряду исторических воплощений идеи притяжания 1-е лицо стало тем локусом, где прежде всего сложились предпосылки для формирования КП и, главное, где она была введена в акт речевой коммуникации (ср. Его-центрическую ориентацию КП, отчетливо выступающую в любом из известных языков). Действительно, существует достаточное количество примеров, которые свидетельствуют, что "притяжение" в связи с 1-м лицом по своему характеру отличается от такового в связи с 2-м лицом и тем более с 3-м лицом; что первый случай архаичнее второго; что именно из 1-го лица началось распространение идеи притяжательности и генерализирующих тенденций в структуре этой категории; что, наконец, только 1-е лицо (*Я*) органически укоренено в пространственно-временной схеме как ее центр – здесь-теперь (характерно, что эта же ситуация воспроизводится в центральном годовом ритуале, прообразующем творение в его сакральном максимуме; следовательно, и в акте речи деятель, описываемый знаково отмеченным "здесь-теперь", тоже выступает как своего рода демиург, голос этого места и времени, направленный во вне и "персонализующий" пространственно-временную характеристику). С известной точки зрения само соединение "здесь-теперь" с актом речи как раз и представляет собой порождение *Я*, которое (*Я*) замыкает пространственно-временное и языковое. В истории языкоизнания (как в общих, так и в конкретных исследованиях, посвященных происхождению тех или иных языковых элементов) не раз подчеркивалась связь "здесь-теперь" с категорией 1-го лица (соответственно, "там" – с 2-м лицом и т.п.) и, в частности, то, что "здесь-теперь" выступало в качестве субстрата 1-го лица<sup>31</sup>. Отмененность *Я* как воплощения центральной точки "здесь-теперь" (ср. правдоподобную точку зрения, согласно которой и.-евр. \**He-g'-H-(ot)* 'Я' трактуется, как местоименно-указательный элемент с значением 'вот-здесь-есть', 'Hierheit') соответствует и особый характер структуры "притяжания" в связи именно с этим локусом. Во всяком случае здесь его сильная позиция, и здесь оно выступает полнее и рельефнее всего. Не случайно, что разные формы "притяжания" становятся основой для развития других элементов языка именно в связи с первоначальной формой (ср. развитие в 1-м лице Pron. poss. новых смыслов – близость, интимность, положительность и т.п.). Впрочем, преимущественная важность ориентации на 1-е лицо обнаруживается и в ряде других фрагментов языковой системы (напр., в связи с отдельными грамматическими категориями) или в узусе языковых элементов в тексте, не говоря уже о сфере бытия и познания. Что касается последней, то уместно напомнить "онтологическую" этимологию, идущую от Гегеля и не раз использованную Гейдеггером, согласно которой нем. *mein* 'мой' на некоей глубине связывается с *teinen* 'иметь мнение' (ср. \**teinen* как 'мобить', 'делать моим' в экспериментальном языке философии); кажется, не исключены и некоторые сравнительно-исторические основания подобной этимологии. Как бы то ни было, подчеркиваемая в этой этимологии связь *Я*, "мой" и субъектно-ориентированной мысли в высшей степени поучительна. Она объединяет как раз те

элементы, которые образуют острие стрелы, направленной человеческим сознанием для освоения языка новых пластов бытия и формирования в будущем на их основе адекватных им форм притяжательности.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Ср. такое знамение времени, как Симпозиум по глоссогенетике (Transdisciplinary Symposium on Glossogenetics), состоявшийся в Париже в августе 1981 г. (опубликованы материалы).

<sup>2</sup> Ср., с одной стороны, случаи, когда одна категория возникает в результате переосмысления — трансформации другой категории (напр., категория вида > категория времени и др.), и, с другой стороны, случаи, когда категория основана на обобщении совокупности фактов словообразовательного или синтаксического уровней. Наконец, следует помнить, что существует и такая категориальная перспектива, которая связана с выходом из собственно языкового пространства (ср. формирование некоторых логико-философских категорий на базе языковых категорий).

<sup>3</sup> См., напр.: *Вейнрайх У.* О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V (языковые универсалии). М., 1970, с. 170—171.

<sup>4</sup> Ср. соответственно проблематику "Пира" и "Протагора".

<sup>5</sup> О некоторых особенностях исследования о КП можно судить по ряду статей, публикуемых в настоящем сборнике, и по двум более ранним публикациям. См. Головачева А.В., Иванов В.В., Молошная Т.Н., Николаева Т.М., Свешникова Т.Н., Хелимский Е.А. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения. — В кн.: Структура текста — 81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 1—6 (здесь же ряд других статей, посвященных КП); Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.

<sup>6</sup> См.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958, с. 80, (5.6). Ср. еще: "Тот факт, что мир есть *мой* мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы *моего мира*" (с. 81; 5.62).

<sup>7</sup> Pulleyblank E.G. The Beginnings of Duality of Patterning in Language. — In: Papers prepared for the Transdisciplinary Symposium on Glossogenetics. Р., 1981.

<sup>8</sup> Ср. в связи с соотношением мысли и слова: "То, чего мы не можем мыслить, того мы мыслить не можем; мы, следовательно, не можем и сказать того, чего мы не можем мыслить" (Витгенштейн Л. Указ. соч., с. 81 (5.61)).

<sup>9</sup> Новое имя (или имена) нередко усваивается человеку и в другие важные моменты его жизни (напр., при инициации, в некоторых экстремальных условиях и т.п.), о чем хорошо известно из литературы прежде всего этнографического характера.

<sup>10</sup> Есть сведения о том, что первобытое или вообще достаточно архаическое общество знает что-то вроде специальных институций по охране имени от возможных опасностей.

<sup>11</sup> Из установки на признание внутренней связи между именем и формой (ср. др.-инд. *nāmagīra*) — словом и тем, что оно обозначает, объясняется психотерапевтическая функция овладения названием (назвать → объяснить, т.е. освоить), а также роль названий в становлении личности, особенно в детстве. Ср.: "По летам жили на том берегу Камы на даче. Женя в те годы спать укладывали рано. Она не могла видеть огней Мотовилихи. Но однажды ангорская кошка, чём-то испуганная, резко шевельнулась во сне и разбудила Женю. Тогда она увидела взрослых на балконе. Нависшая над брусьями ольха была густа и переливчата, как чернила. Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты — желты, сукно — зелено. Это было похоже на бред, но у этого бреда было свое и а з в а н и е [здесь и далее разрядка наша. — В.Т.], известное Жене: шла игра. Зато нищемель нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было н а з в а н i я и не было отчетливого цвета и точных очертаний [...] Женя расплакалась. Отец вошел и объяснил ей [...] — Это — Мотовилиха. Стыдно! Такая большая девочка ... Спи! Девочка ничего не поняла и удовлетворенно слотнула катившиеся слезы. Только это ведь и требовалось: у з а т ь, как з о в у т н е п о н я т н о е — Мотовилиха. В эту ночь это объяснило еще все, потому что в эту ночь и м я имело еще полное, ю-детски успокаивающее значение. Но наутро она стала задавать вопросы о том, что такое — Мотовилиха".

вилиха и что там делали ночью [...] В это утро она вышла из того младенчества, в котором находилась еще ночью" (Б. Пастернак. Детство Люверс). Эта внутренняя потребность ребенка в знании имени, названия может быть с известными основаниями сопоставлена с такой же потребностью в архаичных коллективах, отраженной в ритуалах имноположения, взятых во всем их многообразии. Учитывая отмечавшуюся многими специалистами связь ритуала с социальными конфликтами (в широком смысле) (ср. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983, с. 112), приходится считать весьма вероятным, что и обряды, связанные с наименованием, представляют собой средство борьбы с социальной энтропией, способ гармонизации жизни как в ее космологическом, так и социальном планах, гарантию целостности.

<sup>12</sup> Поневоле приходится оставить в стороне интересный вопрос о типологии ситуаций обладания, как они фиксируются сознанием, в частности, языковом. Особенно поучительным мог бы оказаться анализ разных типов взаимообладания и тех случаев ситуации "обладания", когда вопрос о Р и R решается по-разному в зависимости от доминирующей точки зрения. Ср., напр., частые конфликты в связи с разной трактовкой "направления" обладания между членами архаичных коллективов, в которых сочетаются принципы, могущие рассматриваться как противоречие друг другу при определенных условиях (характерный пример — сложности у идембу, сочетающие матрилинейность с вирлокальным браком).

<sup>13</sup> Ср.: Mauss M. Essai sur le Don, forme archaïque de l'échange. — L' Année sociologique 1904—1905, vol. 9 и др. и особенно развитию этой идеи в трудах ряда этнографов и специалистов в области социальной антропологии, включая К. Леви-Стросса. Результатами универсального обмена выступает "новое" обладание (обладают-владеют всем, что включено в процесс échange: местом, властью, имуществом, женщиной/брак как обмен, ср. овладеть в разных сферах/, словом и т.п.) и, следовательно, перераспределение обладаемого и соответственно обладателей, которое в свою очередь выступает как часть этого универсального обмена.

<sup>14</sup> Впрочем, в разных вариантах мифов творения известны сюжеты или отдельные мотивы, которые объясняют обладание даже неотчуждаемой собственностью (как, напр., части тела) особыми "креативными" операциями (изготовление глаз из солнца, костей из камня, волос из растений и т.п.), ср. миф о Пурше и многочисленные соответствия ему. Явная или скрытая установка на "творящее" действие как мотивировку появления разных видов обладаемого предполагает состояние, когда возникшая собственность (R) еще не была неотчуждаемой или вообще не относилось к классу R.

<sup>15</sup> Подобная ситуация лучше всего выражена в трагедии "Тантал" Вяч. Иванова, в которой автор проникает в глубины мифопоэтического сознания и создает логически безупречную конструкцию, усиливающую идею, связываемую с образом Тантала в древности. У русского поэта "Тантал" — трагедия одиночества, замкнутости в самом себе, безблагодатности. Сыну Зевса и Обилия, Танталу принадлежит не только то, что ему нужно, но — по идее — и все остальное в пределах возможностей смертного. Он не умеет давать, поскольку не знает другого и его нужд и действует своевольно и эгоцентрично (можно напомнить, что воля к власти-обладанию предполагает установку на самовозрастание и выходящее за пределы, чего нет у Тантала); он не умеет и брать, поскольку у него нет нужды в приобретении-присвоении; не умеет задать меры существу, поскольку не знает и своей собственной меры. Тантал — избыток, сверхполнота, абсолютное обладание. В этих условиях Тантал не может "умалиться", т.е. найти некое поле, на которое была бы направлена его избыточность. Он замкнут самим собой и своим зеркалом — Солнцем, и различие Тантала и его отражения почти невозможно. Избыток запирает Тантала в его одиночестве. Лишь несколько примеров: Тантал. Встань, Солнце, из-за гор моих! Встань озарить| избыток мой, и вознесенный мой престол,| мой одинокий ...| Встань, око| око| ноты моей ...| и слав моих стань зеркалом в поднебесье,| моя| о бра з — Солнце ... Хор. Ты красуйся, Тантал — царь,| избыток смеющимся| Геи — Всематери; Тантал ... Зовусь; Избыток мой; и слыву: Богачество| Бессмертным я содружник. И какой бы дар| измыслил мне Кронион? ...| Им| вожделеть и братъ дано; неведомо желанье мне ...| Чего б алкал я, тем я сыт.| За чем бы длань простер,| —на лоне. Наводнил избыток мой| желаний поймы ...| Один в себе несу я мир божественно.| Но гесен мир моим алкамиям ...| Нет, девы! Из себя — се бя творить,| собой обогащать и умножать себя,| воззвать из недр своих

себя иного – волю я | ... Царами, девы, волен я бессмертных читы; | но их дары мне неугодны. Чужды мы. | Я есмь; в себе я. М не – м о е, мое ж – я сам, | я, сущий ... Ср. о невозможности подлинного дара: Тантал. За дар улыбчивый благодаренье вам ... Предводительница хора. Твоих обилий дань и струй и веяний, | тебе дар утра, Тантал, от даров твоих. Тантал. Не дань мила: вы дар у одаренного! с отрадой благодарности отъемлете. Предводительница хора. Ты полн, владыка! и тебя ль мне одарить? и т.д.

<sup>16</sup> В качестве прежнего обладателя R могут выступать и неперсонифицированные, даже недифференцированные субъекты, в частности, при рода в целом. В таком случае обладаемое R трактуется как форма общего и естественного (но не всегда проявленного) достояния, как "божье", а процесс присвоения совпадает с переходом из сферы природы в сферу культуры. Показательно, что представление о "божьей" принадлежности такого R часто не отменяется и в ситуации, когда это R одновременно принадлежит человеку, который в таком случае выступает как временный обладатель R, удостоенный дара свыше (ср. идеи; связанные с землей во многих патриархально-крестьянских коллективах).

<sup>17</sup> См.: Инголлс Д.Г.Х. Введение в индийскую логику навья-наяя. М., 1975 (здесь же в приложении – русский перевод второй главы книги: Goekoop C. The Logic of Invariable Concomitance in the Tattva-cintātāpī. Dordrecht, 1967).

<sup>18</sup> Ср. понимание проникновения как "общности места" (*sāmānādhikaraṇya*), анализ вмещаемого и места (соотв. *ādheya* и *adhibarā*), субстрата, или вместилища (состав. *ādhāra* и *āśraya*), разработку понятий контакта и (неотъемлемой) присущности (соотв. *satyoga* и *satataṇya*) и т.п. Отношение субстанции к своим частям, действий и качеств к субстанциям также могут быть выражены квазипространственными схемами и, в конце – концов, допускают их понимание в духе "расширенной" притяжательности. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в связи с "проникновением" в форме логического вывода в место притяжательного суффикса навья-наяяки в качестве синонима употребляют термин "место" (*adhibarā*). См. Инголлс Д.Г.Х. Указ. соч., с. 38.

<sup>19</sup> Ср. отчасти: Топоров В.Н. К генезису категории притяжательности. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках М., 1983, с. 99–107.

<sup>20</sup> "Восприемница и как бы кормилица всякого рождения", материя, согласно Платону, бесформенна; зато она идеально воспринимает образец. Свое свойство матричности (см. материя: матрица: мат) она как бы передает пространству, где и возникают те элементы, между которыми может возникать отношение притяжания. Собственно, все, что есть, есть в пространстве, а все, что есть в пространстве, при надлежит ему (ср. платоновское учение о "вместилище"/χώρα/, уже содержащем в себе в качестве зародыша идею отношения пространства к его части – вещи).

<sup>21</sup> См. Лурия А.Р. Травматическая афазия. М., 1947; Он же. К патологии грамматических операций. – Изв. АПН, 1947, вып. 3; Он же. Язык и сознание. М., 1979, с. 171–173, 229, 295; Он же. Этапы пройденного пути. М., 1982, с. 127–128, 158–160 и др.

<sup>22</sup> См.: Лурия А.Р. Язык и сознание, с. 171–172.

<sup>23</sup> См. Бенвенист Э. К анализу падежных функций: латинский генитив. – В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 163–164.

<sup>24</sup> Ср., напр.: Lagopoulos A.-Ph. L'orientation des monuments des cultures de mentalité archaïque. 1969. Т. 1.

<sup>25</sup> См.: Peerbolte M.L. Prenatal Dynamics. Leiden, 1954; Idem. The Orgastical Experience of Space and Metapsychologic Psychagogy. Leiden, 1955; Kuiper F.B.J. Cosmogony and Conception: A Query. – History of Religions 1970, vol. 10, p. 91–138.

<sup>26</sup> Ср. средневековый мистический текст "Sefer chassidim".

<sup>27</sup> См.: Романов В.Н. Древнеиндийские представления о царе и царстве. – ВДИ 1978, № 4 и др.

<sup>28</sup> В самом деле, язык больше интересуется тем, что принадлежит человеку (а не вещь). И это объясняется не характером взаимоотношения "подпространств" R и R, а исключительно установкой, при которой центр отсчета – человек (а не вещь), целое (а не часть), обладающее способностью описать ситуацию (а не "безязыкое"). Следовательно, притяжательность не может быть отнесена к числу "нейтральных" в этом отношении категорий, как, напр., число. Особая сфера – при-

надлежность человека чему-то, что трактуется как обладающее большей силой, чем сам человек (божество, идея, страсть, желание, горе, болезнь и т.п.; тема "одержимости", ср. англ. *to obsess*, отсылает и к особым способам выражения – пассивность, процессуальность, состояние, особый статус субъектно-объектных отношений и т.п.).

<sup>39</sup> Ср.: "Здесь-то человеческая самость и обретает свою определенность в том или ином конкретном Я за счет того, что она ограничивается окружающей ее неподвластностью. Ограниченнная принадлежность к кругу непотаенного и образует бытие человеческой самости. Человек становится его через ограничение, а не через безграничность того рода, когда самопредставляющее Я само сперва размахивается до меры и средоточия всех представимых предметов ...". См. Heidegger M. Der europäische Nihilismus. Pfullingen, 1967, S. 114 (пер. В.В. Бибихина).

<sup>40</sup> "Der Grundcharakter des reinen Ich besteht darin, daß es, im Gegensatz zu allem Objektiven und Dinghaften, absolute Einheit ist. Das Ich, als reine Form des Bewußtseins gefaßt, enthält keinerlei Möglichkeit innerer Unterschiede mehr: denn solche Unterschiede gehören nur der Welt der Inhalt an. Wo immer daher das Ich als Ausdruck des Nicht-Dinglichen in strengem Sinne genommen wird, da muß es als 'reine Identität mit sich selbst' gefaßt werden...". См.: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Erster Teil: Die Sprache. B., 1923, S. 224.

<sup>41</sup> Ср.: Bang W. Les langues ouralo-altaiques. Bruxelles, 1893; Cassirer E. Op. cit. Erster Teil, S. 208 ff., 222 ff.; Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 91, 249–250 и др. – О роли "здесь-теперь" в связи с моментом речи и более общей антропоцентристической установкой, объясняемой из акта языковой коммуникации, см.: Kurylowicz J. Esquisses linguistiques II. München, 1975, S. 26 ff.; Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 128–129 и др.

Т.М. НИКОЛАЕВА

## СРЕДСТВА РАЗЛИЧЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: ЯЗЫКОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

### I. ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ

В качестве объекта исследования были взяты словосочетания со словом *свой* в русском языке на ранних этапах его развития: от древнерусского периода до конца XVIII в. Цель исследования – определить, какие именно аспекты посессивной семантики язык стремился различить формальными способами; выявить, как именно это реализовалось в разные периоды эволюции языка. В работе использовались: 1) данные Картотеки ДРС Ин-та русского языка АН СССР; 2) данные Картотеки Словаря XVIII в. Словарного сектора ЛО Ин-та языкоznания АН СССР; 3) данные дистрибуции типов номинации и посессивных форм в "Слове о полку Игореве". Графика примеров соответствует их представлению в картотеках..

#### 1. Данные древнерусского языка (до XV в. включительно)

Два обстоятельства обращают на себя внимание в описываемый период<sup>1</sup>. Первое: словосочетания со словом *свой* могут иметь атрибут как в препозиции, так и в постпозиции. Второе: отмечается довольно устойчивая группа лексики, допускающая только один порядок элементов словосочетания, а именно – постпозицию *свой*.

По поводу первого из указанных обстоятельств необходимо отметить

количественное преобладание конструкции *N + свой*, т.е. препозиции *N* и постпозиции *свой*. Так, по данным картотеки ДРС конструкции *N + свой* относятся к *свой + N*, как 1,9:1.

В каких же случаях употребляется маркированная конструкция *свой + N*? Она встречается всюду, где есть противопоставление, как явное, так и имплицитированное. Прежде всего, это прямое противопоставление своего и чужого, выраженное в тексте: *Тако же и Изяславъ исъ с воихъ полковъ напередъ одинъ в полкъ противныхъ и прииде; Видѣвъ же полки Изяславли король и тако и с воимъ полкомъ повелѣ; Юрои же ни ихъ послы к нимъ отпусти, ни с воего к нимъ посла; Написаша и с воихъ книгъ немало, о великихъ тайнахъ сказавъ*. Значение, близкое к у́казанному: 'свой, а не чужой' и приближающееся к нему 'свой собственный' также выражается препозицией *свой*: *И видѣ его сестра его Рогнѣдѣ вѣлми изнемагающа, и нача ему молитися, да ляжетъ въ Смоленскѣ въ с воемъ зданіи; Аще познаетъ кто чюжъ конь, любо ѿруожиѣ въ с воемъ миру, то взати ему свое, а 3 гривнѣ за обидоу*. На базе этих значений возникают устойчивые сочетания типа *своимъ умомъ, своими глазами, своими руками* с окрашенной посессивной семантикой 'свой собственный', сохраняющейся в подобных сочетаниях и в настоящее время: *Цареградци же умориша его, глаголюще, яко умре с вою смертю; А кабалу писал Гридя с вою рукою; Се язъ пишу душевную грамоту, ида в Орду, ни кимъ не нуженъ, цѣльмъ своимъ умомъ, въ свою здоровью; А мы холопу вашему подали сказку за своими знамены, а в сказки им написано; Бѣху же Уери первое въ православие крещение от Грек приемше, но не поспѣшиш им с воимъ языком грамоту изложити и т.д.*.

К значению подчеркнутой индивидуальной собственности примыкает значение дистрибутивности, распределения индивидуальной принадлежности владения: *Они же не постряпуче поткоша вси с ними кыиждо въ с вои бродѣ; А доводчику у нихъ изъ стану въ станъ не перѣѣжжати, коиждо бо искаше с воего съпротивника побѣдити. И смѣсишася коиждо вѣдаеть свои станъ*. Таким образом, в плане линейного распределения словосочетания у указанного периода подчеркнутое выражение притяжательности, обладания, окрашенное дополнительной семантикой 'свой, а не чужой', 'свой собственный', 'каждому свое', выражается препозицией притяжательного местоимения. Нейтральное, немаркированное выражение притяжательности выражается постпозицией *свой*: *Мы, княже, за тя главы с во я съкладываемъ, а ты нынѣ держиши врагы свой и наши прости; Наряди же полки с вои Всеволод и пусти возы с во я за рѣку; И повороти конь Мѣстиславъ и съ дружиною с вою от стряя с воего; А самъ Рюрикъ на том же цѣлоза к ним крестъ, и распусти дружину с вою и дѣти с вое, и Половцы отпусти въ вѣжи с воѣ, одаривъ ихъ дарми многими, а самъ иде во Вручии орудии с воихъ дѣля; Онъ же не побѣха, но и сына с воего выведе из Орѣхова, князя Александра, токмо намѣстники с во я*. Именно вокруг этого неокрашенного посессивного значения группируется лексическое поле имен, относящихся к непосредственной сфере окружения актанта: слова типа *двор, послы, воевода, град, ратники, полки, бояре*, а особенно – имена родства.

Оппозиция *свой/подчеркнуто свой*, т.е. противопоставленно *свой*, отчетливо проступает при именах-этнонимах: *литовцы, половцы* для автора

текста не свои, они "свои" для чужого. См.: *Олгерд послал с вами Литву во сторожахъ передъ полки; Олгерд же и Кестутеи повелѣша опять с вами и Литвѣ бродитися за Великую рѣку; Олгерд же и Кестутеи со с вами Литвою отрекоша пошли противу Немецкои рати; А по иныхъ с вами Половъцевъ послаша.* Ср. с этим: *И еще убо князь Мстиславъ уготовися на брань съ Ростовци с вами и многие примеры подобного типа.* Некоторые сочетания с лексемами отчина, власть, сторона, град, оказались, судя по материалу, допускающими обе конструкции, с постфиксом пропозицией посессива без явного их содержательного различия в тексте: *Возврати же ся князь Михаило во градъ с вами с великою побѣдою и возвратишиася во с вое отчество с великою радостью; Но жаль мне с воеѣ отчины; Пришиде с пожалованьемъ въ с вами отчину; Тогда вборзѣ буду въ с вами отчину; Глѣбъ Борисович идет на Бѣлоозеро въ с вами отчину; Онь же идет Смоленьску въ с вами отчину; Брата, ты тамо с воеѣ отчину от Юрия постереги; Отпусти его почестивъ во с вами отчину; Поидоша к Батыеви про с вами отчину; Помысли въ сердци с воеѣ церковь възвдвигнути въ отчинѣ с воеї в Серпоховѣ; Обнови отчину с вами (вариант: с вами отчину); Положилъ гнѣвъ с вами на отчину с вами; Пожалованъ царемъ Озбякомъ отчиною с воеї Тферьскою землею.* Подобное смешение конструкций наблюдается и у других слов указанной группы лексики. Ее pragматическое отличие от предыдущей группы (родственники, послы, полки, дом, двор и т.д.) можно увидеть в следующем: группа с твердым порядком N + свой соответствует некоторым объектам, безусловно подчиненным какому-то смысловому центру, первичному актанту (обычно это князь, о котором повествует летописец), это как бы нулевое подчинение, а отчина, власть, град, сторона могут принадлежать и параллельному для летописца и столь же полномочному актанту, поэтому в таких примерах можно усмотреть оттенок подчеркнутой дистрибутивной посессивности.

Таким образом, несомненно и вполне доказуемо утверждение, что для древнерусского языка описанного периода различается собственно посессивность, не окрашенная дополнительной семантикой, и принадлежность подчеркнутая, окращенная. Средством их различия служит порядок компонентов в словосочетании: N + свой — немаркированная посессивность, свой + N — маркированная посессивность. Количественно из них преобладает N + свой, поскольку обычно всякая не отмеченная особо структура, по определению, преобладает и статистически. Прагматический фактор обеспечивает наличие определенной группы лексики, тяготеющей к чистой посессивности — обычно это круг непосредственного владения актанта<sup>2</sup>.

## 2. Данные XVI–XVII вв.

Отличительными чертами этого периода можно считать четыре явления:

- 1) резкое увеличение числа примеров с конструкцией *свой + N*, т.е. препозицией посессива;
- 2) появление двух разных значений у структуры *N + свой*;
- 3) частые случаи необъяснимого с предшествующими позициями смешения семантики употребления обеих конструкций: это становится очевидным при одном и том же N и совпадении смысла высказываний;
- 4) появления слова *собственный* как частого лексического подкрепления к соответствующему значению *свой*.

Так, структура *свой + N* сохраняется при подчеркнутой притяжательности (свой, а не чужой, свой собственный, каждому свое): *И опричь бы того таможенного въсу, никакие люди въ с о и вѣсъ хлѣба не покупали и не продавали; Велель имъ жалованную грамоту переписати на с о е государево имя; А называютъ ту его Ондрюшкину тоню с в о е ю тонею и владѣютъ тою тонею насильствомъ сами; Для сыску волочились мы, холопи твои, во многіе годы с в о е ю охотою; Всѣ мы, поручники, живемъ с в о и м и дворы; Ужъ у него и с в о я сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его; Для того сви<sup>н</sup>я інымъ голосомъ запѣла, что не с в о е в о корму хватила; Аще кто обрящется на мѣстѣ, несущу священнику, аще и с в о и отецъ крестить нѣсть грѣхъ и т.д.* Однако препозиция посессива все больше начинает характеризовать те словосочетания, которые в более ранний период были бы отмечены постпозицией *свой*: *Первому полку воевода поставляетъ единокровнаго с в о е г о болярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; Се азъ, князь Михаило Андреевичъ, менятъ есми все с с в о и м слугою с Афонасом со Внуkovым землями... А променилъ есми Афонасу с в о е м у слуге Липпнис Боярской Лукинскои; Ученици восплакаша, яко оставше доброго с в о е г о пастыря и по бозѣ учителя; Оумилостилися государь Федоръ Ивановичъ, пожалуи вели, государь, на того с в о е г о бобыля дать с в о и правѣднои судьи и оправу в тои гибели; Се язъ, Федоръ Игнатьевъ сынъ, с в о и мъ сыномъ съ Мокiemъ, да язъ Олексій Микифоровъ сынъ, с в о и мъ сыномъ съ Ігнатиемъ и т.д.*

У структуры *N + свой* остается значение неокрашенной посессивности: *Турские дервиши на груди у себя ... рѣжутъ и на голове и на тельце с в о е мъ... зелье жгутъ; А к девичу монастырю далъ вкладъ по родителях с в о и х Андрей Яковлевъ; А товары с в о и привозять и въ лавкахъ торгаютъ; Въ приезде с в о е мъ запоздаютъ; Всеа Руси и Московского царства царевичъ Дмитреи изгнанъ ото отечества с в о е г о.* Однако у постпозиции *свой* возникает, как новое, значение окрашенной посессивности. В этом случае посессив является предикативом (в современном прочтении он обязательно ударен): *А языкъ де у хана с в о и и говорятъ по своему; Королевство земли Шпанскія земля же на велми пространна, а языкъ с в о и и люди воинские зѣло храбры; У которыхъ пищали с в о и и тѣмъ дати по пяти рублевъ.*

В словосочетании со *свой* все чаще появляется слово-вставка *собственный*: *Ренское королевство не было еще подъ чужою властію, но имѣло собственныхъ с в о и хъ владѣтелей и самодержавнаго с в о е г о короля именемъ Григоріуса.* Появление этой вставной лексемы объясняется смешением препозиции и постпозиции *свой*, характеризующим этот период. Смешение это сказывается как в разнообразных вариантах порядка слов в словосочетаниях с одним *N* (*Созда человѣка во образъ с в о и – Перваго человека Адама создѣ Господь по с в о е м у образу*), так и в непротивопоставленном функционально введении обеих структур в один текст: *И охотники приняли подъ с в о и дворы и под огороды с в о й десятинные пашенные земли, хотя в некоторых текстах это функциональное различие увидеть все же можно: Вѣдаю и то, что я в отписки с в о и к великому государю многая рѣчи на с в о ю стать написалъ, которая не в чинѣ; Янъ Казимеръ... присыпалъ езувита с в о е г о о том, что вашему бѣ королевину в-ву потомъ вону вести съ с в о е и стороны.*

### 3. Данные "петровской эпохи"

В этот период наблюдается дальнейшее функциональное смешение конструкций *N + свой и свой + N*. Приведем количественные данные по четырем материалам, имеющимся в Картотеке Словаря XVIII в. ЛО ИЯ АН СССР: 1) письмам Петра Первого 90-х годов XVII в., 2) книге И. Порошкова "О скучности и богатстве", 3) Походному журналу Петра Первого 1713–1715 гг., 4) сатирам А. Кантемира. Распределение функциональных стилей литературного языка в этот период было настолько жестким, что недифференцированный подход к текстам может затуманить картину функциональной дистрибуции.

В письмах Петра Первого структура *N + свой* относится к *свой + N*, как 1,2:1, т.е. примерно поровну. Обращает на себя внимание факт, отмеченный и для предыдущей эпохи: если перед именем стоит еще одно определение-прилагательное, то *свой* обязательно препозитивно, при этом оно непосредственно примыкает к имени: *Благодарствую и-впредь также по вѣрнои с в о е и службѣ служить обѣщаюся; Князь Иванъ Дмитревичъ отъ тяжкія с в о е я раны... переселился въ вѣчные кровы и т.д.* Смешение обеих структур видно при сопоставлении идентичных этикетных формул: *Здравствуй на многие лѣта со сажителницею с в о е ю, а мою государынею невѣстушкою.* Сравним с этим в той же формуле обращения *Братецъ государь царь Ioannъ Алексѣевичъ съ невѣстушкую, а съ с в о е ю супругою и съ рождениемъ с в о и мъ въ милости Божией здравствуйте.* Ср. также: *Reи да спустить въ знакъ с в о е м у начальнику, что онъ то учинить можетъ и Тогда точас долженъ о томъ прислать къ начальнику с в о е м у.*

У Порошкова преобладает препозиция над постпозицией (3:1), что может объясняться дидактичностью, а не чистой информативностью его текстов, поэтому преобладают устойчивые сочетания с именем типа *свое состояніе, своя воля, свой вѣк* и т.д.

В Походном журнале 1713–1715 гг. соотношение препозиции *свой* к постпозиции 4:1, причем представлена препозиция в тех контекстах, в которых в древнерусский период была бы возможна только постпозиция: *Агличане украшали с в о и корабли флагами и палили со всѣхъ с в о и хъ кораблей.*

У А. Кантемира соотношение обеих конструкций 1:1; в ряде случаев их параллелизм может быть, вероятно, объяснен соображениями метрического характера: *Зналъ бы лишь ружье свое да свое капрана; Воинъ ропщетъ, что с в о и мъ полкомъ не владѣетъ. Когда ужъ имя с в о е подписать умѣетъ; Отъ жены, дѣтей с в о и хъ долгое посольство отправить тебѣ, Потомъ с в о е недовольство явитъ.*

Таким образом, значение противопоставления, дистрибутивной собственности, подчеркнутой собственности остается при *свой + N* (*Нелзѣ говорить, себе ради не щадить крови людской царь Петръ: шляпа свидѣтельствуетъ, что и с в о е и кровь не щадитъ; При которыхъ онъ и с в о и литовскіе роты имѣетъ* и т.д.). Но учащающееся добавление атрибута-прилагательного, расширение именной группы, перетягивает посессив в препозицию. Таким образом, именно препозиция постепенно становится нормой, преобладающей конструкцией.

#### 4. Данные второй половины XVIII в.

Наиболее характерной чертой именно этой эпохи является резкое увеличение числа примеров с включением лексемы *собственный* в сочетание с функциональным значением подчеркнутой принадлежности: *Пользы ваша мнѣ приятнѣе своей собственной; Пизистратъ любилъ дочь Стеропы какъ собственную свою; Болѣе печется о поступкахъ и дѣлахъ ближнаго нежели о своихъ собственныхъ; И говорилъ имъ собственною своею персоною следующее; И о благополучіи ихъ такъ пекутся, какъ о своемъ собственномъ; Опредѣлилъ онъ мнѣ двухъ человѣкъ своихъ собственныхъ къ моимъ услугамъ и т.д.* Функционально близким является указанное выше постпозитивное употребление *свой* в предикативе и под ударением: *Братъ мой, а умъ у нево съвой.*

Победу препозитивной структуры *свой + N* (или, напротив, потерю ею функциональной маркированности) можно продемонстрировать данными журнала "Грутень", полностью представленного за 1769 г. Соотношение препозиции к постпозиции равно 4:1. В ряде случаев в пределах одного предложения встречаются обе структуры: *И правда никтоль приличного со правомъ съ о и мъ прозвища не имѣть какъ сіи господа, ибо вертять дѣла по съ о и мъ прибыткамъ; Присматривать за съ о и мъ домостроительствомъ и примеромъ съ о и мъ служителей съ о и хъ поощрять къ трудамъ; На конецъ вмѣсто бещестія взяль обратно съ о и вексель съ надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы супругѣ съ о и ей не худой на шубу мѣхъ; Сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему съ о и лапы, сдѣлалъ домъ съ о и навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою или лучше сказать онъ сдѣлалъ домъ съ о и домомъ бѣшеныхъ.*

Таким образом, оказывается постоянно значимой разница между чистым значением притяжательности и значением окрашенной притяжательности. В раннем периоде развития русского языка она выражается оппозицией места *свой* в словосочетании, т.е. порядком слов. Постепенно модель *свой + N*, представленная только в отмеченных по смыслу контекстах, побеждает количественно и становится выражением нейтральной посессивности, немаркированной. Тогда окрашенное значение *свой* начинает искать маркированные формы для своего выражения и находит их либо в добавлениях лексического плана, либо в акцентной выделенности, либо в особой конструкции с постпозицией: *У него свой собственный дом; У него свой дом; Дом у него свой.*

#### II. ОПЫТ ИЕРАРХИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Изложенные выше языковые факты, как представляется, достаточно объективны, но недостаточно интерпретированы. Описание, составляющее п. I, есть только дескрипция, только факты – без каких-либо гипотез, объясняющих механизм языковой эволюции или дающих право на лингвистический подход к подмеченным языковым явлениям. Какой же может быть предлагаемая интерпретация? Прежде всего существенно, что всякая интерпретация есть сопоставление двух систем: системы описания и некоторой другой системы X. Удачность выбранной системы X определит стече-

пень углубленности в трактовке языкового материала. В нашем случае Х-системой могут быть факты того же языка (русского) как современного нам этапа, так и категориально близкие факты того этапа, который описывался. Это могут быть факты другого языка (других языков), возможно, повлиявшего на описываемый. Наконец, это может быть система общеязыковых законов, как диахронических, так и панхронических. Представляется, что все эти перечисленные системы-интерпретации не исключают, а дополняют друг друга и могут быть описаны через градацию объясняющих феноменов.

1. В плане синхронного описания полученные диахронические факты находят соответствие в типах функциональной семантики посессива "свой", выведенных и описанных Е.В. Падучевой<sup>3</sup>. Помимо основного значения 'свой'<sub>1</sub> = 'себя + притяжательность', Е.В. Падучева выделяет 'свой'<sub>2</sub> = 'собственный', 'свой'<sub>3</sub> = 'свой<sub>1</sub> + дистрибутивность', 'свой'<sub>4</sub> = 'особый', 'свой'<sub>5</sub> = 'надлежащий' и 'свой'<sub>6</sub> в значении "свой человек" (*Кто там? – Свой*). Е.В. Падучева определяет контексты, допускающие употребление *свой* только в несобственно притяжательных значениях 2–6. Эта классификация, накладываемая на приведенные нами данные диахронии, отчетливо демонстрирует стремление языка сохранить различие 'свой'<sub>1</sub> и 'свой'<sub>2–5</sub> (структуры 'свой'<sub>6</sub>, т.е. субстантивированные, в нашей работе не рассматривались), обеспечить это различие формальными средствами. Примечательно, что формы реализации этой смысловой дифференциации меняются, вплоть до противоположного воплощения: от немаркированного N + *+ свой* = 'свой'<sub>1</sub> в начале развития до немаркированного *свой* + N = 'свой'<sub>1</sub> в конце процесса. Однако категориальная суть различия сохраняется. Таким образом, система значений, выведенная Е.В. Падучевой для современного русского языка, проливает свет на ту тенденцию, которую русский язык стремится сохранить, несмотря на мощное давление каких-то участков системы, благодаря которым формальные способы выражения этой тенденции претерпели столь существенные изменения.

2. Каковы же причины этих изменений? Наиболее логично в их поисках обратиться к иным способам выражения посессивности в истории русского языка, а именно: адъективному и генитивному, и выявить эволюцию линейной структуры этих словосочетаний. Работа эта была проделана М. Виднэс<sup>4</sup>. Разбирая четыре теоретических возможности: *Петров дом*, *дом Петров*, *дом Петра* и *Петра дом*, М. Виднэс демонстрирует, что препозиция атрибута была явлением, свойственным русскому языку, а постпозиция его – фактом либо поздним, либо иноязычным. Так, сочетание *дом Петра* появляется лишь в середине XVII в. ("Повесть о Савве Грудыне"). Даже у классиков XVIII в. – Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова очень много препозитивных посессивных определений, выраженных генитивом и отыменным прилагательным. Решительным переходом к постпозитивному посессивному генитиву можно считать "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина, где он составляет 75%. М. Виднэс делает вывод о том, что постпозиция выражения принадлежности, представленная родительным падежом, исконно чужда русскому языку (Указ. соч., с. 175). Сравнивая эти данные с нашими данными, мы можем сделать вывод о том, что обе линии выражения притяжательности как бы поменялись местами: *свой* перешло в препозицию, а родительный принадлежности – в постпозицию.

зицию. Итак, хронологически оба явления примерно совпадают. Тогда можно сделать еще один вывод: на постоянную тенденцию сохранения различия 'свой<sub>1</sub>' и 'свой<sub>2-5</sub>' (по Е.В. Падучевой) накладывается перестройка линейных структур двух типов выражения притяжательности, приведшая к их симметричному преобразованию.

3. Но имеем ли мы право, решая этот вопрос, ограничиваться только средствами выражения посессивности и не заинтересоваться более общим вопросом об изменении/неизменении порядка элементов в именном словосочетании в русском языке. Этот вопрос был детально изучен О.А. Лаптевой<sup>5</sup>. Рассматривая словосочетания с *многий*, *великий*, *малый*, О.А. Лаптева показывает тонкую сетку закономерностей их линейной структуры, многие из которых на современном этапе могут быть интерпретированы, исходя из прагматического подхода. Так, О.А. Лаптева также отмечает наличие определенной группы слов, у которых атрибут находится только в препозиции, например, *время, лѣта, дни, часъ, годы* (см. именно групповое объединение лексики со *свой* в препозиции и постпозиции в нашем материале). Ею отмечены *Новгородъ Великий*, (но *Великий Римъ*, *Великая Пермь*). Ср. выше *Ростовци своими*, но *своя Литва*. Т.е. препозиция посессива как бы отчуждает денотат словосочетания в этот период. О.А. Лаптева показывает, что закрепленность линейного порядка зависит не только от типа лексемы имени, но и от членности/нечленности прилагательного, и даже от типа памятника. В целом же выявляется неуклонный рост препозитивных употреблений в конце древнерусского периода (в работе приводится библиография исследований других историков словопорядка в русском языке, единодушно пришедших к этому же выводу).

Таким образом, поднявшись еще на один уровень интерпретации, можем добавить, что отмеченные нами закономерности могут быть подкреплены более общим тезисом: в русском языке укреплялась тенденция помещать изменяемый атрибут в препозицию, а неизменяемый – в постпозицию, т.е. *свой дом, новый дом, но дом Петра, дом соседа*. Тенденция эта, как очевидно, выходит за пределы собственно посессивной сферы.

4. Каковы же тогда движущие силы этих изменений? М. Виднэс выскажала предположение, что *домъ Петровъ* есть форма, возникшая подъ старославянским влиянием. Необходимо поэтому обратиться к анализу старославянской ситуации. Исследований о позиции слова *СВОИ* в именных словосочетаниях старославянского языка нам не удалось обнаружить<sup>6</sup>, поэтому был проведен специальный анализ порядка элементов в сочетаниях слова *СВОИ* в Марииинском евангелии. В старославянском тексте отношение *N + СВОИ + N* примерно равно 10:1. Поскольку маркированной является несомненно препозиция *СВОИ*, остановимся на случаях препозиции.

Все подобные примеры укладываются полностью в классификацию Е.В. Падучевой; препозицией отмечены значения 'свой<sub>2-5</sub>'. Это значения:

1) 'свой собственный', 'свой<sub>2</sub> – ЪКО ПРКЪ ВЪ СВОЕМЬ ОТЬЧЬСТВИИ НЕ ИМАТЬ ЧЬСТИ (И IV 44); ЕГДА КРЪПЪКЫ ОУРЖЬ СА ХРАНИТЬ СВОИ ДВОРЬ (Л XI 21); И ВЪЛЬЗЪ ВЪ КОРАБЬ ИСЬ ПРЬДЕ · И ПРИДЕ /ВЪ/ СВОИ ГРАДЪ (Мф IX 1); И ОВЪЦА ГЛАСТЬ ЕГО СЛЫШАТЬ · И СВОЯ ОВЪЦА ГЛАШАТЬ ПО ИМЕНИ · И ЗГОНИТЬ СА · И ЕГДА СВОЯ ОВЪЦА ИЖДЕНЕТЪ · ПРДЪ НИМИ

ХОДИТЬ (и х з); ъКОЖЕ ЧЛВКЪ ОТЪХОДА ПРИЗЬВА СВОЮ РАБЫ · И ПРЪДАСТЬ ИМЪ ИМЬНИЕ СВОЕ (Мф XXV 14); ВЪСАЖДЬ ЖЕ И НА СВОИ СКОТЪ ПРИВЕДЕ И ВЪ ГОСТИНИЦѢ (ЛХ 34);

2) 'дистрибутивно свой', 'свой<sub>3</sub>' – И ИДЬЕАХѢ ВЪСИ КЪЖЪДО НАПСАТИ СА ВЪ СВОИ ГРАДЪ (Л II 3);

3) 'надлежащий', 'свой<sub>5</sub>' – ВЪ ЗВРАТИ НОЖЪ СВОИ ВЪ СВОЕ МѢСТО (Мф XXVI 52).

Конструкция N + *свой* более частотна, немаркирована, передает неокрашенную притяжательность и, как в древнерусском языке, чаще всего соотносится с именами, денотатами которых являются феномены непосредственного окружения и непосредственного владения актанта: СЕГО РАДИ ОСТАВИТЬ ЧЛКЪ ОТЦА СВОЕГО И МАТЕРЬ СВОЮ И ПРИЛЬПИТЬ СА ЖЕНЬ СВОЕИ (Мф XIX 5); ъКОЖЕ ЧЛВКЪ ОТХОДА ОСТАВИ ДОМЪ СВОИ · И ДАВЪ РАБОМЪ СВОИМЪ ВЛАСТЬ И КОМОУЖЪДО ДЬЛО СВОЕ (Мф XIII 34) и т.д.

Таким образом, исходная древнерусская модель может быть соотнесена со старославянской.

5. Однако решать вопрос о корреляции этих двух языков в области порядка слов мы не можем без обращения к греческим евангельским текстам, словопорядок которых в старославянских текстах обычно копировался.

Старославянским формам 'свой'<sub>1</sub> в греческом тексте обычно соответствуют формы местоимений *αὐτός*, *σύ*, формам со значениям 'свой'<sub>2-5</sub> – греческие формы *έαυτοῦ*, *έαυτης*, *ἴδιος* (последний чаще всего):

ВЪЗЬМЕТЬ КРСТЪ СВОИ – *ἀράτω τὸν σταυρὸν αὐτῷ*;

ИЗВЛЪЧЕ НОЖЪ СВОИ – *ἀπόστρεψον τὴν μάχαιρὰν σου*;

ИЖЕ БО АШТЕ ХОШТЕТЬ ДШѢ СВОѢ СПСТИ – *ὅς γὰρ ἔαν θήλη τὴν ψυχὴν αὐτοῦ σῶσαι*;

МАРИ... ВЪЗВРАТИ СА ВЪ ДОМЪ СВОИ – *ὑπέστρεψεν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς*;

ВЪЗВЕДЪШЕ ЖЕ ОЧИ СВОИ – *ἐνάραντες δὲ τοὺς θφεαλμοὺς αὐτῶν*;

ВЪЗВЕДЪ ОЧИ СВОИ – *ἐπάρας τοὺς ὀφεαλμοὺς αὐτοῦ* и т.д.

Сравниваем порядок слов в старославянском словосочетании, где греческим эквивалентом является *ἴδιος*, *έαυτοῦ*:

ъКО ПРКЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧСТВИИ – *ὅτι προφήτης ἐν τῇ ίδιᾳ πατρίδι*;

ХРАНИТЬ СВОИ ДВОРЪ – *φυλάσσοντι τὴν έαυτοῦ αὐλήν*;

И НА СВОИ СКОТЪ – *ἐπὶ τῷ ίδιῳ κτῆνος*;

КЪЖДО НАПСАТИ СА ВЪ СВОИ ГРАДЪ – *ἔκαστος εἰς τὴν έαυτοῦ πόλιν*;

И ПРИДЕ (ВЪ) СВОИ ГРАДЪ – *ῆλθεν εἰς τὴν ίδιαν πόλιν*;

И СВОЯ ОВЪЦА ГЛАШААТЬ – *καὶ τὰ ίδια προβαταφωνεῖ*.

Исходя из этих примеров, мы можем принять решение, что значения посессивности: 'свой'<sub>2-5</sub> в греческом языке различались лексически. Но это было бы неточно. Практически всякое несобственно притяжательное употребление соответствует греческим *ἴδιος*, *έαυτοῦ* (исключение – ВЪЗВРАТИ НОЖЪ СВОИ ВЪ СВОЕ МѢСТО – *ἀπόστρεψον τὴν μάχαιρὰν σου εἰς τὸν τόπον αὐτῆς*, об этом будет сказано ниже). Но не наоборот. Сочетаниям N+*свой* могут соответствовать эти же греческие лексемы:

ВЪ ИМѢ СВОЕ ТОГО ПРИЕМЛЕТЕ – ἐν τῷ ὄνοματι τῷ ἴδιῳ . (И V 43); ГЛДИ О СЕБѢ СЛАВЫ СВОЕИ ИШТЕТЪ – τὴν δόξαν τὴν ἴδιαν ζητεῖ (И VII 18);

ОБРЬТЕ СЬ ПРЪЖДЕ БРАТРА СВОЕГО СИМОНА – τὸν ἀδελφὸν τὸν ἴδιον Σίμωνα (И I 41);

НЬ И ОЦА СВОЕГО ГЛААШЕ БА – ἀλλὰ καὶ Πατέρα ἴδιον ἔλεγεν τὸν θεόν (И V 18);

ВЪВРЪЖЕ ВЪ ВРЪТОГРАДЪ СВОИ – ἔβαλεν εἰς κῆπον ἑαυτοῦ (Л XIII 19)<sup>7</sup>.

Что же тогда важнее для греческого – лексическое различие или порядок элементов? Если первое, то многие наши выводы для ранних этапов русского требуют дополнительной верификации, поскольку тогда старославянский порядок слов есть просто копирование греческого, где существенна только лексика, нейтрализуемая в старославянском в одном посессиве СВОИ, русский же язык все повторяет за старославянским. Но это противоречило бы обнаруженной контекстной семантике различия притяжательности окрашенной и неокрашенной, характеризующей и русские, и старославянские тексты. Существенным здесь является указание исследователей греческого евангельского текста о том, что в греческом языке подчеркнутая "окрашенная" посессивность передавалась препозицией местоимения<sup>8</sup>.

Таким образом, старославянский язык заимствует некоторую общую установку: передавать несобственно посессивные значения через предпозицию СВОИ.

Подлинным исключением оказались лишь три случая в тексте всего Мариинского евангелия: ВЪСЬКО БО ДРѢВО ОТЪ ПЛОДА СВОЕГО ПОЗНААТЬ СА – ἔκαστον γὰρ δὲνδρὸν ἐκ τοῦ ἴδιου καρποῦ (Л VI 44); КОМОУЖЪДО ПРОТИВѢ СИЛЬ СВОЕИ – ἔκαστῷ κατὰ τὴν ἵδιαν δύναμιν (М XXV 15); ЪКОЖЕ КОКОШЬ ГНѢЗДО СВОЕ ПОДЪ КРИЛЬ – ὅρις τὴν ἕαντις νοσοῖαν ὑπὸ τὰς πτέρυγας (Л XIII 34). В этих примерах обращает на себя внимание специфическое значение 'свой'з – значение дистрибутивности. Возможно, реализация именно этого значения отличала старославянский порядок от греческого аналога. Тогда это соотносится с примером СВОЕ МѢСТО – τὸν τόπον αὐτῆς и может свидетельствовать об активном становлении значений 'свой'з в старославянском. Возможно, значение 'свой'6, 'надлежащий' обрело маркированную форму выражения ранее 'свой'з. С другой стороны, для старославянского языка 'свой'з подчеркивается лексически – ВЪСЬКО, КОМОУЖЪДО и ЪКО и тогда линейный фактор может быть функционально избыточным.

6. Однако оценить факты старославянского и греческого языков, а также движение словопорядка в русском языке невозможно без обращения к позициям универсальной грамматики, в первую очередь, к той ее части, которая относится к функциям порядка слов. Некоторые интересующие нас положения обнаруживаются в известной работе Дж. Гринберга<sup>9</sup>, в трактовке Универсалий 17 и 18. Универсалия 17: "С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком VSO прилагательное стоит после существительного". Дж. Гринберг пишет: "Можно отметить, что количественные местоимения (например,

"некоторый", "все"), вопросительные местоимения и притяжательные прилагательные проявляют ту же самую тенденцию предшествовать существительному, что наблюдается, например, в романских языках, но такие случаи не изучены. В связи с этим получаем следующие Универсалы: Универсалия 18. Когда описательное прилагательное предшествует существительному, указательное местоимение и числительное в подавляющем большинстве случаев также предшествуют существительному... Универсалия 19. Общее правило, устанавливающее, что описательное прилагательное следует за существительным, может не распространяться на небольшое число прилагательных, которые обычно предшествуют существительному; но когда общее правило гласит, что описательные прилагательные предшествуют существительному, то это правило не имеет исключений" (Указ. соч. с. 129–130).

Таким образом, русский язык в своем развитии пришел к статусу определителей имени, указанному Дж. Гринбергом: согласованные определения препозитивны, несогласованные – постпозитивны<sup>10</sup>.

7. Последний вопрос – это вопрос о соотношении русского и старославянского словопорядков. Можно здесь принять или отвергнуть некоторые положения активно сейчас развивающейся диахронической типологии. А именно – можно считать, что русской системе исконно был свойствен иной порядок слов, чем старославянской, поэтому автохтонные русские тенденции взяли верх над старославянскими формами, т.е. рассматривать интерференцию чисто структурно и ахронически. Можно считать и иначе: русский язык пошел дальше старославянского по пути, описанному Дж. Гринбергом. Обратимся снова к старославянско-греческим параллелям. Несомненно, что в большинстве случаев греческий язык соответствует модели современного русского языка, а именно – в постпозиции размещаются неадъективные определители *αὐτῆς*, *αὐτοῦ* и т.д., т.е. несогласованные, в препозиции – согласованные определители. Ср. ἐκάλεσεν τὸς ἰδίους δούλους· καὶ παρέβωκεν... τὰ ὑπαρχούτα αὐτοῦ. Старославянский язык употребляет в обоих случаях согласованное определение: ПРИЗЬВА СВОЯ РАБЫ И ПРЪДАСТЬ ИМЪ ИМѢНИЕ СВОЕ (Мф XXV 14). Тогда дифференциация типов значений 'свой' в греческом языке осуществляется и позицией, и лексикой, в старославянском же – только позицией. В современном русском языке различие собственно и несобственно притяжательных значений выражается несколькими способами. Таким образом, будучи генетически близким к старославянскому языку, в своем типологическом пути, в том, что касается функций элементов и правил их словопорядка, русский язык оказался близким к греческому. Эволюционно старославянский оказывается как бы промежуточным. С некоторой осторожностью можно здесь сослаться и на мнение М. Баузеровой о средствах, вырабатывающихся, когда "новый литературный язык столкнулся с теми выразительными потребностями, которые встали при переводе такого зреющего языка, каким был греческий"<sup>11</sup>.

Проведенный анализ показал, что различие собственно притяжательных и несобственно притяжательных значений характеризует все языки анализа: русский, старославянский и греческий. Однако формы выражения этого различия могут по языкам не совпадать, могут и меняться в пределах одного языка (вплоть до диаметрально противоположных измене-

ний). Обнаруженные факты могут быть интерпретированы путем введения иерархически организованной системы интерпретаций: от более частных до самых общих. Внутренняя непротиворечивость уровней интерпретации еще раз подтверждает выведенные фактические закономерности.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В работе сознательно не рассматриваются те случаи, в которых отмечаются отклонения от современной нам нормы грамматического построения высказываний со словом *свой*, в частности, соотнесенность таких сочетаний не с субъектом, а с объектом высказывания: *Нѣсть бо свое княжение градъ Владимиръ, но пригородъ есть нашъ и наши смерди въ немъ живутъ; Братанчи же отпустиша срацины трехъ ко Амиру царю своему* (т.е. сарацинскому. – Т.Н.) словомъ *вѣсть*; *А корабли принуждены въ море бѣжать, оставляючи своихъ торговыхъ людей; Ужасный сонъ! своихъ мечтавшихся мнѣ силъ, ты ударениемъ нещастия поразилъ; В запальчивости своей пить ему холодную воду; Обращала печально взоръ свой на волны, которые разлучили ее съ своимъ любовникомъ* и т.п.

<sup>2</sup> Необходимо отметить характерные для этого периода особые конструкции двойной отмеченной посессивности: *Пришедъ въ свои ему монастыри; С молюю введоша Моисия архиепископа на свои ему столъ; И сотворивше вече по своему ихъ обычая; Видить Святаго Даниила во своемъ ему монастыри* и т.д. с препозицией *свой* и экспликацией рода и числа обладаемого и лица и числа обладающего. Эти конструкции не знают линейного дублирования и потому не образуют смысловой оппозиции.

<sup>3</sup> Падучева Е.В. Местоимение "свой" и его непрятяжательные значения. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.

<sup>4</sup> Виднэс М. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII–XIX веков. – Scando-Slavica, t. IV, 1958.

<sup>5</sup> Лаптева О.А. Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры. – ВЯ, 1959, № 3.

<sup>6</sup> Известная работа Р. Вечерки посвящена не порядку, а конкуренции *свой* с другими притяжательными местоимениями (*Večerka R. Distribuce possessivných zájmen v staroslovenštině*. – In: Otázky slovanské syntaxe. Brno, 1979. IV).

<sup>7</sup> В стороне остаются те нередкие случаи, когда в греческом тексте посессив отсутствует, например, ТЪГДА ИС ПОСЬЛА ДЪВА ОУЧЕНИКА СВОѢ – тότε ἦποις ἀπέστειλεν δύο μαθητὰς (Мф XXI 1).

<sup>8</sup> Blass F., Debrunner A. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1979; S. 234; Steyer G. Satzlehre des neutestamentlichen Griechisch. Gütersloh, 1979, S. 46.

<sup>9</sup> Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно кающихся порядка значимых элементов. – В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970.

<sup>10</sup> Данные среднего периода развития русского языка как будто бы противоречат Универсалам 20 Гринberга, по которой местоимение предшествует описательному прилагательному, а последнее предшествует существительному: *пишу цѣльмъ своимъ умомъ; возложи печаль на лице острымъ своимъ мечемъ; посылаетъ къ нему единокровнаго своего болярина; имѣло собственныхъ своихъ владѣтелей и самодержавнаго своего короля; прѣбѣхъ для рукодѣлнаго своего промыслу и т.д.* В постпозитивной цепочке правила Гринберга соблюдается: *свата своего великого; отца своего духовнаго; брата своего большего; сроднику своему великому.* Таким образом, на данном этапе *свой* как бы "прилипает" к имени, как в препозиции, так и в постпозиции. С конца древнерусского периода цепочка русских препозитивных определений соответствует Универсалам 20

# ПОСЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксические средства выражения посессивности представлены в сербско-хорватском языке местоименными, именными и глагольно-именными конструкциями.

## I. МЕСТОИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Это прежде всего атрибутивные сочетания существительного с притяжательным местоимением, согласованные в роде, числе и падеже: *мој друг, твој брат, наша сусетка, њен муж, њезин гроб, његов занат, његова кућица, у мом кабинету*. Такую же структуру имеют конструкции с возвратно-притяжательным местоимением: *своје другове, у своју домовину*.

В сербскохорватском, в отличие от русского, для 3-го лица, так же как для 1-го и 2-го, есть изменяемые притяжательные местоимения, различающиеся в зависимости от рода и числа одновременно и посессора и объекта обладания. Например, принадлежность 3-му лицу м. и спр. р. ед. ч. выражается с помощью форм *његов*, *-а*, *-о* (по роду объекта обладания): *његов конь, његова сестра, његово поле*; если объект обладания во мн. ч., то: *његови коњи, његове сестре, његова поља*; принадлежность 3-му лицу ж. р. ед. ч. выражается с помощью двояких форм *њен*, *-а*, *-о* и *њезин*, *-а*, *-о* с соответствующими родовыми окончаниями для мн. числа, причем *њезин* употребляется преимущественно в западной разновидности сербскохорватского языка<sup>1</sup>. Если посессор стоит во мн. числе, то для всех трех родов служат формы *њихов*, *-а*, *-о* или реже *њин*, *-а*, *-о* или архаические *њихан*, *њихна*, *њихно* с соответствующими окончаниями для мн. числа: *њихов коњ, љихова сестра, љихово поље, љихови коњи, љихове сестре, љихова поља*<sup>2</sup>. Эти согласуемые притяжательные местоимения 3-го лица по способу образования и изменения соответствуют существующим в русском языке диалектным и просторечным формам типа *евонный, ейный, ихний* (на месте неизменяемых *его, ее, их*)<sup>3</sup>.

В современном сербскохорватском языке соблюдается правило рефлексивизации, характерное и для других славянских языков, согласно которому в случае совпадения подлежащего с именем посессора употребляется не притяжательное, а возвратно-притяжательное местоимение. Это особенно обязательно для местоимений 3-го лица. Например: *Ја сам поздравио своје другове* (не *моје*), *Ви сте се вратили у своју домовину* (не *вашу*), *Он је сам својом руком плевио коров* (не *његовом*), *Она не сме одати своју љубав*. Спр. притяжательное и возвратно-притяжательное местоимения в предложении: *Старац обори свој оштра поглед и око његових скlopљених трепавица обиће нешто као магла*. Нарушение правила рефлексивации чаще всего наблюдается в случае 1-го лица, в частности, когда субъект понимается расширительно. Например, *Ми смо већ били упознали снагу народа наше земље, јер смо већ видјели на дјелу наш народ у Србији и Црној Гори*. Как считает М. Стеванович, употребление притяжательного местоимения вместо возвратно-притяжательного может также

быть результатом иноязычного влияния. Он приводит следующие примеры:  
*У време када је Вук радио његов Српски речник, Она је на много више  
стопњу од свих њених критичара и пр.<sup>4</sup>*

Возвратно-притяжательное местоимение помимо основного может иметь дополнительные несобственно притяжательные значения, например, 'особый', 'надлежащий', 'находящийся в родственных, дружеских или еще каких-то близких или постоянных отношениях': *Свака рана има своје биље, Треба поставити све на своје место, Ја сам вам у своје време говорио о томе, Он ми је свој, С пушком у руци као прост војник био је са својима и пред својима.* В этом сербскохорватский язык не отличается от других славянских, например от русского<sup>5</sup>.

**2. Существительное и дательный падеж личного местоимения.** Считается, что серии кратких форм притяжательного и возвратно-притяжательного местоимения в сербскохорватском языке, в отличие от болгарского, нет. Сочетания типа *сестра ми, (стара) нам матери, кћер му, жена му, кућа му, механа му, брат јој, (ирна) јој коса, глава вам, по соби ми, за појасом му, на (суху) јој ручицу* и пр. в грамматиках обычно называют несогласованными сочетаниями сокращенных форм дательного падежа личных местоимений с существительным. Представляется, что принципиального различия между болгарскими краткими притяжательными местоимениями и сербскохорватскими так называемыми сокращенными формами дательного падежа личных местоимений нет. Другое дело, что в современном сербскохорватском языке, в отличие от болгарского, сочетания этих форм с существительным представляют собой архаическую посессивную конструкцию. Она охватывает узкую сферу лексики, хотя и является достаточно частотной. Это непродуктивный способ выражения посессивности в современном сербскохорватском языке.

## II. ИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

**1. Притяжательное прилагательное и существительное, согласованные в роде, числе и падеже:** *Јевгенијево ухо, око професорово, братова кућа, име пишево, наставникове речи, кнезев заступник, мајчина туга, биографија ауторова.* В современном сербскохорватском языке притяжательные прилагательные служат основным средством обозначения принадлежности одному уже известному лицу, название которого состоит из одного слова и не имеет никаких определений<sup>6</sup>. А. Белич писал, что дух сербскохорватского языка требует, чтобы везде, где это только возможно, было использовано притяжательное прилагательное<sup>7</sup>. Притяжательные прилагательные свободно образуются от всех одушевленных существительных, они не имеют того архаического оттенка, который характерен для русских притяжательных прилагательных. Особенно легко образуются притяжательные прилагательные от имен собственных: *Његашева дела, Шеноине баладе, Максуранијев еп, Змајеве песме, Броз-Бранићев правопис* (от правопис Броза и Бранића – здесь используется даже словосложение). Исключение составляют лишь имена на -ић, которые чаще употребляются в форме генитива: *апотека Маринића, Мијовића кафана.* Родительный падеж имен собственных всех иных типов сохраняется преимущественно в фольклоре и в старой поэзии и литературе.

## 2. Именные посессивные конструкции с формами косвенных падежей существительного, называющего посессора, без предлога

а) Конструкция с формой родительного падежа. Она чрезвычайно нагружена различными оттенками посессивного значения. Родительный падеж может обозначать принадлежность в собственном смысле, отношение посессора к лицу, в том числе родственные отношения, часть целого, в том числе часть тела, отношение между посессором и его местом в социуме, авторство, временные и пространственные отношения, признак и его носителя, качественную характеристику лица или предмета и пр.: *кућа брата, коњ бега, одећа синова, чизме мушкараца, живот читаоца, име писца, биографија аутора, речи наставника, вольга господара, одмор рудара, кћи трговца, пријатељ мужа, роб деце, управник установе, прсти жене, брада родитеља, роман мајстора, дела Вука, лађање паса, грактање врана, оштрица ножа, куле града, лишће шевара, почетак пута, лепота девојиц, храброст мученика, ум човека.*

Родительный посессивный в сербскохорватском языке структурно мотивирован — он употребляется чаще всего при наличии определения к имени посессора: *кућа мог брата, коњ неког бега*. При отсутствии такого определения, как уже говорилось, более вероятно использование притяжательного прилагательного: *братова кућа, бегов коњ*<sup>8</sup>.

Разновидностью конструкции с родительным падежом являются трехсловные сочетания, содержащие неопускаемое определение: *људи слободна срца, човек оштра ума, момче црна ока, младић високог раста, стариц беле браде, волови влажних губица*. Ср. невозможность словосочетаний без прилагательного \**људи срца, \*човек ума, \*момче ока* и пр.<sup>9</sup> Заметим, что такие сочетания возникают, когда одно из существительных обозначает так называемый "абсолютно неотчуждаемый объект обладания" ('сердце людей', 'ум человека', 'глаз мальчика')<sup>10</sup>.

Трехсловные конструкции с родительным падежом выражают оттенок посессивного значения, который в грамматиках обычно именуют качественной характеристикой лица или предмета. Это значение находится, так сказать, на периферии категории посессивности, оно очень близко к собственно определительному<sup>11</sup>.

б) Конструкция с формой дательного падежа: *учитељ деци (њиховој), пријатељ (моме) господару, споменик (погинулим) јунацима, кућа Милошу, Николе мајка*<sup>12</sup>. Это непродуктивный способ выражения посессивности. Датив в этой функции возможен лишь в виде отдельных архаизмов. Чаще встречается датив личного местоимения, но и он, как уже говорилось, не характерен для современного сербскохорватского языка.

## 3. Именные посессивные конструкции с формами косвенных падежей и предлогами:

а) Предлог *од* и родительный падеж: *отац од кћери, брат од сестре, господар од (своје) жене, капетан од лађе, газда од (свог) имања, хроника од Андрчића (= 'написанная Андрличем'), заповест од кмета, прозор од кола, угао од постеље, дах од живота, сенка од дрвета, мирис од коже, светлост од свеће, писац од талента, човек од укуса, цар од друге вере, пас од племените расе*. Эта конструкция имеет очень широкий круг значений, почти равный значениям сочетаний с родительным беспредложным. Как видно из примеров, встречается довольно большое количество трехсловных сочетаний с неопускаемым определением, имеющих значение

качественной характеристики лица или предмета. Среди них выделяется группа, в которой к значению качественной характеристики примешивается количественно-определительный оттенок: *човек од педесет година, жена од четрдесет и шест, воденица од три камена*.

б) **Предлог без и родительный падеж:** *дете без родитеља, човек без руке, ћерка без имени, лице без мисли, тмина без обале, хальина без на-кита*. Эта конструкция выражает только одно значение отрицательной принадлежности – необладание предметом или свойством, т.е. отсутствие у посессора предмета или свойства. В некоторых случаях сочетанию предлога *без* с родительным падежом существительного соответствует производное прилагательное, имеющее префикс *без-*: *човек без руке – безруки човек, небо без облака – безоблачно небо*.

в) **Предлог у и родительный падеж:** *срће у жене, очи у старца, у Милице трепавице, уши у цара, уста у кита, очи у мачке, почетак у чорапе*. Такой конструкцией обычно выражается принадлежность одушевленному существу или отношение части и целого. В случае неодушевленных существительных чаще употребляется предлог *од*: *почетак у чорапе – почетак од чорапе, петља у мреже – петља од мреже, грлић у пушке – грлић од пушке*. Однако предлогу *у*, особенно при одушевленных существительных, более естественно управлять родительным падежом существительного не в именных, а в предикативных словосочетаниях с глаголом 'быть': *У Илије лепа ту је кћи, У мајке је ћерка била, Каква је била у мог мајстора кобила*.

г) **Предлог с и творительный падеж:** *старац с брадом, лепотица с младежом, војник са пушком, фес с кибанком, прозор с решеткама, кућа с кровом; брат с сестром, цар с сином, овца с јагањцима*. Эти словосочетания достаточно продуктивны в посессивном значении, в частности, они передают отношения, которые обычно называют сопровождающим признаком, совместностью и взаимностью. Среди словосочетаний рассматриваемой конструкции часто встречаются трехсловные с неопускаемым определением к имени посессора: *дече с престрашеним очима, девојка са замришем косом, девојка са црним очима, девојка са бледилом на лицу, нос с округлим ноздрвама, лице с крупним очима*. Ср. невозможность словосочетания *\*дече с очима, \*нос с ноздрвама* без прилагательного при абсолютно неотчуждаемом объекте обладания и возможность словосочетания без атрибута при относительно отчуждаемом объекте: *старац с брадом*. Подобные трехсловные словосочетания, выражающие то посессивное отношение, которое мы по традиции называем качественной характеристикой лица или предмета, нередко синонимичны трехсловным беспредложным словосочетаниям с родительным падежом, например, беспредложным словосочетаниям с родительным падежом, например, *девојка са црним очима – девојка црних очију*.

д) **Предлог у и предложный падеж:** *човек у рукавицама, девојка у годинама, старац у добром здрављу*. Для этой конструкции очень характерны трехсловные сочетания с неопускаемым определением. Имя объекта обладания чаще всего называет относительно неотчуждаемую принадлежность (*човек у рукавицама*), иногда – фактически в устойчивых выражениях – может называть абсолютно неотчуждаемую принадлежность (*старац у добром здрављу*).

е) Предлог *у* и винительный падеж: *комад у три чина*. Эта конструкция встречается только в трехсловном варианте и передает посессивное значение с количественно-определительным оттенком. (Ср. русск. *квартира в пять комнат*).

### III. ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Конструкция с посессивным дательным без предлога. Имеются в виде трехсловные глагольно-именные сочетания с существительным в дательном падеже, которое не зависит ни от глагола, ни от существительного – прямого дополнения в отдельности, а характеризуется зависимостью от всего глагольно-именного словосочетания в целом: *стискати руку ратнику, им пропресу руке, му пољубим руку, љубе руке фратрима, држати некоме руку, (узетест) му стегла (мождане) конце, юј (кошуља) реже (младо) месо, (тб) ми срце пара, спасио је живот мајору, слепима очи може отворити, (лихор) глади нам лица, загорчавати себи радост, ми кваре весеље, му олакшати болести, везати језик некоме, некоме пробити главу, извући уши некоме, сломиће ми кићму, сломити ребра некоме, сломио му ноге, ми руши сан, (сунце) му жига теме, (врана) врани очи не вади, вадити душу некоме, поклону се зуби не гледају, пустио ми литру крви.*

Данную конструкцию образует семантически ограниченная, но весьма употребительная группа глаголов, обозначающих действие, затрагивающее (чаще всего физически) часть объекта и тем самым – объект в целом. Существительные в данной конструкции находятся в отношении "лицо – объект из сферы лица"<sup>13</sup>. Это значит, что существительное в дательном падеже бывает представлено названиями человека, животных или персонифицированных неодушевленных предметов, а существительное в винительном падеже называет часть тела человека или животного, имена родства, физические и психические понятия, относящиеся к человеку, социальные понятия, связанные с личностью, неодушевленные предметы обладания (чаще всего – одежду, находящуюся на теле человека).

Довольно часто наблюдается синонимия глагольных и именных или местоименных посессивных конструкций: *стисну руку ратнику – стисну руку ратника, је гладила му нерве – је гладила љегове нерве, је стегну юј руку – је стегну љезину руку, упропашћивати себи здравље – упропашћивати своје здравље, олакшати себи положај – олакшати свој положај*. Эти синтаксические пары не являются полными дублетами. В то время как в именной и местоименной конструкциях посессивное значение передается через грамматическую зависимость одного имени от другого без всякой связи с глагольным действием, в глагольной конструкции с дательным падежом подчеркивается отношение лица и глагольного действия, через глагольное действие выражается связь двух объектов со значением посессивности. Если именная и местоименная конструкции могут быть названы посессивными, то глагольно-именная – объектно-посессивной. Она менее категорически выражает идею посессивности, чем соответствующая местоименная или именная конструкция. Синонимии глагольных и именных или местоименных конструкций не наблюдается при известных семантических условиях – в случае, когда глагол обозначает нарушение неотчуждаемости, а существительное, называющее объект

обладания, обозначает неотчуждаемую принадлежность (обычно — часть тела): *пустити ми литру крви*, но не \**пустити литру моје крви*; *вадити зуб некоме*, но не \**вадити зуб некога*. Ср. подобные же русск. вырезать опухоль больному при невозможности словосочетания \**вырезать опухоль больного*.

Заметим, что в сербскохорватском языке, так же как в болгарском и других славянских, встречается одновременное употребление и притяжательного местоимения (местоименная посессивная конструкция) и датива личного местоимения (глагольная посессивная конструкция) — личное местоимение в дательном падеже как бы подкрепляется притяжательным: *вам олакшати ваше бреме*. Можно сказать, что имеет место своего рода реприза посессива. Интересно, что для русского языка это не характерно; случаи типа *Всё мое пальто мне испачкали* относятся исключительно к разговорной речи и к эмоционально окрашенному, а не нейтральному стилю.

2. В сербскохорватском языке известен еще один тип трехчленного глагольно-именного словосочетания с посессивным значением. В него входят дательные падежи и посессора и объекта обладания: *прилазити некоме руци, приде му руци, јој прилазе руци*<sup>14</sup>. Это устаревшая изолированная конструкция. Ср. подобные устаревшие выражения в русском языке: *Он старцу пал к ногам; схватив ей руку, говорит*.

3. В сербскохорватском языке, как и в других славянских, кроме русского, посессивный дательный участвует не только в конструкциях, в которых существительное, называющее объект обладания, является объектом действия (винительный падеж), но также и в конструкциях, в которых это существительное играет роль подлежащего (именительный падеж): *човеку срце цепа, Луји се стеже срце, му срце бије, срце ми за-лупа, срце ми не пукне, прст ми штреца, ноге јој клецају, стеже ми се грло, срце нам се тресе, груди му се дизаху, умрла му је жена*. Ср. подобные же болг. *ми падна шапката*, польск. *serce mi biło*, чешск. *žena ti zemřela*. Здесь нет полной однозначности — в приведенных предложениях с дативом личного местоимения можно усматривать и глагольную посессивную конструкцию и местоименную посессивную конструкцию, т.е. *срце му залупа* может пониматься и как 'у него забилось сердце' и как 'Его сердце забилось'. Глагольные посессивные конструкции с объектом обладания в именительном падеже однозначно реализуются лишь в тех случаях, когда и посессор и объект обладания выражены существительными: *човеку срце цепа* — 'У человека колет сердце'.

4. Конструкции с посессивным дательным падежом и предлогами. В таких глагольно-именных словосочетаниях участвуют:

а) винительный падеж с предлогами:

α) у : *љубити некоме у руку, пънуше му у лице, ударају горостасу у чело, матери не гледа у очи, гледати некоме у срце, загледати у желудац некоме, (смрт) не гледа никоме у брке, завирити у душу некоме, баца увреде у лице некоме, насти у очи некоме, сишло му је (срце) у пете;*

β) на: *леваше му маст на главу, се Ѯогу на рамена бача, изићи на очи некоме, пада јој на лице, тргла му је (кров) на нос, седе му на колена, старцу ударише (сузе) на очи;*

γ) о: *обесите се о врат некоме;*

δ) пред: бацити се му пред ноге, му пред очи (мајка) дође, изиђе му пред очи (гомила), пред носом му стао (трамвај);

ε) под: ставити некоме нож под грло, им под руку дође;

ζ) кроз: им кроз срце пролеће (нека туга):

η) родительный падеж с предлогами:

α) око: пасти око врата некоме, бацити се око врата некоме, бацила му је: руке око врата, (осмех) му лебди око уста;

β) до: им је дошла до ушију;

γ) из: ми је испало из памети;

δ) с: иди му с очију, му ишли с памети;

β) творительный падеж с предлогами:

α) пред: Томашу пуче пред очима, слика ми лебди пред очима;

β) за: седети некоме за вратом;

γ) предложный падеж с предлогами:

α) на: (осмех) задрхи јој на уснама, ми лежи на срицу, леди ми се на души, ми је на памети;

β) у: лакше ми је у души, (нешто) збива му у души;

γ) о: мени о врату висиш;

δ) при: било ми је чудно при души, при души му је било нелагодно.

5. Конструкции с посессивным винительным без предлога. Такие глагольно-именные словосочетания образуются почти исключительно глаголами, передающими разные оттенки понятий "болеть" и "испытывать неприятные физические ощущения": боли ме глава, младу боли глава, мене душа боли, вас душа не боли, боли га stomak, зуби је боле, нешто га боли и гризе, су ме длани засврбели.

Как и в глагольных конструкциях с посессивным дательным, здесь наблюдаются случаи местоименных повторов – одновременно могут употребляться аккузатив личного местоимения и притяжательное местоимение: мене душа моја боли; ср. вам олакшати ваше бреме.

6. Конструкции с посессивным винительным падежом и предлогами. Чаще всего отмечается употребление предлога у с винительным падежом: пољубити мајку у руку, целива владику у руку, удари дива у лице, пољубити некога у руку, ударити некога у лице, гледати некога у лице, љубити га у руку, ме пољубио у чело, пољубе ме у образ, њега у руку целивати, лупио га у образе, кљуцне вас у главу.

В винительной посессивной конструкции встречается также предлог у с предложным падежом: га-пробада у грудима, (нешто) ме гребе у души.

Следует заметить, что во всех рассмотренных глагольно-именных конструкциях с предлогами посессивное значение осложняется локативным<sup>15</sup>.

Таким образом, как видно из изложенного, сербскохорватский язык обладает большим разнообразием синтаксических средств выражения посессивного значения. Перечисленные конструкции имеют разную структуру – это и атрибутивные местоименные и именные словосочетания (*мој друг, братова кућа*), и беспредложные и предложные именные и глагольно-именные словосочетания, основанные на синтаксическом управлении (*кућа брата, учитељ деци, отац од кћери, дете без родитеља, срце у жене, старац с брадом, човек у рукавицами, стискати руку ратнику*,

*љубити некоме у руку, мене душа боли, пољубити мајку у руку*), и беспредложные местоименные словосочетания со связью примыкания (*сестра ми*). Одни из них являются собственно посессивными конструкциями, т.е. специально предназначены для выражения именно этого или преимущественно этого значения, например: сочетания существительного с притяжательным местоимением (*мој друг*), сочетания существительного с притяжательным прилагательным (*братова кућа*), сочетания существительного с дативом личного местоимения (*сестра му*), беспредложные генитивные сочетания существительных (*кућа брата*), сочетания существительных с предлогами *без* и *од* и родительным падежом (*брат од сестре*). Другие передают это значение как дополнительное, а не основное, например, предложные сочетания существительных (*старац с брадом, човек у рукавицама*) и глагольно-именные дативные и аккузативные конструкции — как предложные, так и беспредложные (*стискати руку ратнику, седе му на колена, боли ме глава, ударити некога у лице*). Посессивные конструкции характеризуются разной частотой употребления (ср. чрезвычайно частотное именное сочетание притяжательного прилагательного с существительным — *братова кућа* — и редко употребительное сочетание с дательным падежом существительного — *учитељ деци*), разной продуктивностью (ср. глагольно-именную конструкцию с дательным падежом — *сломио му ноге* —, более ограниченную по числу участвующих глаголов конструкцию с винительным падежом — *боли ме глава* — и изолированную конструкцию с двумя дательными — *приде му руци*), разной семантической нагрузженностью (ср. сочетание существительных с предлогом *од*, имеющее очень большой объем значений, и сочетание существительных с предлогом *без*, выражающее только одно значение необладания предметом или свойством).

Примерно то же можно сказать и о синтаксических средствах выражения посессивности в других славянских языках, в том числе в русском. Но сербскохорватский язык обладает в этом отношении рядом специфических особенностей. Перечислим основные из них, отличающие его от русского.

1. Имеются атрибутивные согласованные формы притяжательных местоимений 3-го лица. В русском литературном языке существуют лишь неизменяемые формы *его, ее, их*.

2. Сохраняется, хотя и стал непродуктивным, посессивный дательный личных местоимений и существительных. Русский литературный язык утратил его полностью.

3. Притяжательные прилагательные свободно образуются от всех одушевленных существительных и не имеют никакого архаического оттенка.

4. Широкий круг посессивных значений имеет именная конструкция с предлогом *од* и родительным падежом: *брат од сестре, хроника од Андрића, угао од постелје, слама од боба*. В русском языке предлог *от* может употребляться лишь при неодушевленном посессоре и выражать значение "отчужденной" (отделенной) части целого: *ключ от двери, рукава (оторванные) от рубахи*.

5. Сохраняется устаревшая изолированная глагольно-именная конструкция с двумя дательными, отсутствующая как в русском, так и в других славянских: *приде му руци*.

6. Посессивный дательный участвует не только в конструкциях, в которых существительное, называющее объект обладания, является объектом действия, но также и в конструкциях, в которых это существительное играет роль подлежащего: *човеку срце цепа*. В русском это невозможно, там в подобных случаях используется предлог *у* и родительный падеж: *у человека колет сердце*.

7. Имеется конструкция с посессивным винительным без предлога: *боли ме глава*. В русском такой конструкции нет, там употребляется предлог *у* и родительный падеж: *у меня болит голова*.

8. Сербскохорватскому языку известно удвоение местоименных средств выражения посессивности – одновременное употребление и личного местоимения (в дательном или винительном падеже) и притяжательного местоимения: *вам олакшати ваше бреме, мене душа моја боли*. Для русского литературного языка это совершенно не характерно.

При сопоставлении сербскохорватского языка в области синтаксических посессивных конструкций с близкородственным болгарским выявляются другие различия. Отметим некоторые из них.

1. В атрибутивных местоименных конструкциях для сербскохорватского языка характерно согласование притяжательного местоимения с существительным в роде, числе и падеже, а в болгарском – только в роде и числе; кроме того сербскохорватские притяжательные местоимения, в отличие от болгарских, не могут употребляться в определенной и неопределенной формах: болг. *мои книги – моите книги*.

2. Имеющаяся в сербскохорватском языке посессивная конструкция с дательным падежом личного местоимения (*кћер му*) архаична, в то время как в болгарском формально параллельные ей сочетания существительного с несогласованной краткой формой притяжательного местоимения (*книгата ми*) чрезвычайно продуктивны и употребительны.

3. В именных притяжательных конструкциях, состоящих из двух существительных, между сербскохорватским и болгарским языками наблюдается значительное расхождение, обусловленное отсутствием падежной системы в болгарском имени существительном. В нем нет конструкций, образуемых беспредложными формами косвенных падежей второго существительного (ср. срх. *кућа брата, учитель деци*).

4. Именные конструкции, состоящие из двух существительных и предлога, представлены в обоих языках. При этом в сербскохорватском языке второе существительное, естественно, употребляется в форме одного из косвенных падежей, а в болгарском – в так называемом общем падеже. Кроме того, семантическая нагруженность и употребительность предлогов разная. В болгарском языке на первом месте в этом отношении стоит предлог *на* (*книгата на ученика*), а в сербскохорватском он не выражает посессивного значения. Сербскохорватскому предлагу *од* приблизительно соответствует болгарский *от* (*крак от животно*), в обоих языках употребляются также предлоги *с*, *без*, *у* (последний в сербскохорватском языке – с родительным падежом). В болгарском языке посессивное значение выражается с помощью предлога *в* (*младежи в комбинезони*), ему соответствует сербскохорватский предлог *у* с предложным падежом (*човек у рукавицами*).

6. В глагольно-именных посессивных конструкциях сербскохорватского

и болгарского языков обнаруживается много общего. Так, для обоих языков характерна возможность одновременного употребления и притяжательного местоимения и датива личного местоимения (срх. *вам олакшати ваше бреме*, болг. *и поправяще настроение си*); в сербскохорватском и болгарском языках, в отличие от русского, существительное, обозначающее объект обладания, может играть роль подлежащего и употребляться в именительном падеже (срх. *човеку среце цепа*, болг. *ми растат крила*); в обоих языках имеются не только дативные, но и аккузативные беспредложные глагольно-именные посессивные конструкции (срх. *боли ме глава*, болг. *боляло я зъбъ*).

7. В сербскохорватском языке сохраняется устаревшая изолированная конструкция с двумя дативами (*приде му руци*), в болгарском, так же как в русском, ее нет.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Гудков В.П. Сербохорватский язык. М., 1968, с. 46.

<sup>2</sup> Стеванович М. Савремени спрскохорватски језик. Београд, 1970, I, с. 282–283.

<sup>3</sup> См. Федорова М.В. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1966, с. 125–127.

<sup>4</sup> См. Стеванович М. Указ. соч., с. 286–288.

<sup>5</sup> О дополнительных значениях возвратно-притяжательного "свой" в русском языке см.: Падучева Е.В. Местоимение *свой* и его непрятяжательные значения. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983, с. 78–80.

<sup>6</sup> Стеванович М. Указ. соч. II. Београд, 1974, с. 183; Дмитриев П.А. Притяжательные прилагательные сербскохорватского языка. – Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1961, № 301. Серия филол. наук, вып. 60, с. 48–57 и др.

<sup>7</sup> Belić A. Gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1932, II, p. 93.

<sup>8</sup> Иванова Т.А. Некоторые аспекты сопоставительного анализа посессивных конструкций. В кн.: Славянская филология. Л., 1975, вып. 3, с. 148–152.

<sup>9</sup> См. Ivic M. The grammatical category of non-omissible determiners. – In: Lingua, 1962, v. XI, p. 199–204.

<sup>10</sup> О понятии "неотчуждаемости" см. Головачева А.В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания, с. 19–23; Ivic M. On the part-whole relation and its linguistic consequences. – In: Studies in General and Oriental Linguistics presented to Shirō Hattori. Tokyo, 1970, p. 281–286.

<sup>11</sup> Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т. II, с. 65.

<sup>12</sup> См. Цыхум-Г.А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.

<sup>13</sup> Термин "имена сферы лица" восходит к Ш. Балли, в современной лингвистике он употребляется довольно широко, см.: Bally Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes. – In: Festschrift L. Gauchat. Aarau, 1926, а также: Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974; Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке. – В кн.: Семантическое и формальное варьирования. М., 1979.

<sup>14</sup> См. Gallis A. Sintaksicke dublete u srpskohrvatskom: Ijubiti kome ruku – Ijubiti koga u ruku, Ijubiti kome u ruku. Universitetet i Oslo, Slavisk–Baltisk Institutt, Meddelelser, 1978, N 14.

<sup>15</sup> См. Селиверстова О.Н. Посессивные и пространственно-посессивные модели. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания, с. 94–95; Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentenses. – In: Foundations of language, 1967, v. 3, N 4.

**СЛОЖНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА  
С ПОСЕССИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ  
В БОЛГАРСКОМ И СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ**

В болгарском и сербскохорватском (как и во многих других) языках значение посессивности может выражаться в пределах одного слова — словообразовательными средствами. Имеются в виду сложные существительные, обозначающие отношение посессора и объекта обладания, чаще всего — отношение посессора к локусу (русск. *Ленинград* = 'город Ленина'); сложные прилагательные, передающие партитивные отношения и обозначающие целое по характерной его части (русск. *ясноглазая* = 'с ясными глазами', 'имеющая ясные глаза'), а также производные прилагательные с префиксом *без-*, выраждающие так называемую отрицательную принадлежность, т. е. отсутствие у посессора объекта обладания — необладание предметом или свойством (русск. *безногий* = 'не имеющий ног', *бездушный* = 'не обладающий душевностью').

Ниже будут перечислены структурные типы подобных посессивных сложных и производных слов в болгарском и сербскохорватском языках.

**A. СЛОЖНЫЕ СЛОВА**

**I. Сложные существительные** (по смыслу соответствуют сочетанию притяжательного прилагательного и существительного или субстантивному словосочетанию с родительным падежом)

1) Сложные существительные, образованные основами прилагательного и существительного без интерфикса и суффикса: болг. *Илинден*, *Петровден*, *Ивановден*, *Гергьовден*, *Игнајден* (из старого *Игнащъ*), *Димитровден*, *Цариград*, *Цариброд*, *Лютиброд*. В последних трех примерах *-и* не является интерфиксом. Это флексия устаревшей формы притяжательного прилагательного, включаемая в состав первой части сложного слова. Сюда примыкают также сложные слова типа *Ботевград*, *Благоевград*. Есть мнение<sup>1</sup>, что здесь обе части сложного слова являются основами существительного. Но первая часть (*Ботев-*, *Благоев-*) произошла из притяжательного прилагательного, поэтому представляется, что в данном образовании ее следует рассматривать как основу прилагательного. Ср. подобные же русск. *Ленинград*, *Калининград*, где первая часть также является по происхождению притяжательным прилагательным. Другое дело срх. *Титоград*, *Иванград*, где обе основы субстантивные; здесь имеем дело со сложным посессивным словом, образованным путем сложения основ двух существительных без интерфикса и суффикса (см. ниже); срх. *Кнешполе* = *кнежје* (*кнезово*) *поле*, *Цариград* = *царїј град*.

2) Сложные существительные, образованные основами двух существительных без интерфикса и суффикса:

болг. *помощник-министр*, *помощник-аптекарка*, *помощник-кмет*, *заместник-командир*. Такой тип сложных слов с посессивным значением характерен только для болгарского языка. В сербскохорватском этого нет; там (то же в русском) в этом случае выступает генитивное слово-

сочетание. Но, как было сказано выше, в сербскохорватском языке есть сложные слова, состоящие из основ двух существительных без интерфикса и суффикса, одно из которых является именем собственным: *Титоград, Иванград*.

II. Сложные прилагательные (соответствуют по смыслу конструкциям с родительным падежом или предлогами, например, срх. *црноока* (*девојка*) = (*девојка*) *црних очију*, болг. *синеок* = *със сини очи* и пр.

1) Сложные прилагательные, образованные основами прилагательного и существительного:

а) Основа прилагательного + интерфикс *-о-/е-* + основа существительного: болг. *синеок*, *разноглед*, *белоглав*, *гологлав*, *остроглав*, *едрюглов*, *тънкокор*, *чернокож*, *тънкокож*, *русокос*, *дългокос*, *дългобрад*, *дългопол*, *остронос*, *дребнозъб*, *клепоух*, *низкочел*, *кривокрак*, *бързокрил*;

срх. *црноока*, *плавоок*, *плавокоса*, *рићглав*, *рићкоса*, *голобряд*, *гологлав*, *празнорук*, *брзоног*, *кривоног*, *кривонос*, *кривошија*, *кривоврат*, *танкокљун*, *танковрх*.

2) Сложные прилагательные, образованные основами числительного и существительного:

а) Основа числительного + основа существительного без интерфикса и суффикса: болг. *триглав*, *трикрак*, *четирикрак*, *четири ног*.

Ср. подобный аналитический тип сложения в английском языке: *ten-hour (day)*, *five-year (plan)* и пр. В сербскохорватском языке этого нет.

б) Основа числительного + интерфикс *-о-/у-* + основа существительного без суффикса: болг. *еднорък*, *едновръх*, *едноок*, *еднолик*, *единокрак*, *двуглав*, *двугръб*, *двурак*<sup>2</sup>;

срх. *дворог*, *двоглав*, *тророг*, *тродгав*, *трогод*, *шестокрил*, *једноок*, *једнорог*, *једнорук*, *једногрб*, *четворогуб*, *четвороног*, *петокрак*, *петопрст*.

в) Основа числительного + основа существительного + суффикс прилагательного без интерфикса: болг. *трицветен*, *тридневен*, *тригодишен*, *трилистен*, *четиричленен*, *четирицилиндров*, *петековен*, *петдневен*, *тримилиметров*, *четиричасов*, *четиристепенов*, *петчасов*, *петпроцентов*.

В сербскохорватском языке подобного типа словосложения без интерфикса нет.

г/ Основа числительного + интерфикс *-о-/у-/и-* + основа существительного + суффикс прилагательного: болг. *едноетажен*, *единокочитен*, *единомоторен*, *единомесечен*, *едноцветен*, *петоактен*, *петолистен*, *петостенен*, *петоъгълен*, *единомачтов*, *единометров*, *единочасов*, *двуэтажен*, *двуактен*, *двугласен*, *двуокитетен*, *двуличен*, *двулямпов*, *двумачтов*, *петилетен*;

срх. *једнодушан*, *једноличан*, *једнослојан*, *двобојан*, *двоクリлан*, *двојезичан*, *дводневни*, *двенадельни*, *дволичан*, *двосмислен*, *трогласан*, *трожичан*, *тромесечни*, *четврородневни*, *четвроКатаан*, *четврочасовни*, *петгодишни*, *петодневни*, *шесточасовни*, *шестогодишни*.

Заметим еще раз, что в сербскохорватском языке нет ни одного вида сложных прилагательных без интерфикса.

## Б. ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА

Рассмотрим производные слова с посессивным значением, образованные способом префиксации и суффиксации, которые выражают так называемую отрицательную принадлежность.

1) Производные прилагательные, образованные основой существительного и префиксом *без-*:

а) Префикс *без-* + основа существительного без суффикса: болг. *безкос*, *безъѣб*, *безкрил*, *безрѣк*, *безкрак*, *безвлас*, *безбрад*, *безног*, *бенос*, *безок*, *безрог*, *безух*;

срх. *безглав*, *безок*, *безрук*, *безуб*, *безчен*.

б) Префикс *без-* + основа существительного + суффикса прилагательного: болг. *безалкохолен*, *безболезнен*, *безбоязнен*, *безгрижен*, *бездетен*, *бездомен*, *безлесен*, *безлистен*, *бездущен*, *безвкусен*, *безверен*, *безволен*, *безводен*, *безвластен*, *безвоздушен*, *безветрен*, *беззвезден*, *безмлечен*, *безоблачен*, *безпочвен*, *безрадостен*, *безклассов*, *безполов*;

срх. *безбојан*, *безвоздушни*, *безбрижан*, *безверан*, *безводан*, *безвольни*, *безвредан*, *безвучан*, *безгласан*, *безграничан*, *безгрешан*, *безданы*, *бездетан*, *бездиман*, *бездушан*, *безимен*, *безимућан*, *безлобан*, *безљудан*, *безуман*, *безобличан*, *безпринцијелан*, *бесилан*, *бескичмен*, *бескровни*, *бескрилни*, *беспаметан*, *бесубјектни*.

Во всех славянских языках (в русском, польском, чешском --ср. *безглазый*, *bezwłosy*, *bezduchý*) для выражения отрицательной принадлежности также используется префикс. В некоторых других индоевропейских языках эту роль играет суффикс, например в англ. суф. *-less* (*painless*, *tearless* и пр.). Широта употребления этих префиксального и суффиксального словообразовательных способов выражения посессивности почти неограничена.

Сопоставление перечисленных выше типов сложных и производных слов с посессивным значением в болгарском и сербскохорватском языках показывает, что они многочисленны и достаточно широко употребительны в обоих языках, но при этом болгарский язык обнаруживает больше аналитизма в их строении, чем сербскохорватский. Об этом свидетельствует несколько типов сложных слов в болгарском языке, образованных без интерфикса простым соположением основ: 1) основа существительного + основа существительного (*помощник-министръ*), 2) основа числительного + основа существительного (*триглав*,ср. срх. *троглав* с интерфиксом *-о-*), 3) основа числительного + основа существительного + суффикс прилагательного (*трицветен*,ср. срх. *трогласан* с интерфиксом *-о-*).

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981, с. 90.

<sup>2</sup> Об интерфиксе *-у-* в сложных словах с основами числительных см. там же, с 89, 103; ср. о подобных русских сложных словах типа *двуплановый*, *десятиметровый*, *двухтомный*, *трехэтажный* и пр. с интерфиксами *-у-*, *-и-*, *-ух-*, *-ঢx-*, омонимичными флексиями родительного падежа числительных, в кн.: Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т. 1, с. 326.

## К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ НЕОТЧУЖДАЕМОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Категории неотчуждаемости и определенности рассматриваются здесь как две ментальные категории, связь между которыми основана на гносеологических предпосылках априорного (логического) знания о мире<sup>1</sup>, о соотношении концептов, о степени их парадигматической связанности (ПС), и апостериорного (эмпирического) знания отношений между конкретными референтами.

Как известно, в процессе речевого общения указание на некоторую "ситуацию" (фрейм<sup>2</sup>, "денотативное пространство"<sup>3</sup>) может имплицировать "потенциальную определенность" (ситуативную однозначность) объектов, парадигматически с ней связанных, — при условии количественного соответствия референта с экстенсионалом<sup>4</sup>, ср. нем. *K. stellte ein Problem, die Lösung überließ er...*, *K. besuchte eine kleine Stadt Süddeutschlands. Vor dem Bahnhof stand...*<sup>5</sup>; *Es war Betriebsversammlung. Der Direktor hielt einen Vortrag; Wir sind in unserem Zimmer. Ich lege meine Bücher und Hefte auf den Tisch;* ср. также чешск. *Zahrada je přednáška... Standa div nevlezte nosem mezi ty železné mříže, – těch růží co tam je! – smět se tak jednou podívat dovnitř a přivonět k těm těžkým roupatům...*<sup>6</sup>.

Важно заметить, что элементы денотативного пространства могут быть необходимыми, а могут быть лишь вероятными его элементами (в жилой комнате обычно стоит стол, сад обычно бывает обнесен оградой и в нем могут цвести розы, но их может и не быть, в маленьком городе может не быть вокзала, — но при этом комната остается комнатой, сад — садом и т. п.). Таким образом, отношение между денотативным пространством (ситуацией) S и ее элементами E может представлять собой или обязательную связь (импликацию): S → E или необязательную связь (квазимпликацию): S ⇔ E.

В указанном смысле в качестве "денотативного пространства" может рассматриваться любой посессор, если упоминание о нем в тексте индивидуализирует, делает "потенциально определенными" его объекты обладания, ср. нем. *Peter wäscht die Hände, Er ist am Leben zerbrochen; Der Kopf zerspringt mir fast vor Schmerzen; Raudies haben dem Mädchen die Handtasche entwendet*, где в первых трех случаях имеет место импликация ('человек' (Петр, он, я) → 'руки', 'жизнь', 'голова'), а в четвертом — квазимпликация ('девушка' ⇔ 'сумка').

В "Анкете по категории определенности—неопределенности", составленной И.И. Ревзиным<sup>7</sup>, имеется вопрос: "Можно ли описать значение посессивности как сумму: одно из значений определенности + указание на отношение?". Очевидно, что ответ на этот вопрос будет утвердительным, если возможно формально "расщепить" (т. е. заменить без изменения смысла) притяжательное местоимение *Pron<sub>poss</sub>* на некоторые два языковые средства, выражющие соответственно определенность (Def) и отношение посессивности (г): Poss = Def + г.

Посессивность понимается здесь как ментальная категория, связывающая два объекта внеязыковой действительности таким отношением

(г), при котором один из них (объект обладания, или объект посессивности<sup>8</sup> R) является в известном смысле частью другого (посессора, или субъекта посессивности Ps) или может восприниматься как таковая.

Из трех значений определенности (индивидуализация, идентификация и генерализация) для выражения посессивности существенны, очевидно, только первые два.

Индивидуализация объекта обладания R заключается в соотнесении его с соответствующим посессором Ps и в выделении его из класса однородных R, принадлежащих данному Ps (при количестве R для данного класса посессоров большем 1). Первая задача может осуществляться с помощью лексических средств – притяжательного местоимения *Pron<sub>poss</sub>* или родительного принадлежности *Gen<sub>poss</sub>*, или притяжательных прилагательных, а также семантико-сintаксических средств<sup>9</sup> и средств контекста<sup>10</sup>. Вторая задача ставится в случае необходимости уточнения при условии неединственности R у данного Ps или у данного класса Ps и разрешается с помощью различных детерминантов (атрибутов, указательных местоимений, дескрипций и т. п.), ср.: *X. пожал руку* У-ку (подразумевается правая), *X. повредил руку* (правитель не считает существенным указать, какую именно), *X. повредил правую руку*, *Эта рука* у него была в гипсе; ср. также *Ее dochь* поступает в аспирантуру (возможно – единственная, но, возможно, и одна из дочерей), *Ее старшая dochь* поступает в аспирантуру, *Ее dochь, ta, которая замужем за X.* поступает в аспирантуру (подробнее о случаях неединственности R см. ниже).

Идентификация имени R с предшествующей номинацией в тексте может осуществляться с помощью средств идентификации – указательных местоимений, дескрипций и т. п. Следует, однако, заметить, что при повторном упоминании R референция R определяется взаимодействием двух денотативных пространств – денотативного пространства посессора и релевантного денотативного пространства – фрагмента мира, отраженного в данном отрезке текста или ситуации. Результат такого взаимодействия определяется, в свою очередь, свойством языка, его предрасположенностью к индивидуализации или идентификации<sup>11</sup>, а также семантическими особенностями имени R, структурой данного отрезка текста, интенцией говорящего и т. п.

Таким образом, как при первичной, так и при повторной референции R способы детерминации имени R можно разделить на контекстно-независимые (лексические): *Его дом* стоит на горе; Мне звонил сын Петра; Таня мама звала нас к ужину, и контекстно-связанные: *Иван* стоял спиной к окну; Таня пришла с мужем: *Она* вернулась поздно, когда сын уже спал; Глаза ребенка светились счастьем. Я не мог забыть эти глаза.

Как показало исследование, проведенное на материале безартиклевых языков (польского, чешского, русского) с привлечением данных артикльного языка (немецкого), возможность и результаты формального расщепления значения посессивности определяется в первую очередь степенью ПС между соответствующими концептами Ps и R, т. е. степенью неотчуждаемости<sup>12</sup> данного R по отношению к посессору Ps, и условиями контекста, "подкрепляющего" или "разрушающего" парадигматические связи.

В настоящей работе рассматриваются проблемы индивидуализации имени объекта обладания при первичном назывании R. Цель работы –

попытаться развить постулированное ранее понятие неотчуждаемости в связи с определенной—неопределенной референцией имен объектов обладания различных семантических классов при семантико-синтаксическом способе выражения посессивности.

Если категория посессивности может быть определена как категория, связывающая отношением  $\tau$  конкретные денотаты  $Ps^d$  и  $R^d$ , то грамматикализующаяся внутри нее категория неотчуждаемости связывает этим отношением прежде всего концепты  $Ps^c$  и  $R^c$ , например, концепты "человек" и "рука", "сосуд" и "дно" и т. п. Неотчуждаемость грамматикализуется таким образом, что при определенных семантико-синтаксических условиях имя  $R$  не требует эксплицитного выражения  $\tau$  и обычно выступает в тексте как определенное (условия неопределенности неотчуждаемых имен также будут рассмотрены). Степень ПС концепто $\tau$   $Ps^c$  и  $R^c$  может быть различной, и в зависимости от этого целесообразно различать абсолютную, относительную и окказиональную неотчуждаемость.

Отношения абсолютной и относительной неотчуждаемости являются частью картины мира; они характеризуются высокой степенью ПС между концептами  $Ps^c$  и  $R^c$  и не связаны с pragmatикой речи.

Абсолютная неотчуждаемость характеризуется следующими признаками:

1) Концепт-посессор  $Ps^c$  не мыслится без своих абсолютно неотчуждаемых  $R^c$  ( $Ps^c \rightarrow R_1^c, R_2^c, \dots R_n^c$ ), т.е. концепт  $Ps^c$  имплицирует концепты  $R_1^c, R_2^c, \dots R_n^c$ ). Так, для концепта "человек" абсолютно неотчуждаемыми являются части тела и свойства, связанные с универсальными проявлениями их деятельности (голос, дыхание, зрение, слух, походка, почерк и т.п.), свойства человека как физического тела (размеры, вес, рост, толщина; вид, очертания, тень и т.п.), общие понятия, связанные со свойствами человека как живого и мыслящего существа (жизнь, судьба, прошлое, будущее, душа, разум, возраст, память, здоровье, настроение, чувства и т.п.); общие понятия, связанные с бытом (их набор определяется принадлежностью лица к данному социуму). Для неодушевленных посессоров абсолютно неотчуждаемыми являются те составляющие их элементы, без которых не мыслится данный неодушевленный объект, например, стены (дома, комнаты), ножки (стола, стула), колеса (автомобиля) и т.п. То обстоятельство, что отношение абсолютной неотчуждаемости связывает обязательной связью именно концепты, а не реальные денотаты, может быть подтверждено невозможностью употребления абсолютно неотчуждаемых имен  $R$  в конструкциях обладания, содержащих сообщение о наличии у конкретного  $Ps^d$  абсолютно неотчуждаемых  $R^d$  (при условии, что имена таких  $R^d$  не сопровождаются атрибутом — поскольку индивидуализирующие качества являются признаком конкретных денотатов, но не концептов), ср.:

## A

1. \* Petr má oči
2. \* Sie hat Augen
3. \* Sie hat eine Nase
4. мальчик \* с глазами
5. стул \* со спинкой

## Б

- Petr má rěkné oči  
Sie hat schöne Augen  
Sie hat eine lange Nase  
мальчик с голубыми глазами  
стул с высокой спинкой

## A

6. \* *dziewczyna o włosach*  
 7. *mężczyzna w garniturze*  
 8. *stół na nóżkach*

## B

- dziewczyna o jasnych włosach*  
*mężczyzna w czarnym garniturze*  
*stół na gнутых ножках*

Высказывания и словосочетания типа А недопустимы именно потому, что тривиальны, поскольку в них указывается на отношение, связывающее соответствующие концепты. Конструкции типа Б нетривиальны и информативны, однако они содержат сообщение о признаке, а не о наличии  $R^d$  у данного  $Ps^d$  (иногда они могут быть трансформированы в сложные прилагательные: *голубоглазый мальчик, светловолосая девочка* и т.п.).

Конструкции типа А, трансформированные в отрицательные, нетривиальны и информативны и могут иметь различный смысл в зависимости от семантики  $R$ : а) для тех  $R$ , отсутствие которых у данного  $Ps$  не нарушает отношения индивид/класс, такие конструкции сообщают о некотором изъяне, являющемся отличительным признаком данного  $Ps^d$ : *У X. нет руки; У Y. нет волос; У стола нет ножки; стул без спинки; домá без крыши* и т.п.; поэтому можно говорить о том, что между конкретными  $Ps^d$  и некоторыми его абсолютно неотчуждаемыми  $R^d$  существуют отношения квазимпликации в направлении от  $Ps^d$  к  $R^d$ :  $Ps^d \not\rightarrow R^d$ ; б) для  $R$ , обязательных как для данного  $Ps^c$ , так и для любого конкретного  $Ps^d$  (отношение импликации  $Ps^d \rightarrow R^d$ ), такая конструкция может восприниматься как метафора: *У X. нет сердца; всадник без головы; человек без тени или свидетельствовать о нарушении отношения индивид/класс и о соответствии имени другому, подразумеваемому концепту, что используется, например, в распространенном типе загадок, ср.: болг. Дълга Неда сянка няма ('река'); син вир без дъно ('небо')<sup>13</sup>; ср. также у К. Чуковского: Паровоз без колес – Вот так чудо-паровоз! Не с ума ли он сошел – Прямо по морю пошел! ('пароход'). Различие между двумя типами абсолютно неотчуждаемых  $R$  имеет также эксплицитное выражение в пословицах: Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; Снявши голову, по волосам не плачут; Хвост голове не указка.*

2) Абсолютно неотчуждаемые  $R$  не мыслятся и не могут существовать вне соответствующих  $Ps$ ; это свойство является общим для концептов и отдельных денотатов  $Ps$  и  $R$ :  $R^c \rightarrow Ps^c$ ,  $R^d \rightarrow Ps^d$ ; поэтому самостоятельное функционирование абсолютно неотчуждаемых  $R$  воспринимается как нечто фантастическое (ср. "Нос" Гоголя, "Тень" Шварца). Это когнитивное свойство отражено в языке таким образом, что имена абсолютно неотчуждаемых  $R$ , как правило, всегда снабжаются в тексте указанием на соответствующего  $Ps$ .

Поскольку "указание на отношение" между  $Ps^c$  и  $R^c$  (для абсолютно неотчуждаемых  $R$ ) содержится в картине мира ( $R^c \in Ps^c$ ), то эксплицитные средства выражения посессивности выполняют лишь дифференцирующую функцию, отличая  $R_1^d \in Ps_1^d$  от  $R_2^d \in Ps_2^d$  и т.д., ср. *X. opowiada o swoim życiu (o życiu Y.)*. Если же такая дифференциация производится семантико-синтаксической структурой предложения (г-Стр), то необходимость в эксплицитном показателе отпадает; в большинстве случаев возникает значение "ситуативной однозначности" объекта, выражаемое определенным артиклем или нулевым показателем  $\phi$ , ср.:

- |  |  |
|--|--|
| 1. <u>X. wagt das Leben</u><br>г(X., Leben)                | <u>X. рискует жизнью</u><br>г(X., жизнь)       |
| 2. <u>X. gab Y. den Arm</u><br>г(X., Arm)                  | <u>X. подал руку Y-ку</u><br>г(X., рука)       |
| 3. <u>X. drückte Y. die Hand</u><br>г(Y., Hand)            | <u>X. пожал руку Y-ку</u><br>г(Y., рука)       |
| 4. <u>X. geht aus dem Hause</u><br>г(X., Haus)             | <u>X. выходит из дома</u><br>г(X., дом)        |
| 5. <u>X. hat Y. an der Stimme erkannt</u><br>г(Y., Stimme) | <u>X. узнал Y-ка по голосу</u><br>г(Y., голос) |

В г-Str, содержащих имена абсолютно неотчуждаемых R, происходит "расщепление" значения посессивности на "определенность + отношение". Значение неопределенности встречается значительно реже и может быть обусловлено следующими причинами.

а) Если упоминаемый в г-Str R<sup>d</sup> не соответствует количественно всей совокупности однородных R<sup>c</sup>, относящихся к данному Ps<sup>c</sup> (количественное несовпадение референта с экстенсионалом). Однако поскольку посессор представляет собой денотативное пространство особого рода, в котором событие, происходящее с отдельным элементом, релевантно для целого, то имя R<sup>d</sup> может иметь не только неопределенную, но в некоторых случаях и определенную референцию, употребляясь в генерализованном значении, ср. нем.:

Def	Indef
<i>sich in den Finger schneiden</i>	<i>sich einen Zahn ausbrechen</i>
<i>sich einen Splitter in den Fuß</i>	<i>auf einen Fuß hinken</i>
<i>treten</i>	

Важно отметить то обстоятельство, что отношение г между упомянутыми в предложении Ps и R остается неизменным и тождественным отношению между соответствующими концептами, вне зависимости, имеет ли имя R<sup>d</sup> определенную или неопределенную референцию:

Def	Indef
<i>X. hat sich den Arm (das Bein) gebrochen</i> г(X., Arm); г(X., Bein)	<i>X. hat sich ein Bein gebrochen</i> г(X., Bein)

Выбор артиклия обусловлен здесь, по-видимому, сложным комплексом семантических и прагматических причин, что может стать объектом специального исследования (в частности, можно предположить, что могут играть роль большая или меньшая однородность совокупности R<sup>c</sup>: правая и левая рука функционально в большей степени различаются между собой, чем правая и левая нога, пальцы имеют больше различий, чем зубы и т. п.).

При повторной номинации имени R неопределенность "снимается" с помощью указательного или притяжательного местоимений, ср.: Мне запломбировали зуб (Indef) – Мне запломбировали этот зуб (Def) /Мне запломбировали мой зуб (Def) (последний пример интересен тем, что здесь R<sub>poss</sub> выполняет чисто анафорическую функцию, соотнося данную номинацию с предшествующей).

б) в случае неопределенности признака R (что связано с интенцией говорящего, с прагматикой) имя R сопровождается неопределенным местоимением, ср. польск. *Wstąpiliśmy w piekło – powiedziała Zosia jakimś nieswoim, dalekim głosem.* – г (*Zosia, głos*); *Ciocia Madzia spojrzała na Stachę takimi złymi oczyma.* – г (*ciocia Madzia, oczy*).

Однако в этих случаях неопределенное местоимение относится к атрибуту, а не к существительному, ср. также: *Nogi ugięły się pode mną, były jakieś nie moje; Takie złe miały oczy; Głos miały jakieś daleki.*

Вне г-Str абсолютно неотчуждаемые имена сопровождаются в большинстве случаев эксплицитным показателем посессивности: *Oczy moje nie te co dawniej; Jego oczy zatrzymały jako wzdy swym żadostivym svitem.* Неопределенная референция абсолютно неотчуждаемых имен вне г-Str также встречается редко. Она может иметь место при отсутствии указания на Ps, т. е. при катафорическом употреблении абсолютно неотчуждаемых R, которые сопровождаются в этом случае неопределенным артиклем или местоимением: *W kąciku pokoju podniosła się z łóżka jakaś twarz z długą brodą / In einem Winkel des Zimmers erhob sich im Bett ein Gesicht mit langem Bart. / В дальнем углу с подушек поднялась голова с длинной бородой; W okienku ukazało się dwoje wielkich czarnych oczu. / Im Guckfenster der Tür erschienen zwei groÙe, schwarze Augen. / В дверном окошечке два больших темных глаза взглянули на посетителей.*

Кроме того, неопределенная референция имени R возникает в конструкциях обладания, ср. нем. *Sie hat eine schöne Gestalt, eine leise Stimme; Niemand trat eine Frau mit einer langen Nase.*

3) Третья особенность отношения абсолютной неотчуждаемости касается частей от целого, и в первую очередь – частей тела живого существа, являющихся орудием для выполнения посессором некоторого действия (т. е. для данного Ps<sup>c</sup> обязательно выполнение функции F<sub>1</sub><sup>c</sup> посредством R<sub>1</sub><sup>c</sup>, функции F<sub>n</sub><sup>c</sup> посредством R<sub>n</sub><sup>c</sup>; при этом понятие орудия действия в известном смысле входит в понятие самого действия: R<sub>1</sub><sup>c</sup> ∈ F<sub>1</sub><sup>c</sup>, R<sub>n</sub><sup>c</sup> ∈ F<sub>n</sub><sup>c</sup>). Поэтому в высказываниях, сообщающих о выполнении посессором Ps некоторой F, отсутствует упоминание соответствующего R (если только интенция отправителя не связана с сообщением о признаком R), ср.:

- |  |   |
|--|---|
| 1. <i>Ciocia Madzia spojrzała na Stachę *oczyma</i>        | <i>Ciocia Madzia spojrzała na Stachę złymi oczyma</i>         |
| 2. <i>Wstąpiliśmy w piekło – powiedziała Zosia *głosem</i> | <i>Wstąpiliśmy w piekło – powiedziała Zosia cichym głosem</i> |
| 3. <i>Едет коляска *на колесах</i>                         | <i>Едет коляска на красных колесах</i>                        |
| 4. <i>идти *походкой</i>                                   | <i>идти уверенной походкой</i>                                |
| 5. <i>писать *рукой</i>                                    | <i>писать дрожащей рукой</i>                                  |

Таким образом, можно говорить о парадигматической связанныности концептов Ps, R, F, что также подтверждается текстами загадок: говори без език ('эхо'), Нозе няма, а по теб ходи ('тень'); в текстах загадок зафиксирована и обратная импликация: R → F: ср.: *крака има, а не ходи ('стол')* (т.е. для правильной идентификации Ps необходимо не только наличие у него соответствующего R, но и выполнение им соответствующей F).

Можно рассматривать г-Str с глаголами движения как семантико-синтаксические модели отношений между посессором, объектом обладания и

его функциями, имеющими место в реальной действительности и зафиксированных в сознании говорящих. Поэтому такие г-Стр имеют тенденцию "поглощать" по мере возможности семантические валентности посессивной группы; первой ступенью этого явления можно считать рефлексивизация (значение лица не выражено эксплицитно, а имплицируется семантико-синтаксической структурой с посессором-субъектом): *Я протянул свою руку* → *Я протянул свою руку*. Вторая ступень – отражение в г-Стр всех семантических валентностей  $Pron_{poss}$  (кроме значения определенности): *Я протянул свою руку* → *Я протянула руку*. Третья ступень – абсолютно неотчуждаемый объект содержится в г-Стр лишь имманентно и получает эксплицитное выражение только при наличии атрибута: *Я иду \*моей походкой, \*своей походкой, \*походкой* – *Я иду моей обычной походкой, своей обычной походкой, обычной походкой*.

Отношения относительной неотчуждаемости характеризуются следующими признаками.

1) Относительно неотчуждаемые R мыслятся как элементы Ps, присущие ему с большой степенью вероятности, но не как необходимые его элементы ( $Ps^c \rightarrow R_1^c, R_2^c, \dots R_n^c$ ). Это в первую очередь одушевленные R релятивной семантики, некоторые отрастающие части тела (борода, усы), предметы личного обихода, а также факультативные элементы неодушевленных объектов, например тумба (стола). Факультативностью  $R^c$  по отношению к соответствующим  $Ps^c$  объясняется возможность конструкций обладания с именами относительно неотчуждаемых объектов: *ma ojca, córkię, zięcia, przyjaciela; Er hat eine Schwester; ma brodę, wgsy; Er trägt einen Bart; człowiek z brodą, dziewczyna w dżinsach, ein Mann im Schlafrock; стол с тумбой, дом с мезонином*.

2) Относительно неотчуждаемые R, как и абсолютно неотчуждаемые R, не мыслятся вне соответствующих Ps ( $R^c \rightarrow Ps^c, R^d \rightarrow Ps^d$ ). Поэтому в тексте имена таких R всегда снабжены указанием на соответствующего Ps (имплицитным или эксплицитным): *его дочь, дочь Ивана, Иван пришел с дочерью; Die Kücheneinrichtung haben die Eltern der jungen Familie geschenkt; "Geh spazieren" – sagt die Mutter; Er lacht in der Bart.*

Для идентификации одушевленных имен релятивной семантики, в отличие, например, от имен частей тела, часто бывает достаточно одного такого указания на протяжении большого отрезка текста (или соотнесения имени с коммуникантом); в тексте такие имена (ср. "Мать" Горького) часто бывают изофункциональны именам собственным, например: *Narzeczona ma kilkoro rodzeństwa; Matka płakała przez cały wieś; Synowa twierdzi, że nie powinnam udzielać jej rady*. При этом в артикльевом языке определенный артикль часто опускается: *Vater, Mutter, Chef*.

Являясь частью картины мира, отношения относительной неотчуждаемости, как и отношения абсолютной неотчуждаемости, обуславливают потенциальную определенность имен R в тексте. Значение неопределенности (помимо конструкций обладания) может возникнуть:

а) при количественном несоответствии  $R^c$  и  $R^d$ : *Pewien mój znajomy, którego nie widziałem od trzydziestu lat, prosił jakiegoś człowieka, aby mi oddał pozdrowienia. – 1 (ja, znajomy); Zu einem Bekannten sagte einmal ein Nachbar... – 1 (ich, Bekannte), 1<sub>2</sub> (Bekannte, Nachbar).*

При этом возможно сочетание неопределенного местоимения с притяж-

тельным (*pewien mój znajomu*). Такие конструкции невозможны, однако, с именами близкого родства, экстенсионал которых всегда представляет собой конечное множество объектов данного рода, ср. невозможность *\*я приду с одним своим братом* (надо: *с одним из своих братьев*) при возможности: *Я приду с одним своим родственником* (открытое множество);

б) при отсутствии указания на соответствующего Ps: *Často se však stalo, že některý tatík dělal, jako by už na všecko zapomněl; ... a když jsem si k nám někdy pozval některého synka z selského statku...*;

в) в конструкциях, содержащих сообщение о возникновении R у Ps (такие конструкции невозможны были бы для абсолютно неотчуждаемых R), ср. нем.:

### Indef

*X. lässt sich einen Bart wachsen*  
(бороды до этого не было)  
*Sie hat mit einem Sohne niede.-*  
*kommen*

### Def

*X. lässt sich den Bart wachsen*  
(борода была)  
*X. ließ sich den Bart abnehmen*  
(сбрить можно лишь имеющуюся  
бороду)

Итак, отношения абсолютной и относительной неотчуждаемости ("существенно неотчуждаемость") могут быть определены как отношения посессивности, связывающие не только реальные денотаты, но и соответствующие концепты. Имена собственно неотчуждаемых объектов обычно выступают в тексте как определенные (вследствие парадигматической связаннысти таких объектов с соответствующими посессорами). Определенность может быть выражена семантико-синтаксической структурой предложения, а также имманентно присутствовать в значении именной группы: *его жизнь, его мать*. Однако посессивная группа может иметь и неопределенную референцию: *Я приду со своей подругой* (скорее всего посессивная группа означает тут: "с одной из подруг"). Поэтому можно предположить, что притяжательное местоимение не имеет постоянной семы определенности. Это подтверждается и результатами семантико-синтаксического "расцепления" притяжательного местоимения, которое может давать не только определенность, но и неопределенность имени R.

Отношения окказиональной неотчуждаемости характеризуются слабой степенью ПС между концептами Ps и R и обладают следующими признаками:

1) Окказионально неотчуждаемые R мыслятся не как вероятные, а как возможные элементы Ps, которые в ряде ситуаций могут восприниматься как неотчуждаемые. Это ситуации, выражаемые обычно дательно-посессивными структурами и связанные с действием, затрагивающим Ps, если R является агентом, пациентом или локусом такого действия. Имена объектов, играющих роль окказионально неотчуждаемых, выступают в дательно-посессивных структурах в основном как определенные: *Z torebki wysypią mi się migdale; Patrol wojskowy zabijał mi konia, a jego samego ranili w rękę*. В такие конструкции могут входить имена, обозначающие собственно принадлежность, принадлежность по функции, различные абстрактные понятия, связанные с лицом, ср.: *jemandem die Freude verderben*.

Неопределенность таких имен, употребленных в дательно-посессивных

конструкциях, бывает обусловлена, как и в предыдущих случаях, количественным несоответствием референта с экстенсионалом посессивной группы, ср. *X. stahl ihr ein Buch* – *X. stahl ihr die Handtasche*.

Подобные предметные имена, употребленные вне соотнесения с посессором, могут быть определенными или неопределенными в зависимости от условий контекста, ср.: *Im Atelier hat man mir den Mantel umgenäht* (Poss.) – *Im Atelier hat man mir einen Mantel genäht* (Indef) – *Dieser Mantel steht mir gut* (Def).

Таким образом, окказионально неотчуждаемые объекты являются как бы промежуточным звеном между собственно неотчуждаемыми объектами и объектами отчуждаемыми, которые для выражения отношения посессивности всегда требуют притяжательного местоимения. С одной стороны, такие имена могут входить в г-Стр с дательным посессивным, и тогда их определенность или неопределенность зависит от количественного фактора. С другой стороны, такие имена могут употребляться изолированно, вне соотнесения с посессором, и тогда их определенность – неопределенность обусловлена общими правилами употребления артиклей в данном языке или – для безартиклевых языков – общими закономерностями определенной – неопределенной референции имени.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. XIII, с. 5.

<sup>2</sup> Чарняк Ю. Умозаключения и знания (ч. II). – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, М., 1983, вып. XII, с. 304. Здесь дается следующее определение фрейма: "фрейм – это структура данных, представляющих стереотипную визуальную ситуацию".

<sup>3</sup> Шмелев А.Д. Определенность – неопределенность в названиях лиц в русском языке. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1984, с. 3. "Денотативное пространство" определяется А.Д. Шмелевым как "фрагмент внеязыковой действительности", которому принадлежит объект. В дальнейшем мы будем пользоваться как термином "ситуация", так и термином "денотативное пространство", т.к. в некоторых случаях они представляются нам взаимозаменяемыми.

<sup>4</sup> Ср. формулировку основного значения определенного артикла у И.И. Ревзина: "имеются в виду все объекты данного рода, предполагаемые коммуникативной ситуацией, в которой существует произнесенный экземпляр знака" (Ревзин И.И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. – Вопросы философии, 1972, № 11, с. 101); ср. близкое по смыслу определение, данное А.Д. Шмелевым: "прагматическим аналогом критерия единственности было бы совпадение референта именной группы с ее экстенсионалом в прагматически релевантном денотативном пространстве" (Шмелев А.Д. Указ. соч., с. 5), где референт именной группы определяется как "тот объект внеязыковой действительности, с которым соотносит говорящий данное употребление именной группы", а ее экстенсионал как "множество объектов, принадлежащих данному денотативному пространству и удовлетворяющих данной номинации" (там же, с. 3–4).

<sup>5</sup> Некоторые примеры взяты нами из книги: Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. – Forum Slavicum. München, 1979. B. 4.

<sup>6</sup> Как уже отмечалось (см., в частности: Головачева А.В. Индивидуализация и идентификация в анафорических структурах. – В кн.: Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. с. 175–202), указательное местоимение в западнославянских языках, особенно в чешском языке, может в ряде случаев выполнять не идентифицирующую, а чисто индивидуализирующую функцию и указывать на объект, единственно возможный в данной ситуации.

<sup>7</sup> Ревзин И.И. Анкета по категории определенности – неопределенности. Публика-

ция и предисловие О.Г. Ревзиной. – В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 233–234.

<sup>8</sup> Термины "субъект посессивности" и "объект посессивности" принадлежат Р. Мароевичу, см.: *Маројевић Р.* Посесивне категории у руском језику (у своме историјском развитку). Београд, 1983, с. 3.

<sup>9</sup> *Головачева А.В.* Семантико-синтаксический способ выражения категории посессивности. – В кн.: Структура текста–81: Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 6–13; здесь представлен набор семантико-синтаксических структур (*r-Str*), содержащих имена Ps и R и иплицитно – отношение *r* между ними.

<sup>10</sup> *Головачева А.В.* Детерминация объекта обладания в связном тексте. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983, с. 26–32.

<sup>11</sup> Там же, с. 31.

<sup>12</sup> *Головачева А.В.* К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. с. 19–26.

<sup>13</sup> *Волоцкая З.М., Головачева А.В.* Роль категории притяжательности (посессивности) в организации текста загадки. – Там же, с. 15.

Т.Н. С В Е Ш Н И К О В А

## ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном румынском существует особый тип глагольных посессивных конструкций (распространенный и во многих других языках), который характеризуется отчетливо выраженной синтаксической оформленностью и представляет собой тесное семантико-синтаксическое единство. Речь идет о конструкциях с дательным посессивным;ср.: а) *își bău cafeaua* (Murd., 33) 'он выпил свой (досл.: себе) кофе'; б) *Îmi înghețase și inima și răsuflarea*. (Voic., 96) 'у меня (досл.: мне) замерло и сердце, и дыхание'<sup>1</sup>. Типам а) и б) соответствует одна и та же структурная формула  $Pr^d V N^{n-a}$ , где *Pr* – местоимение, *V* – глагол, *N* – имя, *d* – датив, *n* – номинатив, *a* – аккузатив; (для б) возможен также вариант:  $N^{n-a} Pr^d V$ ). Однако в а) *N* выполняет роль объекта, а в б) – субъекта фразы.

Порядок следования элементов рассматриваемой конструкции строго определенный, их расположение, как правило, контактное. При дистантном положении между глаголом и именем могут стоять а) адвербы, такие как, например: *apoī* 'потом', *din nou* 'снова', *înapoi* 'назад, обратно', *înaintru* 'внутри', *încet* медленно', *întî* 'сначала', *întotdeauna* 'всегда', *în mare parte* 'в значительной степени', *riuīn* 'немного', *și mai* 'еще больше', *uimît* 'удивленно', *vag* 'смутно' и др.; ср.: *soarele își năpustise îñaintru lumina și căldura* (Velea, 51) 'солнце впустило внутрь свой свет и тепло'; б) существительные и местоимения в функции субъекта (в конструкциях типа а); ср., например: *își dezvălui stareul planul culinar* (Voic., 137)'раскрыл настоящий свой кулинарный план'; *ne măñind lupul oile* (Voic., 165) 'волк съест наших овец'; в) существительные с предлогом в функции косвенного дополнения глагола; ср.: *își întoarse spre Mor capul* (Murd., 185) 'повернула к Мору голову'; г) усиительная частица *și* в значении 'также'; ср.: *îmi plimb și cînele* (Urs., 28) 'я заодно выведу и собаку'. Между местоимением и глаголом возможны частицы, в частности, *mai* 'еще, больше' и модальный гла-

гол *a putea* 'мочь';ср.: *nu-și putea săpîni zîmbetul* (Murd., 152) 'он не смог сдержать улыбки'.

В роли *Pr* выступает следующий ряд личных и возвратных безударных местоимений в дативе: *îmi*, *îți*, *îi*, *își*; *ne*, *va*, *le*, *își* и соответствующие морфологические варианты<sup>2</sup>; ср., например: *Liza își vîrî capul* (Voic., 132) 'Лиза засунула свою голову'; *îi ținea pantoful în mînă* (Murd., 199) 'он(а) держал(а) его(ее) туфлю в руке'; *înțelegîndu-i durerea* (Velea, 99) 'понимая его(ее) боль'; *ce bine le cunoaștem chipurile* (Murd., 294) 'как хорошо мы знаем их лица'; *și-mi aproba ideea* (Urs., 57) 'одобрял(а) мою идею'; *ne pierdem interesele pe aici* (Voic., 207) 'мы теряем здесь свои интересы'; *tu își părăsești soția* (Murd., 47) 'ты оставляешь свою жену'; *ridicați-vă flintele* (Voic., 282) 'поднимите свои мушкеты'; *soarele își trimitea razele* (Murd., 159) 'солнце посыпало свои лучи'.

Особенность конструкций с дательным посессивным состоит в том, что с синтаксической точки зрения посессив связан с глаголом, а с точки зрения семантической подчинен имени объекта обладания<sup>3</sup>; ср.: *își arătă bilul de peron* (Murd., 151) 'он показал свой (досл.: себе) перонный билет'.

Имена, выступающие в функции объектов обладания, обычно стоят в определенной форме единственного или множественного числа<sup>4</sup>. Ср., например: *și-a desfăcut cocul* (Băl., 53) 'она распустила волосы'; *i se rupea înimă* (Velea, 61) 'у него разрывалось сердце'. Однако, возможны, хотя и редки, случаи употребления неопределенной формы: *cînd vrea*, *își dezlipeste un deget de la mîini* (Voic., 3) 'когда он хочет, он отделяет палец от руки'. В конструкциях с *N*, выраженным именем одушевленным, имеет место нейтрализация грамматического противопоставления по одушевленности/неодушевленности, т.е. предлог *pe*, обычно предшествующий одушевленным существительным (именам лиц) в аккузативе, в рассматриваемых конструкциях опускается<sup>5</sup>. Ср., например: *își aștepta tatăl* (Murd., 43) 'ждал(а) своего отца' (но: *îl aștepta pe tata*).

Семантика имен объектов обладания, в основном, совпадает с кругом, очерченным Ш. Балли, т.е. с так называемой "сферой лица"<sup>6</sup>. Преобладают следующие семантические группы: термины родства и другие имена релятивной семантики, типа: 'друг', 'недруг', 'гость', 'собеседник', 'спутник', 'сосед', 'слуга'; ср., например: *nu-și găsiseră muierile acasă* (Voic., 232) 'не застали своих жен дома'; *să-și așeze familia* (Uric., 8) 'чтобы разместить свою семью'; если в роли посессора выступает какое-либо животное, то в роли объектов обладания выступают соответствующие имена, обозначающие детенышей; образуются такие пары, как: 'кобыла' – 'жеребенок' и пр.; ср.: *rînchezatul unei iepe cînd își cheamă minzul* (Voic., 16) 'ржание кобылы, когда она зовет своего жеребенка'; имена домашних животных; ср.: *își cunoscuse vaca* (Voic., 100) 'она узнала свою корову'; *și-a mîngîiat cînii* (Voic., 89) 'он приласкал собак'. В большинстве случаев в роли объектов обладания выступают имена неодушевленные; сюда относится, прежде всего, круг понятий, так или иначе связанных с человеком; таким образом, если в двух рассмотренных выше группах в функции обладателя и объекта обладания выступали имена одушевленные, то в группе, которая будет рассмотрена ниже, наблюдается соотношение одушевленный (имя посессора)/неодушевленный (имя объекта обладания). Большую группу образуют

названия частей тела (человека и животного); ср.: *iși vîrî mînile în buzunare* (Uric., 47) 'засунул руки в карманы'; *iși fereau ochii* (Velea, 102) 'прятали глаза'; *și-a trecut palma peste haina mea* (Băn., 54) 'она провела ладонью по моей одежде'; *nu vreau să-mi rămîne oasele aici* (Voic., 296) 'я не хочу, чтобы тут остались мои кости'; здесь имеет место соотношение целое/часть целого; ср. частный случай реализации этого противопоставления: *zarzării iși arcuiau ramurile* (Urs., 31) 'абрикосовые деревья гнули свои ветви'. Одежда и ее детали, украшения (у человека); ср.: *iși bătu buzunarele* (Velea, 94) 'он похлопал себя по карманам'; *rochia îmi zburase cu valiza* (Urs., 43) 'платье у меня исчезло вместе с чемоданом'; жилище человека; ср.: *tare aș dori să-i văd camera* (Murd., 52) 'мне так хотелось бы увидеть его (ее) комнату'; мебель, убранство комнаты, обстановка; собственность (движимая и недвижимая): *mi-am strîns lucrurile* (Voic., 116) 'я собрал свои вещи'; посуда; ср.: *iși împinse la o parte farfurie* (Murd., 77) 'он отодвинул тарелку в сторону'; еда, питье; ср.: *să-mi măñinc frigura rece* (Urs., 30) 'съесть холодное жаркое'; орудия, оружие: *mi-am azvîrlit undița și mi-am întuiat volocul* (Voic., 8) 'я закинул удочку и опустил в воду невод'. Характерные особенности человеческой внешности; ср.: *ascunzîndu-și înalteimea adevarată* (Velea, 59) 'скрывая свой настоящий рост'; изображение человека: *înainte de a-i înseră portretul* (Murd., 10) 'прежде, чем начать его портрет'. Следующую группу составляют особенности характера человека, его духовные и душевные качества, мысли, чувства, ощущения и другие проявления человеческого разума и психики; ср.: *recunoșcîndu-i înaltă vrednicie duhovnicească* (Voic., 149) 'признавая его высокие духовные качества'; *mi se limpezise mintea* (Urs., 20) 'ум у меня прояснился'; выражение чувств и проявления воли; ср.: *mi-am arătat spaimă* (Voic., 80) 'я выказал страх'; *îi ascultă poruncile* (Voic., 174) 'слушает его (ее) приказания'; характерные особенности материального, духовного состояния человека, его личности, его отношения к человеку, обществу, к природе, ко времени, к пространству; ср.: *îi rostea numele* (Murd., 176) 'произносил(а) его(ее) имя'; *asta i-a hotărît soarta* (Voic., 158) 'это решило его (ее) судьбу'; занятия человека (формы и результаты); ср.: *nu și-a întrerupt rugăciunea* (Voic., 166) 'он не прервал своей молитвы'; рутинные действия; ср.: *iși făcea ronda* (Voic., 121) 'совершал обход'; характерные занятия животных: *lupul nu-și încetă prădăciunile* (Voic., 163) 'волк не прекратил грабеж'. Интересную группу образуют имена, обозначающие различные действия и проявления человеческого организма ('дыхание', 'голос', 'крик', 'биение сердца', 'улыбка', 'слезы', 'шаги' и т.д.); ср.: *lacrimile îi șiroiau încă* (Murd., 229) 'слезы у нее еще струились'; *iși drese glasul* (Voic., 153) 'он повысил голос'. Имена, обозначающие временные отрезки человеческой жизни; ср.: *unde își petrecuse adolescența* (Uric., 7) 'где он провел свою юность'; пространственные обозначения; ср.: *iși reluară locurile* (Murd., 165) 'вновь заняли свои места'. Далее следуют имена неодушевленные со значением свойства того или иного явления; ср.: *cîntecul și-a repetat vrâja* (Voic., 96) 'песня повторила свое очарование'. Особую группу составляют конструкции с именами действия; ср.: *îmi continuam plimbarea* (Vianu, 16) 'я продолжал свою прогулку'; *iși pregătește retragerea* (Gib Mih., 77) 'она готовит свое отступление', где прияжательное местоимение указывает, в частности, на соотнесенность отглагольного имени с возвратным глаголом.

Позицию V (в конструкциях типа а) занимают глаголы различной семантики. Число их велико, но, по-видимому, не бесконечно, так же как число имен, выступающих в функции объектов обладания. Выделяются следующие группы: глаголы со значением процесса действия ('начинать/продолжать/кончать'; 'прерывать/возобновлять'); ср.: *a-i începe portretul* 'начать его (досл.: ему) портрет'; *a-si continua drumul, conversația, discuția* 'продолжать путь, разговор, спор'; *a-si termina cafeaua* 'кончить свой кофе'; *a-si intrerupe goana, rugăciunea, orele de germană* 'прервать погоню, молитву, занятия'; *a-si reînnoi legămîntul* 'возобновлять обязательство'; проводить (время)': *a-si petrece, a-si trece zilele* 'проводить дни'. Большую группу образуют глаголы, обозначающие различные типовые действия, которые совершаются по отношению к объектам обладания<sup>7</sup>. Ср., например, глаголы с общим значением 'движения, перемещения': *a-si trîr picioarele* 'волочить ноги'; *a-si mîna calul* 'гнать лошадь'; ср. также частные случаи реализации пространственных оппозиций: внутри/снаружи; ср. 'вонзать, втыкать, пронзать, всовывать'/'вынимать, вытаскивать'; *a-si împlînta furculița în bucata de carne* 'вонзать вилку в кусок мяса'; *a-si vîrî batista în buzunar* 'засунуть платок в карман'; *își trase ghearele din grumazul ei* 'он вынул когти из ее шеи'; *a-si smulge afară bicicleta* 'вывести наружу велосипед'; верх/низ; ср.: поднимать/опускать' *a-si ridica fața, ochii, sprîncenele, capul* 'поднимать лицо, глаза, брови, голову'; *a-si ridica valiza* 'поднимать чемодан'; *a-si coborî privirea* 'опускать взгляд'; *a-si lasa jos valiza* 'опускать на землю чемодан'; *a-si cufunda fața în apa rece* 'погружать лицо в холодную воду'; открытый/закрытый; ср.: *a-si deschide gura* 'открыть рот'; *a-si acoperi fața cu mâinile* 'закрыть лицо руками'; *a-si astupă gura cu palma* 'закрыть рот ладонью'; близкий/далекий: *a-si duce mîna la frunte* 'поднести руку ко лбу'; *a-si duce palmele la urechi* 'поднести ладони к ушам'; *a-si propti bicicleta de gard*, *a-si rezemă bicicleta de zid* 'прислонить велосипед к изгороди, к стене'; *a-si împinge la o parte farfurie* 'отодвинуть тарелку'; спереди/сзади: *a-si lasă soția în urmă* 'опередить жену'; *a-si da capul pe spate, a-si lăsa capul pe spetează* 'откинуть голову назад, откинуть голову на спинку (кресла)'; правый/левый: *a-si întoarce capul, fața, ochii, a-si răsuci capul* 'поворнуть голову, лицо'; оппозиция видимый/невидимый: 'прятать/находить' *a-si ascunde față* 'прятать лицо', *a-si feri ochii, privirea* 'отводить глаза, взгляд'; *a-si găsi bicicleta* 'найти велосипед.' Следующую группу составляют глаголы, отражающие умственную и психическую деятельность человека: глаголы речи; ср.: *a-i rosti numele* 'произнести его/ее имя'; *a-si spune gîndul* 'выразить свою мысль'; глаголы восприятия: *a-si vedea fiul* 'видеть сына'; *a-i vedea chipul* 'видеть его/ее лицо'; *a-i auzi pașii* 'спышать его/ее шаги'; глаголы мысли, знания; ср.: *a-i înțelege durerea* 'понимать его/ее боль'; *a-i citi gîndurile* 'читать его/ее мысли'; эмотивные глаголы: *a-si tîngui viața* 'оплакивать свою жизнь'; *a-si blestemă viața* 'проклинать жизнь'. Отдельную группу образуют глаголы с общим значением 'беречь, охранять, защищать'; ср.: *a-si râzi linîștea* 'оберегать свой покой'; *a-si apără gîndurile* 'защищать свои мысли'; 'приводить в порядок', 'мыть, чистить'; ср.: *a-si aranja lucrurile* 'приводить в порядок вещи'; *a-si orîndui gîndurile* 'приводить в порядок мысли', *a-si dichisi părul, barba* 'приводить в порядок волосы, бороду'. Глаголы 'пить', 'есть': *a-si bea cafeaua* 'пить кофе'; *a-si mîncă frîptura* 'есть жаркое'. Глаголы 'держать', 'брать', 'сдавать (экзамены)', 'получать (степень)', 'готовить',

'исправлять'; ср.: *a-și trece*, *a-și da examenele*; *a-și lua bacalaureatul*; *a-și pregăti textul*; *a-și repara greșeala*. Глаголы 'останавливать', 'сдерживать', 'подавлять', 'препятствовать': ср.: *a-și opri calul* 'остановить лошадь'; *a-și opri strigătul* 'подавить возглас'; *a-și stăpîni emoțiile* 'сдерживать чувства'; *a-și ține răsuflarea* 'задерживать дыхание'; 'отпускать'; *lăsați-mi mînzul* 'отпустите моего жеребенка'.

В рассмотренных конструкциях, относящихся к типу а), V может быть только переходным глаголом, в отличие от конструкций типа б), где в функции V выступают непереходные глаголы, семантически далекие от приведенных выше. Выделяются следующие группы: глаголы эмоционального состояния 'блуждать' (о глазах, мыслях); 'гудеть' (об ушах); 'светиться' (о глазах, лице); 'сверкать' (о глазах); 'развеваться' (о волосах); 'трепетать', 'колотиться', 'подпрыгивать', 'разрываться' (о сердце); 'дрожать' (о голосе, о всем существе); 'останавливаться' (о взгляде); 'застывать' (о крови); 'брьзнутуть, струиться' (о слезах), 'гореть' (о душе); 'падать, опускаться' (о руках)<sup>8</sup>; ср., например: *părul și barba sură în stau zbirilte și ochii arzători în sticleau de un foc sălbatic* (Voic., 153) досл.: 'седые волосы и борода стояли у него дыбом, горящие глаза сверкали диким огнем'.

Вторую группу образуют глаголы с общим значением 'исчезать, пропадать'; ср.: 'пропадать, исчезать' (о беспокойстве, застенчивости); 'проходить' (о ярости); 'падать' (о температуре); 'умирать' (о близких существах). Например: *îi fugise nevasta de foame și sete* (Ban., 40) 'у него убежала жена от голода и жажды'. В третью группу входят глаголы со значением 'уменьшения/увеличения активности': 'засыпать' (о коне); 'затуманиваться/проясняться' (об уме); ср., например: *mi-a adormit calul* (Ban., 55) 'конь у меня заснул'; *mi se limpezea mintea* (Urs., 20) 'голова (досл.: ум) у меня прояснилась'.

Рассматриваемые конструкции подразделяются на три класса в зависимости от согласованности/несогласованности посессива с субъектом глагола посессивной конструкции<sup>9</sup>. В первый класс входят, в частности, конструкции с именами объектов обладания, обозначающими части тела, различные проявления умственной и эмоциональной деятельности человека и его организма, ср., например: *își mișcă buzele* (Voic., 171) 'пошевелил губами'; *își fereau ochii* (Velea, 102) досл.: 'прятали глаза'; *mi-am arătat nemulțumirea* (Voic., 80) 'я выразил неудовольствие'; *își ținea respirația* (Murd., 200) 'он сдерживал дыхание'; *își exprima acordul* (Murd., 22) 'он выражал согласие'; *mi-am continuat drumul* (Ban., 74) 'я продолжал свой путь'. Ко второму классу относятся посессивные структуры с глаголами восприятия, каузативными глаголами, глаголами, выражавшими различные проявления чувств; ср., например: *le-am simțit zgometul* (Ban., 80) 'я услышал их шум'; *îi auzea filfilul aripilor* (Voic., 162) 'он слышал шорох их крыльев'; *asta i-a hotărât soarta* (Voic., 158) 'это решило его судьбу'; *vîntul ne flutura hainele* (Ban., 59) 'ветер раздувал нашу одежду'; *vîrcolacii le mîncău luna* (Voic., 261) 'оборотни поедали их луну'; *continuă să-i mîngâie părul* (Murd., 280) 'продолжает гладить ее волосы'; *urgii au să ne lingă mîinile* (Voic., 92) 'медведи будут лизать нам руки'. Третий класс образуют посессивные конструкции, для которых в равной степени возможна согласованность и несогласованность посессива с субъектом глагола. Здесь особенно ярко проявляется взаимодействие семантики глаголов и имен, образую-

щих посессивную структуру. Ср.: *oprindu-si calul* (Băn., 45) 'останавливая свою лошадь' и *oprindu-i calul* 'останавливая его лошадь'; *își frecă obrajii cu palmele* (Velea, 76) 'он потер себе щеки ладонями' и *îi frecă obrajii cu palmele* 'он потер ему щеки ладонями'; *mi-am strîns lucrurile* (Voic., 116) 'я собрал свои вещи' и *i-am strîns lucrurile* 'я собрал его вещи'. Как можно было заметить из перечисленных выше примеров, в случае согласованности по рефлексивности все связи, синтаксические и семантические, реализуются в пределах одной конструкции, при рассогласованности по рефлексивности семантические связи реализуются в рамках более широкого контекста.

Исследователи конструкций с дательным посессивным обычно отмечают случаи их неоднозначной интерпретации<sup>10</sup>. Ср., например: *ți-am adus pălăria* (1) 'я принес тебе шляпу' и (2) 'я принес твою шляпу', где местоимение в дативе трактуется в одном случае как косвенное дополнение, в другом – как определение. Иногда можно избежать двусмыслистности, употребляя имя, выступающее в функции объекта обладания, то в определенной, то в неопределенной форме; ср.: *ți-am luat pălăria* 'я взял твою шляпу'; *ți-am luat pălărie* 'я взял тебе шляпу'<sup>11</sup>. По-видимому, для разрешения синтаксической омонимии возникают плеонастические конструкции, в которых, наряду с местоимением в дативе, содержится притяжательное местоимение<sup>12</sup>. Ср., например: *să-si arate concepția sa profund înnoitoare* (Uric., 16) 'чтобы выразить (досл.: показать) свой глубоко новаторский взгляд'; *să-si sacrifice propriile ei dorințe* (Murd., 307) 'чтобы пожертвовать своими собственными желаниями'.

Анализ довольно большого числа конструкций с дательным посессивным показывает, что случаи синтаксической омонимии достаточно редки. Это достигается, во-первых, при помощи соединения в пределах одной конструкции таких имен и глаголов, что семантика одного из них или их обоих исключает возможность понимания конструкции иначе как конструкции с дательным посессивным. Кроме того, очень редко употребляются глаголы, управляющие дательным падежом. В тех же случаях, когда не соблюдается ни первое, ни второе правило, синтаксическая омонимия разрешается с помощью контекста; ср., например: *a zis că ne vinde casa dacă nu plătim* (Voic., 221) 'он сказал, что продаст наш дом, если мы не заплатим', где конструкция с дательным посессивным *ne vinde casa*, рассматриваемая вне ее связи с контекстом, допускает двойное толкование: (1) 'продаст наш дом' и (2) 'продаст нам дом'.

Обращаясь к проблеме синтаксической синонимии, следует отметить, что многие конструкции с дательным посессивным могут преобразовываться в конструкции с притяжательными местоимениями, хотя, как отмечают исследователи<sup>13</sup>, трансформации с сохранением смысла почти невозможны. Промежуточным звеном в таких преобразованиях можно считать некоторые виды плеонастических конструкций с одновременным употреблением местоимения в дативе и притяжательного местоимения; ср., например: *ne regăsim, ne înțîlinim viața noastră* (Uric., 23) 'мы находим друг друга, мы встречаем нашу жизнь'; *să-si poată ořindui și apăra gîndurile lui adevarate* (Velea, 70) 'чтобы упорядочить и защитить свои истинные мысли'.

Конструкции с дательным посессивным, в которых функцию объектов обладания выполняют имена, обозначающие часть тела и такую неотъемлемую

мую принадлежность человеческого существа, как *душа, сила, нрав, жизнь*, как правило, не могут трансформироваться в соответствующие конструкции с притяжательным местоимением<sup>14</sup>. Однако некоторые из этих конструкций преобразуются в конструкции с возвратным местоимением в аккузативе и существительным с предлогом;ср.: *a-și spăla mînile* ↔ ↔ *a se spăla pe mîni* 'мыть руки'; *a-și spăla fața* ↔ *a se spăla pe față* 'умывать лицо'; *a-și freca ochii* ↔ *a se freca la ochi* 'тереть глаза'; *a-și încâlța ghe-tele* ↔ *a se încâlța cu ghetele* 'надевать башмаки'<sup>15</sup>.

Изложенные выше наблюдения представляют собой лишь первую попытку проникнуть в сущность сложного и неоднородного явления, каким является дательный посессивный в румынском языке, многими своими особенностями вызывающий ассоциации с таким лингвистическим феноменом, как объектное спряжение.<sup>16</sup>

### ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- |                 |  |
|-----------------|--|
| <i>Băn.</i>     | — <i>Bănulescu St. Iarna bărbătilor.</i> [Buc.], 1965. |
| <i>Gib Mih.</i> | — <i>Mihăescu Gib I. Teatru.</i> Cluj, 1973            |
| <i>Murd.</i>    | — <i>Murdoch I. Castelul de nisip.</i> [Buc.], 1977.   |
| <i>Uric.</i>    | — <i>Uricaru E. Mierea.</i> Buc., 1978.                |
| <i>Velea</i>    | — <i>Velea N. Paznic la armonii.</i> [Buc.], [1965].   |
| <i>Urs.</i>     | — <i>Velisar Teodoreanu St. Ursul.</i> [Buc.], 1979.   |
| <i>Vianu</i>    | — <i>Vianu T. Jurnal.</i> Buc., 1961.                  |
| <i>Voic.</i>    | — <i>Voiculescu V. Povestiri I.</i> [Buc.], 1966.      |

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Число работ, посвященных данному вопросу, сравнительно невелико. Ср., в частности: *Asan F. Atributul pronominal în dativ.* — Studii de gramatică. [Buc.], 1957, II, p. 131–139; *Stati S. Verbe "reflexive" construite cu dativul.* — Studii și cercetări lingvistice, 1954, V, N 1–2, p. 135–149; *Suteu F. Atribut pronominal sau complement indirect.* — Limba română, 1962, N 3, p. 267–276.

<sup>2</sup> Ср.: *Asan F. Op. cit.*, p. 132, 134.

<sup>3</sup> Ср.: *Guru Romalo V. Sintaxa limbii române. Probleme și interpretări.* Buc., 1973, p. 180.

<sup>4</sup> Ср. Gramatica limbii române. II. Buc., 1963, p. 133; *Asan F. Op. cit.*, p. 133, 134.

<sup>5</sup> *Pop S. Grammaire roumaine.* Berne, 1948, p. 427; *Graur Al. Tendințele actuale ale limbii române.* Buc., 1968, p. 304–305.

<sup>6</sup> *Bally Ch.* L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes. — Festschrift Louis Gauchat. Aarau, 1926, p. 68–78; в круг имён, очерченный Балли, входят следующие понятия: тело, его части, иногда его размеры; душа; в некоторых случаях голос, имя; сюда может относиться все, связанное постоянно с человеком: одежда, предметы обихода, орудия и пр., окружающие лица, семья, слуги, друзья и т.д.; Балли показывает, что во многих языках и, в частности во французском, дательный посессивный является грамматическим средством для выражения идеи неотторжимости; ср. также: *Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке.* — В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979, с. 295, где определяется, в частности, круг имён неотторжимой принадлежности, куда, по мнению автора, входят названия частей тела, имена родства, а также названия таких "частей" личности, как имя, голос, совесть, сон, душа, и пр.; ср. также: *Hatcher A.G. Il me prend le bras vs. Il prend mon bras.* — Romanic Review, 1944, v. 35, N 1–4, p. 156–164.

<sup>7</sup> Ср., в частности: *Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений.* М., 1974, с. 97, 98.

<sup>8</sup> Ср. аналогичные конструкции с теми же глаголами в албанском: *felet* 'светлеет' (о лице), *dridhet* 'дрожит' и др., которые приводит Ю.А. Лопашов (см.: *Лопашов Ю.А.*

О грамматических средствах выражения субъекта и объектов в албанском языке. – В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982, с. 120–121).

<sup>9</sup> См., в частности: *Вольф Е.М.* Op. cit., с. 67–69.

<sup>10</sup> Cp., например: *Iordan I., Guțu Romalo V., Niculescu A. Structura morfologică și limbii române contemporane*. Buc., 1967, p. 126; сп. также: *Șuteu F. Atribut pronominal sau complement indirect*. – *Limba română*, 1962, N 3, p. 272.

<sup>11</sup> Примеры взяты из указанной выше работы: *Iordan I.* и др., р. 125–126.

<sup>12</sup> На распространность таких конструкций указывается, в частности, в работе: *Sandfeld Kr., Olsen H. Syntaxe roumaine. I. Emploi des mots à flexion*. Р., 1936, р. 153.

<sup>13</sup> *Stati S. Verbe "reflexive" construite cu dativul*. – *Studii și cercetări literare și istorice*, 1954, V, N 1–2, p. 141; *Asan F. Op. cit.*, p. 133.

<sup>14</sup> *Asan F. Op. cit.*, p. 133.

<sup>15</sup> *Stati S. Op. cit.* р. 140; *Asan F. Op. cit.*, р. 133.

<sup>16</sup> Cp., в частности: *Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка*. М., 1930, с. 237, где рассматривается так называемое "объективное спряжение по лицам" и, наряду с китайскими, приводятся такие французские примеры, как: *je le dis, je te l'ai dis*; см. также: *Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов*. Л., 1928, с. 22 (прим. 2).

Е.И. ДЕМИНА

## ИЗ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА.

### 3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО – ОБЪЕКТ ОБЛАДАНИЯ В ЯЗЫКЕ НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ XVII В.

0. Цель данной статьи – рассмотреть способы выражения с помощью местоименных форм посессивных отношений: *действующее лицо* (субъект высказывания) – *объект обладания* в языке новоболгарских дамаскинов XVII в. Речь идет о первых в послекирилло-мефодиевскую эпоху в Болгарии памятниках письменности, язык которых основан на живой народно-разговорной речи с ее аналитическим грамматическим строем и обновленным словарем – в противоположность синтетическому грамматическому строю традиционного болгарского литературного языка (далее – *ЛЯ*).

Как мы пытались показать в ряде исследований, нормы книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, отраженного в дамаскинах, складывались непосредственно в процессе создания новоболгарского текста путем перевода с оригиналов на традиционном *ЛЯ*<sup>1</sup>. Создатели нового литературно-книжного идиома опирались, с одной стороны, на систему выразительных средств народно-разговорного койне населения Средней Старой Планины, вовравшего в себя черты центральных, переходного типа, балканских говоров у границы по *Б*, с другой стороны – на традиционные книжно-литературные средства, в частности на некоторые особенности, отраженные в языке взятого за основу оригинала. Вновь созданной в процессе этого своеобразного языкового строительства норме была присуща высокая степень вариативности, что, очевидно, объяснялось как неоднозначной картиной в самих говорах указанного ареала и в основанном на них койне, так и тем, что в одних и тех же случаях использовались и народно-разговорные и традиционные книжно-литературные выразительные

средства. Наличие вариантов объяснялось и переходным от синтетизма к аналитизму характером болгарского языка XVII в.<sup>2</sup>

Принятые создателями книжного болгарского языка XVII в. нормализаторские решения благодаря более чем двухвековому распространению письменности дамаскинов постепенно закреплялись в сознании образованных слоев общества и нередко становились тем образцом, от которого отталкивались книжники эпохи болгарского Возрождения – эпохи становления норм современного ЛЯ<sup>3</sup>. Они представляют интерес не только для истории болгарского языка и болгарской исторической диалектологии, но и для изучения постепенного и непрямолинейного становления современной литературно-языковой нормы. Рассматриваемые в настоящей работе способы выражения с помощью местоименных форм посессивных отношений: субъект действия – объект обладания, отразившие один из этапов балканизации болгарского языка, представляют интерес также и в типологическом и общетеоретическом плане.

0.1. Как нам представляется, притяжательные местоимения могут быть включены в число категорий, которые принято называть "шифтерными"<sup>4</sup>. Действительно, если *мой* обозначает 'я + притяжение', *твой* – 'ты + притяжение' и т.д., то актуализация значения местоимений *мой*, *твой* и т.д. невозможна без ссылки на конкретный акт коммуникации и конкретное высказывание, в котором и только в котором становится ясным, что такое *я* ('лицо, которое говорит *я*' т.е., говорящее лицо), *ты* ('лицо, к которому обращаются', т.е. адресат сообщения), а, следовательно, и что такое *мой*, *твой* и т.д. Можно полагать, что и возвратно-притяжательное местоимение *свой*, в принципе применимое по отношению ко всем 3 лицам, имеет шифтерный характер, поскольку его значение актуализируется только благодаря тому, что в рамках конкретного высказывания говорящий со своей точки зрения определяет лицо действующего субъекта, с которым и тождествствуется притяжатель объекта обладания, обозначенный этим местоимением.

Из сказанного ясно, что при анализе посессивных отношений, передаваемых с помощью притяжательных местоименных форм как категории шифтерной, характер денотативной ситуации, актуализируемой в высказывании, может быть выявлен лишь при учете структуры данного коммуникативного акта, а также коммуникативного задания высказывания, так как именно от этого зависит выбор говорящим в процессе синтеза высказывания той или иной (в том числе, в болгарском языке – полной или краткой) притяжательной формы.

0.2. Согласно норме, в современном болгарском ЛЯ при передаче посессивной ситуации: действующее лицо (субъект высказывания) – объект обладания формально разграничиваются следующие конкретные ситуации:

I. Притяжатель объекта обладания не тождествен действующему лицу – субъекту высказывания;

II. Притяжатель объекта обладания тождествен действующему лицу – субъекту высказывания.

Тождественность ~ нетождественность притяжателя объекта обладания субъекту высказывания определяется с точки зрения говорящего лица. Между теми актами выбора, которые осуществляется при этом говорящий в процессе синтеза высказывания, как и между самим составом местоимений.

именных форм, из которых осуществляется этот выбор, имеют место определенные различия.

В первом случае (притяжатель объекта обладания не тождествен действующему лицу – субъекту высказывания) говорящий выбирает между формами полных притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *негов*, *неин*, *наш*, *ваш*, *техен* и их краткими эквивалентами – формами дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции *ми*, *ти*, *му*, *и*, *ни*, *ви*, *им*. Здесь невозможно употребление местоимения *свой* (или его краткого эквивалента *си*). Вопрос о выборе полной или краткой притяжательной местоименной формы решается говорящим исходя из коммуникативного задания высказывания: необходимость акцентировать мысль о притяжателе (избирается полная форма) ~ отсутствие таковой (краткая форма)<sup>5</sup>. Исходя из структуры данной коммуникативной и денотативной ситуации: он сам в роли отправителя информации (или лица, в число которых он себя включает), адресат (-ы) сообщения, лицо (-а), к которым он не обращается, притяжатель объекта обладания, – говорящий по отношению к себе независимо определяет; с одной стороны, лицо, число, а в 3 лице ед. числа – и род действующего лица-субъекта высказывания (т.е. выбирает между личными местоимениями *аз*, *ти*, *той*, *тя*, *то*, *ние*, *вие*, *те*), а другой стороны, – лицо, число (для 3 лица ед. числа также и род) притяжателя (т.е. выбирает между формами притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *негов*, *неин*, *наш*, *ваш*, *ми*, *ти*, *му*, *и*, *ни*, *ви*, *им*). Род и число полного притяжательного местоимения определяется также и синтаксически – по согласованию с определяемым существительным.

Очевидно, что поскольку притяжатель объекта обладания не тождествен действующему лицу-субъекту высказывания, при субъекте в 1 л.ед.ч. при передаче данной ситуации возможны все формы относящихся к объекту обладания притяжательных местоимений, кроме *мой*, *моя*, *мое*, *мои*, *ми*, во 2 л. – все формы, кроме *твой*, *твоя*, *твое*, *твои*, *ти* и т.д. Однако в 3 л.ед. и мн. числа картина иная. Здесь возможен выбор между всеми притяжательными местоимениями, поскольку состав лиц (предметов), которые говорящий имеет в виду, но к которым он не обращается, не ограничен рамками коммуникативной ситуации и фактически недетерминирован. Субъект подобного высказывания может представлять собой одно лицо, предмет (или одно множество лиц, предметов), а притяжатель объекта обладания – другое лицо, предмет (другое множество лиц, предметов). Таким образом, в рассматриваемых условиях возможны высказывания типа:

*Аз взех една от твоите (неговите, неините, нашите, вашите, техните) книги или от книгите ти (му, и, ни, ви, им)*, но не *една от моите книги, от книгите ми*;

*Ти взе една от моите (неговите, неините, нашите, вашите, техните) книги или от книгите ми (му, и, ни, ви, им)*; но не *една от твоите книги, една от книгите ти*;

*Той взе една от моите, (твоите, неговите, неините, нашите, вашите, техните) книги или една от книгите ми (ти, му, и, ни, ви, им)*.

Важно подчеркнуть, что в случаях типа: *Той взе една от неговите книги (една от книгите му)*, *те взеха една от техните книги (една от книгите им)* согласно принятой в современном ЛЯ норме информацию следует понимать

в том смысле, что речь идет о каком-то ином притяжателе данного объекта обладания, а не о действующем лицо-субъекте высказывания.

Во втором случае (притяжатель объекта обладания тождествен действующему лицу-субъекту высказывания) норма современного болгарского ЛЯ допускает два возможных решения:

1. Говорящий, исходя из структуры данной коммуникативной и денотативной ситуации, определяет лицо, число (в 3 лице также и род) субъекта высказывания, а обращение к форме возвратного притяжательного местоимения *свой* (*си*) позволяет ему отождествить притяжателя объекта обладания с субъектом действия, обозначенного сказуемым. При этом, исходя из коммуникативного задания высказывания, он выбирает между возвратным притяжательным местоимением *свой* (*своя, свое, свои*) и краткой формой личного возвратного местоимения *си* с притяжательным значением. Именно высказывания этого типа, т.е.:

Аз взех една от *своите* книги (една от книгите *си*)

Ти взе една от *своите* книги (една от книгите *си*)

Той взе една от *своите* книги (една от книгите *си*)

поддерживаются как правильные современной литературно-языковой нормой.

2. Поскольку, как говорилось выше, в случаях, когда притяжатель объекта обладания не тождествен действующему лицу, при субъекте в 1 л. невозможно относящееся к объекту обладания употребление притяжательного местоимения *мой*, при субъекте во 2 л. – *твой* (то же относится к 1 и 2 л. мн.ч.) современная болгарская литературно-языковая норма в принципе допускает употребление в ситуации, когда притяжатель равен субъекту высказывания, полных притяжательных местоимений *мой, твой, наш, ваш*: при этом не возникает двусмысленности информации. Таким образом, нормой допускается еще одна парадигма:

Аз взех една от *моите* книги

Ти взе една от *твоите* книги

Той взе една от *своите* книги.

Если же мысль о притяжателе не акцентируется, во всех лицах обоих чисел согласно норме возможна лишь краткая возвратно-притяжательная форма *си*.

В повседневной речевой практике, однако, эти диктуемые нормой решения нарушаются. При субъекте в 3 л.ед. и мн. числа в рассматриваемой ситуации встречается употребление определяющих объект обладания, принадлежащий субъекту действия, полных форм притяжательных местоимений *негов, неин, тежен*. При этом типичное для нормы формальное противопоставление двух описанных выше посессивных ситуаций снимается. Если в контексте или в фоновой информации не содержится каких-либо дополнительных сведений, ситуация становится неясной. Нельзя различить, идет ли речь о притяжателе-действующем лице или о каком-то ином притяжателе, не тождественном субъекту высказывания, как это диктуется нормой. Поэтому болгарские лингвисты, занимающиеся проблемами культуры речи, периодически выступают в печати с пропагандой кодифицированной нормы, не допускающей смешения двух посессивных ситуаций<sup>6</sup>.

1.1. В книжном болгарском языке XVII в. на народной основе, для пред-

ставления которого мы здесь используем Тихонравовский дамаскин XVII в., в наиболее адекватном виде отражающий текст новоболгарского первооригинала<sup>7</sup>, в ситуации I типа – притяжатель объекта обладания не является действующим лицом-субъектом высказывания – отмечается более широкое, чем в современном ЛЯ, употребление полных притяжательных местоименных форм. Они в равной степени используются в случаях, когда мысль о притяжателе (например, именно о данном притяжателе в отличие от возможных других) почему-либо акцентируется, ср.:

Й сл8чъ се та сё рâзъ бoль царевъ братъ, ѿ грижа царева. й п8сти до братъ сї... й като сї д8маха єдинъ д8гы. й рѣ братъ царевъ. ѿ ѿ твоя грижа 8миратъ 7,53 об.; ако вїе прощавате на д8шъмане б8ци съгрѣшеніата тѣхъни, прости ще ѵ б8ь, ва<sup>m</sup>, съгрѣшеніата ваша 1,6; ато ймъ ща с8ди по тѣхната работа 32,224 об.; и сичъ ко ти дава<sup>m</sup> да испыт8ваши тѣхъни скопо<sup>c</sup> 33,234 об.; нейно чудо и нейнь. по<sup>c</sup> кои єзыкъ може исказа 8,55; а тои срѣбро и злато не 8зима, ами єднакъ твоего иманіе разъ даде 7,53; и знаи, чедо, че мъ є хс п8стиль да прости<sup>m</sup> твоего съгрѣшеніе 6,47 об.; нѣдей ги засрами който са на твоята сила надѣять 39,304 об., так и в случаях, когда, как это можно судить на основании контекста, необходимость выделения мысли о притяжателе данного объекта обладания отсутствует, поскольку, например, факт принадлежности объекта притяжания именно данному притяжателю входит в характеристику самой обозначаемой реалии (ср. ниже такие понятия, как твоя мать, твой сын, мой отец, твой муж, наш властелин) или поскольку внимание концентрируется на самом объекте обладания в отличие от других возможных объектов, ср.:

жено се синъ и 1ѡаннъ ре<sup>q</sup> ... сё мти твоя 6,41; ами х8бъве тъло то моє да скъсташъ 7,53 об.; ами те щъ завѣ при твоего м8жа 10,78: Г<sup>c</sup>пдіне и виыхъ та какъ си х8бавъ, та сё чюдъ на твоята младостъ 39,310 об.; и рече м8 на твоята вѣра да ти б8де блг веніе до живота твоего, и тебѣ, и на чѣда твой 2,14; и заради твоата младос<sup>c</sup> ... не щъхъ та прѣда на съмрть 39,307; Два влѣхва съ бѣгале ѿ нашеого властелина 6,43; дѣть мої закхѣи... казаль б҃цъ моемъ сімонъ 4,23; и мнѣго се чюдиха на и8еніото стое тѣло 8,58; и ѿ ѿ 8стата тѣхъни ще да ѵимъ ѵзлѣзе, и да ѵзгорѣ злыте тѣхъни д8шъмане 18,186; и ще да ѵимъ навые и да гы 8бые, и тѣхъныте тѣла ще да гы фрыли по влиците градъскіе 18,186 об.

Обилие преобладающих в новоболгарском тексте полных форм притяжательных местоимений по сравнению с краткими формами дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции составляет характерную черту нормы книжного болгарского языка XVII в., отличающую ее от современной литературно-языковой нормы, которая диктует выбор кратких местоименных форм во всех случаях, когда мысль о притяжателе не акцентируется. Это придает определенную книжность народному в своей основе языку дамаскинов XVII в.

Употребление кратких постпозитивных местоименно-притяжательных форм в новоболгарском тексте, как и в современной норме, отмечено лишь в случаях, когда акцентирование мысли о притяжателе не входит в коммуникативное задание данного высказывания. Ср. например:

й видъ чѣ доде влѣкъ и занесе брата ми 6,37; и сега... додѣ рѣдъ и б8ци ми 39,310 об.; та повѣде маика ми 6,36 об.; илъ дай наимъ тѣа влѣхвы, илъ домъти ѵзгорѣвамѣ 6,43; не можешъ тѣ тѣка да бѣдешь. защо е тази

полата братова ти 7,54; и чёрквището ны 8п8стъ, и на<sup>с</sup> проклे 6,43 об.; и вода морска теке ѿ бдёждана м8 15,152 об.; и испаде ѿ нсогата м8 чёрквеи долъ 2,14; и тоја ча<sup>с</sup> пръдаде си дшта б8. и тълото и погребоха нъкои хр<sup>т</sup>иане 8,57.

Полные и краткие местоименные формы могут употребляться параллельно, что свидетельствует о равенстве их функций в этих условиях. Ср., например:

нападе тази болесть на коне м8 и на сички неговъ добытъ 5,31 об. (в архаичной редакции на традиционном ЛЯ, взятой за основу болгарского перевода: нападе паки болезнь она на коне его. и на вса ина животна его Ханджарский дамаскин, л. 330); ѿци нени, и майка и бъха добры и благочистиви 8,55.

Как и в современном ЛЯ, в книжном болгарском языке XVII в. при субъекте в З л.ед. и мн. числа в ситуации I типа возможен выбор между всеми формами притяжательных местоимений, в том числе употребление местоименных форм, совпадающих по лицу, числу (роду) с подлежащим, но указывающих на притяжателя, не являющегося субъектом данного глагольного действия. Ср., например:

рабе бжии ... дай намъ хар<sup>т</sup>ю да видимъ что е писано в нена. и посегна царь в зе книгата из рвка негова 40,323; И дръгти нѣкои члъкъ в зе ѿтрова лята ... и тоја ча<sup>с</sup> слѣчи се стъи ішанни тамо. и стори кр<sup>т</sup>но бл<sup>т</sup> вене на ѿн<sup>т</sup>и ѻадь въ вѣстата м8 6,48.

1.2. При передаче посессивной ситуации II типа – притяжатель объекта обладания тождествен действующему лицу-субъекту высказывания – в книжном болгарском языке XVII в. на народной основе отмечено три вида посессивных конструкций.

1) Наиболее широко в новоболгарском тексте представлены посессивные конструкции с возвратно-притяжательными местоимениями, т.е. случаи, когда говорящий прибегает к отождествлению притяжателя объекта обладания с субъектом действия, каковым, по определению говорящего, может быть он сам (или лица, в число которых он себя включает), адресат (-ы) сообщения, лица (предметы), к которым он не обращается. При синтезе высказывания в этих случаях говорящий предпринимает следующие акты выбора и принимает следующие решения: 1) определяет лицо, число (в 3 лице также и род) субъекта действия; 2) отождествляет притяжателя объекта обладания с этим действующим лицом, выбирая соответствующую форму возвратно-притяжательного местоимения, которая кроме того синтаксически (по роду, числу, иногда также и падежу) согласуется с определяемым словом, обозначающим объект обладания. В подобных случаях используются:

а) возвратное местоимение *свой* [своя, свое, свои]. Ср.: притяжатель тождествен говорящему лицу: и цар<sup>т</sup> ре<sup>т</sup> нѣ до побъ цр<sup>т</sup>вотоми, да да<sup>м</sup>, амъ и главъ свою за тебъ ѿ положи 7,54.

притяжатель тождествен адресату высказывания: помогни и мѣне слѣгъ своємъ 39,315; чтобъ гашъ чедо мое ѿ своего бѣза 6,47 об.; амъ скоро въсѣдны на коня своего 39,310 об.; а тебъ има голъма добринѣ, че си простилъ душъ майна своего 1,6; да любишъ своего събъдина като себъ си 18,197; и да си натоваришъ своего дша 1,7 об.;

притяжатель тождествен действующему лицу высказывания, не участ-

вующему в акте коммуникации: и наутрѣ станѣ ѿнъ зи ѡткъ ѿ бѣрь свої 15,135, в архаичной редакции: Въ бѣтре же вѣстѣ ѿнъ ѿ бѣра своего Ханджарский дамаскинъ, 186; и пойдѣ си ѿакимъ оў домъ свої 3,17; и чинѣше свадѣба на своѧ дѣщера 7,49 об.; и распродаде си сїч'кото своє иманіе... и погребе ю самъ съ свої рѹшъ ... а іманіето и 8зѣ, и даде го в лавра своѧ 14,127 об.; сил'нїи силы свою из'дръвахъ 20,208 об.; ѿ добра рѡда, и чеда добры из'лазеть, и приличны на родитеље свой 5,28 об.

б) краткая постпозитивная форма дательного падежа личного возвратного местоимения *си* с притяжательным значением. Ср.:

а́зъ не ѿль становъ ѿтъка додгде разбѣръ за сына си 40,321; голь изълъзъ ѿ чарвата майчини си 12, 117 об.; и а́зъ ѿтъка не изълазю ... доде не разъ-  
бѣръ за мѫжатого си 40,322; да любишъ баща си и майка си 1,5; царъ, а́зъ  
тебе видъ- и чюхъ , като се ѿбѣщѣ да дадешъ ѿ царството си половина  
заради мби живѣть 7,54; и връна се при женѣта си 7,50 об.; аѡнази женѣ  
романа... и космыте си ѿрѣза 6,42; и пастъ до брата си царятого 7,53 об.;  
и єома нѣтъ не имаше при себѣ тък'мо ѿната си, чтобъ бѣше нарѣзъ зель  
7,49 об.; а ные не слышамѣ, ни на вѣмѣ си това полагаме 11,107 об.; жены  
параисоватъ се ѿ мъжѣтъ си 20,208 об.; и робието не ѿль да слышатъ  
г҃циаритето си 18, 180; ѿти сїч'ките людѣ ѿль да се помъстятъ ѿ домътъ  
си, и ѿ къщието си, и ѿ градоветъ си и ѿ селото си 18,194;

в) сочетание полной формы возвратно-притяжательного местоимения *свой* и краткой формы дательного падежа личного возвратного местоимения *си* в притяжательной функции, т.е. сочетания *своят си*, (*своего си*, *своята си*, *свояте си*), где полная возвратно-притяжательная форма дублирована краткой. Ср.:

И изълѣзе, и тръгна да идѣ на своето си ѿчъство 8,56 об.; А ѿль неговъ  
ѿакъ се роди синъ мѣ алеꙗиа не смѣси се съ своата си женѣ 40,321; сїч'ки  
станать гольы прѣ правѣдны сѣдъ... сѣкъни спроти своатъ си грѣхъ 18,199; и  
въ прѣдници пази се и ѿ своата си женѣ 1,7 об.; изълѣзе повельніе ѿ кесара  
августа да се, напише вѣсакъ ѿтъ на своето си ѿчъство 33, 236 об.

Отмечены и сочетания, в которых, наоборот, краткая форма *си* дублирована полной формой *свой*. Ср.:

изълѣзе ѿ монастырь си свой 17,164 об.; когато ѿль да дойде си ѿскъи  
съ силата си свой 18,201 об.; ето чѣ дойдѣ и ѿнъ гѓлатъ и. и дръжи въ ръкъта  
си свой рѣкописаніе 32,231; и баща мѣ и майка мѣ пазъха го като бѣти  
си свой 39,313.

Как видно из приведенных примеров, полные формы возвратно-притяжательного местоимения употребляются как при необходимости выделить мысль о притяжателе, ср.:

и погребе ю самъ съ свой рѹшъ 14,128; и ѿль да ходѣть сѣкъи кой какъ  
щѣ на своя воли 18,179 об.; так и в преобладающих в тексте случаях, когда  
акцентирование мысли о притяжателе не входит в задание высказывания.  
Формы *си* и сочетания типа *своят си* в контекстах акцентирования мысли  
на притяжателе не отмечены. Формы *свой* и *си* имеют в общем одинаковую  
фrequentность; сочетания типа *своят си* встречаются реже.

Удвоение возвратного притяжательного местоимения клитикой *си* типичный балканализм, один из наиболее рано зафиксированных в болгарском литературном языке. Примеры употребления удвоенной формы *свой си* К. Мирчев отмечает уже в языке Супрасльской рукописи XI в<sup>9</sup>. Она неред-

ко встречается в болгарских текстах вплоть до конца XIX в., а иногда и в наши дни; в нормативные грамматики современного болгарского ЛЯ не включается. Традиция же употребления в данной посессивной ситуации возвратного притяжательного местоимения *свой* из древнеболгарского языка через этап среднеболгарской письменности и письменности дамаскинов дошла до наших дней и закреплена современной литературно-языковой нормой. То же можно сказать об употреблении в этой функции энклитики *си*, примеры употребления которой также отмечены уже в языке Супрасльской рукописи<sup>10</sup>.

Возвратное притяжательное местоимение *свой* имеет весьма ограниченное распространение в современных болгарских говорах<sup>11</sup>. Как видно из архивных карт Болгарского диалектологического атласа (с этими картами благодаря любезности болгарских коллег автор ознакомился в Институте болгарского языка БАН в Софии в 1978 г.), оно употребляется лишь в отдельных говорах района Средней Старой Планины у границы по – диалектного ареала, на котором базируется норма народно-разговорного койне, легшего в основу книжного болгарского языка XVII в.: в отдельных пунктах около городов Тетевен, Троян, Карлово, Панагюриште, Пазарджик. В большинстве говоров этого и других диалектных ареалов в указанной посессивной ситуации употребляются полные формы притяжательных местоимений. По-видимому, на выбор этой посессивной конструкции в качестве нормы книжного болгарского языка XVII в. известное влияние оказал взятый за основу новоболгарского текста оригинал на традиционном болгарском ЛЯ, как и то обстоятельство, что книжники – создатели новоболгарского текста прекрасно владели нормами традиционного ЛЯ. Не случайно во многих примерах согласно традиции находим постпозитивное употребление местоимения *свой*, а также его склоняемые формы. В то же время, поскольку это местоимение известно говорам района Средней Старой Планины, поскольку его употребление встречается и в отрывках текста, которым нет соответствия в архаичной редакции, можно думать, что оно было присуще повседневной разговорной речи книжников – создателей новоболгарского текста.

2) Значительно реже в новоболгарском тексте представлены примеры посессивных конструкций: действующее лицо – притягаемый им объект обладания с употреблением во всех 3 лицах ед. и мн. числа полных форм притяжательных местоимений, т.е. случаи, когда говорящий со своей точки зрения, по отношению к себе определяет не только лицо, число (род) субъекта высказывания, но и лицо, число (род) притяжателя объекта обладания, выбирая между формами *мой*, *твой*, *негов*, *неин*, *наш*, *ваш*, *техен*; как и всегда при полных формах притяжательных местоимений род, число, а иногда и падеж избранного притяжательного местоимения определяется также синтаксически – по согласованию с определяемым именем. Ср., например:

‘амি затова ти се ёзъ сега ёавихъ да тё оўловлю със<sup>1</sup> мона члопибна мръжа 5,29, в архаичной редакции: и придохъ ёавити се тебе и оўловлю ёзъ тебе мръжею члко любіа моёго Хандж., 327 об.; защб съмъ ты длъжъна да тёгла за мойте мнѡго грѣхъве 2,11 об.; и ёзе ... не ѿ да рекъ мой дѣмы ѿ мой ёмъ 14,84; ѩо да рекъ на войската моя 31,218; покажи силъ твою 39,303; скъпо продавашъ твоата гозъба 39,317 об.; ѿбъгн ѻтка съ сичъка

*твој* войскà 11,96; докогà да чиниш діаволъ щинъта *твоја* 37,277 об.; и просьлзí се ѿ *твојте* съгрѣшениа 1,4 об.; зарадъ товà да прости<sup>м</sup>ные дѣш<sup>м</sup>анете наши 1,6 об.; да си прѣпроводим<sup>м</sup> насть живо<sup>т</sup> 39,318 об.; и вїё ма гнѣвите със<sup>т</sup> злынѣта *ваша* 18,204; не наказвоя на<sup>т</sup> съсь сич'ка срьдиня *нѣгова* 1,4, в арх. редакции: не наказдеть на<sup>т</sup> въсею наростю своею Еленский дамаскин, л. 344 об.; заштото е той дѣмаль тіа дѣмы на *нѣговата* кнїга за тѣзи работы 18,180 об.; яко мѣ гъ бы осуди и ѿфрыли ѿ *нѣгового* лицѣ 31,218 об.; Ѳтіе е тобизи...дѣто е тебѣ на *нѣгово* лицѣ и на прилика създаль 32,230 об.; и сты като видѣ ... та си бѣстиви *нѣговать* кал'канъ на<sup>т</sup> прѣстолять 39,311 об.; като и тіе стариха по тѣхъны ѿбычай 17,165 об.; и сич'ки бѣсове излѣзоха и насрѣща, и не могоха да намъратъ нічто ѿ тѣхъны дѣль въ нїеа 32,230.

Если контекст не содержит каких-то дополнительных указаний на тождество субъекта действия и притяжателя данного объекта, сообщение в 3 л. становится в этих случаях неточным: поскольку те же формы используются и при передаче посессивной ситуации I типа, неясно, идет ли речь о притяжателе — действующем лице или о каком-то ином притяжателе, которого говорящий имеет в виду. Ср., например:

и тога<sup>з</sup>и повель царь да прѣбывать въ полѣтите *нѣговы* 14,128 об. (информация о том, что действующее лицо и притяжатель объекта обладания совпадают, может быть получена лишь из анализа ситуации всего рассказа: в нем не идет речь о каком-то ином возможном обладателе такого объекта, как царские палаты); И това<sup>а</sup> си тїе дѣмаха въ дѡ<sup>м</sup> тѣхъни 39,314 об.; Ѣда да си покаже антихристъ дїавольските *нѣговы* работы 18,186.

Очевидно, поэтому данный способ выражения посессивности при указании на принадлежность объекта обладания субъекту действия не вошел в современную литературно-языковую норму, хотя он широко известен преобладающему большинству народных говоров. В частности, этот тип широко распространен и в говорах диалектного ареала, на которых основано народно-разговорное койне, легшее в основу книжного болгарского языка XVII в. То, что формы притяжательных и возвратно-притяжательного местоимений в этом койне выступали при передаче данной посессивной ситуации как варианты, подтверждается возможностью их параллельного употребления в рамках одного высказывания. Ср., например:

и не тѣкѣ баша *своего* и майка да почиташи. и по старіат<sup>и</sup> си братъ. да почиташ и въ роднината си сич'ките и съсьде *твої* 1,5; бѣстиви се ѿкаанне ѿ тѣзи *твої* зли работи... и накраи да си пѣгѹбыши слад<sup>и</sup>къи *свой* живо<sup>т</sup> 39,302.

Форма *си* в притяжательной функции употребляется в новоболгарском тексте в данных условиях последовательно. Лишь в единичных случаях можно отметить отклонения от этой нормы — употребление кратких форм дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции. Ср., например:

и рече. изъ бусть мл҃нци и със<sup>т</sup> ѿи съврѣшилъ єсъ хвалъ. си рѣ<sup>ч</sup>. изъ същи ѿста и ѹистин<sup>и</sup> скы ѿ млады дѣца. та си съврѣши хвалата *ти* 34,249; и съкъи, спроти своѧ трѣдъ и работата *мо*, тъи ще да прїиме поч<sup>т</sup>ъ 32,228.

3) говорящий определяет лицо, число (род) притяжателя объекта обладания как по отношению к себе, со своей точки зрения, так и по отношению к субъекту действия, отождествляя притяжателя с этим субъектом, лицо, число (род) которого в свою очередь определены по отношению к

говорящему. С этой целью говорящий предпринимает следующие акты выбора и принимает следующие решения: 1) определяет лицо, число (род) субъекта действия; 2) определяет по отношению к себе лицо, число (род) притяжателя объекта обладания и 3) отождествляет притяжателя объекта обладания с субъектом высказывания. Это достигается благодаря использованию сочетания одной из форм полных притяжательных местоимений и краткой формы личного возвратного местоимения *си* в притяжательной функции, т.е. конструкций типа *моят си* (*моето си*, *моята си*, *мoите си*), *твоят си*, *неговият си*, *техният си*. Ср. например:

Ако бы ми дароваль царь неговата си полата пътина със<sup>4</sup> злато 33,242; и царь попита неговат<sup>5</sup> си къеха магнен<sup>6</sup> тя за това 39,306; и обръна мъ се лицето право, и исцълъ ѝ неговата си болест 10,76; въкъси хъжъч ё евреете. Отгъ..да имъ пръподаде ѝ неговат<sup>7</sup> си свѣтъ 38,289; и ѝ тѣхното си иманіе дадоше и тї въ црквата стѣмъ 15,149.

В других случаях, наоборот, форма *си* дублируется формой полного притяжательного местоимения. Ср, например:

И Искá ща дѣлъта си мои лъакъ 31,219; дѣмы бѣжіи нѣматъ въ 8стата си тѣхъчины 20,209.

Возможно параллельное употребление в одинаковых условиях сочетания типа *неговият си* и возвратного притяжательного местоимения *свой*, ср.:

Ато да їа заведе тои въ неговат<sup>8</sup> си дворъ илъ въ своя градина 31,217.

Этот тип передачи посессивных отношений: действующее лицо – притягаемый им объект обладания, несвойственный современному болгарскому ЛЯ, отмечен в восточноболгарских говорах<sup>13</sup>. Сочетая в себе два других способа указания на принадлежность объекта обладания субъекту высказывания, он представляет особый интерес для теории и типологии посессивности.

Как возникли формы типа *моят си*, *неговият си*? По мнению К. Мирчева, вначале возникли сочетания *свой си*, в которых клитика *си* была употреблена эмфатически. Затем *си* в составе данного сочетания полностью берет на себя функцию передачи возвратности, в связи с чем возникает и осуществляется возможность заменить возвратно-притяжательное местоимение *свой* в составе конструкции на формы притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *негов* и т.д., т.е. образуются сочетания рассматриваемого типа: *моят си* и под<sup>14</sup>. Мне более вероятным представляется, что сочетания *своят си*, с одной стороны, *моят си*, *твоят си*, *неговият си*, с другой, возникли параллельно, независимо в процессе балканализации болгарского языка, в данном случае – в процессе удвоения местоименных форм клитиками. Действительно, как это видно, в частности, из соответствующих архивных карт Болгарского диалектологического атласа, показывающих территориальное распределение тех местоименных форм, которыми обозначается принадлежность объекта подлежащему предложению при полных местоименных формах в 3 л.: (*той закла една от своите овци или една от неговите овци*), употребление в данной функции возвратно-притяжательного местоимения *свой* большинству представленных в Атласе говоров неизвестно. В то же время употребление краткого возвратного местоимения *си* в притяжательной функции, как это показано на соответствующих картах, отмечено в значительном числе территориальных говоров. Это обес-

печивало возможность независимого появления сочетаний типа *моят си*, *неговият си*, позволяющих в З л. избежать двусмысленности информации об отношениях между субъектом высказывания и притяжателем объекта владения. Поскольку койне, легшее в основу книжного болгарского языка XVII в., базировалось на говорах диалектного ареала, в котором в интересующих нас условиях употреблялись и возвратно-притяжательные, и обычные притяжательные местоимения, в новоболгарском тексте сосуществуют варианты *своят си* и *неговият си*. В то же время форма *си*, преобладающая в говорах данного ареала, представлена в новоболгарском тексте весьма последовательно. Менее проницаема форма *си* для внелитературных влияний и в современной литературно-языковой практике.

Сочетания *моят си*, *неговият си*, *своят си* нередко отмечаются и позднее в текстах XVIII–первой половины XIX в. восточноболгарского происхождения. Так, сочетание *неговият си* встречается в Рыбном букваре Берона, в списках XIX в. новоболгарского текста Александрии, в языке Анастаса Стояновича Котлянина, Райно Поповича из Жеравны, а позднее – у Петко Славейкова, Васила Друмева. В текстах конца XIX в. еще находим тип *свой си*, позднее преобладают формы без удвоения: *свой* или *си*. Единичные примеры употребления удвоенных клитикой местоимений типа *своят си*, *неговият си* стали восприниматься как диалектизмы и коллоквиализмы<sup>15</sup>. Современной норме они не свойственны. Ср., впрочем, следующее замечание П. Пашова: "Правильно – *общичам свояте си родители*, допустимо – *общичам моите си родители*"<sup>16</sup>.

Таким образом, для формирования современной литературно-языковой нормы в интересующей нас сфере характерен постепенный отход от такого отраженного в новоболгарском тексте дамаскинов балканского, как удвоение притяжательных и возвратно-притяжательного местоимений клитикой *си*. Это, очевидно, объяснялось не столько влиянием традиционной книжной нормы, которая допускала употребление сочетания *свой си*, сколько влиянием церковнославянского, а позднее – и русского ЛЯ на процесс становления норм современного болгарского ЛЯ. Важно, однако, подчеркнуть, что возможным образом такого решения, облегчившим последующее влияние церковнославянского и русского ЛЯ, были аналогичные решения, принятые как норма в языке новоболгарских дамаскинов XVII в. и сосуществовавшие в нем с вариантами, возникшими как отражение живой народной речи, которые не удержались в последующей литературно-языковой практике.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Демина Е.И. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. – В кн.: Славянское языкоизнание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 118–141; *Она же*. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968.

<sup>2</sup> Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. София, 1985.

<sup>3</sup> Демина Е.И. Основные проблемы истории болгарского литературного языка в эпоху Предвозрождения. – В кн.: Първи международен конгрес по българистика. Доклади. I. Исторически развой на българския език. С. 1983, с. 225–239.

<sup>4</sup> О специфике шифтеров как особого класса *indexical symbols*, значение которых

не может быть определено без ссылки на данное сообщение, см.: R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. – Russian Language Project. Harvard Un-ty, 1957, s. 2–3.

<sup>5</sup> Андрейчин Л. Да помним за кратките притежателни местоимения в български език. – БЕ, год. XXI, 1971, кн. 5, с. 466.

<sup>6</sup> Ср., например, в последнее время: Георгиева Е. За правилната употреба на притежателните местоимения. – БЕ, год. XII, 1962, кн. 4, с. 346–347; Орачева П. Притежателно или възвратно притежателно местоимение. – БЕ, год. XXIX, 1979, кн. 3, с. 217–218; Пацов П. За употреба на някои местоименни форми. – В кн.: Проблеми на българската книжовна реч. С., 1975, с. 105–116. Отмечаемые в современном книжно-литературном узусе случаи нарушения нормы употребления в 3 л. при указании на принадлежность объекта обладания субъекту высказывания местоимения *свой*, в том числе и такие, когда данное нарушение, по мнению автора, может быть оправдано (например, в пассивной конструкции, поскольку субъект здесь не является реальным действующим лицом, одинаково возможны и возвратно-притяжательное и притяжательные местоимения, ср.: *Според свое то пред назначение машините се делят...; това са културни растения, които са били внесени у нас заедно с техните назования*) описаны в работе: Димов Д. Употреба на възвратного притежателно местоимение. – Език и литература, год. XXVI, 1971, с. 58–64.

<sup>7</sup> Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть II. Палеогеографическое описание и текст. София, 1971. Чифри после примера указывают на порядковый номер статьи и номер листа по пагинации рукописи.

<sup>8</sup> Не оправданное акцентрированием мысли о притяжателе употребление полных притяжательных форм, придающее высказыванию искусственный, книжный характер, нередко отмечается и в современной болгарской печати. Ср.: Андрейчин Л. Указ. соч., с. 466.

<sup>9</sup> Мирчев К. Употреба на възвратното притежателно местоимение *свой* в старои новобългарски език. – Годишник на Софийск. ун-т, историко-филол. ф-т, т. XLII, 1945/46, с. 44; Он же: Историческа граматика на български език. С., 1963, с. 171; Он же: За хронологията на основните балкански езици. – БЕ, год. XVI, 1966, кн. 4, с. 282–283.

<sup>10</sup> Мирчев К. Употреба..., с. 12, 16–17; Он же: Историческа граматика..., с. 170–171; Он же: За хронологията..., с. 282.

<sup>11</sup> Ст. Стойков отмечает ограниченное употребление местоимения *свой*, которое встречается, главным образом, в балканских говорах. В мизийских, западных и большей части рупских говоров вместо него употребляются полные формы притяжательных местоимений (Стойков Ст. Българска диалектология. С., 1968, с. 169).

<sup>12</sup> Мирчев К. Историческая грамматика..., с. 171.

<sup>13</sup> Там же; Кочев И. Гребенският говор в Силистренско. – Трудове по българска диалектология. С., 1969, кн. 5, с. 61.

<sup>14</sup> Мирчев К. Употреба..., с. 44–45; Он же: Историческая грамматика..., с. 171.

<sup>15</sup> Orzechowska H. Zaimki zwrotne i dzierżawcze z podwajającą klityką w historii bułgarskiego języka literackiego. W-wa, 1973, s. 52–55.

<sup>16</sup> Пацов П. Указ. соч., с. 108.

## КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Значение принадлежности в серболужицком литературном языке — верхне- и нижнелужицком (в.-луж., н.-луж.) — выражается различными морфологическими, синтаксическими и морфолого-синтаксическими средствами. Большинство из них свойственно и другим славянским языкам, но в серболужицких литературных языках наблюдаются некоторые особенности в их применении, в том числе в степени использования и соотношения этих средств друг с другом.

Так, подобно всем славянским языкам серболужицкий язык располагает формами притяжательных местоимений — личных и возвратным, именными конструкциями с родительным принадлежности и группой слов с посессивными формантами *-ow(y)*, *-in(y)* [*-up(y)*], *-n(y)*.

Система местоименных форм, употребляемых в конструкциях с посессивным значением представлена следующим образом: притяжательные личные местоимения (*Pron<sub>poss</sub>*) — при указании на 1 грамматическое лицо ед.ч. и мн.ч. (*ja, my*) — *moj* (в.-луж.),<sup>1</sup> *moj* (н.-луж.), *moja, moje* (в.-луж.), *mojo* (н.-луж.), 'мой, моя, мое'; *moji* (в.-луж. личная форма, далее — лф), *moje* (н.-луж., в.-луж. неличная форма, далее — нлф) 'мои'; *mojej* 'мои два, две, оба, обе' — *naš, -a, -e* 'наш, -а, -е'; *nási* (в.-луж. лф), *naše* (н.-луж. и в.-луж. нлф) 'наши'; *našej* 'наши два, две, оба, обе'. При указании на 2 грамматическое лицо ед.ч. и мн.ч. (*ty, wy*) — *twoj* (в.-луж.), *twoj* (н.-луж.), *twoja, twoje* (в.-луж.), *twojo* (н.-луж.) 'твой, твоя, тво'; *twoji* (в.-луж. лф), *twoje* (н.-луж. и в.-луж. нлф) 'твои'; *twojeje* 'твои два, две, оба, обе' — *was, -a, -e* 'ваш, -а, -е'; *wási* (в.-луж. лф), *waše* (н.-луж. и в.-луж. нлф) 'ваши'; *wašej* 'ваши два, две, оба, обе'. При указании на 3 грамматическое лицо и 1, 2 лица дв.ч., представленные существительными или анафорическими местоимениями, употребляются формы родительного падежа соответствующего местоимения: *wón* (в.-луж.), *won* (н.-луж.) 'он', *wone* (в.-луж.), *wono* (н.-луж.) 'оно' → *jeho* (в.-луж.), *jogo* (н.-луж.) 'его'; *wona* 'она' → *jeje* 'ее'; *woni* (н.-луж., в.-луж. лф), *wone* (в.-луж. нлф) 'они' → *jich* 'их'; *wonaj* (в.-луж. лф) 'они оба', *wonej* (н.-луж., в.-луж. нлф) 'они оба, обе' → *jeju* 'их'; *moj* (в.-луж.), *mej* (н.-луж.) 'мы оба, обе' → *naju* 'наши'; *wój* (в.-луж.), *wej* (н.-луж.) 'вы оба, обе' → *waju* 'ваши'. Кроме того, существует факультативная верхнелужицкая форма с посессивным значением, указывающая, как и форма *jeje* 'ее', на 3 грамматическое лицо женского рода (*wona*) — *jejna, -a, -e*. Как отмечается в "Грамматике современного верхнелужицкого языка"<sup>2</sup>, эта форма свойственна, главным образом, разговорной речи и при употреблении в литературном языке она приобретает оттенок разговорности. Ее можно наблюдать и в произведениях XIX в., где она употребляется наряду с обычной, наиболее распространенной формой *jeje*. Ср., например, в научном трактате Я. А. Смолера: *Najpródcy da so sotra bolharskeho carja Borisa... wobroćić a křćic a po jeje radže da so tež jejny bratr Boris ze swojimi bojarjemi wot Methoda w l. 861 křćic* (Sm., 5) 'Сначала была обращена в христианство и крещена сестра болгарского

царя Бориса... а по ее совету в 861 году был крещен также ее брат Борис со своими боярами'.

Притяжательно-возвратное местоимение ( $Pron_{refl}$ ) – *swój* (в.-луж.), *swoj* (н.-луж.), *swoja, swoje* (в.-луж.), *swojo* (н.-луж.) 'свой, своя, свое', *swoj i* (в.-луж. лф), *swoje* (н.-луж., в.-луж. нлф) 'свои', *swojej* 'свои оба, обе' – используется при указании на любое грамматическое лицо при условии, что референт ( $R$ )  $Pron_{refl}$  идентичен R актанта (последнему в большинстве случаев соответствует субъект, но иногда также прямой и непрямой объекты), который соотносится с партиципантом 1 степени – агенсом или пациентом, то есть R данного партиципанта непосредственно участвует в ситуации<sup>3</sup>. Ср., например, R  $Pron_{refl} = R$  субъекта: в.-луж. ... *wobaj týzej comáštaj energisce swoju trubku* (*Sč.*, 427) '... оба энергично сосали свою трубку'. *Chcýše w swojej roli měć poslední wotpóčink* (*Sč.*, 428) 'Он хотел в своей земле найти последний отдых; н.-луж. A ja som tos to naětño spěwaňko krotko pšed swojeju ježbu do Čelna napřawdu slyšála (*Gp.*, 118) 'Эту весеннюю песенку я действительно слышала незадолго до своей поездки в Чельно'. *Wona stanjo a stupijo ku kotože... a pokázo nam wobraze swojeju golcowu* (*M.*, 119) 'Она встала и подошла к комоду... и показала нам фотографии обоих своих мальчиков'. Ср. также R  $Pron_{refl} = R$  непрямого объекта: н.-луж. *To jadno, což njejo se Markoju na swojej howac tak lubowanej žénskej spodobaňo, jo bylo jeje žiwne požedanje za teju pjerwjejsnej swojžbu* (*Lp.*, 89) 'Единственно, что не нравилось Марку в своей такой любимой жене, это ее странная тоска по самой первой семье'. В н.-луж. примере *Po studiju zmakach Elku zasej na názej Chošebuskej SRWS, a to we swojej rědowni* (*Gp.*, 106) 'После окончания учебы я снова встретил Элку в нашей кочебусской СРВШ, в своем классе' контекст допускает различное толкование смысла предложения и при этом  $Pron_{refl}$  можно идентифицировать как с субъектом (*ja*), так и с прямым объектом (*Elka*).

В плане сопоставления серболужицкого языка с другими славянскими языками представляет интерес соотношение в нем  $Pron_{refl}$  и  $Pron_{poss}$ , условия возможной замены  $Pron_{refl}$  соответствующим  $Pron_{poss}$ .

Для современного верхнелужицкого литературного языка<sup>4</sup> считается невозможной замена  $Pron_{refl}$  соответствующим  $Pron_{poss}$  в двух случаях: в предложениях, в которых R  $Pron_{refl}$  идентичен R агенса обобщенноличного характера, и в предложениях, в которых R  $Pron_{refl}$  идентичен с R актанта, выраженного субстантивными местоимениями *něšto* 'что-то', *níčo* 'ничто', *wšo* 'все', *wšitko* 'весь', *něchto* 'кто-то', *nichto* 'никто', *kózdy* 'каждый', *wšitcy* 'все'. В подобного рода контекстах всегда употребляется  $Pron_{refl}$ . В таких же условиях обычно употребляется  $Pron_{refl}$  и в нижнелужицком литературном языке. Ср., например, *Na schodženkach bydleńskego doma, pšed žurjami zmaka se z drugimi crjejami, kenz swoju staviznu ma* (*Gp.*, 138) 'На лестницах жилого дома, перед дверьми, он повстречался с другими ботинками, из которых каждый имел свою историю'. Но ср. также в записи нижнелужицкого литературного языка, сделанной П. Виртом, использование  $Pron_{poss}$  вместо ожидаемого  $Pron_{refl}$  в контексте, где речь идет о действии обычном, а агенс имеет неопределенноподличный характер: *Och, kak jo mlogi južo hoblutował po směřsi jogo lubego, až nět námžo se źecej zním hoberčys...* (*W.*, 8) 'Ох, как иной уже сожалел о смерти своего (в н.-луж. тексте – его) любимого, что теперь не может больше поговорить с ним...'.

В остальных случаях употребление  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  не является обязательным, наряду с ним возможно и применение соответствующего  $\text{Pron}_{\text{poss}}$ . Речь идет о предпочтительном употреблении того или другого при наличии определенных условий, о соотношении этих местоимений при обозначении одной и той же ситуации. Так, в верхнелужицком литературном языке, по данным указанной грамматики,<sup>5</sup>  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  чаще выступает в контекстах, где есть указание на коллективный посессор, и во фразеологических оборотах типа *po mojim (twojim) těnjenju*, *po mojim(twojim)zdać* (по моему, твоему мнению). В других контекстах возможности замены  $\text{Pron}_{\text{refl}}$ , по мнению автора грамматики, обусловлены характером соотношения между референтами  $\text{Pron}_{\text{refl}}$ , актанта (*Ak*), particипантами 1 степени (*P*), ситуации (*St*) или ситуаций, обозначенных в предложении. Так, возможна, но редко осуществляется замена  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  личным  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  в предложениях, где представлено две ситуации, одна из которых выражена личной формой глагола, а вторая – деепричастиями, причастиями, притягательными и т.д.; при этом  $\text{R}\text{Pron}_{\text{refl}}$  идентичен  $\text{RAk}$ , которому соответствует *P*, участвующий лишь в одной ситуации, т.е.  $\text{R}\text{Pron}_{\text{refl}} = \text{RAk} = \pm \text{P}_1 \text{St}_1 \neq \text{PSt}_2$ . Несколько чаще  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  встречается в предложениях, в которых  $\text{R}\text{Pron}_{\text{refl}}$  является particипантом обеих ситуаций, т.е.  $\text{R}\text{Pron}_{\text{refl}} = \text{RAk} = \text{P}_1 \text{St}_1 \neq \text{P}_1 \text{St}_2$ . Однако, как показывает анализ приводимых в грамматике примеров, а также наблюдения над нижнелужицким литературным языком, независимо от соотношения указанных выше элементов,  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  вместо ожидаемого  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  в большинстве случаев встречаются в предложениях, в которых употребление местоимения связано с указанием на любое grammатическое лицо, кроме третьего. Замена  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  на  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  в меньшей степени свойственна контекстам, где речь идет о возможном соотношении и выборе между *swój* и *jeho/jogō, jeje, jich*. Отметим, что употребление  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  вместо  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  *swój* в сорабистике XIX в. иногда рассматривалось как результат влияния немецкого языка, не знающего различий между личными и возвратным притяжательными местоимениями. Ср., например, использование местоимений *jeho, jeje, jich* вместо возвратного *swój* и наряду с ним у Я.А. Смолера: ... *Serbam hisče jich starostowjanska terminologija zawosta* (*Sm.*, 7) – *Serbske słowjesa po swojim grammatikalnym zrjadowanju... rospaduja* (*Sm.*, 15)'... сербам еще осталась их старославянская терминология' – 'Лужицкие глаголы, будучи grammaticески упорядочены, распадаются (на различные классы)'. *Tehdy bu serbská ryc w jeje zynkach a formacijach prěni raz pisnje fixirowana...* (*Sm.*, 8) – *Starší bratr Cyril... bu swojeje wučenosće a mudrosće dla "filosof" pomjenowany* (*Sm.*, 5) 'Тогда впервые лужицкий язык в своих звуках и формах (в в.-луж. тексте – в его звуках и формах) был зафиксирован на письме' – 'Старший брат Кирилл ... из-за своей учености и мудрости был назван "философом". Стремление избегать в этих случаях употребления  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  характерно для периода, когда начали действовать пурристические тенденции<sup>6</sup>. В современном литературном языке  $\text{Pron}_{\text{poss}}$ , соотносимые с личными местоимениями 3 л., на месте  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  встречаются редко. Ср., например, н.-луж. ... *a ako stej... na drugi źeň wujětej, jo Erika jeje rjesazk mě darila* (*Lp.*, 56) ... и когда на другой день они оба уехали, Эрика подарила мне свою (в н.-луж. тексте – ее) цепочку'. *Woni namakaju tosyc a optimizm za to we wuchojziscu teke jich pusa – na serbskej jsy* (*Gp.*, 138) Они находят для этого силы и

оптимизм также в исходном пункте своего пути – в лужицкой деревне'. *Njeznajachu Borkojske kuparje kralowego psíkaza, Běłogorjanarje słowa kněza Moriza-Wilhelma, jich wojwody*, (Gp., 26) 'Не знали борковские купцы королевского приказа, а белогоряне – слов князя Морица-Вильгельма, их воеводы'. В серболужицких говорах также в контекстах, где есть указание на 3 грамматическое лицо и обычно закономерно употребляется местоимение *swój*, наблюдается и применение соответствующего  $Pron_{poss}$ , как, например, в записи текста из в.-луж. говора с. Радвор: *Franz běše prosty džělacer. Won dzewase po jeho nana, kotryž běše krawc.* 'Франц был простым рабочим. Он работал у своего (дословно – его) отца, который был портным'. В подавляющем большинстве случаев в контекстах данного типа находим  $Pron_{refl}$ . Ср., например, н.-луж. *Woni su byli pobožne, su dupili swoje řeši a su zakopowali po ksesčijańskemu nałogu swojich njabogich, swěšachu... swoje... swěženje a wobstarachu swoje řešo* (Gp., 27) 'Они были набожными, крестили своих детей и хоронили по христианскому обычаю своих умерших, праздновали... свои... праздники и вели свое дело'. *A w níma wuglěda won celi Elku, kotaraž wěžešo wo swojeje njesprawnosće* (Gp., 22) 'И в них он увидел всю Элку, которая знала о своей лживости'. Здесь  $RPrón_{refl} = RAk = P_1 St_1 \neq PSt_2$ . В другом примере представлено отношение  $RPrón_{refl} = RAk = P_1 St_1 \neq P_1 St_2$ : н.-луж. *Ně, jo mě lubšy pogled na scitany park Běłkojskego zwěrjenca ze swojimi majestotnymi Škrjokami a mocnými dubami* (Gp., 112) 'Нет, мне милее вид на охраняемый парк Белкойского зоопарка с его величественными соснами и мощными дубами'.

Более часты случаи замены  $Pron_{refl}$  соответствующим  $Pron_{poss}$  в контекстах, где есть указание на 1 или 2 грамматическое лицо. Ср. в нижнелужицком литературном языке: а) соотношение местоимений *swoj – moj* – *Cu něnto swoj nastawk dopisać* (Gp., 35) 'Теперь хочу дописать свою статью'. *Dopomnich se na swojo řešo w kuchni* (Gp., 46) 'Вспомнила о своей работе в кухне'. ... *A poglednu pí tom posromjony dołoj na swoj talar* (Gp., 44), ... и при этом посмотрел, пристыженный, вниз на свою тарелку. *Ako surja swojego bydlenja wotamknuch...* (Gp., 110) 'Когда я открыл двери своей квартиры...' – *Ako z błyskom běch ze šule wen a malsnje za wuknikami z mojeje wjaski..* (Gp., 103) 'Как молния выскочил я из школы и быстро помчался за учениками из моей деревни'. *Kóždy žen som někaki kwitucy kwětašk namolował a jej dariš ako znamje mojeje goruceje lubosći* (Gp., 84). 'Каждый день я рисовал какой-нибудь цветок и дарил ей в знак моей горячей любви'. *Až by ju pak mjenowala moju pšíjašelku...* (Lp., 62) 'Так что называла бы ее моей подружкой...' *Njejsom po mojej chorosci zewsym wécej dejava na řešo hyś* (Lp., 75). После моей болезни я не должна была большеходить на работу; б) *swoj – twoj* – *Tak wjelgin spěšnje zabydnoš na swoje starosće* (Gp., 31) 'Так очень быстро ты забудешь о своих заботах'. *Grón, kak sy swoju matu jano tak zlékaš mogać?* "Скажи, как ты только мог так напугать свою маму?". *Ty mōzoš južo swoje grajki wotrumowas...* 'Ты можешь убрать свои игрушки...' *P'sinjas mě swoj zěsecy zeger...* (Gp., 47) 'Принеси мне свои детские часы...' – *How maš twojego golca...* (Gp., 95) 'Вот твой парень...' *Zijan k twojej lubej te košulki pařkat a te talariki wobmywat* (Gp., 98) 'Иди к твоей милой стирать рубашки и мыть тарелки'. *Pomagam sī malsnje twoju kóž natwaris* (Gp., 46) 'Я помогу тебе быстро сделать твою лодку'. *Gaz se po swěženju zeblacoš tu swěžehnsku drastu a pojzoš zasej*

*na twoje źęto... (M., 28)* 'Когда после праздника снимешь это праздничное платье и снова пойдешь на твою работу...' *Sy ty derje rosmęta, mē wobmanis a za twoju košulkę pśiwęzaś* (Gp., 96) 'Ты хорошо сумела околдовать меня и привязать к твоей рубашке'. в) *swojnaś – We węstej mérje smy ten brach sami zawirowali ze swojeju njekonsekwencją* (Gp., 11). 'В известной степени этим недостатком мы обязаны своей непоследовательности'. *Potom pśiże... wujk Mišo z wozykiem, na njen skłazechmy swoje kofry...* (Gp., 40) 'Потом приедет ... дядя Мишо с тележкой, мы положим на нее свои чемоданы' *Njejsmy mēli w ślednych lętach żednie starości, aby swoj plan njedopotnili*, *wulicjo wjednik zawoda...* (Gp., 113) ''В последние годы у нас не было никакого беспокойства, что мы не выполнили свой план'', – рассказывает руководитель завода'. *A my možachmy swoj wosymy lętnik sami w jadnej rumnosći zachopiś* (Gp., 102) 'И мы можем свой восьмой класс начать сами в каком-нибудь помещении'. – ...*potom njeby teke mogali z nasym nowym awtom tak wśudzi wokoło jézdźic* (Gp., 44–45) '... а потом мы не могли бы на нашей машине везде ездить' ...*smy skoro na našu székku mysl zabyli* (Lp., 81) '... мы вскоре забыли о нашей грустной мысли. *A jużo wulicjomy wsykne ze zagorjenim wo našych polskich pśijasłach... wo našych nejlubnych kofejownjach...* (Lp., 81) 'И уже все мы с воодушевлением рассказываем о наших польских друзьях... о наших самых любимых кафе...' ...*smy našego nowego suseda na kafej kazali* ... (Lp., 74) '... мы пригласили нашего нового соседа на кофе...' г) сп. также следующие примеры, где *Prón<sub>poss</sub>* указывает на принадлежность объекта двум лицам. – *Njedajomej ga jomu naju lubosc'* (Gp., 43) 'Разве не отдаем мы ему всю нашу любовь?' *Njeznajachmy žedneje granice naju lubosci* (Gp., 84) 'Мы не знаем границ нашей любви'. д) *swoj – Was* – "A wy dunderske žrecki porajso se swoju drogu!" (Lp., 98) ''А вы, проклятые обжоры, идите своей дорогой!'' – "Kak ga se Wam hyści źo? Bużoso ga Wašo awto skoro dostaś?" (Lp., 73–74) Как Вы поживаете? Скоро ли получите Вашу машину?''' Местоимение *waš* является также и формой вежливости. Ср. *Gronso raz, wujko, njamašo ga ždnego wobrazka wašeje prędneje njewjesty?*" (Gp., 87) ''Скажите-ка, дядюшка, у Вас нет ни одной фотографии Вашей первой невесты?''' ''To zapíšco jan teke do wašego formulara...'' (Gp., 116) ''Запишите это также в Ваш формуляр...''

Особенно часты случаи замены притяжательного возвратного местоимения личным – *mój/moj, twój/twoj, nas, was* вместо *swój/swoj* – наблюдаются в серболужицких говорах. Ср., например, в.-луж. *Nětk pak dyrbju wam něšto wot mojeje šulskeje młodziny powědać...*; *Ja sym moje wosom lét do šule dochodźit njewérno* (с. Минакал) 'Но теперь я должен кое-что рассказать о моей школьной молодежи'; 'Я свои восемь лет ходил в школу'. ... a na Carbarskej hasy sym so moje črje wobyt'... а на Царбарской улице я надел мои ботинки...' (с. Веселе). *Hač, hač njeznaješ ty twoju mać* 'Не знаешь ты твоей матери' (с. Сульшцы). *A kózdy tydzeń my pon mějachmy jowle naše zhromadzizny...* 'И каждый день у нас наши собрания' (с. Будестцы). В говоре с. Розводцы<sup>8</sup> отмечено употребление *Prón<sub>poss</sub>* в контекстах, где идентичность Ps с денотатом субъекта специальна подчеркнута: ср., например, *ćoń ię je eign b'RatRa ćopsko Ržiū; ci buR maja sice iix auto/suoj eignt auto* 'Он обвинил его (своего) собственного брата; 'Эти крестьяне все имеют их (свои) собственные машины'.

Взаимозаменяемость  $\text{Pron}_{\text{refl}}$  и  $\text{Pron}_{\text{poss}}$ , которая чаще всего наблюдается при указании на 1 или 2 грамматическое лицо, по крайней мере в нижнелужицком литературном языке, имеет характер свободного варьирования. Указанная возможность замены возвратного притяжательного местоимения личным не имеет ограничений и не зависит от типа отношений между Ps и объектом обладания: она осуществляется при именах, указывающих как на отчуждаемые, так и на абсолютно неотчуждаемые объекты. Об исключении можно говорить в связи со словом *woscy*, при котором в нижнелужицком литературном языке отмеченной замены не наблюдается. Ср. ... *ja swojima woscyta njewěrjac* (Gp., 107) '...я не верила своим глазам'. *Zamžerijo na chylku swojeje woscy...* (Gp., 78) 'Я на мгновение зажмурил свои глаза...' *Stajam swojej kyšći poł zacynjonej woscy na nocne blidasko...* 'Я устремил свои еще полуоткрытые глаза на ночной столик' (Gp., 77). *Gaby raz ze swojima woscyta wizet...* 'Если бы хоть раз я видел своими глазами...' (Gp., 117).

Необходимо также отметить такие случаи употребления  $\text{Pron}_{\text{refl}}$ , когда, несмотря на возможное неоднозначное толкование смысла предложения, замены данного местоимения на  $\text{Pron}_{\text{poss}}$  не происходит. Подобные примеры для верхнелужицкого литературного языка приводятся в упомянутой грамматике<sup>9</sup>. В этом случае предложение может обозначать как одну, так и две ситуации. Ср., например, н.-луж. пример, отмеченный выше; где наряду с синтаксическим предикатом, представлены неличные глагольные формы, которым в глубинной структуре соответствует самостоятельное предложение: *Po studiju zmakach Elku zasej na nāsej Chošebuskej SRWS, a to we swojej rēdowni.*

2. Субстантивные сочетания с родительным падежом в серболужицком языке, как и в других славянских языках имеют широкое семантическое содержание, определяемое значением основного слова сочетания, с которым связано существительное в родительном падеже. Подобные сочетания в зависимости от внешнего контекста могут выражать посессивные отношения в связи с каким-либо конкретным лицом или представителем определенного класса лиц, на который указывает существительное в родительном падеже. Ср., например, н.-луж. *Ako šulskej inspektor řulu našego nana pšépytowas...* (Šw., 153) 'Когда школьный инспектор проверял школу нашего отца...' *Žěkownosć napšesiwo taketu tuži napořijo wutšobu kuždego wosćana* (Šw., 74) 'Благодарность к этому человеку наполняет сердце каждого патриота'; в.-луж. ... *dom mojich prjedovníkow...* *stojał blisko psí jazorje, abo jo to derbstwo wot mojego starego nana...* (M., 33) '... дом моих предков... стоял вблизи озера, как бы наследство моего старого отца...'.

В серболужицких литературных языках наблюдается конкуренция данных посессивных конструкций с так называемыми посессивами<sup>10</sup> словами, имеющими словообразовательные форманты *-ow(y)*, *-in(y)*, *-up(y)*, *-n(y)*, ср. в.-луж., н.-луж. *nan* 'отец' - *nanowy*, *bratr* 'брать' - *bratowy*, *wučer* 'учитель' - *wučerowy*, *Jan* 'Ян' - *Janowy*, *Juri* - *Jurijowy*; в.-луж. *sotra* 'сестра' - *sotřiny*, н.-луж. *sotša* 'сестра' - *sotšyny*, в.-луж., н.-луж. *žona* 'женщина, жена' - *žoniny*, в.-луж. *wučerk* 'учительница' - *wučercyny*, *mac* 'мать' - *mačer(i)ny*, н.-луж. *mas*, *mašer*, *mama* - *mašeriny*, *maminy* (*matcyny*), *Hilža* - *Hilžiny*, *Liza* - *Lizyny*, *Herta* - *Herciny*, *Elka* - *Elcyny* и т.д.

В глубинной структуре посессивам соответствуют существительные в форме Р. ед. м.р. – для слов с формантом *-ow(y)* и Р.ед.ж.р. – для слов с формантами *-in(y)*, *-un(y)*, *-n(y)*. Посессивы, как правило, образуются от существительных мужского или женского рода, обозначающих конкретное лицо; исключение представляют следующие существительные ср. р., не указывающие на лицо – в.-луж. *dźęco* 'ребенок, дитя', Р.ед. *dźesca*–*dźesćowy*, н.-луж. *żowćo* 'девочка, девушка' – *żowćowy*. В противопоставлении 'конструкция с посессивом – конструкция с родительным падежом' сочетание с посессивом является маркированным членом, так как указывает на принадлежность определенному, конкретному лицу; сочетания же с родительным падежом в зависимости от контекста могут также указывать и на принадлежность не только к известному лицу, но и к представителю целого класса 'лиц'. Поэтому о конкуренции данных конструкций можно говорить лишь при наличии контекста, в котором речь идет об отношении объекта обладания к конкретному, известному лицу. В большинстве случаев это общее условие, при котором возможно употребление как той, так и другой конструкции, в нижнелужицком литературном языке соблюдается. Ср., например, *Za wjeliki Mukowy słownik delnoserbskeje ręcy běšo Śwjela wšykie lětniki Casnika ekscer-pérował* (N., 15) Для большого Мукова словаря нижнелужицкого языка Швела сделал экспертизу из всех годовых комплектов 'Цасника'. ... *da se Śwjela... do wuželanja dolnoserbskego pšawopisa – se wě z pśigłosowanim Muki* (N., 15) '...Швела принялся за разработку нижнелужицкого право-пишания – само собой, разумеется, с согласия Муки'. *Won wobstara tsi wudasa Luterowego katechizma* (N., 16) 'Он уладил дело с тремя изданиями Лютерова катехизиса'. *Swoje... pšełožki basnjow J. Barta-Ciśinskego wuda Witkojc...* (N., 22) 'Свои переводы стихотворений Я. Барта-Чишинского издала Виткойц'. Однако в некоторых случаях сочетание существительного с посессивом выступает в контексте, который дает возможность предположить, что речь идет не столько о каком-то конкретном лице, сколько о любом представителе определенной группы лиц. Ср., например, н.-луж. *W našom casu jo měla kantorowa swojzba swojo městno pši předkownych žurjach na drugej ławje* (Św., 107) 'В наше время у семьи кантора было свое место возле передних дверей на второй скамье...' Ср. также терминологическое употребление таких посессивов, как н.-луж. *mašerine*, например, ... *maš ze staroscí a w tsachoše swojo pšíduce gole wocakujo. Jeje njeměr se pšeňjaso pšež mašerine mloko na gole...* (Św., 106) '...мать в заботах и страхе ожидает свое будущее дитя. Ее беспокойство переносится через материнское молоко на ребенка; *mašerina* или *mamina rěc* в значении 'родной язык' и *maminy* в предложении *Kužde gole jo dostało kołac, něco mjenšy ako maminy a nanowy* (Św., 155) 'Каждый ребенок получил калач, немного поменьше, чем у матери и отца'. Сочетания с посессивом могут указывать на принадлежность предприятию (фирме), носящему имя владельца и принадлежащему ему. Например, *Mjazy awtami stojaču amerikańske Fordowe a italske Fiatowe woze...* (Św., 133) 'Среди автомобилей стояли американские машины Форда и итальянские – Фиата'.

В нижнелужицком литературном языке посессивы особенно часто образуются от собственных имен: ср. *Woršyne nogajce* 'рукавицы Ворши', *Śwjelowe žělo* 'труд Швеля', *Jordanowa młodosc'* 'молодость Йордана', *Fry-*

*cowe dary* 'подарки Фрица', *Jordanowy wuznam* 'значение Йордана', *Imišowy seminar* 'семинар Имиша', *Wicázowe wosebnosći* 'особенность Вичаза', *zwězk Zejlerjowych pěśni* 'сборник песен Зейлеря'. Сочетания с посессивом предпочтитаются тогда, когда определяемое посессивом слово и сам посессив не имеют других определений или когда определение относится к определяемому посессивом слову, например: *Se wě, až po tom wotegronje za fararjowym mjenim njejsom pšašał* (*Św.*, 138) 'Само собой разумеется, что после этого ответа я не спрашивал о мнении священника'. *Walterowe myslí du daloko slědk* (*Gp.*, 63) 'Мысли Вальтера возвращаются далеко назад'. *Elcyne w złosci ronjone łdzy* (*Gp.*, 23) 'Элкины слезы, оброненные в злобе'. *Wuspěch nanoweje wejsneje šule...* (*Św.*, 162) 'Успех сельской школы отца...'. *Z kuždym Hajnowym słowom se napnětosć z jogo woblica porzubjowašo* (*K.*, 113) 'С каждым словом Гайна его лицо становилось все менее напряженным'. *Winfred jo Walterowy nejlépšy pšijasél...* (*Gp.*, 65) 'Винфред — самый лучший друг Вальтера...' ... *dom mojich prjedownikow wot matinego boka...* (*M.*, 33) ... дом моих предков с материнской стороны...' В более редких случаях здесь наблюдаются сочетания с родительным падежом. Например, *Zogola ga som něnto dosć zawirować, jo těnjenje Waltera...* (*Gp.*, 69) 'Теперь я достаточно провинился в том, что вызвал шум — таково мнение Вальтера...' ... *běšo to wona zwězanosc fararja ze swojeju wosadu...* (*Św.*, 197) ... это была связь священника со своим приходом...' "Ně!", *jo bylo těrne wotegrono Petrika...* (*Gp.*, 114–115) "Нет", — был спокойный ответ Петрика'. *Tak běšo smějkotanje wokrejsnego sekretara pseňasč na swojo woblico* (*K.*, 127) 'Улыбку районного секретаря он перенес на свое лицо'. Посессивы, выступая чаще всего в функции атрибута соответствующего слова, могут в свою очередь иметь при себе определения, т.е. атрибуты посессива. При этом атрибут, "согласуясь" с посессивом, имеет форму Р.ед. В глубинной структуре этим сочетаниям соответствуют следующие: соотносительное слово (определяемое посессивом существительное) + атрибут посессива в форме Р.ед. + существительное в форме Р.ед., указывающее на определенное лицо. Ср., например, н.-луж. *našogo nanowe bydlenje* = *bydlenje našogo nana* 'квартира нашего отца'; *mojeje žoniny bratš* ('брать моей жены') = *bratš mojeje žony*; *kněza wucabnikowe žěši* = *žěši kněza wucabnika* 'дети господина учителя'; в.-луж. *Jurija Winarjowe basnje* = *basnje Jurija Winarja* 'стихотворения Юрия Винара'. Сохранение атрибутом посессива формы Р.ед. при любом падеже посессива является особенностью грамматической синтагматики данной группы слов, которая в этом случае является средством выражения морфологического рода (если в качестве атрибута посессива выступает прилагательное или местоимение), — мужского или немужского, числа — единственного, падежа — родительного того существительного, которое в глубинной структуре соответствует посессиву. Таким образом, основная черта синтагматической характеристики посессивов — допустимость только таких сочетаний со словами — атрибутами, в которых находят выражение грамматические категории существительного, лежащего в основе посессива. Парадигматическая характеристика посессивов совпадает с характеристикой прилагательных, выступающих в атрибутивной функции. Ср. н.-луж. *nanowy domcyk* 'домик отца', Р.ед. *nanowego domcyka*, Д.ед. *nanowemu domcukoju* ... *sotšina šapka* 'шапка сестры', Р.ед. *sotsineje šapki*, Д.ед. *sotšinej šapce* ...

В лингвистической литературе указанная синтагматическая модель обычно отмечается для верхнелужицкого литературного языка и диалектов<sup>11</sup>. Однако она наблюдается и в нижнелужицком литературном языке, хотя случаи ее применения там достаточно редки. Ср., например, в.-луж. *Juriä Winarjowe basnje su w našej lěrice něšto nowe* (Serb., 2356) 'Стихотворения Юрия Винаря в нашей лирике являются чем-то новым'; н.-луж. *Towariša Kopkowe žyjenje je bylo wojowanje* (Gp., 13) 'Жизнь товарища Копки была борьбой...'; *Srjež teje Wolšyny lažy Jura Długanowskowy dwor* (Gp., 24) 'Посреди этой Вольшины расположена усадьба Юрия Длуганьца'. *Což won jo pisał, to snaž njejo dospoħne kaž Tešnarjowe knigły a nic po wopśimješu tak wjelike kaž Kita Šwjelowe žělo w "Casniku"* (Šw., 80) 'То, что он писал, не является, возможно, таким совершенным (полным), как книги Тешнаря, и по содержанию не так значительно, как работа Кита Швельы в "Часнике".' При общем частом употреблении посессивов в нижнелужицком литературном языке, особенно от собственных имен, в тех случаях, когда существительное, обозначающее лицо, определяется атрибутом, в большинстве примеров выступает сочетание с формой Р.ед. соответствующего существительного. Ср., например, н.-луж. *Wot togo casa bu won podpěrat a zastarať swojeje maserje* (Šw., 78) 'С этого времени он стал покровителем и кормильцем своей матери'. *Po smjersi swojego nana...* (Šw., 98) 'После смерти своего отца...' ... *sota mojeje ... zemřeteje maty...* (M., 31) '... сестра моей ... умершей мамы...' ... *maš Fryca Rochy běšo rožona how...* (M., 33) '... мать Фрыца Рохи родилась здесь...' *Loni stojachmy pši fryštem rowje Michała Hórnika...* (Šw., 62) 'В прошлом году мы стояли у свежей могилы Михаила Гурника...' (ср. *W lěsojskem casu 1949 stojachmy tamkož pšed Šwjelowym rowom* (Šw., 198) 'Летом 1949 г. мы стояли там перед могилой Швельы'). *Lažy na klinje młodego ryšarja a spi* (Gp., 61) 'Лежит на коленях молодого рыцаря и спит'. В приведенных выше примерах в сочетаниях с Р.ед. существительного, имеющего атрибут, представлен обычный порядок слов: атрибут предшествует существительному, определяющему лицо, но оба они следуют за соотносительным словом, как в следующем предложении: *Bydlachmy ... w domje starego nana...* (M., 5) 'Мы жили ... в доме дедушки...' Но в некоторых случаях наблюдается инверсия, ср., например, *A starego Petrika woci pytatej po zemi. Stej to woci stražniwego golana...* (Gp., 115) 'А старого Петрика глаза что-то ищут на земле. Это глаза сторожевого голана...'

Для верхнелужицкого литературного языка также характерна конкуренция двух типов посессивных конструкций – с посессивом и отыменным родительным, когда в состав сочетаний входит атрибут, определяющий посессив или существительное в форме Р.ед. Ср. например: *A to je mojeje žoniny swak* (Serb., 2444) 'А теперь это свойяк моей жены'. ... *njewět hač bě tq syn abo wnuck stareho Zygmunta* (Serb., 2433) ... не знаю, был ли это сын или внук старого Зигмунта...

Указанная синтаксическая особенность посессивов – отсутствие формального согласования определяемого (несубстантивного атрибута) и определяющего – известна и в других славянских языках. Она была одной из причин того, что на материале старославянского, сербскохорватского, словацкого и верхнелужицкого языков обсуждался вопрос об особом характере этой группы слов и ее месте среди частей речи<sup>12</sup>.

В грамматиках славянских языков эта группа слов обычно относится к классу прилагательных, к разряду собственно притяжательных прилагательных со значением "индивидуальной принадлежности". Согласно другой точке зрения, они являются парадигматическими формами имени существительного, а именно адъективными его формами. Оба этих суждения высказывались и в сорабистической литературе. Здесь же нашла выражение и новая точка зрения: данная группа слов представляет особую часть речи, так называемые посессивы<sup>13</sup>. Основанием для этого послужили особенности грамматической формы посессивов, их синтагматической и парадигматической характеристики.

### ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Gp. — *Griby pytać. Antologija dolnoserbskeje literatury. Budysin, 1976.*  
K. — *Koch J. Mjazy sedym mostami. Budysin, 1969.*  
Lp. — *Lubosć pytać. Antologija dolnoserbskeje literatury. Budysin, 1980.*  
N. — *Nowotny P. Dolnoserbske pismowstwo 1918–1945. Budysin, 1983.*  
Sc. — *Serbska čitanka. Leipzig, 1981.*  
Serb. — *Serbščina. Listowy studij za wyčerjow. Budysin, 1957. Zwiazek III.*  
Sm. — *Smoler J.E. Kajka je wučba athanasianskeho symbola wo třećej wosobje w Bójszwje a kak su ju serbscy bohosłowcy rycnje zapřijeli? Budysin, 1864.*  
Św. — *Śwjela B. Bężeńje a węźenje. Wuberk literarnych żelów. Budysin, 1973.*  
W. — *Slawische Texte bearbeitet unter der Leitung von M. Vasmer. I Sorbische (wendische) Texte bearbeitet von M. Vasmer und P. Wirth. N 1. Niedersorbische Schriftsprache. Berlin, 1938.*

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Там, где нет указания на определенный литературный язык в.-луж. или н.-луж., речь идет о форме, существующей в обоих языках.

<sup>2</sup> Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart, verfasst von Helmut Faske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1980, S. 557.

<sup>3</sup> Ibid., S. 546.

<sup>4</sup> Ibid., S. 560.

<sup>5</sup> Ibid., S. 560–561.

<sup>6</sup> Летч Р. Характер влияния немецкого языка на словоизменение имени и глагола верхнелужицкого языка (Дипломная работа. ЛГУ им. Жданова. Филол. ф-т. Кафедра общего языкознания. Л., 1956).

<sup>7</sup> Серболужицкие диалектные тексты Ин-та серболужицкого народоведения АН ГДР.

<sup>8</sup> Jenč H. Die sorbische Mundart von Rodewitz/Spree. Bautzen, 1980, S. 155.

<sup>9</sup> Grammatik der obersorbischen Schriftsprache..., S. 561.

<sup>10</sup> Ibid., S. 381–388. Здесь дана грамматическая характеристика верхнелужицкого посессива (термин Г. Фасске).

<sup>11</sup> См. указанный выше раздел в "Грамматике современного верхнелужицкого языка".

<sup>12</sup> Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных (possessiva) в старославянском языке. – In: Zbornik i čast Belića. Beograd. 1937, S. 15–20; Дмитриев П.А. Притяжательные прилагательные сербохорватского языка (к вопросу об их месте в системе частей речи). – В кн.: Проблемы языкоznания. Сборник в честь акад. И.И. Мещанинова. Л., 1961, с. 49–57.

<sup>13</sup> Grammatik der obersorbischen Schriftsprache..., S. 381–388.

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ  
КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ  
(ее роль в организации текста загадки)**

Каждую языковую категорию, в том числе категорию посессивности, можно изучать по крайней мере в трех аспектах: во-первых, с точки зрения ее выражения в языке (грамматический аспект)<sup>1</sup>, во-вторых, с точки зрения выражаемого ею смысла (семантический аспект)<sup>2</sup> и, в-третьих, с точки зрения ее функционирования в тексте с определенной коммуникативной заданностью (прагматический аспект)<sup>3</sup>. В центре внимания настоящей работы – изучение коммуникативной значимости категории посессивности для построения, организации текста загадок, а также ее роли для воссоздания картины мира, как она отражена в тексте ("мир через текст"). Загадка оказалась интересным материалом для изучения функционирования в тексте категории посессивности, поскольку в тексте загадки ментальная категория посессивности имеет эксплицитное выражение. Нами уже отмечалось<sup>4</sup>, что одним из распространенных приемов описания загаданного денотата в образной части загадки является называние его объектов обладания  $R^5$  в том числе и его частей (сегментов), т. е. предметов неотчуждаемой принадлежности  $R'$ . Совокупность объектов обладания, присущих посессорам, относящихся к определенному социуму, отражает картину мира, свойственную данному социуму. Загадки свидетельствуют о том, какие объекты были связаны между собой отношением посессивности, какие части могли вызывать ассоциации с целым, в состав которого входили, с другими частями этого целого, а также с другими объектами, сходными с ними по внешнему виду или функции. Для воссоздания картины мира большое значение имеет свидетельство, какие именно части или объекты обладания назывались в загаданном денотате в целях его опознавания, и номинациями каких объектов они замещались в образной части загадки. Установление этого могло способствовать выявлению сети ассоциаций, в которую входило представление о загаданном денотате в сознании носителей языка. В картину мира этнических социумов, составляющую комплекс знаний об объектах окружающего мира, входит представление об их возможном членении на составляющие части, о присущих им объектах обладания, функциях и свойствах этих объектов, количестве объектов обладания с тождественной функцией, а также о том, какие объекты не могут принадлежать данному денотату. Пресуппозиция о наличии определенного набора объектов обладания у данного посессора является исторически и социально обусловленной, она различна в разные исторические периоды и в разных этнических коллективах. В разных языках (и соответственно в разных социумах) различна не только форма выражения категории посессивности, но и различен набор объектов обладания  $R$  и предметов неотчуждаемой принадлежности. Например, денотат 'кося' "вид женской прически" в одних социумах является неотчуждаемой принадлежностью молодой девушки ("девицы"), а в других таковым не является; или денотат 'борода', в одних социумах и

в определенный исторический период является неотчуждаемой принадлежностью таких посессоров, как дед, дядя, отец и т. п., а в других не является.

Специфической особенностью строения текста загадки является то, что один и тот же объект обладания связывается отношением посессивности одновременно с двумя посессорами, а именно: с загаданным посессором  $P_x$  и его заместителем в образной части загадки кодовым посессором  $P_k$ . В функции кодового посессора в большинстве случаев выступает одушевленное существо (человек или животное), а объект обладания этого одушевленного существа кодируется названием части тела человека или животного. В этом отразилось одушевление предметов окружающего мира, наделение их свойствами и функциями живых существ. При отсутствии в образной части загадки кодовой номинации домысливаемый посессор всегда представляется в виде одушевленного существа.

Интересно отметить, что номинация объекта обладания употребляется по отношению к кодовому посессору одушевленному существу в своем основном, неметафорическом значении; по отношению же к скрытому, загаданному посессору эта номинация употребляется в переносном, метафорическом значении, называя денотат внешне или по функции сходный с  $R_k$ . В загадке *Стар дедо со бела брада* (лук) объект обладания 'брада' связан отношением посессивности с кодовым денотатом 'дедо' (номинация объекта обладания употреблена в основном, неметафорическом значении) и с загаданным денотатом 'лук' (номинация объекта обладания употреблена в переносном, метафорическом значении), называя денотат внешне похожий на предмет неотчуждаемой принадлежности денотата 'лук', именно его корни. Если же в функции кодового денотата выступает неодушевленное существо, то номинация его объекта обладания употребляется по отношению к кодовому посессору в метафорическом значении, а в отношении к загаданному посессору в основном, неметафорическом, значении. Так, в загадках *Една дупка на три крака* (треножник) и *Една къща на един крак* (гриб) номинация *крак*, называя объект обладания неодушевленных кодовых посессоров *дупка* и *къща*, употреблена в метафорическом значении, называя же объекты обладания загаданных денотаторов соответственно ножки треножника и ножки гриба, эта номинация употреблена в неметафорическом значении.

В табл. 1 перечислены номинации предметов неотчуждаемой принадлежности (1-я графа), зафиксированных в болгарских загадках<sup>6</sup> с указанием кодового посессора (2-я графа) и скрытого, загаданного посессора (3-я графа); в 4-й графе приведены примеры болгарских загадок.

Номинации предметов неотчуждаемой принадлежности могут выступать в загадках как в функции обозначения загаданного денотата, так и в кодовой функции. В табл. 2 показано распределение номинаций по множествам  $K$  и  $X$ . В 1-й горизонтальной графе перечислены номинации, зафиксированные в болгарских загадках только в кодовой функции, во 2-й горизонтальной графе перечислены номинации, зафиксированные как в кодовой функции, так и в функции обозначения загаданного денотата (т. е. зона пересечения множеств  $K$  и  $X$ ), в 3-й графе перечислены номинации, зафиксированные в загадках только в функции обозначения загаданного денотата (т. е.

Таблица 1

<i>R<sub>k</sub></i>	<i>P<sub>k</sub></i>	<i>P<sub>x</sub></i>	Примеры загадок
брада	дядо, поп, татко, старец, човек, ага	лук, кукуруза камыш, папоротник, метла, солнце	Оздолу иде агата, червена му бръдата (солнце)
глава	Яна, Неда	река, подсолнечник, свекла, просо, безмен 'кантар'	Златна глава от кол гледа (подсолнечник)
глас	птица	комар	Лети птица... глас танок (комар)
език		колокол, звонок	Уста има, език има, ни яде, ни дума, поклади го, запява (звонок)
зъб	дедо, баба, Райко	кирка 'дикел', палка погонщика волов 'остен' каминные щипцы 'маша', гребень 'драк'	Шърба баба с три зъба (вили) Стар дедо сос два зъба (кирка) Дълъг Райко с един зъб (палка погонщика волов)
кожа	теле, овца, вол, овен, прасе, яре	лук, кукуруза, яблоко, каштан, шиповник, мех для вина, волынка 'гайдя', чулок	Прасе с дванайсекожи (лук) Цорвена кожа со бело месо (яблоко) Църно яре – кожата му иззвънка, козината изнетре (мех для вина)
кокали 'кости'	къща	разбитый горшок, улитка, орех	Кокалите му отън, а месото му вътре (орех)
коса	девойка, момиче	лук, морковь, кукуруза, колос	Плава девойка – коса ю в землюту (лук)
космици		персик	Вито, вито ... на връхчица космици (персик)
крак 'нога'	патка, кокошка, крава, кутлец, кака 'старшая сестра' дете, къща дупка, сврака, магаре	гриб, капуста, лук, тыква, метла, треножник, колыбель, сундук, стол	Една кака със сто крака (метла) Едно магаре има четири крака (стол)
крило	птица, патка 'утка'	капуста, рыба, птица, шкаф 'долап', пароход	Патка с четириси крила (капуста) Крила има, не лети... (рыба)
мустаци 'усы'	дядо, юнаци	лук, колосья	Червен дядо с бели мустаци (лук)
месо		лук, орех, шиповник, огурец, терновник, улитка 'охлюв', черепаха 'костенурка', лягушка в люльке, грудь матери, нога, рука, палец	Месо без кокали (лук) Кокалите му отън, а месото вътре (орех) Живо месо у дункупа улази (перстень на пальце)

$R'_k$	$P_k$	$P_x$	Примеры загадок
нокти	мачка, орел	ежевика, безмен, орел	Нокти има, като мачка (орел)
нос	птица, булка 'молодая женщина'	комар, свещ, лампа, игла	С носа боде, с опашката влече (игла)
око	пръчка, сестрица	подсолнечник, семена дънки, обувь 'опънци', окно, решето	Златно око от пръчка те гледа (подсолнечник) Една сестрица с триста очици (решето)
опашка 'хвост'	магаре, кобила, куче, вол, мече, кокошка, бивол, теле, говедата, крава, чавка 'галка', Шаро, невестица	черешня, тыква, картофель, лук, лук-порей, груша, репа, подснежник, рак, ласточка, конь, сковорода, игла с ниткой, челнок, фес, гребень, ложки, солнце	Кобилата сива, опашката ѝ бела (игла с ниткой) Червяло мече со черна опашка (феска) Говедата у говедарника, а опашките им вонка (ложки) Шаро седи на кошара, опашката му в кошара (солнце)
рог	крава, овен, вол	лук, чеснок, тыква, улитка, коза, игла, вили, сверло	Овен с дванайс рога (чеснок) Рога носи, вол не е (улитка, коза)
сърце		арбуз, дыня, каштан, капуста	Околчество, гладичко, сърцето му благичко (дыня)
сянка 'тень'	Неда, Рада, Яна, Бърборана	река, путь	Дълга Неда без сянка (река, путь)
уста	гарван, добиче, биволица, дядо	бочка, мельничные камни, дымовая труба 'камин', колокольчик, звонок, платье, замок, пушка	Да си стиска устата, да ми пази децата (замок) Черна биволица устата и на кълката (платье)
уши	магаре	ложки, сверло, кирка, игла	Магаре во кошара, ушиште му не влегват (сверло)
шия	орел	перекидные мешки 'дисаги'	Два орла с една шия (перекидные мешки)

в отгадках). При каждой лексеме указывается количество загадок, в которых зафиксирована данная лексема в данной функции. В зоне пересечения множеств  $K$  и  $X$  при каждой лексеме слева от наклонной черты указывается количество загадок, в которых эта лексема зафиксирована в кодовой функции, а справа от наклонной черты – количество загадок, в которых данная лексема зафиксирована в функции отгадки (обозначения  $X$ -денотата).

Предметы неотчуждаемой принадлежности (части тела человека и животных) кодируются, как правило, номинациями денотатов, выбранных по

K	кожа 31, козина 'волосяной покров, шерсть' 9, кокали 5, костишки 2, жлънка 'желчный пузырь' 1, крыло 5, ногти 12, опашка 75, рог 26, слъзица 1, шия 2.
K + X	брата 33/24, глава 68/42, зъби 7/50, език 11/55,ежди 2/34, лице 1/26, коса 7/33, косми 1/2, крак 31/3, мустаци 1/3, мясо 41/8, нос 32/5, око/очи 52/6, плитка 'коса' 1/2, пръст 3/30, ръка 30/10, снага 10/4, сърце 3/1, сянка 12/9, стъпки 'следы' 6/8, уста 53/12, ухо/уши 9/19.
X	бозки на крава 'вымя' 8, глас 1, гърди на жена 2, люстри на риба 1, перчем 'вихор' 1, плюнка 'сплюна' 1, сопол 14, стомах 'желудок' 1, чело 23.

внешнему виду или функции. Такие обозначения являются свидетельством того, как, через призму каких объектов человек видел и осознавал свой внешний облик, с какими предметами, признаками и функциями ассоциировались части его тела. Так: борода — метла; брови — два плета, две змии, пиявици, гайтанки 'шнур, галун'; глаза — огледалаца 'зеркальце', стъкълца, два извора, 'источника', два кладенца 'колодца', два бунара 'колодца', чешми 'приспособление для отвода воды источника', вирое 'омуты', море, две локви 'лужи'; голова — тиква, любеница, кратуна 'бутылочная тыква' кълбо; волосы — трева, липа, гумно, гора 'лес', ливада 'луг', бахчийка; зубы — камъни, кокали, костички, бисер, секири, тесли, дикели 'кирка'; лоб — поле, полянка, полица 'полка', рамница; нос — пън, извор, чешма, половин лъжица, одая 'комната', гърне; ноги — два дирека 'столба', руки — две ветки; рот — дупка, пещера, яма, къща, изба, дам 'хлев', стая 'комната', църква, конюшница, кошара 'загон для скота', плевня 'сарай для сена', подник, кош, кутия 'коробка', торба, ковчедже 'сундук', долап 'шкаф', сандъче, тепсия 'противень', фурна, пещ, делва 'глиненый кувшин'; туловище — бук; ухо — половин симид 'булка', половин кравайче, половин лъжица, половин паница, половин каленица 'глиняная миска'; уши — две ветрила 'веер, парус'; язык — дъска, лопата.

Выражение категории неотчуждаемости в загадке часто сочетается с выражением категории негации, причем это сочетание порождает ситуацию, противоречащую пресуппозиции о свойствах и функциях объектов обладания и их посессора. Интересно отметить, что тип загадок с негацией объекта обладания имеет те же две синтаксические структуры, что и описанные в анкете диагностические контексты для выделения абсолютно неотчуждаемых объектов<sup>1</sup>. Этими диагностическими контекстами являются конструкции с глаголом 'иметь' и конструкции 'с + тв.', в них не могут употребляться абсолютно неотчуждаемые имена. Только в загадках эти конструкции трансформированы в отрицательные, а именно: ' $P_k$  не имеет  $R$ ' и ' $P_k$  без  $R$ '. Отрицается обладание тем, что согласно пресуппозиции является предметом неотчуждаемой принадлежности посессора. Из всего комплекса проблем отрицания нас здесь прежде всего интересуют случаи релевантной негации с определенной функциональной нагрузкой, т. е. отрицания таких объектов, наличие или отсутствие которых у по-

сессора значимо для его опознавания (подобно этому в морфологии отсутствие морфемы считается значимым, т. е. имеет место нулевая морфема, в том случае, когда соответствующая грамматическая категория имеет в языке обязательное выражение). Использование в загадках номинаций объектов обладания всегда несет функциональную нагрузку, при этом нагрузка увеличивается, когда введением в описание номинаций объектов обладания создается ситуация, противоречащая прагматической пресуппозиции о свойствах посессора этих объектов. Нарушение пресуппозиции свидетельствует о том, что в загадке речь идет не о названном (или домысливаемом) денотате, а о некоем другом, скрытом, для которого утверждение о наличии или отсутствии объектов обладания не противоречит прагматической пресуппозиции. Так, в загадке *Дълга Неда сянка няма* (река) *K*-денотат *Neda* (т. е. некое лицо) „должно согласно пресуппозиции обладать тенью, утверждение, противоречащее этой пресуппозии, т. е. отрицание у Неды тени, означает, что загаданный денотат представляет собой нечто иное, чем лицо, обладающее тенью, и его надо искать среди денотатов, не обладающих тенью; атрибут *дълга* еще более суживает ареал поиска, указывая, что *X*-денотат следует искать среди длинных денотатов, не обладающих тенью; в данной загадке скрытым денотатом оказывается денотат без тени – река. Таким образом: *K*-денотат ( $+R_k$ ), *X*-денотат ( $-R_k$ ).

В организации текста загадок прием нарушения пресуппозиции используется очень часто, он создает разного рода семантические аномалии. Ниже будут приведены основные случаи нарушения пресуппозиции, создаваемые с помощью категории посессивности. Примеры извлечены из сборников болгарских, польских и русских загадок.<sup>6</sup>

1.1. Отрицается наличие некоего объекта обладания – *R* у посессора *P<sub>k</sub>*, что противоречит пресуппозиции о свойствах *P<sub>k</sub>*, так: в болгарских загадках *Дебела Яна без кокали* (копна сена), *Дълга Неда без кокали* (река), *Една стая... няма ни прозорец, ни врата* (дыня), *Бяла къща без врата* (яйцо), *Син вир 'омут' без дъно* (небо); и в польских ...*w tej karpliczce ni ma drzwi, ani okien...* (мак), *Dwa okienka małe bez szybek* (глаза).

1.2. Полоссору *P<sub>k</sub>* приписывается такой предмет неотторжимой принадлежности *+R*, которым согласно пресуппозиции о свойствах этого посессора *P<sub>k</sub>*, он не может обладать, так: *Една невестица со опашница* (игла).

2.1. Сам кодовый посессор *P<sub>k</sub>* не назван, но он охарактеризован двумя своими объектами неотчуждаемой принадлежности, из которых один является частью другого. Нарушение пресуппозиции может состоять в том, что а) утверждается наличие части при отрицании наличия целого, так: *Зубы есть, а рта нет* (пила), *Нет головы, а есть уши, нет рта, а есть язык* (колокол); в болгарских загадках: *Коса има, глава няма* (кукуруза), *Чалма има, глава няма* (медный котел) 'казан' и б) утверждается наличие целого при отрицании наличия у посессора части этого целого, так: *Голова есть – мозгу нет, спина есть – костей нет* (сапоги), *Семьдесят одеждек, а все без застежек* (капуста); в) между двумя объектами обладания нет отношения часть – целое, но наличие у посессора одного из объектов обладания предполагает наличие другого. Нарушение пресуппозиции здесь состоит в том, что утверждается наличие одного из объектов обладания

Таблица 3

<i>X</i> <i>P</i> ( <i>R</i> ) <i>R</i>	охлюв	коза	пчела	петел	ряпа	къпина	кора на бор	книга
вол	рога	рога						
кон	седло товар				опашка			
птица			крыла					
коза					опашка			
крава		млеко						
мачка						нокти		
риба							лусти	
трева					лист			
дърво							листи	листи
човек	къща							
цар				коруна				
джандар				махмуди				

и отрицается наличие другого, так: *Снага има, сянка няма* (река); *Ma zęby, a nie ma gęby* (пила), *Ani nog, ani głowę, jeno grzbiet i zęby* (гребень), *Mam tylko głowę, lecz nie mam ciąża* (капуста).

2.2. От посессора отчуждается (помещается в другое место) предмет неотчуждаемой принадлежности, так: *Шаро седи во кошара, опашката над кошара* (лук), *Осман паша у затвора, а главата му на двора* (гвоздь); *Ciało w komorze, ogoń na dworze* (морковь), *Stoi panna we dworze, a jej warkocz 'коса' w komorze* (солнце), *Dziad w chałupie broda w sieni* (балка в потолке).

2.3. Посессору приписывается противоречащее пресуппозиции о свойствах этого посессора расположение его объектов обладания, так: *Ездач езди – самарът му пред очима, краката му зад ушите* (очки), *Червена кра-ва, рогът ѝ отзад* (тыква), *Главата му надолу, краката му нагоре* (лук), *Кокалите му отвън, а месото му вътре* (орех, улитка), *Въровете надолу, коренето нагоре* (борода), *Rosną jodły do góry korzeniem* (сажа), *To gory korzeniami, a pod gorę wirkiem* (паук на паутине).

3.1. Утверждается наличие некоторого объекта обладания + *R*, имплицирующего принадлежность посессору *P* (предмету ожидания), но при этом отрицается, что этот посессор *P*, обладающий объектом *R*, является загаданным·денотатом, так: *Рога има, вол не е* (козел), *Опашка има, коза не е* (репа), *Къща има, човек не е, рога има, вол не е, седло има, кон не е* (улитка), *Коруна носи, цар не е* (петух), в русских загадках:... с хоботом, *а не слон* (муха), *С хвостом, а не мышь* (клубок ниток), *С хвостом, а не зверь, с перьями, а не птица* (рыба), *Есть и корешок, есть и шляпка, а не дерево* (гриб), ... с хвостом – не корова (морковь); *Nie jestem ptakiem, chciaż töm skrydelka* (комар), *Choć nie jestem królem. noszę koronę* (петух), *Rogaty, a nie wot* (таракан).

На материале болгарских загадок нами составлена таблица соответствий между предметом ожидания, посессором объекта  $R$  и загаданным денотатом, посессором того же объекта  $R$  (см. табл. 3).

4.1. Называется некое действие, которое предполагает в функции его исполнителя некоторый объект обладания  $R$ , при этом наличие этого объекта обладания  $R$  у загаданного посессора  $P_x$  отрицается, так: *Живее без тела, говори без език* (эхо), *Без ръце, без крака, а вратата отваря* (ветер), *Шия риза без ръце* (яйцо), *Зъби няма, а пак каса* (зима); *Без рук, без топоренка построена избенка* (гнездо), *Летит птица без крыла, бьет охотник без ружья, повар жарит без огня, баран ест безо рта* (туча, гром, солнце, земля); *Стоит дуб без корня, без ветвей, сидит на нем птица вран, пришел к нему старик без ног, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов* (мороз), *Без рук рисует, без зубовкусает* (мороз); *В темной темнице красные девицы без ниток, без спицы вяжут вязаницы* (пчелы), *Рук нет, а строить умеет* (птица); *Leciał ptak bez pierza na drzewo; bedące bez liscia, przyszla pani bez ust i zjadla tego ptaka* (снег и солнце).

4.2 Отрицается, что посессор  $P_x(R)$  производит указанное в загадке действие, хотя обладание объектом  $R$  предполагает совершение этого действия, так: *Крака има, а не ходи* (стол), *Зъби има, а не хапе* (гребень); *Зубасты, а не кусаются* (грабли), *Гребень имею – не пользуюсь им, шпоры имею – не езжу верхом* (петух), *Крылья есть, да не летаю, ног нет, да не догонишь* (корабль), *Уши есть, да ничего не слышит* (лохань), *Рот есть – не говорю, глаза есть – не мигаю* (рыба), *Есть спина, да не лежит, четыре ноги, да не ходит* (стол); *Ma trzy nogi, a nie moze chodzić, ma dwa uszy, a nie moze stylszeć, ma jedną gebę, a nie może gadać* (кухонный горшок), *Ma żebę, nie gryzie* (грабли, гребень), *Nie szuje, a igły ze sobą nosi* (еж).

4.3 Отрицается появление (или проявление) объекта неотчуждаемой принадлежности как результат совершения действия, вызывающее согласно пресуппозиции появление этого объекта: *Brat brata siecze, a krew nie cieczce* (жернова, кремень).

4.4 Объекту обладания  $R$  посессора  $P_x$  приписывается совершение не свойственного ему действия, т.е. противоречащего прагматической пресуппозиции о возможных функциях этого объекта  $R$ , так: *Лопатами ходит, а рогами ест* (гусь), . . . *Jednym rogiem ryje* (гусь), *Dwie nogi ma i brzuch, a na głowie chodzi* (тачка), *Nogi ma, a na dupie chodzi* (плуг).

5.1. Постессору  $P_k$  приписывается большее количество однородных объектов обладания, чем он, согласно пресуппозиции о свойствах этого посессора, может иметь. Это свидетельствует о том, что явно названный в загадке посессор не является истинным предметом речи загадки, а загаданный денотат следует искать среди объектов, для которых утверждение о количестве объектов обладания было бы истинным. Так: *Патка с четырьмя крыльями* (капуста), *На одна къща сто прозорец*<sup>7</sup> (решето), *Овен с дванайсе рога* (чеснок), *Кокона с триста кафтана* (курица); *Maluski domeczek, a w nim sto okieneczek* (наперсток).

5.2. Кодовому посессору  $P_k$  приписывается меньшее количество однородных объектов обладания, чем он согласно пресуппозиции может иметь, так: *Бяла патка със една нога* (гриб), *Бяла гъска на един крак* (капуста).

5.3. Посессору приписывается меньшее количество однородных объектов обладания, чем это требуется для совершения называемого действия, так: *Choć tąt jednę nogę, zęwo biegnie w kole...* (рюмка).

5.4. Утверждается наличие определенного количества объектов обладания  $P(R_1)$ , которое предполагает наличие такого же количества других объектов обладания у этого же посессора  $P(R_2)$ .

Противоречие пресуппозиции состоит в том, что количество объектов обладания  $R_1$  не соответствует имплицируемому количеству объектов обладания  $R_2$ , так: *Ma dwie podeszwy, choć cztery nogi* (колоны).

5.5. Одному объекту обладания  $R$  приписывается большее количество посессоров, чем он согласно пресуппозиции может иметь, так: *Десет братя в една риза, Дванайсе старци с една брада, Девет братя ув една кожа* (чеснок), *В една риза безброй братя* (семена перца); *Dwunastu Marcinków o jednej głowie* (спицы у воза), *Trzy konie o jednym ogonie* (вилка), *Czterech braci pod jedną czapką stoją* (стол), *Tysiąc braci jednym pasem opasani* (сноп).

5.6. Нескольким объектам обладания  $R_1$ ,  $R_2$  приписывается один посессор, что создает ситуацию, противоречащую пресуппозиции о свойствах этого посессора. Отнесенность названных объектов обладания к разным посессорам снимает противоречие пресуппозиции, так: *Хожу на голове ( $P^1$ ) хотя и на ногах ( $P^2$ ), хожу я босиком  $P^1$  ( $-R$ ) хотя и в сапогах ( $P^1$ ).*

6.1. Названные в загадке условия наличия или отсутствия у посессора объекта обладания противоречат пресуппозиции об этих условиях, так: *Лято време с риза, зимно време без риза* (кукуруза).

## ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении приведены дополнительные таблицы о распределении объектов обладания, по множествам  $X$  (загаданных денотаторов) и  $K$  (их заместителей в образной части загадки). Таблицы построены так же, как и табл. 2, см. с. 230.

Т а б л и ц а 4

Объекты обладания, относящиеся к предметному полю одежды, обуви и пр.

$K$	беневрек 'узкие панталоны' 1, веленце 'шерстяное домотканное' 3, одеяло' 1, гащи 'штаны' 4, козяк 'одеяло' 1, кафтан 1, кошуля 'рубаха', ката 'шапка' 12, ложник 'одеяло' 1, плат 2, рокля 'платье' 3, фередже 'чадра' 1, чалма 6, шараш 'простыня' 3, черга 'домотканное одеяло' 5.
$K + X$	брехи 'одежда' 4/1, калпак 9/3, кожух 27/6, опънък 'ботинок' 2/8, покривало 10/1, пояс 6/2, риза 'рубаха' 42/3, чорапи 'чулки' 1/10
$X$	ботуш 'сапог' 5, облекло 'платье' 1, панталоны 1, потури 'штаны' 1, ръкавици 11, сарафан 1, сокай 'кокошник' 2, фес 2, цървули 'обувь' 11, чадър 'зонтик' 1, чехли 'туфли без задника' 1, юрган 'ватное одеяло' 2.

Таблица 5

Объекты обладания, относящиеся к предметному полю домашней утвари

K	бъдън 1, буре 13, блюдо 14, делва 'глиняный кувшин' 1, дърмон 'решето' 3, каленица 2, корито 5, кутия 'коробка' 9, паница 24, синия 'противень' 1, тагар 'коробка' 2, гепсия 'противень' 5, тулум 'бурдюк' 3, чувал 'мешок' 4, чутра 1.
K + X	бъчва 10/16, бъклица 2/11, гърне 17/3, долап 'сосуд для жарения кофе' 10/3, канделло 'лампада' 1/5, каца 6/1, ковчег 'сундук' 3/4, котел 2/5, кош 6/4, лампа 1/9, лъжица 3/30, люлка 1/3, мех за вино 10/1, огледало 5/13, пещ 1/20, решето 6/3, сандък 3/1, свещ 15/8, сито 7/14, стомна 'глиняный кувшин' 4/39, тава 'противень' 4/2, тиган 'сковорода' 1/11, торба 8/1, фурна 2/2
X	бакрач 'медный котел' 3, бъркалка 'поварежка' 1, възтреб 'вместилище для одежды' 1, казан 5, копанка 'деревянная миска' 1, крина 1, крондир 'фляга' 1, легло 1, маса 14, одър 1, пиростия 'треножник' 18, подница 5, сач 'противень' 4, свещник 2, тенджера 'кастюля' 2, часовник 'часы' 12, чутура 'ступка, баклага' 4.

Таблица 6

Объекты обладания, относящиеся к предметному полю орудий

K	жерка 'ветряная мельница' 1, топуз 'палица, булава' 1,
K + X	игли 6/40, кантар 'безмен' 1/28, кола 'колеса' 7/29, лопата 6/2, мельница 1/30, секира 'топор' 1/3, сърп 2/7, тесли 4/3, чешма 'водоотводный кран' 3/4
X	брадва 'топор' 10, букаи 'пути' 2, буталка 'маслобойка' 4, бухалка 'валек для белья' 5, бърснач 'бритва' 16, вили 10, вретено 22, верига 'цепь' 19, дарах 'гребень' 7, дикана 'мопотилка' 2, дикел 'кирка' 3, дисаги 'перекидные мешки' 5, игли на плетене 'спицы' 26, кама 'кинжал' 3, камшик 'кнут, плеть' 1, катан 'капкан' 2, клещи 1, коса' 10, маша 'каминные щипцы' 9, метла 22, мотика 6, остен 'палка погонщика волов' 16, палешник 'плуг' 13, пила 2, пищов 'пистолет' 2, пушка 22, рало 2, ренде 'рубанок' 3, мрежа 'рыболовская сеть' 3, поясници 13, ръжен 'кочерга' 5, сабя 'сабля' 1, свредел 'сверло' 15, стан 'ткацкий станок' 30, трион 'пила' 2, търнокоп 'кирка' 2, ютия 'утюг' 2.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Головачева А.В., Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н., Николаева Т.М., Свешников Т.Н., Хелимский Е.А. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения. – В кн.: Структура текста. 81. Тезисы симпозиума. М., 1981.

<sup>2</sup> Головачева А.В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. – В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания, М., 1983; Журинская М.А. Семантический статус конструкций неотождествимой принадлежности. – Там же, с. 37.

<sup>3</sup> Лекомцева М.И. Замечания об использовании категории притяжательности в поэтическом языке. – Там же, с. 62; Волоцкая З.М., Головачева А.В. Роль категории притяжательности (посессивности) в организации текста загадки. – Там же, с. 13.

<sup>4</sup> Волоцкая З.М. Некоторые замечания о структуре славянских загадок. – Советское славяноведение, 1982, № 1.

<sup>5</sup> В исследовании принятая следующая система сокращенных обозначений:  $R$  – объект обладания,  $R'$  – предмет неотчуждаемой принадлежности,  $P_x$  – посессор – загаданный денотат,  $P_k$  – посессор – посессор – денотат заместитель загаданного в образной части загадки,  $R_k$  – объект обладания в кодовой функции,  $+R$  – наличие у посессора объекта обладания,  $-R$  – отсутствие у посессора объекта обладания,  $P(R)$  посессор и объект обладания, связанные отношением посессивности.

<sup>6</sup> Стойкова Ст. Български народни гатанки. С., 1970; *Folfsatínski Sk. Polskie zagadki ludowe*. W-wa, 1975; Митрофанова В.В. Русские народные загадки. Л., 1978. Примеры загадок приводятся с сохранением всех фонетических, морфологических и лексических диалектных особенностей. При необходимости дается перевод кодовой номинации, использованной в образной части загадки, на русский язык. Загаданный денотат обозначается русской номинацией, соответствующей по смыслу номинации, использованной в сборниках болгарских и польских загадок. Иногда, в случае использования в сборнике диалектной номинации или одной из ряда синонимичных номинаций, наряду с русской в марковских кавычках приводится номинация из соответствующего сборника.

<sup>7</sup> Для современной картины мира это утверждение не противоречит пресуппозиции о доме (поскольку дом может иметь сто и более окон), для этнических коллективов, в среде которых создавались и бытовали загадки, это утверждение противоречит представлению о доме.

Т.В. ЦИВЬЯН  
ЕЩЕ РАЗ О ГОМЕР. ФІЛОС  
В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПОСЕССИВНОСТИ

Когда гомеровский человек извлекает из многих окружающих его явлений одно и ставит его в тесную связь с собой, тогда он употребляет загадочное слово φίλος.

Ф. Дирльмайер<sup>1</sup>

Итог многочисленным исследованиям семантики гомер. φίλος был подведен Э. Бенвенистом в его "Vocabulaire des institutions indo-européennes"<sup>2</sup>. Пафос главы, посвященной φίλος, в том, чтобы, с одной стороны, "развеять столь же старую, сколь и сама гомеровская филология, иллюзию, что φίλος может быть эквивалентом простого посессивного слова" (273), и, с другой стороны, показать, что φίλος нельзя сводить к "расплывчатому значению дружественности" (288). Суть рассуждений Бенвениста сводится к следующему.

Традиция закрепила за гомер. φίλος два основных значения: 'друг, дружеский' и 'свой', притяжательное местоимение, которое может употребляться при всех трех лицах и в котором значение дружественности отсутствует. В истории вопроса усилия были сконцентрированы на том, чтобы выяснить направление перехода от одного значения к другому: *друг > свой или свой > друг* (легко видеть, что и то и другое имеет свои

основания). Однако в поддержку обеих точек зрения не было, по мнению Бенвениста, предложено удовлетворительного этимологического решения<sup>3</sup>. Поскольку Гомер широко использует и собственно *Proin poss.* (в частности, формы *bc* < \*swos), притяжательность в *φίλος* требует специального обоснования. Методологически важно найти смысл, который бы не противостоял явлению, но объединял оба значения. При этом надо учитывать и следующее обстоятельство: глагол *φιλέω*, кроме 'любить, относиться по-дружески', означает еще 'целовать', а его производное *φίλημα* – только 'поцелуй' (этого нет ни в понятии *amor*, ни в *amicus*, ни в понятии *свой*). Прибавляется, следовательно, еще одно значение, и *φίλος* следует интерпретировать уже "с трех сторон".

Бенвенист видит только один аспект, в котором могут быть объединены все три смысла: социальность. В этом аспекте *φίλος* выступает как маркер члена социальной группы, связанной определенным типом отношений (родственники, свойственники, домочадцы, слуги, друзья). В более широком (этиологически) смысле *φίλος* является основоположным выражением идеи гостеприимства, в оппозиции к *ξένος* 'чужой, гость=чужой'. В рамках соответствующих социальных отношений *ξένος* 'гость=чужой' может рассчитывать на гостеприимство (sc. безопасность) только в доме, с хозяином которого он связан узами *φιλότης*, т.е. взаимных дружественных обязательств. *Φιλότης* выступает на одном уровне с оркха 'клятва' (II, 3,94), чем и подтверждается связь этого понятия с договором о гостеприимстве. Тесные отношения между *φίλος* и *ξένος* подтверждаются существованием терминов *φιλόξενος*, собств. 'тот, для кого *ξένος* является *φίλος*', *φιλόξενα*. Поведение, выраженное с помощью термина *φιλέω*, всегда носит характер обязательности, взаимности, следования договору о гостеприимстве. В этом контексте поцелуй – прежде всего институализированный способ узнавания и признавания *φίλοι*, лишь впоследствии приобретающий эмоциональный оттенок. Действительно, разные формы проявления *φιλότης*, приводящие к установлению тесных, передающихся из поколения в поколение связей между партнерами, не могут не придать этим отношениям эмоциональной окраски; отсюда, в частности, и развитие значения 'любовь' *φίλα* (супружеская любовь, любовь к родственникам, домочадцам и под.)<sup>4</sup>.

Далее, считает Бенвенист, перед нами самое интересное развитие этой семантической истории, характерное именно для языка и стиля Гомера: *φίλος* прилагается к объектам, которые сами по себе, как будто, не должны вызывать никаких эмоций. Для них, следовательно, напрашивается посессивное значение и не более того. Эти случаи Бенвенист распределяет на три группы: 1) объекты, предельно тесно связанные с личностью, – душа, сердце, жизнь, дыхание; части тела – ноги, колени, грудь – то, чему придается более, чем просто рефлексивное значение; 2) места, которыещаются как "дорогие", "милые", – особенно родина, возвращение в родную землю; 3) короткий список терминов, предельно "неэмоциональных", – дары, одежды, ложе и нек. др. Задача Бенвениста выявить в этих употреблениях сочетание социального и эмоционального – но ни в коем случае не посессивного – значений *φίλος*.

Разбирая пути, по которым расходились значения *φίλος*, Бенвенист особенно решительно отрицает направление *свой* → *милый* (283): "... как

простое притяжательное местоимение могло развить такое богатство понятий? Этот факт не имел бы аналогий. К тому же ... φίλος глубоко укоренено в древнейших общественных институциях и обозначает особый тип человеческих взаимоотношений. Одно это должно быть достаточным основанием для того, чтобы отказаться от такой искусственной и непрочной семантической связи". Столы же неудовлетворительным представляется Бенвенисту и переход от *милый*, *друг к свой*: вряд ли возможно развитие, при котором столы быстро стираются первичный смысл. Ход мысли Бенвениста следующий. Если субъективное, эмоциональное значение φίλος 'друг, дружеский, милый' при тщательном контекстуальном анализе достаточно убедительно возводится к обозначению социальных отношений, то, очевидно, это же самое возможно (более того, необходимо, постоянный призыв Бенвениста – "te-exāmination" Гомера) и для φίλος в значении Pton. poss. Просматривая основные употребления φίλος "свой", Бенвенист весьма простыми рассуждениями выявляет здесь непосредственную связь с тем же понятием гостеприимства, φιλότης, φιλοξενία: *дары* – отношение хозяин/гость; *дом, ложе* – супружество, родство как развитие отношений дара/обмена, т.е. гостеприимства. Что же касается употребления термина φίλος при названиях частей тела, то и здесь в каждом конкретном случае Бенвенист реконструирует оба значения, "institutional and sentimental", идет ли речь о φίλη [для Ахилла] голове его друга и боевого соратника Патрокла (Il. 18,114), о χέροι φίλησι (Od. 5,462) руках, которые Ино [гостеприимно] протягивает Одиссею, о φίλα γούνατα 'коленях' Автолика (Od. 19, 401), на которые он принимает новорожденного внука, что соответствует обряду принятия младенца в лоно семьи или, наконец о φίλοιν πήπορ 'сердце', появляющемся в контекстах связанных с семейными отношениями (тоска Пенелопы по Одиссею, Телемаха по отцу) или гостеприимством (Одиссей у Алкиноя) и т.п.<sup>5</sup> "Сейчас как раз время вновь учиться тому, как читать Гомера" – этими словами Бенвенист кончает анализ φίλος.

Призыв Бенвениста был подхвачен Дж. Надем и его учеником Д. Синнисом<sup>6</sup>. Дж. Надь рассмотрел в плане социальной идеологии роль термина φίλος в ситуации *Ахилл – Патрокл – остальные ахейцы*. Его анализ сводится к следующему. Отношения Ахилла с ахейцами прерваны. Он погружен в скорбь по Патроклу (его δ τοὺς φίλατος ἔταιρος 'любимейший друг'). Между тем только возвращение Ахилла в ряды ахейцев может спасти их от поражения. Для этого надо, чтобы между ними и Ахиллом были восстановлены отношения φιλότης, т.е. взаимных обязательств. Оказывается, что Патрокл – это та жертва, с помощью которой восстанавливается "the state of being philoi" (42) между Ахиллом и ахейцами: своей смертью он заставляет Ахилла вспомнить о его общественном долге по отношению к φίλοι. Ради мести за Патрокла Ахилл возвращается к своим товарищам и вновь входит в "Männerbund of the philoi" (42).

Итак, φίλος занял прочное место в словаре индоевропейских социальных установлений: это термин, функции которого определены неоспоримо и в котором к чисто социальному значению присоединено возникшее впоследствии эмоциональное. Бенвенист и его последователи дают φίλος без перевода, оставляя его таким образом знаком, кодирующим определенную семантику. Такой принцип известен и имеет весьма авторитет-

ных приверженцев, ср. хотя бы мнение Л. Рену, неоднократно им высказанное, о невозможности адекватного перевода ключевых терминов в чуждой нам системе мышления. Действительно, если пытаться подобрать, например, русский эквивалент, то ближе всего было бы, пожалуй, *родной*, сочетающее в себе указание на определенную социальную группу с эмоциональным оттенком. Однако перевод был бы неточным, поскольку *родной* предполагает кровное родство, в то время как *φίλος* имеет в виду гораздо более широкое объединение.

Тем не менее проблема перевода остается, и следует учитывать, что любой перевод является своего рода толкованием, которое может приносить в данное понятие новые смысловые оттенки. В связи с этим обращает на себя внимание то, что *φίλος* и в тех случаях, когда он переводится как 'милый, любимый' и под., нередко притягивает к себе *Pron. poss.* В этом смысле показателен перевод на новогреческий, см. ряд примеров из I песни Одиссеи (новогреческий перевод – подстрочный<sup>7</sup>, русский – В.А. Жуковского):

49. ... δε δὴ δηθὰ φίλων ἀπὸ πίματα πάσχει...  
... δὲ ὅποις δὶς πολὺν καιρὸν πλέον μακρὰν τῶν προφίλων του  
ὑποφέρει παθημάτα... ('его дорогие')  
...давно он  
Страждет, в разлуке с своими...
94. νόστον πευσόμενον πατρὸς φίλου...  
περὶ τῆς ἐπανόδου τοῦ ἀγαπητοῦ πατρός του... ('его любимого отца')  
'... о милом отце и его возвращеньи...'
158. Ξένε φίλ'...  
Ξένε ἀγαπητέ μου... ('Любимый мой гость')  
'Милый мой гость...'
203. οὐδὲ τοι ἔτι δηρόν γε φίλης ἀπὸ πατρῖδος ἀήτης  
Δὲν θὰ σοῦ εἴναι πλέον ἔπι πολὺν χρόνον μακρὰν ἀπὸ τὴν  
ἀγαπητὴν πατρικὴν γῆν (του) ... ('любимая его отчизна')  
'Будет недолго он с милой отчизной в разлуке...'
238. ἡ ἐ φίλων ἐν χέρσι...  
ἡ εἰς τὰ χέρια τῶν ἀγαπητῶν του... ('руки его любимых')  
'Иль у друзей на руках...'
363. κλαῖεν ἔπειτ Όδυσσα, φίλου πόσω...  
ἔκλαιεν ἔπειτα τὸν Ὀδυσσέα, τὸν ἀγαπητὸν σύζυγόν (της) ...  
('любимый ее супруг')  
'Плакала горько она о своем Одиссее...' и т.д.

Появляется, таким образом, "незапланированная" притяжательность: почти в любом случае *φίλος* получает призвук "свой". Это заставляет вернуться к анализу Бенвениста с тем, чтобы выяснить, почему он так категорично отвергает употребление *φίλος* в притяжательном значении. Между тем уже в начале (278) им введена оппозиция *φίλος* – *ξένος*, причем *ξένος* переводится как 'гость=чужой'. Казалось бы, для первого члена оппозиции

напрашивается в этом контексте значение 'свой'. Отношения между  $\varphi\acute{\imath}\lambda\sigma$  и  $\xi\acute{\imath}\nu\sigma$  'чужой' рассматриваются и в следующей главе (294). Наконец, далее (301 сл.) понятие "чужой" анализируется на примере "enfant terrible ведийской экзегезы" (по выражению Л. Блумфилда), *ari* 'чужой — друг или враг'. В этом анализе Бенвенист суммирует во многом полемичные взгляды на проблему П. Тиме и Ж. Дюмезиля<sup>8</sup>. В своей недавней книге Дюмезиль возвращается к полемике с Тиме и привлекает к этому точку зрения Бенвениста<sup>9</sup>. В итоге анализ *ari* естественным образом выходит за пределы специально социальных отношений. Набор значений *ari* и его производных, конечно, несравненно богаче, чем у  $\varphi\acute{\imath}\lambda\sigma$ . Прежде всего *ari* энантисемично; оно заключает в себе такие понятия, как *друг* и *соперник*, *враг*; как *гость* и *хозяин*. Одновременно с идеей гостеприимства оно становится этонимом (арии), хотя неизвестны и непредставимы самоназвания народа по принципу хлебосольства, и т.п. Оказывается, что установить внутреннюю логику в этом пучке дивергентных значений более или менее удовлетворительно удается лишь тогда, когда они рассматриваются в рамках универсальной семиотической оппозиции *свой/чужой*, в свою очередь сводимой к одной из основных пространственных оппозиций — *внутренний/внешний*.

По сути дела это имеет в виду Дюмезиль (Прил. II, II, 3): "Конечно, понятие чужого присутствовало в мышлении древних индоевропейских народов, но там оно проявлялось только как вторичное значение слов, выражавших иные понятия, как правило, отрицательные, такие, как 'другой' (типа *alienus*), 'внешний, далекий' (типа *externus*, *árama*, *fremd*), 'не оседлый, путешественник' (типа *peregrinus*, *advena*); греч.  $\xi\acute{\imath}\nu(\text{F})\sigma$ , сопротивляющееся индоевропейским этимологиям, тоже, возможно, развилось от более точного к менее точному значению, от "гостя" к "чужому"; во всяком случае примечательно, что оно не пустило прочных корней в направлении 'враждебность'". Сказанное Дюмезилем — обобщение "в сторону семиотичности" рассуждений Бенвениста о понятии чужой (294): "... тот, кто находится в и е (разрядка здесь и далее наша. — Т. Ц.) пределов общины" ... нет "чужого" самого по себе. В разнообразии этих понятий "чужой" предстает всегда как конкретный чужой, как тот, кто находится на том или ином особом положении... "рожденный в и е" заведомо враг ... необходимо взаимное обязательство, для того, чтобы между ним и моим "Я" установились особые отношения гостеприимства, которые немыслимы в и у т р и общине".

Обращение к семиотическому уровню предполагает тем самым обращение к категориям архетипического мышления: каким образом в модели мира происходит классификация, членение, *ergo* освоение мира. Известно и показано на примере многих и многих традиций, что едва ли не на первом этапе ориентации в пространстве человек стремится выделить, ограничить *внутреннее* пространство, являющееся гарантией его безопасности, от *внешнего*, неограниченного, неизвестного и уже по одному этому заключающего в себе опасность и враждебность. Поскольку точкой отсчета в данном случае является человек, поскольку разделение пространства на *внутреннее* и *внешнее* интерпретируется как оппозиция *ближе к человеку/дальше от человека*. Отсюда — шаг к возникновению категории притяжательности или во всяком случае к возможности транспозиции про-

тивопоставления *внутренний/внешний* в противопоставление *свой/чужой*. Научившись отделять себя от другого, человек переходит к установлению того, что непосредственно связано с ним, в более продвинутой формулировке — того, что *п р и н а д л е ж и т* ему. Так начинается выделение *своего*, в данной системе понятий равнозначного и *своему пространству*, т.е. *внутреннему*, за пределами чего остается *чужое*, т.е. *внешнее пространство*.

Существенно помнить, что освоение пространства — процесс динамичный: границы *внутреннего* и *внешнего* не остаются незыблыми, осваиваются новые пространства и покидаются прежние, а на уровне человеческих взаимоотношений происходит постоянное присвоение и отторжение, смена владельцев<sup>10</sup>. Это значит, что любой конкретный объект в зависимости от ситуации может попадать и/или в поле *внутренний, свой* и/или в поле *внешний, чужой*<sup>11</sup>. Это замечание важно в связи с еще одной оппозицией, *хороший/плохой*, так сказать, над-универсалей, через которую "прогоняется" весь набор основных семиотических оппозиций, конструирующих модель мира. В оценочной сфере объекты, классифицирующиеся по признаку *свой/чужой*, могут таким образом быть как безусловно *хорошими* или *плохими*, так и потенциально *хорошими* и *плохими* (для них открыты оба пути — в зависимости от конкретной ситуации). Изначальная амбивалентность *своего/чужого* в оценочном плане, как кажется, наиболее простым способом объясняет среди прочего энантиосемию (*друг — враг*) в соответствующих лексемах.

Далее речь пойдет о том, каковы последствия — в системе мышления и на языковом уровне — "аксиомы" *свой = хороший, чужой = плохой*. В другой работе автора<sup>12</sup> разбираются случаи, когда собственно *Rpon. poss.* может заменяться или подкрепляться прилагательными с эмоциональной окраской (типа *милый, дорогой*). Широкая употребительность такого рода сочетаний ставит вопрос о развитии в нейтральном показателе посессивности "комплементарных" значений. Предполагается, что ввиду особой ценности *своего*, объективная оценка *хороший* оказывается недостаточной и ощущается необходимость привнесения особого субъективно-эмоционального оттенка, так сказать, личной заинтересованности. Отсюда, с одной стороны, возможность говорить об отсвете оценочного значения и в посессивных местоимениях как таковых (тема, требующая специального рассмотрения), а, с другой стороны, — выработка в языке определенного набора лексем, реализующих свое значение не независимо, но лишь по отношению к своему "владельцу"<sup>13</sup>. Выражение *хороший человек* предполагает обладание некими качествами, входящими в установленный, объективный список "хорошести". *Милый человек* подразумевает *милый для X* (ср. у Пушкина: *И берег, милый для меня*), т.е. (пропуская несколько шагов) *милый* постольку, поскольку X считает его *своим*. Это проникновение на лексико-грамматический уровень необязательной по сути дела эмоциональности в каком-то смысле почти трогательно: в сухую объективность человек вносит отпечаток своей личности, своего интимного "Я".

Стоит ли отрезать возможность видеть в гомер. φίλος как раз сочетание посессивности с эмоциональностью, выраженной притом столь подчеркнуто, что она почти подавила исходное значение понятия *свой*? В самом деле, если обратиться к тому, как Бенвенист в том же "Словаре" (286 сл.) определяет и.-е. \*swe-, давшее начало прилагательному со значением соб-

ственности, то мы обнаружим, что его положения вполне подходят (если не совпадают) к характеристике φίλος, кстати, помещенной в непосредственно следующей за этим главе. Понятия, выраженные основой \**swe*, и группа производных " предполагают связи людей социального, родственного или эмоционального характера, таких как товарищество, свойство, дружба... \**swe-* предполагает вхождение в группу "своих"... санскр. *sva*- означает "свой", но с особым специальным значением, выходящим за рамки значения личного обладания. *Sva*- называют того, кто принадлежит к той же узкой группе, что и говорящий". Элемент \**swe-* является основой в греческом ἑταῖρος 'сотоварищ, друг' в определенной деятельности, в бою. – В этом кругу гомер. φίλος ἑταῖρος (ср. анализ этого сочетания в указанной работе Дж. Надя) можно интерпретировать как удвоенную степень выражения принадлежности к определенной группе, к "своим" (посессивность в абсолютном, не в релятивном значении) и притом подкрепленной эмоционально. Именно подкреплено, поскольку (см. выше) признак *милый* получает значимость лишь как характеристика *своего*<sup>14</sup>.

Возвращаясь к трактовке Бенвениста, можно предположить, что он протестует прежде всего против придания φίλος той стороны посессивности, которая предполагает ограничение и замыкание на самом себе, стремление обособиться от всего не-своего; иными словами, он против отождествления φίλος с грамматическим показателем притяжательности, "с простым посессивным словом" со стертым семантикой. Не менее ошибочен и традиционный разрыв значений φίλος (*милый – свой*) в зависимости от контекста, т.е. от конкретных словосочетаний: как и говорит Бенвенист, надо искать объединяющее значение для φίλος. Можно высказать предположение, что если бы Бенвенист искал это объединенное значение не на уровне исключительно социальных установлений, где притяжательность в узко грамматическом смысле действительно лишь затеняет картину, а обратился бы к области семиотических категорий, он был бы не столь непримирим. К тому же на семиотическом уровне была бы снята столь раздрожавшая его проблема хронологических, или причинно-следственных связей: *милый* и *post hoc ergo propter hoc свой* или наоборот. В парадигматике модели мира существенна общая характеристика категории посессивности в понятийном плане; именно это в конце концов может подвести к вопросу о генезисе и следовательно хронологических этапах ее возникновения. В кругу этих соображений гомер. φίλος, сопоставляемое с собственно *Pron. poss.*, выглядит как маркированное выражение притяжательности, как напоминание того, что *свой* является *милым* по определению, а *милый* является таковым только по отношению к *своему*<sup>15</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Dirlmeier F. Φίλος und φιλία im vorhellenistischen Griechentum. München, 1931, S. 7.

<sup>2</sup> Benveniste E. Vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1969. Здесь цитируется по: Benveniste E. Indo-European Language and Society. London, 1973. Цифры в скобках означают номера страниц.

<sup>3</sup> Бенвенист не принимает ни точки зрения Лёве (KZ, 51, 1923, S. 187 v.) о связи φίλος с германскими личными именами *Bil (i)-frid*, *Bil-trud*, *Bili-gard* и с др.-англ. *bile-wit*, ни точки зрения Кречмера (IF, 45, 1927, S. 267) о связи φίλος с лицом *bilis*.

<sup>4</sup> О фιλίᾳ как сочетании *amor* и *amicitia* в противоположность *eros*'у см.: Fischer E. Amor und Eros. Hildesheim, 1973, S. 12–13.

<sup>5</sup> Сходные употребления встречаются у Шекспира: *my dear soul, my dear heart-strings, my dear blood* и т.д. Они приводятся как параллель к употреблению φίλος при названиях частей тела в кн: Cunliffe R.J. A lexicon of the Homeric dialect. Norman, 1963, p. 408.

<sup>6</sup> Nagy G. Benveniste's contribution to Homeric studies: A case in point. – Semiotica, 1981. Special supplement. The Hague, 1981; Sinos D.S. Achilles, Patrokles and the meaning of PHILOS. – Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 29, Innsbruck, 1980.

<sup>7</sup> Νικοδήμου Р. 'Ομήρου 'Οδυσσεῖα.' Έκδ. "Νικοδήμος", б.г.

<sup>8</sup> Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Leipzig, 1938; Dumézil G. Le troisième souverain, Paris, 1948.

<sup>9</sup> Dumézil G. Les dieux souverains indo-européens. Paris, 1977.

<sup>10</sup> Ср. широко распространенные мифологические мотивы о разделе и переразделе мира, "сфера влияния" и т.п.

<sup>11</sup> Не несет ли в себе вед. "я – это другой" в числе прочего и указание на возможность переинтерпретации, переоценки в рамках своего и чужого? К этому же: Бенвенист Э. О субъективности в языке. – В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 294, о взаимоотношении терминов я и ты: "они находятся в отношении взаимодополнительности, но по оппозиции "внутренний ~ внешний", и одновременно в отношении взаимообратимости. Бесполезно искать параллель этим отношениям: ее не существует. Положение человека в языке неповторимо... Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности".

<sup>12</sup> Цывьян Т.В. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в balkанских языках. – В кн.: Славянское и balkанское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

<sup>13</sup> Исследуя индивидуальный поэтический язык, П. Ненчиони восклицает: в каком словаре можно найти верное истолкование пасколианского выражения *la molto cara*, букв. 'очень дорогая' (о возлюбленной), которое на самом деле означает *cara a molti* 'дорогая для многих', очевидно, по образцу греч. πολύφιλος, с тем же значением (*Nencioni G. Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici*. Bologna, 1983, p. 189); к этому же гермер. διφίλος 'dear to Ζεύς' (Cunliffe R.J. Op. cit. s. v.). Как кажется, речь идет не столько о поэтическом "гапаксе", сколько о классе лексем-понятий с "указанием на владельца", верно диагностированном поэтом. Сгущение в стихотворении Кавафиса "Εὐτῷμην Ἀθύρ" в двух соседних строках ἡμις τοῖς φίλοις πένθος οὐ... δι λεικος μεγάλως θ' ἀγαπήθη 'нам, друзьям, горе' и 'Левкий, наверно, много был любим' может выражать ту же идею "любим многими", что отчасти находит отражение в трактовке этого стихотворения у: Keeley E. Cavafy's Alexandria. Cambridge Mass., 1976, p. 84.

<sup>14</sup> Ср. в связи с этим анализ формульного обращения *свои/наши милые подруженьки* в русских свадебных текстах в работе: Левинтон Г.А. Русское свадебное величание (рукопись, любезно предоставленная автором в наше распоряжение). Автор справедливо видит в притяжательном местоимении указание не на реальную "собственность" (действительные подруги невесты), но на *своих* как принадлежащих к своему, этому миру, с которым расстается невеста. Идя дальше, можно говорить и о том, что *милые* в той же степени относятся к *своему* миру, а не к реальному отношению невесты к подругам. Здесь, таким образом, можно видеть то же разложение греч. φίλος по двум его семантическим составляющим.

<sup>15</sup> В любой традиции можно обнаружить целый парадигматический пласт (не говоря о специальных сюжетах и мотивах), который не только подчеркивает, но вводит в качестве (жизненного) правила единство признаков *свой, милый* и их принципиальную субъективность, исходя из греческого изречения "человек есть мера всех вещей", сп. хотя бы: *не по хорошу мил, а по милу хорош; всякому свое мило; всякому свое, и не мыто, бело; свой глаз – алмаз, чужой – стекло; своя ноша не тянет; meus mihi, suus cuique est carus; guenille, si l'on veut, ma guenille m'est chère; on ne peut rien aimer que par rapport à soi* (La Rochefoucauld); *das liebe Ich* (ирон.) и т.п.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

С.Б. Б е р н ш т е й н. Размышления о славянской диалектологии . . . . .	3
Л.Э. К а л и н и нъ. К вопросу о фонемном статусе назальных согласных в славянских диалектах . . . . .	11
Л.И. М а с л е н н и к о в а. Об изменении в фонетике слова при слогоделении (на материале вокализма) . . . . .	24
Т.В. П о п о в ю. Из болгарской диалектной морфонологии (чередования в глаголе в говоре с. Кортен) . . . . .	45
М.И. Е р м а к о в а. О значении грамматической позиции в верхнелужицких диалектах (морфонологический аспект) . . . . .	59
Г.П. К л е п и к о в а. К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме (Карпато-балканский ареал) . . . . .	67
Л.Г. Н е в с к а я. К типологии пестрого в балто-славянском . . . . .	84
Э.И. З е л е н и н а. Из болгарской пчеловодческой терминологии. II. . . . .	90
С.М. Т о л с т а я. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. Д – И. . . . .	98

### КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

Вяч.Вс. И в а н о в. Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции . . . . .	132
В.Н. Т о п о р о в. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности . . . . .	142
Т.М. Н и к о л а е в а. Средства различия посессивных значений: языковая эволюция и ее лингвистическая интерпретация . . . . .	167
Т.Н. М о л о ш н а я. Посессивные синтаксические конструкции в сербско-хорватском языке . . . . .	179
Т.Н. М о л о ш н а я. Сложные и производные слова с посессивным значением в болгарском и сербскохорватском языках. . . . .	189
А.В. Г о л о в а ч е в а. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности . . . . .	192
Т.Н. С в е ш н и к о в а. Об одном способе выражения посессивности в румынском языке. . . . .	201
Е.И. Д е м и н а. Из болгарского исторического синтаксиса. З. Способы выражения посессивных отношений: действующее лицо – объект обладания в языке новоболгарских дамаскинов XVII в . . . . .	208
М.И. Е р м а к о в а. Категория посессивности в серболужицком языке. Некоторые особенности ее выражения . . . . .	220
З.М. В о л о ц к а я. К вопросу о pragматическом аспекте категории посессивности (ее роль в организации текста загадки) . . . . .	230
Т.В. Ц и в ь я н . Еще раз о гомер. φίλος в связи с проблемой посессивности	240

